

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2023

ТОМ 9

№ 2

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

23034 >

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2023. Том 9. № 2

NEOPHILOLOGY

2023, volume 9, no. 2

16+

Неофилология. 2023. Т. 9. № 2

Сквозной номер выпуска – 34

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и языки народов Российской Федерации (филологические науки); **5.9.3** – Теория литературы (филологические науки); **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России (филологические науки); **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология) (**категория К2**).

Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Политика журнала. Научно-теоретический журнал «Неофилология» включает научные статьи и рецензии, посвящённые результатам фундаментальных и прикладных исследований ведущих и молодых российских и зарубежных учёных в области языкознания, литературоведения, медиакоммуникаций и журналистики, а также культурологии. Основное содержание статей направлено на введение в научный оборот новых филологических и культурологических фактов и идей, обладающих общественной значимостью.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Главный редактор:

А.С. Шербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.С. Гегелова**, д. филол. н., доц. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Рацибурская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.В. Смеюха**, д. филол. н., доц. (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.С. Жарихина, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина

Дизайн обложки Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта М.А. Сенина

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписано в печать 02.05.2023. Дата выхода в свет 02.06.2023

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».

Печать на ризографе. Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 29,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 23132. Свободная цена.

Для цитирования: Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. 244 с. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2>

Материалы журнала доступны по лицензии **Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0** Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023

© Журнал «Неофилология», 2023

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

При перепечатке, при цитировании материалов, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несёт автор

Neophilology, 2023, vol. 9, no. 2

Continuous issue number – 34

Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia on the following fields of science: **5.9.1** – Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences); **5.9.3** – Theory of literature. Textology (philological sciences); **5.9.5** – Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences); **5.9.6** – Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences); **5.9.9** – Media Communications and Journalism (philological sciences); **5.10.1** – Theory and history of culture (culturology) (category K2).

Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”.

The mission of the journal. The scientific and theoretical journal “Neophilology” includes scientific articles and reviews on the results of fundamental and applied research by leading and young Russian and foreign scientists in the field of linguistics, literature studies, media communications and journalism and cultural studies. The main content of the articles is aimed at introducing into scientific circulation new philological and cultural facts and ideas of social significance.

All articles are checked in the “**Antiplaga**” program and **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

Editor-in-Chief:

A.S. Shcherbak, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation)

Academic Editor:

S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. habil. (Philology) (Moscow, Russian Federation)

Executive Editor:

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

V.G. Andreeva, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **N.S. Gegelova**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Dr. habil. (Philology), Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Dr. habil. (Culturology), Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ilchenko**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Dr. habil. (Culturology), Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Dr. habil. (Philology), Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Dr. habil. (Philosophy), Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Dr. habil. (Philology), Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **N.V. Rozenberg**, Dr. habil. (Philosophy), Professor (Penza, Russian Federation); **V.V. Smeyukha**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Rostov-on-Don, Russian Federation); **V.I. Suprun**, Dr. habil. (Philology), Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Dr. habil. (Education), Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Dr. habil. (Philology), Professor (Nanjing, People’s Republic of China); **A.L. Sharandin**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Dr. habil. (Education), Professor (Moscow, Russian Federation)

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

The mass media registration certificate ПИ no. ФЦ 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC “Ural-Press” is 80303

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Editors: Y.A. Biryukova, M.S. Zharikhina, M.I. Filatova

English texts editors: D.G. Samodurov, M.A. Senina

Cover design T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.A. Senina

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”.

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Signed for printing 02.05.2023. Release date 02.06.2023

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”.

Printed on risograph. Pr. sheet 30,5. Conv. pr. sheet 29,6.

Copies printed 1000. Order no. 23132. Free price.

For citation: Neophilology, 2023, vol. 9, no. 2, 244 p. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2>

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2023

© The journal “Neophilology”, 2023

Author’s articles do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

While reprinting, citing materials, including in electronic media, a reference to the journal is required.

The author is responsible for the contents of publications

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 234

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Русский язык в Казахстане	236
Венгранович М.А. Риторический потенциал фольклорного слова	249
Мартыненко И.А. О некоторых аспектах современной топонимической терминологии	257
Попов С.А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации	266
Салынова О.В. Этнолингвистические особенности рекламных текстов Калмыкии на русском языке	274
Серебrenникова Н.Г. Значение научных трудов профессора В.Г. Руделёва. Создание и развитие теории частей речи	284
Шарандин А.Л. Учение В.Г. Руделёва о предложении в контексте его фонологических идей	292
Жарков И.В., Колтунова Е.А. К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное	301

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Букина А.В. Социоисторическая перспектива как параметр лингвистического исследования (на материале агитационных плакатов США)	321
Худанян А.Н. Концепт гибких навыков в педагогическом дискурсе (на материале английского языка)	329

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванов Е.Е. Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы	338
Потанина Н.Л. Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи “post”	348

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Хорольский В.В. Ирония и юмор в публицистике как когнитивная стратегия (медийно-культурологические аспекты)	356
Трофимова Г.Н., Савастенко Р.А. Проблемы когнитивного дисбаланса в новостных сообщениях сетевых СМИ	365
Коноплёв Д.Э. Эксплуатация экономических страхов в публикациях российских СМИ: информационные сценарии	378
Аргылов Н.А., Полякова А.А. Репрезентация детского церебрального паралича в русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube	391
Барабаш В.В., Десюк М.В. Эмоциональная природа интонационного взаимодействия с аудиторией на радиовещании	405
Сун Юй, Чеснокова Н.И. Стилистика заголовков в рекламных текстах приёмных кампаний сквозь призму эмоционального интеллекта (аккаунты китайских университетов на медиаплатформе Weibo)	416
Прохоров А.В., Семишова Е.П., Пядышева Т.Г. Событийные коммуникации в условиях медиатизации: актуальные проблемы и сферы применения	427

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Житин Р.М., Топильский А.Г.** Экслибрис в книжном пространстве личных библиотек Центрального Черноземья конца XVIII – начала XX века 435
- Орлов-Давыдовский Г.А.** Исследования звуковой культуры в 60–70-х гг. XX века: историко-культурологический анализ 444
- Хаитова Ф.С.** Паремнологические единицы в общезыковой национальной картине мира 452
- Ишниязова Ш.А.** Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры 459

ПЕРСОНАЛИИ

- Тер-Минасова С.Г.** Эпоха – новый факультет (из истории факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова) 466

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Madiyeva G.B., Suprun V.I. Russian language in Kazakhstan	236
Vengranovich M.A. The rhetorical potential of the folklore word	249
Martynenko I.A. On some aspects of modern toponomastic terminology	257
Popov S.A. Regional toponymy as a material for the work of journalists of regional mass media	266
Salynova O.V. Ethnolinguistic features of advertising texts of Kalmykia in Russian language	274
Serebrennikova N.G. The significance of the scientific works of Professor V.G. Rudelev. Creation and development of the parts of speech theory	284
Sharandin A.L. V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the context of its phonological ideas	292
Zharkov I.V., Koltunova E.A. On the issue of methodological, organizational and staffing for the needs of forensic linguistic expertise: traditional and current	301

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Bukina A.V. Sociohistorical perspective as a parameter of linguistic research (based on us campaign posters)	321
Khudanyan A.N. The concept of soft skills in pedagogical discourse (on the material of the English language)	329

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Ivanov E.E. Emanation of L. Tolstoy's "folk thought" in the work of B. Okudzhava	338
Potanina N.L. Poetry V.G. Rudelev in the context of linguoecology of the "post" era	348

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Khorolsky V.V. Irony and humor in journalism as a cognitive strategy (media and cultural aspects)	356
Trofimova G.N., Savastenko R.A. Cognitive imbalance problems in news reports of media reports	365
Konoplev D.E. Exploitation of economic fears in Russian media publications: informational scenarios	378
Argylov N.A., Polyakova A.A. Representation of cerebral palsy in the Russian-language segment of YouTube video hosting	391
Barabash V.V., Desyuk M.V. The emotional nature of intonational interaction with the audience on radio broadcasting	405
Song Yu, Chesnokova N.I. Stylistics of headlines in advertising texts of admission campaigns through the prism of emotional intelligence (accounts of Chinese universities on the Weibo media-platform)	416
Prokhorov A.V., Semishova E.P., Pyadysheva T.G. Event communications in the conditions of mediatization: actual problems and applications	427

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Zhitin R.M., Topilsky A.G. Ex-libris in the book space of the personal libraries of the Central Chernozem region of the late XVIII – early XX century	435
--	-----

Orlov-Davydovsky G.A. Studies of sound culture in the 60s–70s of the 20th century: historical and cultural analysis	444
Khaitova F.S. Paremiological units in the general language national picture of the world	452
Ishniyazova Sh.A. Uzbek mentality in fictional work as a national culture source	459

PERSONALIA

Ter-Minasova S.G. Epoch – a new faculty (from the history of Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University)	466
---	-----

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1 + 811.272

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-236-248>

Шифр научной специальности 5.9.5

Русский язык в Казахстане

Гульмира Баянжановна МАДИЕВА¹ , Василий Иванович СУПРУН²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, просп. аль-Фараби, 71

²ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
40005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

 suprun@vspu.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу истории появления учебных заведений с преподаванием на русском языке на территории современного Казахстана. Кратко прослежена история высших и средних учебных заведений, благодаря которым был внедрён и успешно функционирует русский язык в Казахстане. Первая прогимназия была открыта в городе Верном 7 сентября 1876 г. Во многих станицах, посёлках, аулах были открыты начальные школы. После революции 1917 г. была образована Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика, в которой начала развиваться система образования. В 1925 г. она была переименована в Казахскую АССР. В русском языке возникла нежелательная омонимия: одинаково назывались тюркский народ и этнографическая группа (субэтнос) русского народа. Для её избегания казахский звук [к] в слабой позиции конца слова был в русском языке отражён как [х]. В 1936 г. русское название народа и республики приобрели вид *казахи*, *Казахская АССР*. В казахском языке продолжали употребляться слова *қазақтар*, *Қазақстан*. В 1928 г. был создан Казахский государственный университет, через два года преобразованный в Казахский педагогический институт. Затем в столице Алма-Ате появился ещё ряд вузов. В 1934 г. состоялось открытие Казахского государственного университета. В 2007 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев предложил реализовать проект «Триединство языков», предусматривающий функционирование в стране трёх языков: казахского, русского и английского. Казахский язык включён в него как государственный, русский как язык межнационального общения, а английский как язык интеграции в мировую экономику и мировое сообщество. В настоящее время русский язык продолжает использоваться в коммуникативном пространстве Казахстана, он сохраняет свою роль как язык международных организаций: СНГ, ШОС, ОДКБ. Сохраняется роль русского языка в различных сферах: образовательных учреждениях Казахстана, научной среде казахстанских учёных, социальной и политической жизни.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативное пространство, коренизация, латиница, кириллица, русскоязычный, казахи, оралман

Для цитирования: Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Русский язык в Казахстане // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 236-248. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-236-248>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Russian language in Kazakhstan

Gulmira B. MADIYEVA¹ , Vasilii I. SUPRUN²

¹Al-Farabi Kazakh National University
71 Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

²Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, 40005, Russian Federation

 suprun@vspu.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the history of the emergence of educational institutions with teaching in Russian on the territory of modern Kazakhstan. The history of higher and secondary educational institutions, thanks to which the Russian language was introduced and successfully functions in Kazakhstan, is briefly traced. The first pro-gymnasium was opened in the city of Verny on September 7, 1876. Primary schools were opened in many villages, settlements, auls. After the revolution of 1917, the Autonomous Kirghiz Socialist Soviet Republic was formed, in which the education system began to develop. In 1925 it was renamed the Kazak ASSR. An undesirable homonymy arose in the Russian language: the Turkic people and the ethnographic group (sub-ethnos) of the Russian people were called the same. To avoid it, the Kazakh sound [к] in the weak position of the end of the word was reflected in Russian as [x]. In 1936, the Russian name of the people and the republic took on the form of the Kazakhs, the Kazakh ASSR. In the Kazakh language, the words Qazakhtar, Qazakhstan continued to be used. In 1928, the Kazakh State University was established, which was transformed into the Kazakh Pedagogical Institute two years later. Then a number of universities appeared in the capital of Alma-Ata. In 1934, the opening of the Kazakh State University took place. In 2007, the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev proposed to implement the “Trinity of Languages” project, which provides for the functioning of three languages in the country: Kazakh, Russian and English. The Kazakh language is included in it as the state language, Russian as the language of interethnic communication, and English as the language of integration into the world economy and the world community. At present, the Russian language continues to be used in the communicative space of Kazakhstan, it retains its role as the language of international organizations: the CIS, the SCO, the OCST. The role of the Russian language is preserved in various areas: educational institutions of Kazakhstan, in the scientific environment of Kazakh scientists, in social and political life.

Keywords: Russian language, communicative space, indigenization, Latin, Cyrillic, Russian-speaking, Kazakhs, Oralman

For citation: Madiyeva, G.B., & Suprun, V.I. Russian language in Kazakhstan. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):236-248. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-236-248>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

История распространения и витальности русского языка на территории Республики Казахстан объясняется рядом объективных факторов. Первоначально образование на территории нынешнего Казахстана осуществлялось в школах при ставках-ордах казах-

ских султанов, где муллы изучали с детьми Коран и учили их писать арабской вязью и считать в пределах сотни. В таком училище, например, в орде-зимовке Кунтимес получил начальные знания казахского, кыпчак-чагатайского, арабского и персидского языков известный российский и казахский учёный, путешественник и просветитель Чокан Чин-

гисович Валиханов (1835–1865). Но для обучения на русском языке казахи в те времена должны были выезжать в русские города. Осенью 1847 г. отец привёз 12-летнего Чокана в Омск, где он поступил в Сибирский кадетский корпус¹.

По мере возникновения постоянных поселений в Средней Азии в них стали открываться школы с преподаванием на русском языке. В городе Верном, который получил городской статус 11 апреля 1867 г., было открыто первое двухклассное городское училище на 100 человек. В нём совместно обучались мальчики и девочки. В 1893 г. училище было преобразовано в трёхклассное.

Первый генерал-губернатор Туркестанского края Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) озабочен открытием на вверенной ему территории среднего учебного заведения. Он обратился с прошением в правительство, его поддержало министерство просвещения, и в мае 1875 г. общее собрание Государственного совета «мнением положило» учредить в городе Верном прогимназию. «Таковое мнение Государственного совета Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить»².

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Для успешной работы учебного заведения необходимы были преподаватели. Подбор кадров был возложен на главного инспектора училищ Туркестанского края Александра Людвиговича Куна (1840–1888), будущего востоковеда и исламоведа [1, с. 76]. Он с успехом справился с заданием, 16 апреля 1876 г. штат верненской прогимназии был укомплектован. Первым гимназическим учителем русского языка в Казахстане стал преподаватель Кронштадтской гимназии Евгений Груздев.

¹ Бейсенбайұлы Ж. Чокан Валиханов: Историко-биографическое повествование. Астана: Фолиант, 2016. С. 154.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7: Царствование императора Александра II, 1877–1881. Спб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1883. С. 1018.

7 сентября 1876 г. на учёбу были приняты первые ученики: в подготовительный класс поступило 20 мальчиков, в первый – 25, во второй – 6 (всего 51 человек), среди них были и казахские дети. Военный губернатор Семиреченской области Герасим Алексеевич Колпаковский³ (1819–1996) позаботился о том, чтобы в прогимназию поступили 7 киргизов, как в те времена называли казахов. В 1877 г. при прогимназии был учреждён пансион, в котором «на казенно-коштном воспитании» жили русские и казахские мальчики. В первый год в нём проживало 16 казахских детей.

1 июля 1881 г. прогимназия была преобразована в гимназию. В 1885 г. в Верненскую мужскую гимназию поступает Сатылган Сабатаев, будущий выпускник Московского сельскохозяйственного института, первый казахский учёный-агроном [2, с. 231, 234]. В 1899 г. в Верненской мужской гимназии обучалось 260 учащихся. В начале XX века в пансионе при гимназии находилось 42 мальчика: 22 русских и 20 казахов и представителей других местных народов. Город стал центром повышения квалификации педагогических кадров для всего Туркестанского края, в нём в 1897 г. были организованы учительские курсы для педагогов церковных школ⁴. В 1899 г. в Верном было создано «Общество ревнителей просвещения», проводившее бесплатные публичные лекции, литературные вечера, занимавшееся организацией воскресных школ.

На русском языке велось преподавание в Верненском училище садоводства, полеводства и шелководства, которое основал и возглавил талантливый ботаник и педагог Оттон Оттонович Баум (1842–1892). С 1873 г. он служил главным садовником и заведующим Казённым садом в Верном. Известно, что в 1865 г. переселенец из Острогжского уезда Воронежской губернии Егор Васильевич Редько завёз в Верный несколько саженцев

³ Колпаковский Герасим Алексеевич // Казахстан: Национальная энциклопедия / гл. ред. Б. Аяган. Т. 3. Алматы: Гл. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 2005. С. 271.

⁴ Учительские курсы в городе Верном для учителей и учительниц церковных школ Туркестанской епархии. Верный, 1897. 43 с.

яблони сорта апорт, которые хорошо прижились на новом месте и стали давать устойчивые урожаи красивых и вкусных яблок. О верненских яблоках скоро узнала вся Россия, а в 1908 г. на Мангеймской выставке плодов в Германии эти яблоки, представленные Верненским училищем садоводства, получили высокую оценку [3]. Учились в этом училище и казахи: выпускник Абиир Туркебаев в 1902 г. открыл свою школу садоводства в урочище Курметы. В Верненском училище садоводства в 1908 г. было 20 воспитанников, их обучение оплачивалось из казны города.

На территории нынешнего Казахстана действовали и другие учебные заведения, в которых преподавание велось на русском языке: в городах Сергиополе, Капале, в станицах Мало-Алматинской, Сарканской, Софийской, в выселках Любовном, Илийском, Карабулакском, Надеждинском, Арасанском (приводятся исторические названия)⁵. В крупных поселениях были отдельные начальные школы для мальчиков и девочек, но юных казашек в них не было: их родители неодобительно относились к обучению девочек⁶. В Капале существовал также пансион для киргизских (казахских) мальчиков [4, с. 15-16]. Отмечалось, что муллам, на которых, как и на православных священников, возлагалась обязанность посещать народные школы по нескольку раз в неделю, содержание будет установлено не ниже тех окладов, которые назначаются другим преподавателям⁷.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В казахских, узбекских, татарских и других национальных школах действовали «Правила о мерах к образованию инородцев», принятые 26 марта 1870 г. Согласно

им, все народы Российской империи с точки зрения организации системы образовательных учреждений были распределены на три группы. К первой относились «достаточно обруселые» народы (украинцы и белорусы), преподавание которым в школах осуществлялось на русском языке. К третьей группе относились народы, давно имевшие письменность и национальные школы (грузины, армяне, немцы, поляки и др.), в них старались соблюдать баланс при преподавании родного и русского языков. Казахи, как и многие другие народы России, относились ко второй группе «весьма мало обруселых». В их школах первые два года обучение должно было осуществляться на родном языке, а в дальнейшем оно переводилось на русский [5, с. 18].

В 1913 г. на территории нынешнего Казахстана было 267 аульных русских и 157 смешанных русско-казахских школ. В Среднюю Азию, в отдалённые от центра места ссылались революционно настроенные выпускники университетов и студенты, которые часто преподавали русский язык в школах. Начиная с 80-х гг. XIX века в российских университетах стали учиться дети казахов. К 1917 г. на казахской земле было не менее 100 человек с высшим образованием. Появились казахи с научной степенью: Бахтыгирей Ахмедович Кулманов (1857–1919) в 1889 г. окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета с присвоением степени кандидата восточных наук [6]; Жакып Акпаев (1876–1934) в 1903 г. окончил юридический факультет того же университета с золотой медалью и дипломом I степени, что соответствовало магистру права [7, с. 157]. В 1908 г. дипломы Петербургского женского медицинского института получили Зейнаб Абдурахманова и Гульсум Джафаровна Асфендиарова (1880–1941), первые казахские женщины-врачи⁸. Все они были носителями русского языка, глядя на которых проявляли желание выучить язык русского народа и другие казахи. С.С. Тюрин отмечает, что российская государственная политика в сфере народного образования в этом крае «уже к

⁵ Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений. Начальные народные училища // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. 137. Современная летопись. С. 59-60.

⁶ Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений. Низшие училища. Начальные училища в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в октябре и ноябре 1878 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. 204. Современная летопись. С. 76.

⁷ Там же. С. 60-61.

⁸ Махмудов М. Первые женщины-врачи в дореволюционном Туркестане // Советское здравоохранение. 1988. № 8. С. 68-70.

концу XIX века позволила как беднякам-переселенцам, так и коренным этносам развивать собственную культуру и приобщаться к мировой цивилизации» [4, с. 106].

После революции 1917 г. некоторое время было не до развития языкового образования. На значительной территории нынешнего Казахстана и за её пределами в 1917–1919 (1920) гг. существовала Алашская автономия, или Алаш-Орда, в которой параллельно функционировали казахский и русский языки. 26 августа 1920 г. В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. Южная часть региона 30 апреля 1918 г. вошла в состав Туркестанской Советской Республики (ТСР, позже ТССР) в составе Российской Федерации. В ней казахи составляли 18,8 % населения. В 1921 г. город Верный был переименован в Алма-Ату. 27 октября 1924 г. северная часть ТСР с Алма-Атой вошла в состав Киргизской АССР. 15 июня 1925 г. Киргизская АССР была переименована в Казахскую АССР, столица была перенесена в город Ак-Мечеть, вскоре переименованный в Кызыл-Орду. В 1927 г. столицей автономии стала Алма-Ата.

В русском языке возникла нежелательная омонимия: одинаково назывались тюркский народ и этнографическая группа (субэтнос) русского народа (оба этнонима имели один и тот же тюркский этимон). Для её избегания казахский звук [к] в слабой позиции конца слова был в русском языке отражён как [х]. В феврале 1936 г. русское название народа и республики приобрели вид *казахи, Казахская АССР*. В казахском языке продолжали употребляться слова *қазақ, Қазақстан*. С принятием новой конституции СССР 5 декабря 1936 г. республика была преобразована в Казахскую Советскую Социалистическую Республику⁹.

Несмотря на открытие новых школ и развитие системы образования в республике, уровень грамотности у местного населения

был низким. В 1926 г. грамотность среди казахов составляла всего 6,9 % [8, с. 38; 9, с. 13]. После окончательного установления советской власти в Казахстане и осуществления культурной революции увеличивается число школ, появляются техникумы и вузы. В 1920 г. в Верном в здании реального училища была открыта 1-я трудовая школа. Инициатором выступил Д.А. Фурманов (1891–1926), который в это время был уполномоченным реввоенсовета в Семиречье и находился в Верном. 12–19 июня 1920 г. он участвовал в ликвидации восстания в местном гарнизоне, эти события он описал в повести «Мятеж»¹⁰. В этой книге одним из действующих лиц является Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925), командующий Туркестанским фронтом, выпускник верненского городского училища и местной гимназии. Они были дружны со времени встречи в Иваново-Вознесенске в 1917 г. После смерти М.В. Фрунзе Д.А. Фурманов написал большой очерк о нём¹¹.

В апреле 1924 г. в Казахской АССР было образовано общество «Долой неграмотность!». Однако к концу 1928 г. в республике было лишь 25 % грамотных среди всех жителей, а среди казахов – около 10 %. В 1930 г. был объявлен переход к всеобщему обязательному начальному обучению, а в 1931 г. было введено всеобщее обязательное семилетнее образование. В декабре 1931 г. Президиум ЦИК и СНК Казахской АССР ввели всеобщее обязательное обучение (всеобуч) для неграмотного трудящегося населения в возрасте от 15 до 50 лет.

Сложности для повышения грамотности среди казахов вызывали перемены алфавитов. В 1929 г. казахский язык был переведён с арабской графики на латинскую. Те казахи, которые могли читать арабскую вязь (арабицу), вновь стали фактически неграмотными, должны были заново осваивать новый алфавит. 10 ноября 1940 г. на 5-й сессии Верховного Совета Казахской ССР был принят проект нового алфавита на основе кириллицы,

⁹ Казахстан: Национальная энциклопедия. Т. 1. Алматы: Мәдени Мұра – Культурное наследие Казахстана, 2004. С. 42.

¹⁰ Фурманов Д.А. Чапаев; Мятеж. М.: Правда, 1985. 630 с.

¹¹ Советский военный рассказ / вступ. ст. Е.А. Глущенко. М.: Правда, 1988. 576 с.

который был разработан Сарсеном Аманжоловичем Аманжоловым (1903–1958). Это создало условия для более успешного овладения казахами русским языком. К 1935 г. обучением в Казахстане было охвачено 91 % детей школьного возраста, но лишь треть из них училась в семилетних и средних школах, казахских средних школ не было [10, с. 5].

В 1920–1930-е гг. была объявлена коренизация в политической и культурной жизни национальных республик СССР. На руководящие должности выдвигались представители местных национальностей, русские жители (европейцы, как писали в документах того времени) обязаны были изучить язык местного населения; делопроизводство, образование, СМИ переводились на языки коренных народов. Устанавливались должности, подлежащие обязательной коренизации, подсчитывались проценты соотношения казахов и русских на разных должностях в Казахстане. Те из европейцев (русских, украинцев, евреев и пр.), кто не проявлял должного рвения с коренизацией, объявлялись шовинистами, подвергались репрессиям¹².

В республике появляются высшие учебные заведения. В 1926 г. в Ташкентском высшем педагогическом институте был образован казахский факультет, который в 1928 г. был переведён в Алма-Ату, где на его базе был создан Казахский государственный университет, через два года он был преобразован в Казахский педагогический институт, в 1935 г. получивший имя великого казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева (1845–1904). В 1929 г. в столице был открыт зооветеринарный институт, через год – сельскохозяйственный, в 1931 г. – медицинский. В 1934 г. здесь состоялось открытие Казахского госуниверситета им. С.М. Кирова и Горно-металлургического института [11, с. 5].

19 марта 1937 г. был открыт Чимкентский государственный учительский институт. В нём с 1937 по 1941 г. прошли обучение 236 казахов, 163 русских, 41 кореец, 24 украинца, по 9 узбеков и татар, 1 еврей, 28 человек прочих национальностей. Им преподава-

ли 14 казахов, 11 русских, 4 корейца, 3 татарина, 2 еврея, 1 украинец, 1 узбек [10, с. 7].

Многие казахи уезжали учиться в вузы РСФСР. В 1933/1934 учебном году в России обучалось 3 тысячи студентов из Казахстана. Численность казахов, получивших высшее образование, с 1925 по 1939 г. выросла в 23 раза и составила 58 тысяч человек [10, с. 6]. Большинство из них хорошо владело русским языком.

В конце 1930-х гг. стало понятно, что новая мировая война неизбежна. В Германии и Италии набирал силы фашизм. В этих условиях возникла ясность, что войскам команды должны отдаваться на одном языке, они должны быть понятны воинам без переводчика. 13 марта 1938 г. в СССР было принято постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Оно было продублировано в Казахстане: 5 апреля 1938 г. было принято постановление ЦИК и СНК Казахской ССР «Об обязательном изучении русского языка в казахских школах». Это повысило число жителей республики, владеющих русским языком, но привело также к тому, что некоторые национальные школы в Казахстане переводились на программы русских школ [10, с. 6].

В годы Великой Отечественной войны казахстанцы участвовали во всех боях Красной (Советской) Армии, начиная с обороны Брестской крепости и заканчивая штурмом Берлина. За героизм, проявленный на фронте, боевыми орденами и медалями были награждены сотни тысяч воинов из Казахстана, в том числе 96638 казахов, из них 497 казахстанцев, в том числе 98 казахов были удостоены звания Героя Советского Союза. Русский язык был языком Победы.

В годы Великой Отечественной войны в Казахстан были эвакуированы граждане СССР из захваченных фашистами или расположенных в прифронтовой зоне территорий. По разным данным, их было от 400 тысяч человек до полумиллиона, в том числе 60 детских домов. Через города и сёла Казахстана прошло 155 эвакуогоспиталей. В республику были перебазированы около 300 предпри-

¹² Анушкин А. Из опыта коренизации в КазССР // Революция и национальности. 1930. № 7. С. 94-103.

ятий, 15 вузов и техникумов, около 20 научно-исследовательских институтов, свыше 20 культурно-просветительских учреждений.

Алма-Ата превратилась в кинематографическую столицу страны [11]. В 1941 г. на Алмаатинской киностудии разместились «Мосфильм» и «Ленфильм», на базе трёх киностудий была создана Центральная объединённая киностудия художественных фильмов, которая приступила к съёмкам кинофильмов под руководством знаменитых режиссёров Григория Рошала, Михаила Ромма, Сергея Эйзенштейна¹³.

Всё это привело к существенному расширению сферы использования русского языка в республике. Не все эвакуированные после войны вернулись в прежние места своего проживания. В 1950-е гг. в число русскоязычного населения влились новые переселенцы в связи с освоением целины. 27 марта 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счёт освоения целинных и залежных земель». Вскоре началось массовое переселение на целину, включая северные области Казахстана, жителей России, Украины, Белоруссии, Литвы и других республик европейской части СССР. Только по путёвкам ВЛКСМ на целину выехало более 350 тысяч добровольцев¹⁴. В целом население Казахстана за период с 1954 по 1959 г. выросло на 2 миллиона человек [12]. Это были в основном русскоязычные люди.

Произошли существенные изменения в этноязыковом составе населения республики. Если в 1937 г. казахи составляли 42,6 %, а русские – 37,4 % (ещё 10,7 % было украинцев), то по переписи 1959 г. процентный состав казахов уменьшился до 30 %, русских стало 42,7 %, украинцев – 8,2 %. Русский язык занимал всё более важное место в коммуникации казахстанцев. Он стал ведущим в

системе высшего и среднего образования, использовался в СМИ, бытовом общении. В Алма-Ате в конце 1980-х гг. было всего две казахские школы № 12 и № 86, а также на казахском языке осуществлялось преподавание в музыкальных школах-интернатах, где учились в основном дети из сёл и малых городов.

В.И. Беликов и Л.П. Крысин, анализируя языковую ситуацию и языковую политику в России и СССР, констатируют: «В послевоенные годы темпы индустриализации и урбанизации, начавшихся в национальных районах в 1930-е гг., постоянно возрастали. Промышленный пролетариат во многом (а в Средней Азии в основном) формировался за счёт русских, что делало постепенную языковую русификацию городов неизбежной. Особенно сильно это сказалось в Казахстане и Киргизии. Результатом массовых перемещений населения (к перемещениям 1940-х гг. добавилось освоение целинных земель) также была русификация, поскольку единственным кандидатом на язык-посредник в любых межэтнических контактах был русский... роль языка обучения переходила к республиканскому и частично к русскому, особенно в крупных городах, в первую очередь в столицах. В довоенное время большинство русских и других иммигрантов в национально однородных районах знали местные языки. Новые иммигранты не видели в этом нужды. Уже к 1974/1975 учебному году в ряде республик число русских школ превышало число национальных. На первом месте был Казахстан, где на русском языке учились 68 % школьников... В Казахстане и, в меньшей степени, в Киргизии русский язык в функциональном отношении заметно потеснил местные языки» [13, с. 398-403].

В 1970–1980-е гг. отмечается рост доли казахов в составе населения республики, что было связано с более высокой рождаемостью в казахских семьях, которая, хотя и постепенно снижалась, но существенно превышала рождаемость в славянских семьях: в 1985 г. на каждую казахскую семью приходилось 4,27 ребёнка. Сказались также миграционные процессы. В 1989 г. казахи занимали первое место в национальном составе Казахстана, их доля составила 39,7 %.

¹³ Казахстан: Национальная энциклопедия. Т. 3. Алматы: Мәдени Мұра – Культурное наследие Казахстана, 2005. С. 74-75.

¹⁴ Зеленев И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 121.

Существенные изменения в этнодемографической ситуации в республике произошли после распада СССР. Главной их причиной стали миграционные процессы. Страну покинули многие русские и русскоязычные жители, в Казахстан прибыли казахи (оралманы) из Китая, Монголии, Турции, Ирана, России, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и других стран [14, с. 103]. Наиболее значителен был отток немецкого населения, представители которого в основном появились на казахской земле в 1941 г. после депортации из Поволжья, Украины и других территорий СССР. В 1989 г. число казахстанских немцев приблизилось к 1 миллиону человек, однако уже на следующий год начинается их отъезд в Германию. На начало 2023 г. в Казахстане проживает всего около 172 тысяч граждан немецкой национальности. Следует заметить, что после периода оттока русскоязычного населения, продиктованного, прежде всего, мотивами экономического характера: «по данным Бюро национальной статистики РК, в январе–сентябре 2020 г. русские стали чаще эмигрировать в Казахстан, передает NUR.KZ. Согласно данным официальной статистики, в январе–сентябре 2020 г. на постоянное место жительства (ПМЖ) в Казахстан переехало 9233 человека. Это на 1235 человек больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Если рассматривать этнический состав иммигрантов, то львиная доля переезжающих на ПМЖ в Казахстан приходится на две нации – казахов (54 %) и русских (21 %) (<https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1885250-russkie-stali-case-emigrirovat-v-kazahstan/>)).

Естественно, что доля казахов в населении страны постоянно росла: 53,4 % (1999), 59,8 % (2008); численность русских сокращалась: 30 % (1999), 25 % (2008). По переписи населения 2009 г., казахи составили 63 % жителей Казахстана¹⁵, русские – 23,7 %, узбе-

ки – 2,8 %, украинцы – 2,1 %, уйгуры – 1,4 %, татары – 1,3 %, немцы – 1,1 %.

На начало 2023 г. в Казахстане проживает 13,3 млн казахов (70 %), в том числе около 1,5 млн оралманов (7,9 %), 3,4 млн русских (18 %), 640 тыс. узбеков (3,34 %), 283 тыс. уйгуров (1,48 %), 247 тыс. украинцев (1,29 %). Кроме того, в стране живут татары, немцы, азербайджанцы, турки, корейцы, дунгане, таджики, белорусы, курды, чеченцы, поляки, башкиры и около 200 тысяч представителей других народов. Всего в Казахстане проживает свыше 120 этносов (включая малые этнические группы).

Несмотря на существенные изменения в этнодемографической ситуации в стране, русский язык продолжает занимать важное место в коммуникативном пространстве Казахстана. На некоторых сайтах ошибочно заявлено, что с 1989 г. русский язык в Казахстане утратил государственный статус. В Советском Союзе не было государственного языка. Только в конституциях трёх закавказских республик была статья о государственных языках – азербайджанском, армянском и грузинском соответственно. В остальных 12 союзных республиках, включая Казахскую, законодательство о государственном языке отсутствовало. Русский язык выступал в качестве языка межнационального общения, добровольно выбираемого представителями разных народов для осуществления экономической, политической, законодательной, культурной и прочей деятельности в рамках единого многонационального государства.

16 декабря 1991 г. был принят и в тот же день вступил в силу конституционный закон № 1008-ХІІ «О государственной независимости Республики Казахстан». 28 января 1993 г. на IX сессии Верховного Совета Казахстана XII созыва была принята Конституция, в которой казахский язык определён как государственный. Ныне действующая Конституция Республики Казахстан была принята на всенародном референдуме 30 августа 1995 г.¹⁶ Статья 7-я устанавливает: 1. В Республике

¹⁵ Национальный состав, владение языками, гражданство, вероисповедание // Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: Аналитический отчёт / под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. С. 20-24.

¹⁶ История конституционализма в Казахстане // Казахстан: 20 лет независимости / под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 408 с.

Казахстан государственным является казахский язык. 2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. 3. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана. 11 июля 1997 г. был принят Закон Республики Казахстан № 151-І «О языках в Республике Казахстан», который более детально определяет употребление языков в стране. В 2007 г. Конституционный Совет разъяснил в своём постановлении: «Основной Закон предусматривает верховенство статуса государственного языка», при этом признаётся право обращения в государственные органы и на русском языке. До 2018 г. русский язык использовался наряду с казахским на банкнотах.

В 2007 г. в Послании народу «Новый Казахстан в новом мире» президент Нурсултан Абишевич Назарбаев предложил реализовать проект «Триединство языков», предусматривающий функционирование в стране трёх языков: казахского, русского и английского. Казахский язык включён в него как государственный, русский как язык межнационального общения, а английский как язык интеграции в мировую экономику и мировое общество.

Доля русских школ и русских отделений в вузах в образовательной системе страны постепенно стала сокращаться, а казахских возрастать. Уже в 1999/2000 учебном году на казахском языке обучались 50,6 % школьников, а на русском – 45 %. По данным переписи 2009 г., на русском языке свободно писали и читали 84,8 % казахстанцев, на казахском – 62 %, на английском – 7,7 %, устную русскую речь понимали 94,4 %, казахскую – 74 %, английскую – 15,4 %. В 2015/2016 учебном году из 459,4 тыс. студентов на казахском языке обучалось 62,7 %, на русском – 34,3 %, на английском – 3,0 %. В 2018 г. эти данные следующие: 76 % населения владеют казахским языком на различном уровне, 93 % – русским языком на различном уровне, 9 % – английским языком, 6 % – тремя языками (казахским, русским и английским).

В одном из своих интервью действующий президент Казахстана Касым-Жомарт

Токаев заявил: «Моя позиция – во-первых, должен быть казахский язык и русский язык. Они очень важны для наших детей. И только потом обучать английскому». В настоящее время во всех школах Казахстана английский язык преподаётся с третьего класса, русский язык в казахских школах – со второго класса. «По данным статистического сборника «Образование в Казахстане», публикуемого Бюро национальной статистики, в 2021–2022 гг. в стране функционировало 3847 школ с казахским языком обучения, 1259 школ с русским языком обучения, а также 2431 школа со смешанным языком обучения» (Azattyq Rýhy, 08.12.2022). При этом следует отметить, что школы со смешанным языком обучения – это школы, в которых обучаются дети на казахском и русском языках (в классах с русским или казахским языком обучения). Необходимо отметить также, что в определённой прессе констатируется факт об отмене преподавания русского языка в школах Республики, однако это миф, который не имеет никаких оснований. Этот миф был развеян: «Сообщение об отмене русского языка для первоклассников распространялось летом 2022 года. Предмет действительно отменили, об этом в июне в своём интервью сообщил Асхат Аймагамбетов. Но новшество, по словам министра, коснулось только школ и классов с казахским языком обучения и только учеников первого класса, то есть, начиная со второго класса, русский язык преподаётся в обычном режиме» (Azattyq Rýhy, 08.12.2022).

Данные переписи 2021 г. о владении русским языком в Казахстане пока не опубликованы, объявлено только, что 49,3 % населения в возрасте 5 лет и старше использует в повседневной жизни казахский язык, 19,9 % населения не владеет казахским языком. Предыдущая перепись показала, что наиболее распространённым языком в Казахстане был русский язык: 94,4 % населения понимает устную русскую речь, 84,8 % умеет читать и писать по-русски, в том числе 92,1 % казахов понимает по-русски. Из других народов Казахстана высокая степень владения русским языком (кроме славян) отмечалась у немцев (99 %), татар (98,4 %) и

корейцев (95,5 %) ¹⁷. Можно отметить, что большинство русскоязычных в стране составляют не русские люди, а казахи и представители других национальностей. Э.Д. Сулейменова отмечает: «Большая часть учеников – это билингвы, и степень владения языком может быть различной» [14, с. 106].

Исследователи обнаруживают в русском языке, функционирующем в Казахстане, употребление слов казахского происхождения [15, с. 27]. Прежде всего, это наименования реалий национального характера, имена собственные (географические названия, урбанонимы, этнонимы, антропонимы). Данный факт является естественным для коммуникативной реализации разновидности русского языка в инонациональной среде [16].

ВЫВОДЫ

Оценивая тенденции развития этноязыковой ситуации в Казахстане, мы не можем прогнозировать медленное сокращение сферы использования русского языка, замены его казахским, а в некоторых сферах – и английским языком. Русский язык активно используется во всех социальных сферах, порой в ущерб казахскому языку. Будет ли в некоторой степени снижению функционирования русского языка способствовать планирующийся в 2025 г. переход алфавита казахского языка с кириллицы на латиницу? Вопрос, который в настоящее время ждёт своего ответа. Неоднократно за это ратовал первый президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев, который ещё 14 декабря 2012 г. высказался о необходимости введения латиницы, которая превратит казахский «в язык современной информации». Активная фаза перехода от кириллицы к латинице

была им объявлена 12 апреля 2017 г. Однако до сих пор новая версия казахского алфавита не внедрена в жизнь, остаётся проектом. Это свидетельствует о сложности перехода с одного устоявшегося алфавита на новый в связи с различными объективными факторами. Как показывает опыт соседних Узбекистана и Туркменистана, ранее перешедших на латиницу, это привело к снижению уровня владения русским языком в этих странах (хотя, разумеется, были и другие причины падения уровня владения русским языком в данных республиках).

Однако в целом можно констатировать, что русский язык продолжит использоваться в коммуникативном пространстве Казахстана, он сохранит свою роль как язык международных организаций, в которые входит страна: СНГ, ШОС, ОДКБ. Сохранится роль русского языка в образовательных учреждениях Казахстана, в научной среде казахстанских учёных. Э.Д. Сулейменова полагает, что русский язык «останется престижным языком для получения среднего образования, языком, знание которого является надёжным капиталом, обеспечивающим выход в более широкое информационное, культурное и экономическое пространство. Более того, русский язык не утрачивает своей функциональной значимости и по-прежнему является неотъемлемой частью духовной культуры казахстанского общества» [14, с. 106].

В целом, однако, прогнозы – дело мало надёжное: многое резко меняется в нашем мире в связи со сложными отношениями между странами, с появлением новых и ослаблением прежних центров влияния, с неустойчивой политической обстановкой в мире. Но и в этих условиях вряд ли удастся исключить русский язык из общения народов разных стран. Ведь русский язык был, есть и будет языком мира и дружбы, языком межкультурной коммуникации.

¹⁷ Национальный состав, владение языками, гражданство, вероисповедание. С. 20-24.

Список источников

1. Султонов У.А. Русский востоковед А.Л. Кун и его коллекция исторических документов мазара Ахмада Йасаи // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 76-83. <https://elibrary.ru/sjgaqz>
2. Удербаетова С.К. Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик Сабатаев Сатылган // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. ст. 9 Междунар. науч.-

- практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2014. С. 231-235. URL: <https://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/17702/92/3/0/2014/>
3. Леви́на М.П., Каце́йко А.Н. Алмаатинский апорт. Алма-Ата: Кайнар, 1977. 107 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007662959>
 4. Тюри́н С.С. Образ города Верного (Алматы) в дореволюционных журналах исторической тематики в России (1854–1917 гг.). Чебоксары: ООО «ИД «Среда», 2021. 124 с. <https://doi.org/10.31483/a-10273>, <https://elibrary.ru/xrwqjx>
 5. Помелов В.Б. Просвещение нерусских народов Вятского края (XIX – начало XX в.). Киров: Изд-во Вят. гос. ун-та, 2018. 219 с. <https://elibrary.ru/vuiegm>
 6. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОСПЭН, 2008. 460 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004127709>
 7. Тлепина Ш. Ж. Акпаев: неизвестная автобиография // Право и государство. 2018. № 3-4 (80-81). С. 155-172. <https://elibrary.ru/zakplf>
 8. Аманжолова Д.А. Языковая политика и культура управленцев Казахской АССР. 1920–1936 гг. // Российские регионы: взгляд в будущее: Научно-практический журнал. 2016. Т. 3. № 2. С. 36-61. <https://elibrary.ru/vzqgth>
 9. Amanzholova D. Language policy and management class formation in the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic. 1920–1936 years // Вестник. Серия историческая. 2018. № 1 (88). С. 12-19. URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/174/182/>
 10. Алтаев А.Ш., Жумагулов Б.С. Культурная революция и создание системы учреждений образования в южном Казахстане // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая: Серия: Исторические и социально-политические науки. 2015. № 1 (44). С. 4-8. URL: http://sp.kaznpu.kz/docs/jurnal_file/file20190506023106.pdf
 11. Игнатьева Л.Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4 (37). С. 38-40. <https://elibrary.ru/rdpjpf>
 12. Вережанин Т.Г. 60 лет целинной эпопеи: этапы, значение // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15625> (дата обращения: 21.12.2022).
 13. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 436 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000716222>
 14. Сулейменова Э.Д. Языковая политика и русский язык в школах Казахстана // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 1. С. 102-107. <https://elibrary.ru/ldhjtz>
 15. Сандыбаева Н.А., Дмитриук Н.В. Русский язык в Казахстане: статус, реалии, витальность, тенденции // Научные известия. 2019. № 16. С. 24-29. <https://elibrary.ru/csaufx>
 16. Мезуляник Й., Супрун В.И. О разновидностях русского языка за рубежом // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм: материалы Межвед. науч.-теор. конф. Вып. 1. Ч. 2. Харьков: Изд. науч. мед. о-ва, 1991. С. 458-459. <https://elibrary.ru/woioyh>

References

1. Sultonov U.A. Russian orientalist Alexander Kun and his collection of historical documents related to mazar of Ahmad Yasawy. *Vostochnyi arkhiv = Oriental Archive*, 2014, no. 1 (29), pp. 76-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjgaqz>
2. Uderbaeva S.K. Kazakhskii chinovnik Semirech'ya, vostokoved, agronom, perevodchik Sabataev Satylgan [Kazakh official of Semirechye, orientalist, agronomist, translator Sabataev Satylgan]. In: Kornilov G.E., Labuzov V.A. (academ. eds.). *Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Rossiiskaya derevnya v XVIII–XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie»* [Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference “The Russian Village in the 18th–21st Centuries: Sociocultural Dimension”]. Orenburg, Orenburg State Agrarian University Publishing Center, 2014, pp. 231-235. (In Russ.) Available at: <https://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/17702/92/3/0/2014/>
3. Levina M.P., Katseiko A.N. *Almaatinskii aport* [Almaty Aport]. Alma-Ata, Kainar Publ., 1977, 107 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007662959>
4. Tyurin S.S. *Obraz goroda Vernogo (Almaty) v dorevolutsionnykh zhurnalakh istoricheskoi tematiki v Rossii (1854–1917 gg.)* [An example of the City of Verny (Almaty) in Pre-Revolutionary Journals of Covers in

- Russia (1854–1917)]. Cheboksary, “Publishing House “Sreda”, LLC, 2021, 124 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/a-10273>, <https://elibrary.ru/xrwqjx>
5. Pomelov V.B. *Prosveshchenie nerusskikh narodov Vyatskogo kraia (XIX – nachalo XX v.)* [Enlightenment of the non-Russian Peoples of the Vyatka Region (19th – early 20th centuries)]. Kirov, Vyatka State University Publ., 2018, 219 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vuiegm>
 6. Protasov L.G. *Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere ehpokhi* [People of the Constituent Assembly: a Portrait in the Interior of the Era]. Moscow, RUSSPEN Publ., 2008, 460 s. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004127709>
 7. Tlepina Sh. Zh. Akpayev: an unknown autobiography. *Pravo i gosudarstvo = Law and the State*, 2018, no. 3-4 (80-81), pp. 155-172. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zakplf>
 8. Amanzholova D.A. Yazykovaya politika i kul'tura upravlentsev Kazakhskoi ASSR. 1920–1936 gg. [Language Policy and Culture of the Administration of the Kazakh ASSR. 1920–1936]. *Rossiiskie Regiony: vzglyad v budushchee = Russian Regions: Looking into the Future*, 2016, no. 2, pp. 37-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzqgth>
 9. Amanzholova D. Language policy and management class formation in the Kazakh Auto-nomous Soviet Socialist Republic. 1920–1936 years. *Vestnik. Seriya istoricheskaya = Journal of History*, 2018, no. 1 (88), pp. 12-19. (In Russ.) Available at: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/174/182/>
 10. Altaev A.Sh., Zhumagulov B.S. Kul'turnaya revolyutsiya i sozdanie sistemy uchrezhdenii obrazovaniya v yuzhnom Kazakhstane [Cultural revolution and the creation of a system of educational institutions in southern Kazakhstan]. *Vestnik Kazakhskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya: Seriya "Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki"* [Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abay: Series “Historical and Socio-Political Sciences”], 2015, no. 1 (44), pp. 4-8. (In Russ.) Available at: http://sp.kaznpu.kz/docs/jurnal_file/file20190506023106.pdf
 11. Ignat'eva L.N. Migration process in the soviet socialist republic of Kazakhstan during World War 2 (1941–1945). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2005, no. 4 (37), pp. 38-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rdpjpf>
 12. Vereshchagin T.G. 60 years of the virgin epic: stages, meaning. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 6. (In Russ.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15625> (accessed: 21.12.2022).
 13. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001, 436 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000716222>
 14. Suleimenova Eh.D. Language policy and the Russian language in Kazakhstan schools. *Vestnik TSMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology], 2010, no 1, pp. 102-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ldhjtz>
 15. Sandybaeva N.A., Dmitryuk N.V. Russian language in Kazakhstan: status, realities, vitality, trends. *Nauchnye izvestiya = Scientific News*, 2019, no. 16, pp. 24-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/csaufox>
 16. Mezulanik I., Suprun V.I. O raznovidnostyakh russkogo yazyka za rubezhom [About the varieties of the Russian language abroad]. *Materialy mezhvedomstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferencii «Lingvistika: Vzaimodeistvie kontseptsii i paradigm», vyp. 1, ch. 2* [Materials of the Interdepartmental Scientific-Theoretical Conference “Linguistics: Interaction of Concepts and Paradigms”, Issue 1, pt. 2]. Kharkiv: Kharkiv Institute of Mechanization and Electrification of Agriculture Publ., 1991, pp. 458-459. (In Russ.) <https://elibrary.ru/woioyh>

Информация об авторах

Мадиева Гульмира Баянжановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и европейских языков, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-3198-0024>, ScopusID: 57148340900, gbmadiyeva.kz@gmail.com

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, общая концепция статьи, написание части текста статьи.

Information about the authors

Gulmira B. Madiyeva, Dr. habil. (Philology), Professor, Head of General Linguistics and European Languages Department, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-3198-0024>, ScopusID: 57148340900, gbmadiyeva.kz@gmail.com

Contribution: literature search and analysis, main study conception, part of manuscript text drafting.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, ScopusID: 57194794579, ResearcherID: GZL-3822-2022, suprun@vspu.ru

Вклад в статью: идея, обзор данных, обработка и редактирование материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 17.01.2023

Одобрена после рецензирования 10.04.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Vasilii I. Suprun, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language and Methods of its Teaching Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>, ScopusID: 57194794579, ResearcherID: GZL-3822-2022, suprun@vspu.ru

Contribution: idea, data review, processing and editing material, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received January 17, 2023

Revised April 10, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-249-256>

Шифр научной специальности 5.9.5

Риторический потенциал фольклорного слова

Марина Александровна ВЕНГРАНОВИЧ

АНО ВО «Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского»
445028, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти, ул. Революционная, 74

✉ wmaphil@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу целого комплекса факторов, обуславливающих формирование риторических свойств фольклорного слова как ключевого компонента традиционного фольклорного текста. Актуальность исследования видится в имеющемся несоответствии между устойчивым характером фольклорного слова как единицы традиционной культуры и его резонирующей силой, вызывающей эмоциональную отзывчивость аудитории и обеспечивающей риторический потенциал слова в народной культуре, что требует научного осмысления. В ходе исследования выявлены и обоснованы значимые факторы, влияющие на формирование риторических свойств традиционного слова. Отмечается, что фольклорное слово, как и любое слово в традиционной культуре, обладая высокой степенью обобщения и семантической целостности, порождает у реципиента особое эстетическое чувство, базирующееся на глубинном знании общей традиционной культуры. За счёт содержательного динамизма фольклорное слово приобретает способность воздействовать на исполнителей и аудиторию, возбуждать в них чувства сопричастности к общему для данного языкового коллектива идеалу. В условиях устной формы бытования, существования традиционного слова в предметно-эстетизированной среде, непрерывности фольклорного творческого акта, особого характера коммуникации, базирующейся на синхронности процесса исполнения и восприятия текста, одновременности переживаний исполнителя и слушателя, обеспечивающих активность восприятия фольклорного произведения, при условии общности фольклорной традиции у исполнителя и реципиента традиционному фольклорному слову обеспечивается возрастание риторического потенциала и в конечном итоге – сохранение фольклорной традиции.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный текст, фольклорная традиция, устная форма бытования слова, фольклорная семиосфера, фольклорная коммуникация, коллективная форма восприятия, единство творческого акта, риторический потенциал фольклорного слова

Для цитирования: Венгранович М.А. Риторический потенциал фольклорного слова // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 249-256. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-249-256>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The rhetorical potential of the folklore word

Marina A. VENGRANOVICH

Volga Academy of Education and Arts named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow
74 Revolutsionnaya St.,ogliatti, 445028, Samara region, Russian Federation
 wmaphil@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of a whole complex of factors that determine the formation of the rhetorical properties of a folklore word as a key component of a traditional folklore text. The relevance of the study is seen in the existing discrepancy between the stable nature of the folklore word as a unit of traditional culture and its resonant power, which causes emotional responsiveness of the audience and provides the rhetorical potential of the word in folk culture, which requires scientific understanding. In the course of the study, significant factors influencing the formation of the rhetorical properties of a traditional word were identified and substantiated. It is noted that a folklore word, like any word in traditional culture, having a high degree of generalization and semantic integrity, gives rise to a special aesthetic feeling in the recipient, based on a deep knowledge of the common traditional culture. Due to the meaningful dynamism, the folklore word acquires the ability to influence the performers and the audience, to arouse in them a sense of belonging to the ideal common for a given linguistic community. Under the conditions of the oral form of existence, the existence of a traditional word in a subject-aesthetized environment, the continuity of a folklore creative act, the special nature of communication based on the synchronism of the process of performing and perceiving the text, the simultaneity of the experiences of the performer and the listener, ensuring the active perception of a folklore work, subject to the common folklore tradition the performer and recipient of the traditional folklore word is provided with an increase in rhetorical potential and, ultimately, the preservation of the folklore tradition.

Keywords: folklore, folklore text, folklore tradition, oral form of existence of the word, folklore semiosphere, folklore communication, collective form of perception, unity of the creative act, rhetorical potential of the folklore word

For citation: Vengranovich, M.A. The rhetorical potential of the folklore word. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):249-256. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-249-256>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В современной гуманитарной парадигме знания, исследующей продукты речевой деятельности человека, риторический потенциал слова исследуется не только в аспекте теории коммуникации, теории речевого воздействия и манипулирования, но и в историческом ракурсе – в аспекте влияния античного риторического канона, классической теории риторической аргументации и риторической критики. Тем не менее риторический потенциал слова в народной культуре, которое, будучи

по своему характеру единицей традиционной культуры, обладало большой резонирующей силой и вызывало эмоциональную отзывчивость аудитории, практически не исследовался.

Риторический потенциал фольклорного слова формируется в условиях устного словесного творчества, являющегося носителем культуры языкового коллектива. Как пишет Ю.В. Рождественский, «культурное содержание, представленное в текстах устной словесности, общезначимо, воспроизводимо из поколения в поколение и распространяется на каждого члена общества» [1, с. 33]. И да-

лее: «устно-речевая культура, приобщение к которой является обязательным для членов языкового сообщества, представлена текстами устной словесности» [1, с. 33]. Языковое сообщество, обладая коллективным (фольклорным) сознанием, вырабатывает и отражает в текстах устной словесности общие культурные нормы, особую предметную эстетизированную среду, формирует особый тип коммуникации со своим речевым этикетом и определением «правил житейского поведения» [2, с. 29], а также особым типом коллективного восприятия слова, которые в совокупности и формируют особый риторический потенциал фольклорного слова.

Как отмечают многие из исследователей словесных артефактов народной культуры, слово в традиционном тексте обладает большой обобщающей силой и содержательной целостностью, в силу чего является означающим для целого ментального комплекса. Очень важно заметить, что наличие обобщённого многовековым опытом народа семантического комплекса (содержательной синкреты традиционного слова) ни в кой мере не снижает его суггестивного потенциала и обеспечивает особый механизм его воздействия на слушателя.

Л.В. Савельева, исследуя эстетическую философию русского слова, выделяет два её общих принципа: «во-первых, это жизненная сила, проявляющаяся как в естественной гармонии красок, порождающей эстетическое чувство, так и в самом выразительном цвете радужного спектра, и, во-вторых, изначальная, ещё языческая связь идеи прекрасного с идеей светлого, доброго, этического начала, многократно усиленная православным сознанием. Именно на этих двух принципах зиждется эстетика художественных типов и народной поэзии, и всей русской классической литературы» [3, с. 52].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Словесная народная культура, базовым принципом которой является воспроизведение созданных коллективным автором (народом) текстов, не только отражает в глубинной структуре традиционного текста особый

эстетически переосмысленный опыт его создателей, но и воспроизводит особые механизмы подключения слушателей к общей для них традиции через ключевые семантические компоненты, тем самым (как ни парадоксально!) формируя его риторический потенциал и обеспечивая особые риторические свойства стереотипных, общих мест в традиционном текстовом континууме. Каким же образом традиционное слово воздействовало на аудиторию?

Ответ на данный вопрос обуславливает актуальность обращения к изучению риторического аспекта функционирования фольклорного слова и отдельного рассмотрения факторов, которые и определяют его воздействующий (риторический) потенциал.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показали наши исследования, риторический потенциал фольклорного слова, являющегося частью традиционной культуры и феноменом фольклорной семиосферы, формируется под воздействием целого ряда факторов, среди которых мы выделяем следующие: устная форма существования фольклорного текста, специфический характер коммуникации в фольклоре, «активность и коллективность восприятия в фольклоре», «общность фольклорной традиции у исполнителя и адресата» [4, с. 62], непрерывность (синхронность) актов исполнения и восприятия фольклорного текста [4, с. 89], непрерывность фольклорного творческого акта и существование фольклорного слова в предметно-эстетизированной среде.

Устная форма существования (воспроизведения) фольклорного текста детерминирует естественный синкретизм фольклорного слова, обусловленный многоканальностью (сочетанием в слуховом восприятии речи нескольких каналов – мелодического, словесного и визуального) его восприятия. Это мотивирует особый характер эстетических качеств фольклорного слова и эстетического переживания самих слушателей, которые воспринимают фольклорное слово в органическом сочетании с внетекстовыми элементами (тональными и ритмическими оберто-

нами, напевом и другими элементами). В этой связи при восприятии фольклорного слова требуется особая комплексная способность восприятия, которую В.Е. Гусев определяет как «недифференцированные синхронные слуховые и зрительные реакции» [5, с. 84], или синестезия, что в немалой степени обеспечивает устному традиционному слову особые риторические свойства для воздействия на аудиторию.

Другими факторами, связанными с устной формой существования фольклорного слова, влияющими на увеличение его риторического потенциала, являются **специфический характер коммуникации** в фольклоре и связанная с этим признаком **активность и коллективность восприятия** фольклорного слова.

Коммуникация в фольклоре (в отличие от художественной коммуникации) характеризуется такими базовыми чертами, как предназначенность информации вполне определённого слушателю и связанная с этим синхронность процессов исполнения текста (произнесение слова) и его восприятия реципиентом. В этой ситуации вполне определённая и ощущаемая «адресность» фольклорного слова заставляет слушателей эмоционально подключаться к тексту, усиливая тем самым риторический эффект от передаваемой художественной (в основе своей традиционной) информации.

При этом можно отметить ещё один фактор усиления риторических свойств фольклорного слова в традиционном тексте – это присутствие в акте фольклорной коммуникации **массового слушателя** (зрителя), который способен оказать обратное воздействие на само исполнение фольклорного текста. Иными словами, при исполнении фольклорного текста в присутствии массового зрителя (слушателя) исполнитель может определённым образом «реагировать» на поведенческие реакции реципиента, внося (в соответствии с традицией) изменения в структуру текста (варьируя вербальные и невербальные, внетекстовые элементы), тем самым усиливая его воздействующий (риторический) потенциал. «В этом случае **активность восприятия** фольклорного произведения

проявляется (в отличие от аналогичного процесса в художественной коммуникации) в непосредственном соучастии в творческом процессе слушателей-зрителей, которые выступают не просто как потребители стабильного текста, а как соавторы, отбирающие, дающие ему жизнь, осмысляющие и затем воспроизводящие новый вариант текста в следующем акте фольклорной коммуникации» [6, с. 140].

Это формирует условия для **непрерывности творческого акта** в фольклорной среде, представляющей единый творческий коллектив, создающий непрерывный процесс зарождения, развития и воспроизведения коллективных, прошедших эстетическую обработку в рамках общей традиции текстов. В итоге – многократное усиление риторических свойств фольклорного слова в структуре традиционного текста.

Однако в этой связи естественным образом возникает вопрос: каким же образом **общность фольклорной традиции** становится фактором возрастания суггестивных свойств фольклорного слова? Можно провести в качестве аргументации понимание Ю.М. Лотманом специфики воздействия на слушателя канонического (автокоммуникационного) текста, который представляя собой высоко урегулированную систему, особым образом приводит в действие имеющиеся в воспринимающем сознании общие, заложенные традицией, и частные (личные), возникшие на основе личного опыта ассоциации. Формирующих в комплексе своеобразный аналог фоновых знаний. Всё это способствует приращению к передающейся в фольклорном слове традиционной информации внетекстовых смыслов, образующих в конечном итоге фундамент для возрастания суггестивных свойств фольклорного слова.

Итогом этого можно считать образование парадоксальной с точки зрения риторических качеств неканонического текста ситуации – канонический текст не только не будет бояться штампов, а «проявит тяготение к превращению текстов в штампы и отождествлению «высокого», «хорошего» и «истинного» со «стабильным», «вечным» – то есть штампом» [7, с. 40].

Этот же механизм можно наблюдать и в традиционном фольклорном тексте вне зависимости от его жанровой принадлежности, в котором фольклорное слово, будучи базовым компонентом фольклорного текста, выступает в функции возбудителя внетекстовой информации, находящейся в обширной в смысловой зоне фольклорной традиции. Именно связью с обширной смысловой зоной общей традиции обеспечивается риторический потенциал ключевых компонентов фольклорного текста (его базовых эстетических «штампов»), которые «поэтически неисчерпаемы и активны в том смысле, что они виртуально удерживают, захватывают фрагменты культурного континуума, останавливают многослойную текучесть смыслов, фиксируя и сохраняя их» [8, с. 32].

Таким образом, отмечаем, что риторические свойства фольклорного слова формируются в большой степени за счёт содержательного динамизма, в результате которого оно (фольклорное слово) приобретает способность воздействовать на исполнителей и аудиторию, «оно способно тронуть, взволновать исполнителей и аудиторию, возбудить в них чувства причастности к идеалу, переживаемому всеми и общему для всех» [6, с. 141].

В этом видится особая эстетическая миссия фольклорного слова – быть связующим эстетическим звеном между исполнителями и слушателями и самой традицией, отраженной как в традиционных текстах, так и в других реалиях традиционной эстетизированной среды. «Поэтому резонирующая сила их [фольклорных слов] зависит от степени традиционного тезауруса участников фольклорной коммуникации, то есть от богатства традиционных смыслов и идеалов, которые способен возбудить традиционный текст» [6, с. 142].

Таким образом, чтобы с помощью традиционного (коллективного) слова выразить собственное, личное чувство, исполнитель использует в воспроизводимом им варианте текста «общие места» (так называемые фольклорные топосы) и более того – именно в них он видит источник для творчества и эмоционального подъёма (так же как и слушатель, являющийся соучастником коллектив-

ного творческого акта). Восприятие слова в этих условиях, как отмечает К.В. Чистов, «не просто синтезирование логического смысла, а сложный процесс сопереживания, воображения, домысливания и т. д.» [9, с. 312].

Следующим фактором, играющим большую роль в возрастании риторического потенциала традиционного фольклорного слова, является существование этого слова в **предметно-эстетизированной среде** (определяемой нами через понятие **фольклорная семиосфера**, «являющейся и результатом, и условием развития устной народной культуры») [10, с. 61]. По Ю.М. Лотману, «вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка», поскольку только будучи погружённым в семиотическое пространство и в силу взаимодействия с этим пространством «язык способен функционировать» [7, с. 164-165].

Этот фактор в большей степени актуален для фольклора, так как изоляция фольклорного слова от эстетически заданных условий его естественного существования лишает его не только значимой части художественных качеств, но и способности воздействовать на слушателей, эмоционально и эстетически обогащая их.

В этой связи следует заметить, что риторический потенциал фольклорного слова будет существенно изменяться при произнесении его вне привычных условий (природных, бытовых, социальных и эстетических). Это можно наблюдать не только в условиях развития международного туризма, когда фоновые знания слушателей формировались в иной культурной среде, под воздействием иных культурных кодов, но и при смене поколений, разделённых условиями социальной среды и языковыми «барьерами».

Об этом пишет и В.Е. Гусев: «Причитание, исполненное вне похоронного, поминального или свадебного обряда, может вызывать чувство неловкости и во всяком случае не способно возбудить тот комплекс чувств, какие оно по своей бытовой функции и эстетической природе стремится выразить. Народная колыбельная песня, пропетая на улице, может вызвать комический эффект... То, что в условиях родового строя вызывало страх, позже может восприниматься как сво-

бодная игра фантазии. То, что настраивало на серьёзный лад в условиях патриархального быта, может вызвать смех у современного человека» [5, с. 88-89].

Таким образом, существование и произнесение фольклорного слова в привычной для него предметно-эстетизированной среде многократно усиливает его эмоциональное воздействие и восприятие аудиторией, что приводит к возрастанию риторического потенциала традиционного фольклорного слова.

ВЫВОДЫ

Резюмируем (рис.1). Фольклорное слово, являясь частью обширной смысловой зоны фольклорной традиции, оказывает на реци-

пиента не меньшее воздействие, чем литературное слово. Формирование его риторических свойств в континууме традиционного текста обусловлено целым рядом факторов, среди которых мы отмечаем устную форму существования фольклорного слова, обеспечивающую восприятие фольклорного слова в органическом сочетании с внетекстовыми элементами; специфику фольклорной коммуникации и связанную с ней коллективную форму восприятия фольклорного слова, создающие параллельность и одновременность переживаний исполнителя и слушателя; существование фольклорного текста в предметно-эстетизированной среде и общность фольклорной традиции, многократно усиливающей воздействие на слушателя.

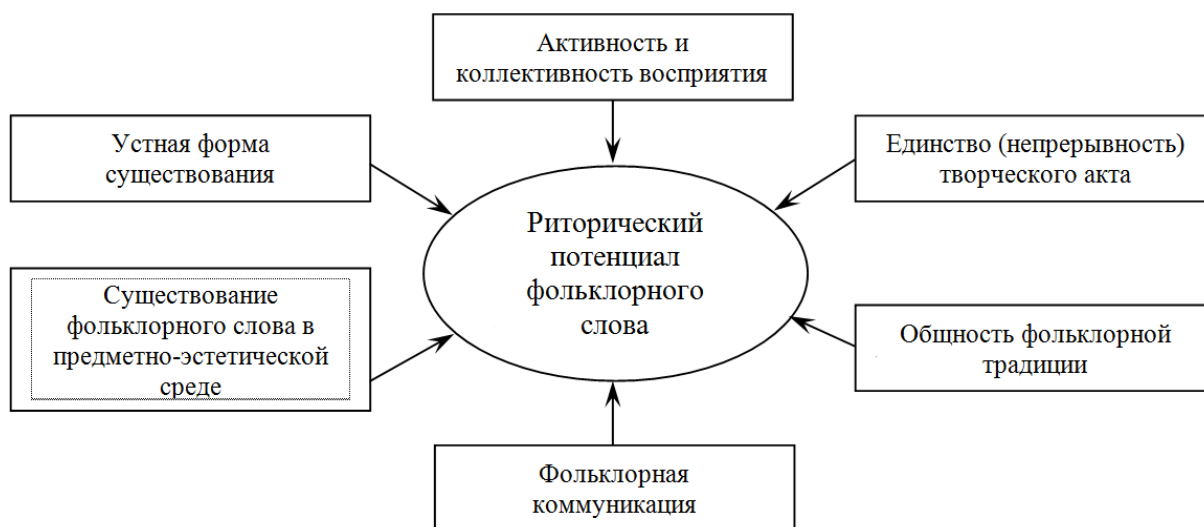

Рис. 1. Риторический потенциал фольклорного слова

Fig. 1. The rhetorical potential of the folklore word

Список источников

1. Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с. URL: https://www.studmed.ru/rozhdestvenskiy-yuv-obschaya-filologiya_45c3d17004d.html
2. Аннушкин В.И. Основы русской филологии: курс лекций. М.: ФЛИНТА, 2014. 128 с. URL: https://www.phantastike.com/ru/osnovy_russkoy_filologii/pdf/
3. Савельева Л.В. Эстетическая философия русского слова в фольклорной и книжной традициях // Язык и поэтика фольклора. Докл. Междунар. конф. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2001. С. 44-52. <https://search.rsl.ru/ru/record/01000741246>
4. Венгранович М.А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Тольятти, 2006. 448 с. <https://elibrary.ru/norkeve>

5. Гусев В.Е. О специфике восприятия фольклора (К проблеме синестезии в искусстве) // Творческий процесс и художественное восприятие. Л.: Наука, 1978. С. 79-90. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007799709>
6. Венгранович М.А. Стилистика фольклорного текста. Тольятти: ТГУ, 2011. 266 с. URL: <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/258/1/Венгранович%201-49-11.pdf>
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с. URL: <https://djvu.online/file/I2zFjJDo9U3O>
8. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. (К изучению эстетики устнопоэтического канона) // Поэтика русского фольклора: сб. науч. ст. Л.: Наука, 1981. Т. 21. С. 13-38. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusFolk/RusFolklore%20vol.21%201981.pdf>
9. Чистов К.В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // 8 Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978. С. 299-326. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007779853>
10. Венгранович М.А. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной эстетической макросферы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск «Вопросы филологии». 2006. №. S14. С. 58-63. <https://elibrary.ru/hvrktz>

References

1. Rozhdestvenskii Yu.V. *Obshchaya filologiya* [General Philology]. Moscow, Fund “New Millennium”, 1996, 326 p. Available at: https://www.studmed.ru/rozhdestvenskiy-yuv-obschaya-filologiya_45c3d17004d.html
2. Annushkin V.I. *Osnovy russkoi filologii: kurs lektii* [Fundamentals of Russian Philology: a Course of Lectures]. Moscow, FLINTA Publ., 2014, 128 p. Available at: https://www.phantastike.com/ru/osnovy_russkoy_filologii/pdf/
3. Savel'eva L.V. *Ehsteticheskaya filosofiya russkogo slova v fol'klornoi i knizhnoi traditsiyakh* [Aesthetic philosophy of the Russian word in folklore and book traditions]. *Doklady Mezhdunarodnoi konferentsii "Yazyk i poetika fol'klora"* [Reports of the International Conference “Language and Poetics of Folklore”]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2001, pp. 44-52. <https://search.rsl.ru/ru/record/01000741246>
4. Vengranovich M.A. *Ehkstralingvisticheskaya obuslovlennost' lingvistilevoi spetsifiki fol'klornogo teksta: dis. ... d-ra filol. nauk* [Extra-linguistic Conditionality of the Linguistic-style Specificity of the Folklore Text: Dr. habil. (Philology) diss.]. Togliatti, 2006, 448 p. <https://elibrary.ru/norkev>
5. Gusev V.E. O spetsifike vospriyatiya fol'klora (K probleme sinestezii v iskusstve) [On the specifics of the perception of folklore (On the problem of synesthesia in art)]. *Sbornik nauchnykh trudov «Tvorcheskii protsess i khudozhestvennoe vospriyatie»* [Collection of Scientific Works “Creative Process and Artistic Perception”]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 79-90. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007799709>
6. Vengranovich M.A. *Stilistika fol'klornogo teksta* [Stylistics of Folklore Text]. Togliatti, Togliatti State University Publ., 2011, 266 p. Available at: <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/258/1/Венгранович%201-49-11.pdf>
7. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history]. Moscow, Languages of Russian Cultures Publ., 1996, 464 p. Available at: <https://djvu.online/file/I2zFjJDo9U3O>
8. Mal'tsev G.I. Traditsionnye formuly russkoi neobryadovoi liriki. (K izucheniyu ehstetiki ustnopoeticheskogo kanona) [Traditional formulas of Russian non-ritual lyrics. (On the study of the aesthetics of the oral poetic canon)]. *Sbornik nauchnykh statei «Poetika russkogo fol'klora (Russkii fol'klor, T. XXI)»* [Proceedings of Scientific Papers “Poetics of Russian Folklore (Russian Folklore, vol. 21)”]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 13-38. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusFolk/RusFolklore%20vol.21%201981.pdf>
9. Chistov K.V. *Poehtika slavyanskogo fol'klornogo teksta. Kommunikativnyi aspekt* [Poetics of the Slavonic folklore text. Communicative aspect]. *VIII Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Istoriya, kul'tura, ehtnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov* [8th International Congress of Slavists. History, Culture, Ethnography and Folklore of the Slavic Peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 299-326. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007779853>

10. Vengranovich M.A. Fol'klornyi tekst v aspekte spetsifiki fol'klornoï ehsteticheskoi makrosfery [Folklore text in the aspect of the specifics of the folklore aesthetic macrosphere]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Spetsvyпуск «Voprosy filologii» = Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 2006, no. S14, pp. 58-63. <https://elibrary.ru/hvrktz>

Информация об авторе

Венгранович Марина Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского, г. Тольятти, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0286-7121>, wmaphil@mail.ru

Вклад в статью: разработка идеи, общая концепция статьи, анализ литературы, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 29.08.2022

Одобрена после рецензирования 12.02.2023

Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Marina A. Vengranovich, Dr. habil. (Philology), Associate Professor, Professor of Philology Department, Volga Academy of Education and Arts named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow, Togliatti, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0286-7121>, wmaphil@mail.ru

Contribution: idea development, general concept of the manuscript, literature analysis, manuscript text drafting, editing.

Received August 29, 2022

Revised February 12, 2023

Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'22

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-257-265>

Шифр научной специальности 5.9.5

О некоторых аспектах современной топонимической терминологии

Ирина Анатольевна МАРТЫНЕНКО

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

✉ irineta@rambler.ru

Аннотация. Проанализированы проблемы современной топонимической терминологии, отмечены сложности, вызванные различиями между терминологическими системами разных ономастических школ, а также интенсивностью и индивидуализацией современных топонимических исследований в России. Целью исследования является рассмотрение существующих на данный момент коллизий в области топонимической терминологии с возможной попыткой их разрешения. Выделены такие аспекты, как принадлежность топонимики к определённой научной парадигме, благозвучие, синонимия, новые термины, вопросы перевода. Предложены способы, которые могли бы позволить прийти к определённой унификации употребляемых терминов. Сделаны попытки введения новых терминологических единиц в области оттопонимических дериватов, а также типологии и классификации топонимов. Сделан вывод о необходимости обобщения топонимических исследований и подготовки словаря топонимической терминологии, включающего формы советского, российского и западного научного знания в топонимике. Практическая значимость работы заключается в акцентировании внимания специалистов на определённых аспектах функционирования современной топонимической терминосистемы и в возможности использования предложенных новых терминов. По мнению автора, создание современного словаря топонимической терминологии способствовало бы обобщению исследований и устранению ряда терминологических проблем.

Ключевые слова: топонимика, топонимика, термин, перевод, синонимия

Для цитирования: Мартыненко И.А. О некоторых аспектах современной топонимической терминологии // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 257-265. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-257-265>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On some aspects of modern toponomastic terminology

Irina A. MARTYNENKO

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation

 irineta@rambler.ru

Abstract. The problems of modern toponymic terminology are analyzed, the difficulties caused by differences between the terminological systems of different onomastic schools, as well as the intensity and individualization of modern toponymic research in Russia, are noted. The purpose of the research is to consider the currently existing collisions in the field of toponomastic terminology with a possible attempt to resolve them. Such aspects as the belonging of toponymy to a certain scientific paradigm, euphony, synonymy, new terms, translation issues are highlighted. Methods are proposed that could make it possible to come to a certain unification of the terms used. Attempts have been made to introduce new terminological units in the field of ottoponymic derivatives, as well as the typology and classification of toponyms. It is concluded that it is necessary to generalize toponymic studies and prepare a dictionary of toponomastic terminology, including the forms of Soviet, Russian and Western scientific knowledge in toponomastics. The practical significance of the work lies in focusing the attention of specialists on certain aspects of the functioning of the modern toponomastic terminological system and in the possibility of using the proposed new terms. According to the author, the creation of a modern dictionary of toponomastic terminology would contribute to the generalization of research and the elimination of a number of terminological problems.

Keywords: toponymy, toponomastics, term, translation, synonymy

For citation: Martynenko, I.A. On some aspects of modern toponomastic terminology. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):257-265. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-257-265>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Специфика имени собственного в течение многих лет продолжает обсуждаться в научной среде и выступать в качестве предмета внимания широкой общественности. Введение в оборот больших массивов нового ономастического материала выявляет терминологические разночтения как среди российских специалистов, так и между представителями разных ономастических школ мира. Кроме того, становятся очевидными пробелы в сфере дефиниций и денотатов. К проблеме в разное время обращались и отечественные, и зарубежные авторы [1–4].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Одной из актуальных задач современной российской топономастики является упорядочение существующей терминологии. Словарь русской ономастической терминологии Н.В. Подольской¹ по-прежнему остаётся главным источником толкования терминов и одним из основных инструментов ономастологов.

В наши дни зоны теоретического топономастического пространства, активно развивавшиеся в последние два десятилетия, обнаруживают ряд терминологических ла-

¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

кун. Кроме того, требуется упорядочение уже существующей терминологии в этой области.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый вопрос, которым мы задаёмся в рамках настоящего исследования, это принадлежность топонимики к определённой научной парадигме, к тому или иному крупному лингвистическому направлению. В связи с признанной междисциплинарной спецификой (география, история, лингвистика) этой науки хотелось бы конкретизировать: к каким именно лингвистическим изысканиям можно отнести топонимические исследования?

На наш взгляд, именно синергия указанных трёх дисциплин позволяет рассуждать о лингвопрагматике как о научном направлении, призванном описать структуру и функционирование топонимических единиц. Несмотря на существующее мнение о том, что указанный раздел лингвистики в данном случае совершенно неуместен, заметим, что акт присвоения имени объекту – это всегда прагматическое событие. В этом мы усматриваем уместность употребления термина «прагматика» по отношению к топонимическому материалу. Акт переименования, изменения имени – тоже прагматика, и здесь можно наглядно наблюдать развитие термина и новые грани его применения.

В целом для обоснования утверждения о лингвопрагматике как о науке, в русле которой ведутся топонимические исследования, мы исходили из хрестоматийного определения прагматики Ч.У. Моррисом, утверждавшего, что это «дисциплина, изучающая отношения знаков и их интерпретаторов» [5, с. 70].

В программной статье 2003 г. Л.А. Новикова, посвящённой памяти Ю.С. Степанова², подробно интерпретируются аспекты семиотики, в том числе прагматика, что и послужило нам дополнительным ориентиром.

Также опирались на словарь О.С. Ахмановой, которая определяет прагматику как «один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий едини-

цы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком»³. А топонимами пользуются, если можно так сказать, те, кто проживает на местности, главным образом, носители языка, на котором они созданы.

Кроме того, в Словаре русской лингвистической терминологии под редакцией А.Н. Абрегова прагматика определяется как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи»⁴. А любое имя собственное – это ономастический знак, отражающий языковые и энциклопедические знания и служащий для организации ономастического знания в сознании человека [6, с. 286].

Всё это укрепило нас во мнении, что изучение структуры, синтаксиса, морфологии и функционирования топонимических единиц лежит в лингвопрагматической плоскости.

Благозвучие. Некоторым авторам не совсем удачным видится часто встречающееся в работах по топонимике употребление термина «геоимя» с несвойственным русскому языку зиянием гласных. Поскольку в мировой практике термин «топоним» является устоявшимся и широко распространённым, ему отдаётся большее предпочтение.

Нам представляется удивительной такая позиция относительно термина «геоимя», так как он официально закреплён в словаре Н.В. Подольской⁵, а также резолюцией Рабочей группы ООН по Терминологии, принятой на Восьмой конференции в 2002 г.⁶ Термины «геоним», «географическое название» и «геоимя» являются синонимами и означают географическое имя или имя с географической характеристикой [7, с. 30]. Равнозначность понятий «топоним», «географическое название» и «геоимя» мы не подвергаем сомнению. Частотность их употребления в научных работах по топонимике, по нашим

² Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2003. № 5. С. 21-35.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл, 1966. С. 331.

⁴ Абрегов А.Н. и др. Словарь русской лингвистической терминологии. Майкоп: «Качество», 2004. С. 211.

⁵ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 135.

⁶ Глоссарий терминов для стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 2002. 294 с.

оценкам, сходна. Созданный нами англо-русский глоссарий топонимической лексики, являющийся частью докторской диссертации⁷, универсален и относится не только к испаноязычной топонимии: он призван унифицировать русскоязычную и западную терминологию по топонимике во избежание случаев расхождения в указаниях на те или иные явления и недопонимания редакторами зарубежных журналов концептов, описываемых российскими авторами⁸. Что же касается фонетического благозвучия, то, действительно, исконная лексика русского языка характеризуется низким уровнем терпимости к дифтонгам и зияниям. Так, зияния и дифтонги в древних заимствованиях из романских языков усекались, в том числе с помощью эпентезы согласного «в» или «й»: Иоанн → Иван; Феодор → Фёдор, Симеон → Семён, Георгий → Егор и т. д. Однако случаи зияния в современном русском языке всё же имеют место: уже несколько десятилетий широко узуальны лексемы «аудио», «видеоаппаратура», «идиосинкразия», «кардиомагнит», «метеозависимость», «радиопередача», «аэроплан», «авиасообщение» и т. д. Выражаем уверенность в том, что уже сегодня термин «геоимия» так же привычен слуху и глазу специалистов, как и перечисленные выше примеры.

Синонимия. Мы констатируем случаи синонимии при обозначении геолингвистических явлений и описании географических названий. Равнозначными синонимами видятся такие термины, как:

- топонимастика/топонимика;
- коннотативный топоним / когнитивный топоним;
- топонимы-дубликаты/топонимы-тёзки;
- сакральный топоним / агитопоним / религиозный топоним;

– трансонимизация / топонимическая метонимия;

– имянаречение / номинирование.

В целом синонимия – признак богатства языка, предоставляющий автору возможность стилистически разнообразить текст и выбрать наиболее точный образ или эквивалент. Частные случаи говорят о языковых предпочтениях специалистов и демонстрируют стремление к расширению терминосистемы. Например, С.В. Постников с соавт. предлагают термин «**милитаронимные ойконимы**» для обозначения названий населённых пунктов, происходящих от имён военачальников, выдающихся военных деятелей (в том числе от имён военных деятелей – собственников поселений); от имён мифологических, деических, тотемных, фетишных покровителей войн и воинов; от событий в военной истории [9, с. 117; 10; 11].

Мы согласны с учёными в том, что многие топонимические единицы (не только ойконимы) являют собой аллюзии на события военного характера или антропотопонимы по именам военных деятелей. Но, вслед за другими исследователями [12–14], склонны обозначать их термином «**военный топоним**».

По аналогии с этим заметим, что отдельные исследователи считают возможным именовать сращение формантов из разных языков в рамках одной топонимической единицы **гибридонимами** [15–17], однако мы склонны придерживаться традиционных терминов **топоним-гибрид** и **гибридный топоним**, полагая, что в подобных случаях синонимии можно было бы избежать.

Новые термины. Относительно оттопонимических производных считаем необходимым отметить, что они несут существенную общественно-политическую, военно-историческую и культурную информацию. Данный пласт лексики является отражением общественной потребности в обозначении тех или иных ситуаций, предметов, понятий и явлений [18, с. 28]. Поэтому так важна синхронизация терминологии в данной области знаний. В различных странах порой происходят одни и те же или схожие политические процессы, и дериваты, образованные от на-

⁷ Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2023. 428 с.

⁸ Наш опыт показывает, в частности, отсутствие в западной топонимической терминосистеме понятия «топонимическая метонимия». Зарубежные авторы и редакторы научных изданий оперируют термином «*shift names*», ссылаясь на классификацию Дж. Р. Стюарта ([8, pp. xxviii–xxxii]).

званий этих стран, могут иметь синонимичное значение (как, например, в случае с испаноязычными глаголами *vietnamizar*, *balcanizar*, *libanizar*). Заметим, что, в отличие от оттопонимического прилагательного и существительного, термина, ёмко и односложно отображающего понятие «оттопонимический глагол», в русском языке на сегодняшний день не существует. Следуя указаниям Н.В. Подольской по подобного рода лексике («желательно, чтобы основу термина составляли преимущественно греческие и латинские терминологические элементы»⁹), возьмём на себя смелость предложить возможный вариант: *эдафорим*, от греч. *ἐδαφος/édafos* – «местность» и *ῥίμα/ríma* – «глагол».

Продолжая ряд новых терминов, по нашим представлениям, необходимых специалистам в области топонимистики для описания тех или иных явлений, мы хотели бы предложить такие денотаты, как геолингвистическая система и нумеративный топоним.

Под *геолингвистической системой* мы предлагаем понимать совокупность топонимических единиц различного генезиса и различной дисперсии, но объединённых единым лингвокультурологическим кодом, которым в случае, например, испаноязычной топонимии является *Hispanidad*.

Ввиду того, что в языкознании всё чаще признаются и закрепляются понятия «нумеративное словосочетание» и «нумеративное предложение»¹⁰, мы предлагаем использовать термин «*нумеративный топоним*» и понимать под ним географическое название, опорный компонент которого представлен именем числительным. На данный момент такой тип топонимов обозначают описательными конструкциями или несколько иначе, например, «номерные наименования» [19, с. 17].

Вопросы перевода. В современную эпоху, когда границы для обмена знаниями и опытом между учёными носят иной характер, нежели в XX веке, объединение, стандартизация и упорядочение топонимической терминологии становятся реальнее. Именно на это направлен Глоссарий терминов для стандартизации географических названий ООН¹¹ и предлагаемый нами англо-русский глоссарий топонимической терминологии¹². Однако некоторые случаи перевода понятий, принятых в западной научной школе, возможно, требуют времени для осмысления и укоренения в русскоязычной научной традиции. Так, термин *geonomastics*, широко употребляемый зарубежными коллегами¹³ и переводимый на русский язык как *геономастика* и *геоономастика*, на сегодняшний день используют лишь единицы из наших соотечественников [20; 21].

Вопрос перевода принятых и появляющихся за рубежом терминов ещё долго не потеряет свою актуальность. Например, является ли «моральный топоним» адекватным эквивалентом для термина *'moral toponym'* [22]? Возможна ли в будущем на Западе дифференциация терминов «топонимия» и «топонимика», типичная для российской ономастической школы (в английском языке *'toponymy'* аккумулирует в себе оба понятия)? Едва ли.

К этой же проблематике относится правильность перевода терминологической единицы «прецедентные имена». Несмотря на наличие в юриспруденции понятия *"case law"* и устоявшуюся традицию его перевода на русский язык как «прецедентное право»¹⁴, мы считаем неверной стратегией проведение аналогии и перевод коллокации «прецедентные имена» как *"case names"*. На наш взгляд, здесь уместно калькирование и, в качестве результата, вариант *"precedent names"*.

⁹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С. 11.

¹⁰ Евсеева И.В., Лузгина Т.А., Славкина И.А., Степанова Ф.В. Современный русский язык: Курс лекций / под ред. И.А. Славкиной. Красноярск: Изд-во СФУ, 2007. 642 с. <https://elibrary.ru/thdofb>; Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие для студ. тюркоязычных отделений педвузов. Казань: Изд-во ТГПУ, 2009. 150 с.

¹¹ Глоссарий терминов для стандартизации географических названий. Нью-Йорк, 2002. 294 с.

¹² Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия мира как геолингвистическая система: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2023. 428 с.

¹³ См., напр., [23]. Подчеркнём, что в статье автор проводит различия между геономастикой и топонимикой.

¹⁴ То же, что общее право. Система права, основанная на судебных решениях.

ВЫВОДЫ

При интенсивности, которую приобрели топонимические исследования в нашей стране за предыдущие 60 лет, терминологическая синонимия, на наш взгляд, неизбежна. Языковые вкусы исследователей проявляются в том числе и при создании и расширении терминологической базы. Несмотря на призывы некоторых авторов к устранению существующего дублирования терминов, устранению ненужной синонимии в некоторых узких сегментах ономастики [3, с. 47], появле-

ние новых денотатов наблюдается не только в сферах, где необходимая терминологическая единица отсутствует, но и там, где недостатка в ней нет.

Таким образом, современная топонимическая терминология нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и упорядочении. Необходимо приступить к созданию обобщающих исследований и подготовить словарь топонимической терминологии, включающий формы советского, российского и западного научного знания в этой области.

Список источников

1. Абрегов А.Н. Об упорядочении, нормализации и стандартизации ономастической терминологии путём устранения полисемии // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы 7 Междунар. науч. конф. Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. С. 9-11. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004711377>
2. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 13. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1997/1/VO-2007-04-01.pdf>
3. Разумов Р.В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии // Ономастика Поволжья: материалы 13 Междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2012. С. 46-51. <https://elibrary.ru/usnmj>
4. Hladký J. On the use of basic hydronomastic terms and the possibilities of their harmonization // Onomastica. 2022. Vol. 66. P. 313-328. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.66.21>
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Академический проспект, Деловая книга, 2001. С. 45-97. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000003225>
6. Щербак А.С. Имя собственное как ономастический знак // Экология языка и речи: материалы 5 Междунар. науч. конф. Тамбов: ООО «Принт-Сервис», 2016. С. 286-289. <https://elibrary.ru/yhqvpl>
7. Да Сильва Ф. Дифференциация терминов «топоним», «геоним» и «геоимия» // Многомерные миры молодой науки: сб. ст. Междунар. науч. конф. М.: РУДН, 2015. С. 29-32. <https://elibrary.ru/wyewwj>
8. Stewart G.R. American place-names: a concise and selective dictionary for the continental United States of America. N. Y.: Oxford University Press, 1970. 592 p. URL: <https://archive.org/details/american-placenam0000stew/mode/2up>
9. Постников С.В., Немчинов А.В. Милитаронимные ойконимы: сущность и связи с военным подязыком // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 2 (73). С. 117-128. <https://elibrary.ru/rrrhuf>
10. Постников С.В., Еришов М.В. Милитаронимные элементы в вербальной культуре военнослужащего // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы 7 Междунар. науч.-метод. конф. Омск: Изд-во ОАБИИ, 2021. С. 49-55. <https://elibrary.ru/hkxomy>
11. Постникова С.В., Постникова О.А. Милитарологизмы в топонимике: об опыте научно-методологического анализа связей гидронимов с военной тематикой // Проблемы и современные пути развития образования в области аэронавигации: сб. материалов 5 Всерос. пед. науч.-метод. конф. / под ред. А.Н. Моисеева. Киров: Изд-во МЦИТО, 2020. С. 305-309. <https://elibrary.ru/chvovx>
12. Александрович Н.В., Платицына Т.В. Военные топонимы в романе Д. Лихэйна «Остров-ставень» // Наука, культура, образование: традиции и современность: материалы 8 Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: ООО «Изд. Дом – Юг», 2018. С. 10-13. <https://elibrary.ru/runhgr>
13. Кургузова Е.В. Военная топонимика: к постановке проблемы // Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 121-126. <https://elibrary.ru/xmphhv>

14. Танич В.В., Виноградов А.В. Военная топонимика города Новосибирска // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всерос. науч. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 307-311. https://doi.org/10.17084/978-5-7765-1462-3_2021_307, <https://elibrary.ru/rpxvoz>
15. Хенгст К. Германо-славянские гибридные образования в топонимии восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 114-124. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.005, <https://elibrary.ru/vkpuzx>
16. Беляев А.Н. Специфика гибридизации топонимических систем // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 137-143. <https://elibrary.ru/iuxpil>
17. Герман Л.В., Колесник А.О., Шастало В.О. Урбаноніми-гібридоніми як результат мовного контактування // Закарпатські філологічні студії. 2022. № 24-1. С. 83-88. <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2022.24.1.16>, <https://elibrary.ru/ackkzf>
18. Мурзин Ю.П. Оттопонимические дериваты как актуализаторы прецедентной ситуации (на материале испаноязычной публицистики) // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 3 (19). С. 21-31. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-3-19-21-31>, <https://elibrary.ru/yymmgy>
19. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: ОЛПС, 1996. 303 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001736446>
20. Shokhenmayer E. Controversial article on geonomastics // Journal for Theoretical Cartography. 2010. Vol. 3. № 2. P. 35-47. URL: <http://ojs.meta-carto-semiotics.org/index.php/mcs/article/view/29>
21. Ханмагомедов Х.Л., Гебекова А.Н. Население и топонимия средней части бассейна реки Самур Республики Дагестан (Россия) и их освещение в литературе (на материале рутульцев) // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 3 (28). С. 99-110. <https://elibrary.ru/ywmjhl>
22. Кюришнова И.А. Ареальный аспект исследования антропонимии Кексгольмского Лена (XVI–XVII вв.) // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сб. ст. 5 Киркенесского междунар. семинара историков. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 2016. С. 26-33. <https://elibrary.ru/xgnhup>
23. Duncan D. “Missourie Was Always Out of Step with Missourah”: Sociolinguistic Variants as Moral Toponyms // Names. 2022. Vol. 70. No. 3. P. 25-38. <https://doi.org/10.5195/names.2022.2383>

References

1. Abregov A.N. Ob uporyadochenii, normalizatsii i standartizatsii onomasticheskoi terminologii putem ustraneniya polisemii [On streamlining, normalization and standardization of onomastic terminology by eliminating polysemy]. *Materialy 7 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Problemy obshchei i regional'noi onomastiki»* [Materials of the 6th International Scientific Conference “Problems of General and Regional Onomastics”]. Maikop, Adyghe State University Publ., 2010, pp. 9-11. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004711377>
2. Garvalik M. K voprosu o sovremennoi onomasticheskoi terminologii [On the issue of modern onomastic terminology]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Onomastika v krugu humanitarnykh nauk»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Onomastics in the Area of the Humanities”]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2005, p. 13. (In Russ.) <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1997/1/VO-2007-04-01.pdf>
3. Razumov R.V. K voprosu ob uporyadochenii terminologii v oblasti ehrgonimii [On the issue of streamlining terminology in the field of ergonymy]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Onomastika Povolzh'ya»* [Materials of the 8th International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2012, pp. 46-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/usnmj>
4. Hladký J. On the use of basic hydronomastic terms and the possibilities of their harmonization. *Onomastica*, 2022, vol. 66, pp. 313-328. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.66.21>
5. Morris Ch.U. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. In: Stepanov Yu.S. (ed.). *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology]. Moscow, Akademicheskii prospekt Publ., Delovaya kniga Publ., 2001, pp. 45-97. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000003225>
6. Shcherbak A.S. Imya sobstvennoe kak onomasticheskii znak [Proper name as an onomastic sign]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ehkologiya yazyka i rechi»* [Materials of the 5th International

- Scientific Conference “Ecology of Language and Speech”]. Tambov, LLC “Print-Service” Publ., 2016, pp. 286-289. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yhqvpl>
7. Da Silva F. Differentsiatsiya terminov «toponim», «geonim» i «geoimya» [Differentiation of the terms “toponym”, “geonym” and “geoname”]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mnogomernye miry molodoi nauki»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Multidimensional Worlds of Young Science”]. Moscow, Peoples Friendship University of Russia Publ., 2015, pp. 29-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wyewnj>
 8. Stewart G.R. *American place-names: a concise and selective dictionary for the continental United States of America*. New York, Oxford University Press, 1970, 592 p. Available at: <https://archive.org/details/americanplacenam0000stew/mode/2up>
 9. Postnikov S. V., Nemchinov A.V. Military okonyms: the essence and relationship with the military single language. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences], 2020, no. 2 (73), pp. 117-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rrrhuf>
 10. Postnikov S.V., Ershov M.V. Military elements in verbal culture of military server. *Materialy 7 Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty»* [Materials of the 7th International Scientific and Methodological Conference “Problems of Modernization of Modern Higher Education: Linguistic Aspects”]. Omsk, Omsk Armored Engineering Institute Publ., 2021, pp. 49-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hkxomy>
 11. Postnikov S.V., Postnikova O.A. Militarologizmy v toponimike: ob opyte nauchno-metodologicheskogo analiza svyazei gidronimov s voennoi tematikoi [Militarologisms in toponymy: on the experience of scientific and methodological analysis of links between hydronyms and military subjects]. In: Moiseev A.N. (ed.). *Sbornik materialov 5 Vserossiiskoi pedagogicheskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Problemy i sovremennye puti razvitiya obrazovaniya v oblasti aehronavigatsii»* [Collection of Materials of the 5th All-Russian Pedagogical Scientific and Methodological Conference “Problems and Modern Ways of Development of Education in the Field of Air Navigation”]. Kirov, Interregional Center of Innovative Technologies in Education Publ., 2020, pp. 305-309. (In Russ.) <https://elibrary.ru/chvovx>
 12. Aleksandrovich N.V., Platitsyna T.V. Voennye toponimy v romane D. Likhehina «Ostrov-staven'» [Military toponyms in D. Likhenin's novel “Shutter Island”]. *Materialy 8 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauka, kul'tura, obrazovanie: traditsii i sovremennost'»* [Materials of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference “Science, Culture, Education: Traditions and Modernity”]. Krasnodar, LLC “Publishing House – South”, 2018, pp. 10-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/runhgr>
 13. Kurguzova E.V. Military toponymy: discussion of the problem. *Polivanovskie chteniya* [Polivanov Readings], 2020, no. 14, pp. 121-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xmphhv>
 14. Tanich V.V., Vinogradov A.V. Military toponym of the city of Novosibirsk. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Sotsial'nye i gumanitarnye nauki v usloviyakh vyzovov sovremennosti»* [Materials of All-Russian Scientific Conference “Social and Human Sciences in the Face of Modern Challenges”]. Komsomolsk-on-Amur, Komsomolsk-na-Amure State University Publ., 2021, pp. 307-311. (In Russ.) https://doi.org/10.17084/978-5-7765-1462-3_2021_307, <https://elibrary.ru/rpxvoz>
 15. Hengst K. Germanic-Slavic Hybrid Names in the East German Toponymy. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2015, no. 2 (19), pp. 114-124. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.005, <https://elibrary.ru/vkpuzx>
 16. Belyaev A.N. Specifics of hybridization of toponymic systems. *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Modern Humanities Success*, 2022, no. 3, pp. 137-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iuxpil>
 17. German L.V., Kolesnik A.O., Shastalo V.O. Urbanonyms-hybridonyms as a result of languages contacts. *Zakarpatskie filologicheskie studii = Transcarpathian Philological Studies*, 2022, no. 24-1, pp. 83-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2022.24.1.16>, <https://elibrary.ru/ackkzf>
 18. Murzin Yu.P. Toponymical derivatives as the actualizer of precedent situation (the case of the Spanish mass media texts). *Filologicheskie nauki v MGIMO = Linguistics & Polyglot Studies*, 2019, no. 3 (19), pp. 21-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-3-19-21-31>, <https://elibrary.ru/ymmgpy>
 19. Gorbanevskii M.V. *Russkaya gorodskaya toponimiya: metody istoriko-kul'turnogo izucheniya i sozdaniya komp'yuternykh slovarей* [Russian Urban Toponymy: Methods of Historical and Cultural Study and Creation of Computer Dictionaries]. Moscow, SLRL Publ., 1996, 303 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/record/01001736446>
 20. Shokhenmayer E. Controversial article on geonomastics. *Journal for Theoretical Cartography*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 35-47. Available at: <http://ojs.meta-carto-semiotics.org/index.php/mcs/article/view/29>

21. Khanmagomedov Kh.L., Gebekova A.N. The population and toponymy of the middle part of the basin of the Samur river in the republic of Dagestan (Russia) and their coverage in the literature (on the material of the Rutuls). *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema = Sholom-Aleichem Priamursky State University Bulletin*, 2017, no. 3 (28), pp. 99-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywmjhl>
22. Kyurshunova I.A. The area aspect of anthroponymical research in the Kexholm len (16–17th centuries). *Sbornik statei 5 Kirkenesskogo mezhdunarodnogo seminara istorikov «Rossiya i strany Severnoi Evropy: fizicheskie i simvolicheskie granitsy»* [Proceedings of the 5th Kirkenes International Seminar of Historians “Russia and Nordic Countries: Physical and Symbolic Borders”]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, pp. 26-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xgnhup>
23. Duncan D. “Missouree was always out of step with Missourah”: Sociolinguistic variants as moral toponyms. *Names*, 2022, vol. 70, no. 3, pp. 25-38. <https://doi.org/10.5195/names.2022.2383>

Информация об авторе

Мартыненко Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>, irineta@rambler.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературы, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 17.01.2023
Одобрена после рецензирования 20.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Irina V. Martynenko, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of English Language Department, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>, irineta@rambler.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, processing and editing material, manuscript text drafting.

Received: January 17, 2023
Revised: March 20, 2023
Accepted: March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81.373.211 + 070.4

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273>

Шифр научной специальности 5.9.5, 5.9.9

Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации

Сергей Александрович ПОПОВ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1

 spo@bk.ru

Аннотация. Рассмотрено место топонимического материала в профессиональной деятельности журналистов региональных средств массовой информации. К топонимической проблематике публикаций районных СМИ отнесены этимологические справки по действующему названию населённого пункта или по его первоначальным вариантам (если населённый пункт переименовывался), сведения об исчезнувших населённых пунктах, находившихся на территории района, современных и былых названий улиц и частей населённого пункта, о людях, в честь которых были названы населённые пункты, улицы, площади, переулки, скверы и т. д., местные топонимические легенды и предания. Цель исследования – на примере районных газет Воронежской области выявить лингвокраеведческие публикации, посвящённые существующим в настоящее время и исчезнувшим наименованиям географических объектов (населённых пунктов, улиц), разработать предложения по лингвокраеведческому просвещению журналистов районных СМИ. Сделан вывод, что журналисты районных газет в своих публикациях активно используют местный существующий и исчезнувший топонимический материал, который также может быть использован учёными-ономастами как серьёзный источник для научных исследований. В заключение отмечено, что учёные также могут оказать большую научно-методическую помощь журналистам в эффективном поиске новой топонимической информации для подготовки интересных и познавательных лингвокраеведческих публикаций.

Ключевые слова: русский язык, журналистика, социолингвистика, лингвокраеведение, ономастика, топонимия, ойконимы, урбанонимы, коммеморация, топонимический мартиролог

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

Для цитирования: Попов С.А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 266-273. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Regional toponymy as a material for the work of journalists of regional mass media

Sergey A. POPOV

Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation

✉ spo@bk.ru

Abstract. We consider the place of toponymic material in the professional activity of journalists of regional mass media. The toponymic issues of publications of the district media include etymological references to the current name of the settlement or its original versions (if the settlement was renamed), information about the disappeared settlements that were located on the territory of the district, modern and former names of streets and parts of the settlement, about people in whose honor settlements, streets, squares, alleys, squares, etc. were named, local toponymic legends and traditions. The purpose of the study is, using the example of regional newspapers of the Voronezh region, to identify local linguistic publications devoted to the currently existing and disappeared names of geographical objects (settlements, streets), to develop proposals for local linguistic education of journalists of regional media. It is concluded that journalists of regional newspapers in their publications actively use local existing and disappeared toponymic material, which can also be used by onomatologists as a serious source for scientific research. In conclusion, it was noted that scientists can also provide great scientific and methodological assistance to journalists in the effective search for new toponymic information for the preparation of interesting and informative local linguistic publications.

Keywords: Russian language, journalism, sociolinguistics, local linguistics, onomastics, toponymy, oikonoms, urbanonyms, commemoration, toponymic martyrology

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01737 “Toponymic martyrology of the Russian Federation at the present stage: sociolinguistic aspect”, <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

For citation: Popov, S.A. Regional toponymy as a material for the work of journalists of regional mass media. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):266-273. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время во многих регионах Российской Федерации местные лингвокраеведческие реалии активно исследуются учёными-филологами. Материал для изучения зачастую собирается в научных экспедициях, в ходе диалектологических и фольклорных практик студентов.

Однако не следует исключать из списков заслуживающих доверие источников информации творчество журналистов районных газет, которые всерьёз интересуются местной историей, общаются со старожилами, записывают их воспоминания о недавнем прошлом родного края, работают с архивными документами и другими доступными артефактами.

Проведя мониторинг районных газет Воронежской области за последние пять лет, мы обнаружили множество лингвокраеведческих публикаций, посвящённых истории, диалектам, происхождению названий не только существующих, но и исчезнувших населённых пунктов региона. Часто в указанных материалах содержится много информации, порой эксклюзивной, которая будет весьма полезна для учёного-топонимиста. В данном случае региональное топонимическое пространство выступает в роли материала для журналистов районных газет, и авторы их публикаций вносят значительный вклад в исследование и сохранение культурно-исторической информации о родном крае для потомков.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью настоящего исследования является выявление роли местной топонимии в профессиональной деятельности журналистов региональных средств массовой информации. Особое внимание уделяется исчезнувшим наименованиям географических объектов, которые со временем могут войти в топонимический мартиролог региона и словарь исчезнувших топонимов.

Объектом исследования является творчество журналистов ряда районных газет Воронежской области, входящей в состав Центрального федерального округа Российской Федерации.

В данном исследовании ставятся следующие задачи:

- выявить материалы журналистов районных газет Воронежской области, в которых поднимается топонимическая проблематика;
- выявить среди указанных материалов статьи, посвящённые исчезнувшим наименованиям географических объектов (населённых пунктов, улиц);
- определить состав журналистов районных газет региона, в творчестве которых доминирует топонимическая тематика;
- разработать предложения по лингвокраеведческому просвещению журналистов районных СМИ.

Эмпирическая база исследования состоит из печатных изданий, хранящихся в отделе краеведения Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина, а также их оцифрованных версий, размещённых на официальном сайте библиотеки¹, справочника административно-территориального деления Воронежской области на 1959 г.² и некоторых других баз данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Возросший в последние десятилетия интерес к своим историческим корням со стороны жителей Российской Федерации наблюдается по всем регионам страны. В связи с этим значительно увеличилось количество краеведческих и лингвокраеведческих публикаций на страницах районных газет, которые занимают особое место в системе средств массовой информации России.

По мнению В.В. Тулупова, «именно благодаря, например, местной прессе в стране сохраняется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях). Отсюда – высокая востребованность публикуемой местной информации (публицистической, официальной, статистической, деловой, научно-технической, научно-популярной, рекламно-справочной), отсюда – мощный организаторский ресурс, которым обладают местные редакции (вовлечение населения в самоуправление; проведение гражданских акций; взаимодействие населения с местной властью и др.)» [1, с. 81].

В настоящее время в Воронежской области выходят более 30 районных газет, которые учредили региональные органы вла-

¹ Электронная библиотека Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина: Периодические издания (районные). URL: <https://el.vrnlib.ru/category/periodicheskie-izdaniya-rajonnye/> (дата обращения: 18.12.2022).

² Воронежская область. Административно-территориальное деление: По состоянию на 1 апреля 1959 г. / сост. А.К. Лемаринье; под общ. ред. М.М. Малютина. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1959. 252 с.

сти. «В качестве отдельного направления становления новой системы периодики региона можно отметить развитие сети районных изданий. Выделим несколько ключевых тенденций, характерных для районной печати Воронежской области. Первая из них связана с почти стопроцентным сохранением сети советских общественно-политических районных изданий, гибель которым в рыночных условиях предрекали многие. Несомненно, за годы реформ «районки» значительным образом трансформировали свой облик» [2, с. 51]. Большинство из них в начале 1990-х гг. прошли процедуру переименований с идеологизированных советских названий на более нейтральные: «Осенью 1991 года большинство газет изменили свои наименования. Редакции отказались от слов «ленинский», «коммунистический». «Ленинский путь» стал «Калачеевскими зорями», «Ленинское знамя» – «Лискинскими известиями», «Знамя Ленина» – «Голосом Рамони», «Ленинское слово» – «Репьевскими вестями». Исключение составляет только Нижнедевицкая районная газета «Ленинский завет»³.

Районные газеты зачастую оставались единственным видом СМИ, к которым всё ещё обращаются местные жители, потому что «районки» тесно связаны со своими читателями и способны лучше понять и отразить их проблемы и нужды.

К топонимической проблематике публикаций районных СМИ мы относим этимологические справки по действующему названию населённого пункта или по его первоначальному варианту (если населённый пункт переименовывался), сведения об исчезнувших населённых пунктах, находившихся на территории района, современных и бывших названий улиц и частей населённого пункта, о людях, в честь которых были названы населённые пункты, улицы, площади, переулки, скверы и т. д. Сюда же следует отнести местные топонимические легенды и предания.

На страницах районных газет Воронежской области топонимическая проблематика поднимается в следующих случаях.

1. При описании истории и современного состояния существующего населённого пункта или целого сельского поселения. Подобные материалы публикуются в рубриках «Малая родина», «Вдали от шума городского», «Точка на карте», «Село моё», «Путеводитель по району», «Тур выходного дня» и др. Краткая топонимическая информация подаётся в связи с исторической справкой по населённому пункту: «Село Пыховка расположено в 15 километрах от райцентра, на правом берегу реки Савалы. Датой основания села считается 1717 г. Название села произошло от недалеко протекающей речки Пыховка. Церковь в селе построили в 1768 г.»⁴, «Посёлок Отрадное образовался в 1968 г. после объединения сёл Выкрестово и Гололобово. Отрядным называлась усадьба баронессы Софьи Фёдоровны Сталь-фон-Гольштейн, располагавшаяся здесь в начале XIX века. Это название и закрепилось за посёлком. Впервые о сёлах Выкрестово и Гололобово упоминается в «Дозорной книге» 1615 г. Считается, что первые дома появились на берегу Брода – нынешняя улица Логовая, так как посёлок раньше заливала вода»⁵, «А начиналось всё с села Мигенево. Основали его служивые люди из Коротояка 349 лет назад. А в 1770 г. рядом были поселены бывшие монастырские крестьяне. Они прибыли из села Бодеево Серпуховского уезда. Своему новому посёлку эти крестьяне дали название в память о прежнем месте жительства Бодеевка. А вот хутора Новониколаевский и Новозадонский появились гораздо позже. В будущем году им исполнится по 100 лет. Так что в Бодеевском поселении будет сразу пятикратный праздник – два вековых юбилея, по 250 лет сёлам Бодеевка и Машкино, Мигенево, в свою очередь, – 350 лет. <...> Сейчас от родоначальницы поселения осталась лишь улица. В 1968 г. в со-

³ Сапелкин Н.С., Стуколова И.Ю. Вся воронежская пресса. Воронеж, 2002. С. 8.

⁴ Блохина Т. Село с «Жемчужиной»: Центр Пыховки стал настоящим центром духовной жизни села и любимым местом отдыха жителей и гостей // Вести. Новохопёрск, 2020. 28 июля. № 52. С. 4.

⁵ Рындина О. Отрадное: комфортная жизнь и сохранение традиций // Новоусманская нива. 2020. 24 июля. № 29. С. 4.

став Бодеевки включена деревня Мигенево как фактически слившаяся»⁶ и т. д.

2. При описании исчезнувшего населённого пункта, располагавшегося на территории района. В публикациях данного вида в рубриках «Исчезнувшие с карты» и других приводятся исторические сведения о существовавшем населённом пункте, его жителях, этимология его названия.

Например, в петропавловской районной газете «Родное Придонье» по инициативе главного редактора Л.Н. Поповой в январе 2020 г. была открыта рубрика «Здесь был хутор», в которой начали публиковаться материалы о забытых и заброшенных хуторах района. «Почти полвека назад исчез с лица земли хутор Мандровка, который находился в 18 километрах от Петропавловки. Сегодня на его месте только памятный камень, памятник с именами мандровцев, погибших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, и кладбище, более чем наполовину заросшее клёнами да дикой порослью. <...> Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьёй из села Журавка современного Богучарского района. Было это в 1865 г.»⁷

Рубрика понравилась читателям газеты, и уже в июле 2020 г. в ней вышел новый материал про другой исчезнувший хутор Солопов, подготовленный по материалам учителя истории Старомеловатской средней школы О.П. Шевцовой: «По моим сведениям, первые поселенцы хутора – беглые люди, появились там раньше, чем казаки основали крепость на месте нынешней Старой Меловой. Бежали эти люди из населённых пунктов Битюжья, скрываясь от петровских реформ. Такие поселения из беглецов появились стихийно, без разрешения властей. Так небольшая группа остановилась в районе Солопова, – рассказала Ольга Петровна. – По

поводу названия хутора бытует несколько вариантов, но наиболее распространённый связан с одним из первых постояльцев по фамилии Солопов. Он считался хозяином хутора, под его руководством находились беглые, надеявшиеся найти здесь свободу⁸. Дальнейшая судьба хутора похожа на тысячи таких же исчезнувших мелких населённых пунктов – в 1960-х гг. его признали перспективным, и жители разъехались по соседним сёлам. В 1982 г. последним покинул родной хутор Д.С. Плотников. Сейчас от бывшего поселения осталось только кладбище, а местность, где когда-то стояли дома и подворья хуторян, теперь перепахано тракторами.

В этой же газете, но уже другим автором, журналистом Д. Ставицкой, подготовлен и опубликован хорошо иллюстрированный разворот о бывшем хуторе Турецкий: «Между двух больших оврагов в тени садов и располагался в прошлом веке хутор Турецкий. Точная дата его образования неизвестна. На памятном камне, который установили на въезде в бывший хутор, написано, что основали Турецкий в конце XVIII века. Старожилы говорят, что хутор возник в начале XVIII века. Почему же Турецкий? XVIII век был временем постоянных войн России и Турции. Одни придерживаются мнения, что в том месте, где был хутор, турки часто останавливались и разбивали свои лагеря из-за удобного местоположения. Другие, что через те места наши солдаты гнали пленных турок, и местные, когда приходили обрабатывать землю на своих наделах, постоянно видели и слышали их. Поэтому и назвали то место турецким. Возможно, в каких-то архивах и сохранились документы, описывающие название, происхождение и год основания хутора, но о них, к сожалению, ничего не известно, поэтому сослаться приходится лишь на рассказы старожилов. Как бы то ни было, русский хутор носил название «Турецкий»⁹. Данная

⁶ Владимирова Е. С гербом и на гербе: В Бодеевке появился свой отличительный знак // Лискинские известия. 2020. 17 июля. № 49. С. 6.

⁷ Попова Л. В Мандровке – полувековая тишина: 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием // Родное Придонье. Петропавловка, 2020. 24 янв. № 3. С. 8.

⁸ Попова Л. Лишь название и старый погост: Почти сорок лет назад хутор Солопов покинули последние жители // Родное Придонье. 2020. 17 июля. № 29. С. 8-9.

⁹ Ставицкая Д. «Воздух слаще и соловьиные трели звонче»: Уроженки исчезнувшего хутора Турецкий поделились воспоминаниями о жизни в нём // Родное Придонье. 2020. 4 дек. № 48. С. 8.

публикация также вызвала широкий общественный резонанс, в редакцию обратились несколько жителей исчезнувшего хутора и дополнили рассказ о своей малой родине.

В итоге спустя всего полтора месяца в «Родном Придонье» вышел второй материал Д. Ставицкой о хуторе Турецком, в котором была приведена несколько иная трактовка происхождения названия населённого пункта: «Название хутора тоже не имеет точного объяснения, кроме того, что связано с урочищем Турецкое. Небольшой лесок располагался в месте соединения двух глубоких оврагов, которые окружали появившийся хутор. Название урочища перенесли на населённый пункт. Во второй половине XVIII века Россия часто воевала с Турцией, и, возможно, такое название урочища появилось потому, что в семи километрах от бывшей крепости останавливались на постой отряды пленных турок, переправляемых в центр страны на строительные работы. Среди старожилов было ещё мнение, что во времена существования военной крепости на небольшом расстоянии от неё останавливались поселенцы, язык которых местным жителям был неизвестен. Из-за непонимания речи их называли турками»¹⁰.

Материалы об исчезнувших населённых пунктах также публикуются в большинстве других районных газет Воронежской области.

3. При описании истории улиц населённых пунктов. Жителей населённых пунктов Воронежской области также интересует и история, происхождение названий улиц, переулков, на которых они живут. Общественный запрос был реализован в массе публикаций районных газет региона по данной теме.

Например, житель райцентра Кантемировка Е.Е. Сероштанов написал в редакцию «районки» письмо, в котором рассказал историю появления улицы Заречной и вспомнил её первых поселенцев, среди которых был и сам: «Луг ниже улицы Полубоярова зарастал тёрном и бурьянами, кое-где возникли стихийные свалки мусора. Весной

1970 г. на лугу появились сначала столбики – разметка подворий, а затем и будущие хозяева. Первыми начали строить дома шесть молодых семей, которые решили переехать в райцентр с хуторов Поповка, Каплин и Пасеково. <...> Немного обжились. Как-то собрались в поссовете и стали думать над названием улицы. Одни предлагали назвать Юбилейной, другие – Луговой, третьи – Терновой. Вспомнили популярный в те годы кинофильм и решили назвать улицу Заречной. Вариант пришёлся по душе. С тех пор прошло 50 лет»¹¹.

Имя воронежского поэта-фронтовика, писателя, публициста, переводчика, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Е.А. Исаева (1926–2013) широко известно далеко за пределами его малой родины. Жители бобровского села Коршево решили увековечить память о знаменитом земляке и к юбилею писателя переименовали улицу, на которой он жил: «На сельской улице Первомайской и сегодня стоит его отчий дом. Совет народных депутатов Коршевского сельского поселения решил присвоить родной улице Егора Александровича его имя. Теперь у улицы два названия – и юридическое, и историческое. На четырёх домах Первомайской появились соответствующие указательные таблички»¹².

Отдельно хотелось бы отметить материалы, подготовленные журналистами воронежских «районок» к юбилейным датам со дня освобождения населённых пунктов от немецко-фашистских захватчиков, со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Главными героями таких публикаций стали советские воины, ценою собственной жизни защитившие родную землю от незваных врагов. Благодарные потомки увековечили память о погибших героях в названиях внутригородских объектов.

¹¹ Свирская Е. Пятидесятая весна на Заречной улице: Один из первопоселенцев вспомнил историю появления кантемировской улицы // Кантемировский вестник. 2020. 29 мая. № 36. С. 1.

¹² Трезинская С. В Коршево одной из улиц дали имя Егора Исаева: Историческое событие приурочили к 95-летию со дня рождения известного поэта // Звезда. Бобров, 2021. 7 мая. № 31. С. 1.

¹⁰ Ставицкая Д. Урочище, саманки и лежанки: Новые факты из жизни исчезнувшего хутора Турецкий // Родное Придонье. 2021. 22 янв. № 2. С. 8.

В с. Петропавловка накануне 75-летия Победы приезжали журналисты телеканала «Звезда», которые снимали документальный фильм об уроженце села, Герое Советского Союза И.Е. Просяном. Этот информационный повод послужил выходу целого разворота в районной газете «Родное Придонье», посвящённого героическому земляку. Читателям также напомнили, что «в честь Ивана Евгеньевича Просяного улицу Подгорную в Петропавловке называли его именем, а в 1967 г. на средства колхозников установили бюст возле сельского Дома культуры»¹³ [13, с. 9]. И таких примеров по районам Воронежской области можно привести великое множество.

Проанализировав многочисленный топонимический материал, опубликованный на страницах районных газет Воронежской области, мы выявили типологию основных категорий топонимических единиц, заинтересовавших местных журналистов. Это, прежде всего, ойконимы, причём как существующие в настоящее время, так и исчезнувшие. Урбанонимы также стали объектом ряда журналистских публикаций, чаще всего это история улиц и переулков, а также культурно-историческая информация о тех людях, в честь которых их называли.

Как видно из приведённых примеров, современные районные газеты Воронежской области часто обращаются к топонимической тематике. Не везде такая работа ведётся систематически. Зачастую это связано с личной заинтересованностью и имеющимся научным заделом конкретных журналистов в подготовке материалов такого рода. Однако в ряде подобных публикаций, как правило, содержится широко известная историко-топонимическая информация, взятая из классического труда по воронежской топонимии – увидевшей свет в 1973 г. книги журналиста и краеведа В.А. Прохорова «Вся Воронежская земля» [3], в которой приводятся описания 1200 населённых пунктов региона (для сравнения: в настоящее время в Воронежской области имеется 1731 населённый пункт).

¹³ Ставицкая Д. Легенды армии: Иван Просяной: Журналисты федерального телеканала сняли документальный фильм о нашем земляке – Герое Советского Союза // Родное Придонье. 2020. 3 апр. № 13. С. 9.

В связи с этим также возникает необходимость в централизованном лингвокраеведческом просвещении журналистов и внештатных авторов-краеведов районных газет на различных творческих и научно-практических семинарах, которые регулярно проводятся органами власти для воронежских «районщиков».

Ранее мы предложили включить в образовательный процесс факультетов журналистики российских вузов предмет «Лингвокраеведение», поскольку «изучение данного предмета позволило бы выпускникам вузов профессионально вести лингвокраеведческую работу на страницах газет, готовить соответствующие рубрики на радио- и телеканалах, интернет-порталах. Это позволит работникам редакций региональных СМИ создавать и публиковать качественные материалы, связанные с историко-культурным наследием наших предков, которые впоследствии будут высоко оценены читателями, радиослушателями и телезрителями» [4, с. 130].

К такой тесной связи практиков и учёных ещё в 1982 г. призывал В.Г. Афанасьев: «Наука должна оказывать журналистским организациям помощь в специализировании изданий, программ в соответствии с их местом в системе средств массовой информации и пропаганды. Необходимы исследования типических черт различных газет, журналов, программ телевидения и радиовещания, нужна конкретная методическая помощь редакционным коллективам в профилировании изданий и программ»¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ районных газет Воронежской области показал, что журналисты в своих публикациях активно используют местный существующий и исчезнувший топонимический материал, который может быть использован ономотологами как серьёзный источник для научных исследований. В частности, такой новый вид ономастического словаря, как топонимический мартиро-

¹⁴ Афанасьев В.Г. Оправдаем высокое доверие // Журналист. 1982. № 4. С. 13.

лог, разрабатываемый нами в настоящее время, ни в коей мере не сможет обойтись без результатов исследований истории исчезнувших местных наименований географических объектов, опубликованных в лингвокраеведческих журналистских материалах.

В свою очередь, учёные-лингвокраеведы также могут оказать большую научно-методическую помощь журналистам районных газет в эффективном поиске топонимической информации для подготовки лингвокраеведческих публикаций.

Список источников

1. Тулунов В.В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 78-92. <https://elibrary.ru/raljst>
2. Кажикин А.А. Тенденции развития региональной прессы на рубеже XX–XXI веков // Типология прессы: история, теория, практика / под ред. В.В. Тулунова. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. С. 36-84. <https://elibrary.ru/esublw>
3. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1973. 367 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007342444>
4. Попов С.А. О роли лингвокраеведения в профессиональной деятельности журналистов региональных СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 126-131. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.43.86.019>, <https://elibrary.ru/xwdgmm>

References

1. Tulupov V.V. Regional journalism: today and tomorrow. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2013, no. 2, pp. 78-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raljst>
2. Kazhikin A.A. Tendentsii razvitiya regional'noi pressy na rubezhe XX–XXI vekov [Trends in the development of the regional press at the turn of the 20th – 21st centuries]. In: Tulupov V.V. (ed.). *Tipologiya pressy: istoriya, teoriya, praktika* [Press Typology: History, Theory, Practice]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 2019, pp. 36-84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/esublw>
3. Prokhorov V.A. *Vsya Voronezhskaya zemlya: Kratkii istoriko-toponimicheskii slovar'* [All Voronezh land: A brief historical and toponymic dictionary]. Voronezh, Central Chernozem Book Publishing House, 1973, 367 p. (In Russ.) URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007342444>
4. Popov S.A. On the role of linguistic local history in the professional activities of journalists of regional media. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki = Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2022, no. 4 (47), pp. 126-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.43.86.019>, <https://elibrary.ru/xwdgmm>

Информация об авторе

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>, spo@bk.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, изучение, анализ и систематизация лингвокраеведческих публикаций районных СМИ Воронежской области, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 22.01.2023
Одобрена после рецензирования 18.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Sergey A. Popov, PhD (Philology), Associate Professor of Public Relations, Advertising and Design Department, Faculty of Journalism, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>, spo@bk.ru

Contribution: main study conception, study, analysis and systematization of linguo-local studies publications of the regional mass media of the Voronezh region, manuscript drafting and design.

Received January 22, 2023
Revised March 18, 2023
Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1 + 81.39

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-274-283>

Шифр научной специальности 5.9.5

Этнолингвистические особенности рекламных текстов Калмыкии на русском языке

Ольга Васильевна САЛЫНОВА

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ salynova.olga@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено выявлению этнолингвистических особенностей и исследованию их функционирования в русскоязычных рекламных текстах и афишах Калмыкии. Рассмотрен вопрос происхождения этнонима «калмык», отмечено, что калмыцкий этнос имеет несколько этнонимов: *калмык, хальмг, улан залата хальмг*, исследовано функционирование отэтнонимных дериватов («Калмыкия», «калмыцкий», «калмык/калмычка») и этномаркированной лексики в рекламных текстах и афишах Калмыкии. Применены описательный и лингвокультурологический методы, приём количественных подсчётов. Выявлено частотное употребление этнотопонима «Калмыкия» и отэтнонимного прилагательного «калмыцкий», применение которых привлекает внимание адресата, вызывает доверие и побуждает его к приобретению товара или услуги. В рекламных текстах отмечается национальный колорит, выражающийся через лексические этномаркеры, описано их положительное воздействие на адресата. Обнаружены национально-прецедентные феномены, передающие ключевые концепты национальной культуры и национального сознания. Подчёркивается прецедентный характер *калмыцкого чая* и его особое значение в калмыцкой лингвокультуре. Результаты исследования вносят некоторый вклад в изучение этнолингвокультурологии и могут быть использованы при подготовке и преподавании курсов «Этнолингвистика», «Лингвокультурология».

Ключевые слова: национально-прецедентный феномен, отэтнонимный, прецедентный феномен, рекламный текст, этнолингвистика, этнолингвистический, этноним

Для цитирования: Салынова О.В. Этнолингвистические особенности рекламных текстов Калмыкии на русском языке // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 274-283. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-274-283>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Ethnolinguistic features of advertising texts of Kalmykia in Russian language

Olga V. SALYNOVA

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
11 Pushkin St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
✉ salynova.olga@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the identification of ethno-linguistic features and the study of their functioning in Russian-language advertising texts and posters in Kalmykia. The question of the origin of the ethnonym “Kalmyk” is considered, it is noted that the Kalmyk ethnos has several ethnonyms: Kalmyk, Khalmg, Ulan Zalata Khalmg, the functioning of ethnonymic derivatives (“Kalmykia”, “Kalmyk”, “Kalmyk/Kalmychka”) and ethno-marked vocabulary in advertising texts are studied and posters of Kalmykia. Descriptive and linguoculturological methods are used, as well as the method of quantitative calculations. The frequent use of the ethnotoponym “Kalmykia” and the ethnonymous adjective “Kalmyk” is revealed, the use of which attracts the addressee's attention, inspires confidence and encourages him to purchase a product or service. In advertising texts, the national flavor is noted, expressed through lexical ethnomarkers, their positive impact on the addressee is described. National-precedent phenomena are found that convey the key concepts of national culture and national consciousness. The precedent nature of Kalmyk tea and its special significance in the Kalmyk linguistic culture are emphasized. The results of the study make some contribution to the study of ethnolinguistics and can be used in the preparation and teaching of the courses “Ethnolinguistics”, “linguoculturology”.

Keywords: national precedent phenomenon, ethnonymous, precedent phenomenon, advertising text, ethnolinguistics, ethnolinguistic, ethnonym

For citation: Salynova, O.V. Ethnolinguistic features of advertising texts of Kalmykia in Russian language. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):274-283. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-274-283>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы активно исследуются явления, сохраняющие память об истоках народа, этноса. Одной из наук, занимающихся этими вопросами, является этнолингвистика. А.С. Герд даёт следующее определение этнолингвистики: «Этнолингвистика – пограничная дисциплина, лежащая между языкознанием, этнографией и социологией». А предметом данной науки А.С. Герд определяет «язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе» [1, с. 3].

Этнолингвистика как наука появилась относительно недавно, однако существует

уже множество исследований, посвящённых этнолингвистическим особенностям и аспектам различных дискурсов и т. д. Поэтому представляется интересным изучение этнолингвистических особенностей рекламного текста, так как в рекламном тексте для достижения его главной цели (привлечение внимания адресата и побуждение его к приобретению товара или услуги) применяются различные языковые средства и приёмы, в том числе и этнолингвистические особенности, выражающиеся через лексемы, этномаркированную лексику, национально-прецедентные феномены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О происхождении этнонима *калмык*.

Одними из самых распространённых лексических этномаркеров в печатных русскоязычных рекламных текстах и афишах Калмыкии являются отэтнонимные дериваты этнонима *калмык* («Калмыкия», «калмыцкий», «калмык/калмычка»). В.А. Никонов отмечал, что этноним как название народа связан с образом жизни, направлением хозяйствования, социальной психологией, языком и культурой, «служит признаком, объединяющим внутри и различающим вовне» (цит по: [2, с. 11]). В денотативном значении этнонима содержатся сведения о территории, занимаемой этнической общностью, а также культурно-историческая информация. М.В. Назукина отмечает, что «самой распространённой практикой формирования названий республик РФ является акцентирование этнонима группы» [3, с. 704].

Вопросам исследования этногенеза калмыцкого народа, этнонимам в частности, посвящено множество исследований. Так, Э.П. Бакаева анализирует вопросы этнической и конфессиональной идентичности в контексте актуальных проблем исследования этнической истории калмыков [4, с. 53]. Изучая происхождение этнонима «калмык», Т.И. Шараева отмечает, что «калмыцкий этнос имеет несколько этнонимов: *калмык*, *хальмг*, *улан залата хальмг*. В настоящее время этноним *калмык* (*хальмг*), обозначающий ойратов, переселившихся в Россию, стал самоназванием народа и применяется в науке как устоявшийся термин. Считают, что русскоязычный этноним *калмык* является экзоэтнонимом, то есть названием, данным народу извне, в то время как этнонимы *хальмг* и *улан залата хальмг* являются эндоэтнонимами (самоназваниями народов, присвоенными ими себе или же формирующимися в процессе этногенеза), произносящимися на калмыцком языке» [2, с. 11].

Многие учёные предпринимали попытки установить этимологию этнонимов *калмык* и *хальмг*. А.М. Позднеев, Д.А. Павлов и другие учёные склоняются к тюркоязычной версии происхождения этнонима *калмык*. В тюрк-

ских языках слово *калмак* означает ‘остаток, оставшийся’ [2, с. 16]. Согласно М.Л. Кичикову, термин *калмак* впервые применили татары Сибири, когда там появились первые калмыки. В российских документах XVII века ойратов называют *калмыками*. По мнению В.Л. Котвича, термин «*калмыки* применялся для обозначения группы ойратов, проживавшей на Волге, Дону, Урале и усвоившей себе наименование, забыв старое имя «ойраты» (цит по: [2, с. 13]).

Согласно А.Ш. Кичикову, «слово *калмык* является компромиссом, продуктом контаминации тюркского *калмак* (*иноверец*) и калмыцкого *халимаг* (*стремительный*)» (цит по: [2, с. 18]). Данное мнение подтверждалось стремительным, мобильным образом жизни ойратов.

В.П. Дарбакова отмечает, что «...этноним «*хальмг*» происходит от слова «смешанный», так как, отделившись от Джунгарского ханства, ойраты представляли собой этническую общность, состоящую из различных ойратских племён (цит по: [2, с. 18]).

Что касается происхождения этнонима *улан залата хальмг*(*уд*), то мнения учёных схожи. У ойратов красная кисть *улан зала* была введена в 1437 г. указом их правителя Тогон тайши как их отличительный знак от остальных монголов [5, с. 340]. В статье «К вопросу об этнических маркерах калмыков: *улан зала*» Т.И. Шараева указывает на «сохранение сакрального значения *улан зала* для представителей ойратских групп, пришедших в степи Поволжья и Северного Кавказа: в иноэтнической среде *улан зала* служила отличительным знаком и для своих, и для других этносов, проживавших в полиэтничном регионе. В 1822 г. было утверждено постановление об обязательном ношении *улан зала* всеми калмыками» [2, с. 54].

Красная кисть *улан зала* на калмыцком головном уборе является одним из маркеров этнической культуры калмыков. Т.И. Шараева отмечает, что «до начала XX в. калмыки называли себя «улан залата» или «улан залата хальмг», то есть «носящие красную кисть» или «краснокисточные калмыки», вкладывая в эти слова смысл этнонима, равного по значению термину *калмык*» [2, с. 54].

У.Э. Эрднеев в очерках о калмыках отмечает, что «внешним материальным свидетельством сложения самостоятельной калмыцкой народности является общекалмыцкий символ *улан зала* – красная кисточка на головных уборах всех слоёв населения...» (цит по: [2, с. 21]).

Красная кисть *улан зала* применяется в разных сферах жизнедеятельности современных калмыков: присутствует на гербе Республики Калмыкия как элемент геральдики, а в гимне республики есть строки *улан залата хальмгуд*, выступающие как призыв-обращение к калмыцкому народу. Такое же обращение можно наблюдать в афише общественной молодёжной организации «ИТКЛ»:

Улан залата Хульмгуд!!!

18 ноября в 18.00 состоится II ежегодный турнир по калмыцкой борьбе «Итклин наадн». Впервые хальмг баатрмуд сойдутся в поединке на главной сцене республики.

Целью организации «ИТКЛ» («Вера») было возрождение, распространение и популяризация калмыцкого языка, культуры и традиций, повышение роли калмыцкой культуры в сознании всего общества. Одним из значимых мероприятий данной организации стал турнир по калмыцкой борьбе «Итклин наадн». В рекламном тексте организаторы обращаются к аудитории, применяя этноним *улан залата хальмгуд*, который выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание и воздействуя на адресата.

В тексте оправдано применение фразы, содержащей национальный компонент *хальмг баатрмуд* (калм. 'калмыцкие богатыри'): назвав так участников, организаторы турнира, они же составители рекламного текста, несомненно, воздействуют на аудиторию, выполняя в то же время цели и задачи организации.

Кроме того, в рассматриваемом примере применяется калмыцкое слово *иткл* – вера, доверие. «Для калмыков, как и для всех монголоязычных народов, большой ценностью обладает такое качество, как верность. Не случайно калмыки были хорошими воинами, преданно служившими своим военачальникам» [6, с. 142].

«В калмыцком языке немногочисленны пословицы и поговорки, объективирующие данный концепт. В толковом словаре калмыцкого языка даётся следующая пословица: *итклэн бичэ бар, ичрэн бичэ ге* (доверие не теряй, как и стыд свой). Пословицы и поговорки хотя и немногочисленны, однако свидетельствуют о важном месте, которое занимает данный концепт в калмыцкой лингвокультуре. Паремия свидетельствует о том, что смыслы, связанные с рассматриваемым концептом, относятся к моральным характеристикам, высоко оцениваемым калмыками» [6, с. 145].

Отэтнонимные дериваты этнонима калмык в рекламных текстах Калмыкии. В ходе исследования рассмотрено 410 печатных русскоязычных рекламных текстов и афиш, 64 из которых содержат лексемы «Калмыкия», «калмыцкий», «калмык/калмычка». Результаты исследования представлены в табл. 1.

В результате проведённого анализа удалось обнаружить, что этнопоним «Калмыкия» применяется почти в каждом втором рекламном тексте (59,3 %) и используется в наименованиях магазинов, туристических фирм, на афишах концертов, конкурсов, фестивалей и др.:

Дорогие друзья!

Стартовал фотоконкурс

«Калмыкия в объективе»

Цель конкурса – популяризация природы Республики Калмыкия, культуры и национальной самобытности народа Калмыкии, развитие туристической привлекательности региона.

Конкурс проводится по номинациям:

Фотографии, основная тема которых – виды природы Калмыкии.

Фото, на которых изображены люди Калмыкии.

Победители конкурса получают ценные призы.

В рассматриваемом рекламном тексте этнопоним «Калмыкия» применяется пять раз, вероятно, для запоминания текста конкурса, целью которого является привлечение внимания к природе и культуре Калмыкии.

Таблица 1
Частотность употребления лексем
в рекламных текстах Калмыкии
Table 1
Frequency of use of lexemes
in advertising texts of Kalmykia

Лексемы	Количество рекламных текстов, %
Калмыкия	59,3
Калмыцкий	37,5
Калмык/калмычка	3,2

В следующем рекламном тексте туристической фирмы также применяется этнопоним «Калмыкия», который описывается с помощью оценочного прилагательного *невероятная*:

Steppe tour Туры нескольких дней по 18990 р.
Невероятная Калмыкия *Степной оазис*
Релакс тур «Дыхание степи»

Исследуя языковую презентацию рекламных текстов Калмыкии, О.В. Салынова отмечает, что «слова *степь* и *степной* в рекламных текстах Калмыкии, в частности в афишах и объявлениях, употребляются довольно часто, так как степь для калмыцкого народа является неотъемлемой частью жизни, истории, культуры. Исторически калмыки – кочевники, жизнь которых неразрывно связана со степью и её просторами. И степь, несомненно, является символом Калмыкии, ей посвящено много произведений, она считается одним из главных объектов калмыцкого фольклора и вершины устного народного творчества народа – эпоса «Джангар», «стихотворной поэмы, воспевающей воинские подвиги калмыцких богатырей и их предводителя Джангара, защитников сказочной страны Бумбы» [7, с. 37]. У калмыцкого народа степь вызывает ассоциативную связь с родиной. Не случайно степь изображена на афишах, плакатах, открытках, конвертах, которые, будучи туристическими продуктами, выполняют рекламную функцию» [8, с. 90].

Рассмотрим ещё один рекламный текст:

Sargerl_08. *Сувениры Калмыкии*
национальные сувениры, буддийские амулеты,
буддийская литература, сувениры фенишуй

Помимо этнопонима «Калмыкия», в данном рекламном тексте применяется национально-прецедентный феномен *Сар-Герл*, оформленный латинскими буквами. «Сар-Герел» (в переводе с калмыцкого «Девушка-Луна») – это поэма известного калмыцкого писателя Д. Кугультинова, где главной героиней является девушка по имени Герел (калм. 'свет'). По сюжету Солнце влюбляется в Герел, но девушка влюблена в земного парня и не готова отказаться от любви, тем самым вызывая гнев Солнца, которое в итоге скрывается за горизонтом и наступает тьма на земле. И чтобы спасти людей от тьмы, превратившись в Луну, девушка поднимается в небо, но и там при виде Солнца бежит от него прочь. Если рассуждать об этнолингвистической составляющей данного рекламного текста, то можно предположить, что «национальное» название магазина оправдано спецификой продаваемых товаров: национальных сувениров и товаров с буддийской символикой.

В каждом третьем проанализированном примере (37,5 %) содержится этнонимное прилагательное *калмыцкий* в составе следующих словосочетаний: калмыцкие песни, калмыцкие танцы, калмыцкая культура, калмыцкий чай, калмыцкий язык, калмыцкие сувениры:

1. *Республиканский фестиваль Седжлин айс.*
В программе фестиваля: калмыцкие национальные танцы и песни, калмыцкое устное народное творчество, инструментальное исполнение, авторские композиции.

2. *Фестиваль Тюльпанов*
2022 *Республика Калмыкия*
В программе Фестиваля тюльпанов: Тюльпановый остров, этнографическая стоянка, национальный фольклор, калмыцкие виды спорта, дегустация вкусной калмыцкой кухни в лучших ресторанах и кафе!

Калмыцкая чайная церемония!
Встреча со знаменитостями Калмыкии!

3. Золотая домбра

*Концерт калмыцких народных песен.**Калмыцкий чай и борцоки бесплатно*4. Концерт для жителей **Калмыкии***«Праздник калмыцкого чая» «Хальмг цяэгин няр»*
(написано не калмыцкими буквами).*Сохраним калмыцкую культуру.*

Как видно из перечисленных примеров, *калмыцкий чай* достаточно часто упоминается в рекламных текстах и афишах Калмыкии. В статье О.В. Салыновой «Языковая презентация рекламы (на материале рекламных текстов Калмыкии)» подробно описано значение калмыцкого чая в калмыцкой лингвокультуре на примере текста афиши «Хальмг Цээгин Нэр», праздника, посвящённого Дню калмыцкого чая. Целью данного мероприятия является сохранение и возрождение калмыцких народных традиций. В данном примере создатели рекламы визуализируют концепт «чай» вербальными (прецедентный текст *хальмг цэ*) и невербальными средствами: национальная одежда калмыков, степь, чай в пиалах» [8, с. 89].

Т.С. Есенова отмечает, что «придавая особую символическую значимость напитку, калмыки сложили определённые приметы, правила и обычаи, связанные с приготовлением, подношением и употреблением чая, а также определённое коммуникативное поведение относительно него. Все традиции, связанные с чаем, калмыки называют *цээгин авьяс*» [6, с. 87].

В настоящее время современные калмыки остаются верны калмыцкому чаю, изготавливая его по старинному рецепту и употребляя каждый день несколько раз. Калмыцкие авторы посвящают калмыцкому чаю стихи и песни [8, с. 89-90].

В статье «Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев» авторы отмечают большую роль чая в питании калмыков и тувинцев. Кроме того, подчёркивается, что чай «сумел занять позицию одного из основных способов коммуникации, поддержания традиций и исторической памяти, что позволило ему не только удержать свои позиции в культурном пространстве этих тюрко-монгольских народов, но стать в современных реали-

ях одним из значимых этнических маркеров» [9, с. 149].

Продолжая тему калмыцкой кухни, рассмотрим следующий рекламный текст: *Кюр. «Горячая» доставка горячей еды.*

В рассматриваемом рекламном тексте кафе названо калмыцким национальным блюдом кюр: бараний желудок начиняют мясом барана и требухой, затем помещают в яму, над которой разжигают костёр, за счёт этого мясо тушится в собственном соку.

В наше время кюр готовят для почётных гостей и подают на больших мероприятиях, в то время как в традиционной кухне кюр был редким блюдом и считался пищей пастухов, которые старались есть мясо втайне от хозяина стада: над местом приготовления данного блюда разводили костёр, чтобы сделать процесс приготовления мяса незаметным, как и исчезновение овцы из стада [2, с. 77]. В данном рекламном тексте применяется метонимия, подразумевающая сближение, сопоставление понятий, которое основано на замене прямого названия предмета другим по принципу смежности.

Блюдо кюр также упоминается и в следующем рекламном тексте:

Адык Страна Бумба. Новый туристический маршрут Калмыкии

Помимо туров вы сможете: побывать в этнохотоне (музей-кибитке), покататься на верблюдах, отдохнуть с ночевкой, посетить контактный мини-зоопарк, попробовать калмыцкий кюр, изучить калмыцкие традиции, поучаствовать в мастер-классе, пострелять из лука, пометать аркан.

В данном рекламном тексте сообщается о новом туристическом маршруте Страна Бумба в калмыцком поселке Адык. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» действие происходит в Стране Бумба, стране счастья и благоденствия, образ которой послужил основой для данной экскурсии. Организаторы воссоздали быт калмыков: построили музей-кибитку, где знакомят туристов с бытом калмыков-кочевников, их историей, культурой и традициями. Туристам предлагают различные занятия от дегустации

блюдов калмыцкой кухни до стрельбы из лука и метания аркана.

Всего в двух рекламных текстах (3,2 %) используются этнонимы: «калмык», «калмычка».

1. Музыкально-хореографический спектакль «Пушкин и **калмычка**».

Имена собственные композиторы

2. Открытие концертного сезона «И друг степей **калмык**»

Кроме того, в тексте афиши музыкально-хореографического спектакля ансамбля «Ойраты» «Пушкин и калмычка» применяется имя А.С. Пушкина, прецедентность которого несомненна.

При описании товаров и услуг в рекламных текстах и афишах отмечается национальный колорит. Специфика региональной ментальности позволяет воспринимать рекламную продукцию как качественную и вызывающую доверие. Применение прилагательного *калмыцкий* в рекламном тексте вызывает у местного населения доверие к рекламируемому товару или услуге, так как они являются «своими»:

1. **Калмыцкий** бренд одежды STEPPE

2. Сольный концерт Элисины Бурвяшовой «Халун менд». Новые песни

Манахс, ирцхэти! Соньн болх! Хальмг music.

Не пропустите! Музыкальный **калмыцкий** проект!

3. Дорогие друзья!

С 1 апреля начинается подписка на газету «Байрта» на 2-е полугодие 2021 года! 5 причин подписаться на «Байрту» – единственное в **Калмыкии** семейное издание.

В рекламном тексте о подписке на газету «Байрта» подчёркивается, что газета является единственным семейным изданием в республике, что, несомненно, придаёт уникальность этому изданию, тем самым привлекая внимание читателей.

В рекламном тексте магазина сувениров *Кишгта белг* подчёркивается, что товары изготовлены калмыцкими умельцами, а завершается рекламный текст фразой *Made in Kalmykia*, указывающей, что местом изготовления товаров является Калмыкия:

Кишгта белг

СУВЕНИРЫ

Подарки от **калмыцких** умельцев

Изделия народных художественных промыслов

Картины книги одежда

предметы интерьера

упаковка подарков

Made in **Kalmykia**

Согласно Калмыцко-русскому словарю, в калмыцком языке семантическое поле концепта *кишг/счастье* включает компоненты «благополучие, благоденствие» [6, с. 126]. Обозначение концепта «подарок» в калмыцкой лингвокультуре составляет лексема *белг* – подарок.

В калмыцкой лингвокультуре есть несколько случаев дарения подарков как универсального средства коммуникации, а именно: 1) дарение (подарок) как символ закрепления родственных отношений; 2) дарение как часть праздничной обрядности; 3) символический обмен подарками.

Первый случай – это архаический уровень, уровень кровных родственников, происходящих от одного общего предка, и членов родов, породнившихся путём браков. Сюда относятся торжества светского характера, заключения брачных союзов, дни рождения близких, наречение именем новорождённого, проводы родственников. Все свадебные церемонии сопровождались вручением различных подарков, имеющих определённое символическое значение: конфеты, борцоги, сладости, чай, масло, варёная баранина, спиртное. Наиболее значимым и ценным подарком, особенно в свадебном обряде, считался скот.

Наиболее распространённой и устойчивой традицией одаривания на калмыцкой свадьбе считается обряд *өмскүл* (досл. наряд, одяние) и церемония, связанная с ним «*өмскүл өмскүлһн*» (подношение одежды). *Өмскүл* дарили жениху и невесте, их родителям, сопровождающим лицам, почётным гостям, близким родственникам, *өмскүл* является своего рода ответом (отдарком) на принятые подарки невесты. Подношение одежды сопровождается благопожеланиями. Существует множество вариаций благопожеланий, основная идея которых сводится к тому, что обычай одаривания есть проявление радушия, гостеприимства и доброжелательности.

«Подарок считается важным средством поддержания родственных и общественных связей, а подчеркнутая щедрость и гостеприимство обеспечивают человеку положение в обществе. В калмыцкой традиционной культуре принято дарить в подарок деньги (монг). Чаще всего такой подарок (белг) преподносят при рождении ребёнка, на праздник, а также тому, кто отправляется в дальнюю дорогу. Даритель желает удачи и благоговлея путь.

Концепт «подарок» относится к числу этнокультурных концептов сценарного типа, он представляется как коммуникативное действие, основная идея которого заключается в проявлении дружеских чувств, внимания. Выбор подарка зависит от характера мероприятия. Калмыки предпочитают дарить «живые» подарки (например, лошадь), символизирующие материальный достаток и независимость, предметы гардероба, денежные и кулинарные подарки. Традиционный обмен подарками (дарение) прослеживается на разных социальных уровнях – от родственных до бытовых, выполняя особую функцию, и сопровождается специфическим социальным ритуалом, имеющим благопожелательную символику» [10, с. 146-147].

ВЫВОДЫ

При создании рекламного текста важно учитывать особенности товара, целевую аудитор

иторию и др. Для достижения цели рекламного текста его авторы применяют различные языковые средства и приёмы, включая этнокультурные маркеры. Лексике рекламных текстов и афиш Калмыкии характерно применение этнонима «калмык» и его отэтнонимных дериватов «Калмыкия», «калмыцкий».

Калмыцкий этнос имеет несколько этнонимов: *калмык*, *хальмг*, *улан залата хальмг*. Относительно их этимологии существуют различные версии, однако большинство учёных придерживается мнения о тюркоязычной версии происхождения этнонима *калмык*, для представителей калмыцкого этноса этнонимы *калмык* и *хальмг* синонимичны и представляют собой русско- и калмыцкоязычные производные варианты.

В исследовании отмечается прецедентный характер *калмыцкого чая*, который занимает особое место в калмыцкой лингвокультуре, что подтверждается стихами и песнями, посвящёнными калмыцкому чаю.

В рекламных текстах и афишах Калмыкии отмечается национальный колорит, применяется этномаркированная лексика (иткл, кишг, белг), национально-прецедентные феномены (калмыцкий чай, кюр), играющие важную роль в сохранении и презентации культурной информации, поскольку в них материализуются, воплощаются ключевые концепты национальной культуры и национального сознания.

Список источников

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 458 с. URL: https://www.academia.edu/10100591/A_C_ГЕРД_ВВЕДЕНИЕ_В_ЭТНОЛИНГВИСТИКУ_A_S_GERD_AN_INTRODUCTION_TO_ETHNOLINGUISTICS
2. Шараева Т.И. Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. 288 с. <https://doi.org/10.22162/978-5-906881-39-7>, <https://elibrary.ru/nrgxzn>
3. Назукина М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4. С. 698-717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>, <https://elibrary.ru/yqjhch>
4. Бакаева Э.П. Вопросы этнической идентификации в документах калмыцких буддистов первой трети XX в. в контексте современных проблем исследования этнической истории калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11. № 4 (38). С. 52-67. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-52-67>, <https://elibrary.ru/yplelz>
5. Бакаева Э.П. Визуализация идентичности: символика этнической идентификации в контексте системы автомобильности (на примере Калмыкии) // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 326-364. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/15>, <https://elibrary.ru/yorxit>

6. Есенова Т.С. Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2012. 160 с. <https://elibrary.ru/tuoted>
7. Улинова И.Х. Значение культурных индустрий в сохранении этнического своеобразия калмыков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 34-39. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-34-39>, <https://elibrary.ru/wewztp>
8. Салынова О.В. Языковая презентация рекламы (на материале рекламных текстов Калмыкии) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10-1. С. 88-92. <https://elibrary.ru/uxkkht>
9. Шараева Т.И., Айыжы Е.В. Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 140-153. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>, <https://elibrary.ru/ekcetb>
10. Церенова Ж.Н. Концепт «подарок» в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурные концепты в сознании современных россиян / науч. ред. Т.С. Есенова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 145-148. <https://elibrary.ru/tuoqzp>

References

1. Gerd A.S. *Vvedenie v ehtnolingvistiku* [An Introduction to Ethnolinguistics]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2005, 458 p. (In Russ.) Available at: https://www.academia.edu/10100591/A_S_GERD_VVEDENIE_V_EHTNOLINGVISTIKU_A_S_GERD_AN_INTRODUCTION_TO_ETHNOLINGUISTICS
2. Sharaeva T.I. *Ehtnicheskie markery kalmykov: issledovanie i materialy* [Ethnic Markers of the Kalmyks: Research and Materials]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, 288 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/978-5-906881-39-7>, <https://elibrary.ru/nrgxzn>
3. Nazukina M.V. Markers of ethnicity in the regional identity of Russia's republics. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*, 2018, vol. 26, no. 4, pp. 698-717. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>, <https://elibrary.ru/yqjhch>
4. Bakaeva Eh.P. Ethnic identity issues of Kalmyk Buddhists in the 1900–1930s: a perspective from the current challenges of Kalmyk ethnic history studies. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 11, no. 4 (38), pp. 52-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-52-67>, <https://elibrary.ru/yplelz>
5. Bakaeva Eh.P. Visualizing identity: Kalmyk number plates and the symbolism of the ethnic. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*, 2020, no. 4, pp. 326-364. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/15>, <https://elibrary.ru/yorxit>
6. Esenova T.S. *Ocherki po lingvokul'ture kalmykov* [Essays on the Linguistic Culture of the Kalmyks]. Elista, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov Publ., 2012, 160 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tuoted>
7. Ulinova I.Kh. Cultural industries' relevance in preserving Kalmyks ethnic identity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 2019, no. 2 (39), pp. 34-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-34-39>, <https://elibrary.ru/wewztp>
8. Salynova O.V. Language representation of advertisement (on the material of advertising texts of Kalmykia). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*, 2015, no. 10-1, pp. 88-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uxkkht>
9. Sharaeva T.I., Aiyzhy E.V. Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans. *Novye issledovaniya Tuvy = The New Research of Tuva*, 2019, no. 4, pp. 140-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>, <https://elibrary.ru/ekcetb>
10. Tserenova Zh.N. Kontsept «podarok» v kalmytskoi lingvokul'ture [The concept of “gift” in the Kalmyk linguistic culture]. In: Esenov T.S. (academ. ed.). *Ehtnokul'turnye kontsepty v soznanii sovremennykh rossiyan* [Ethnocultural Concepts in the Minds of Modern Russians]. Elista, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov Publ., 2010, pp. 145-148. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tuoqzp>

Информация об авторе

Салынова Ольга Васильевна, старший преподаватель кафедры германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0765-646X>, salynova.olga@mail.ru

Вклад в статью: идея, сбор и анализ данных, изучение рекламных текстов и афиш, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.04.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Olga V. Salynova, Senior Lecturer of German Philology Department, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0765-646X>, salynova.olga@mail.ru

Contribution: idea, data collection and analysis, study of advertising texts and posters, manuscript drafting and design.

Received January 19, 2023

Revised April 12, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 808.2(035.5)

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-284-291>

Шифр научной специальности 5.9.5

Значение научных трудов профессора В.Г. Руделёва. Создание и развитие теории частей речи

Надежда Геннадиевна СЕРЕБРЕННИКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ nadegda_korrespondensija@mail.ru

Аннотация. Показана роль, которую сыграла динамическая теория частей речи, созданная профессором В.Г. Руделёвым, в исследованиях Тамбовской лингвистической школы. Рассмотрена частеречная теория, используемая в рамках Тамбовской лингвистической школы. Особое внимание уделено теоретико-информационному методу. Приведены примеры оппозиций и нейтрализаций в рамках частеречной теории. Проанализировано содержание научных трудов, в которых получила развитие данная теория. Сделан вывод о том, что динамическая теория частей речи позволила не только представить частеречную модель как систему, в которой устанавливалась иерархия каждого элемента, но и в дальнейшем повлекла за собой решение ряда принципиально важных проблем, которые было бы невозможно описать без применения новых подходов, например, в области поэтики или взаимодействия изобразительно-выразительных средств. Оппозитивный метод широко может использоваться в любой языковой области, например, при анализе художественных текстов, при изучении изобразительно-выразительных средств.

Ключевые слова: теоретико-информационный метод, оппозитивный метод, части речи

Для цитирования: Серебренникова Н.Г. Значение научных трудов профессора В.Г. Руделёва. Создание и развитие теории частей речи // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 284-291. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-284-291>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Публикуемые статьи Н.Л. Потаниной, Н.Г. Серебренниковой, А.Л. Шарандина посвящены 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Руделёва. Они отражают различные аспекты анализа его научного и творческого наследия в рамках исследований научной школы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина «Экология языка и речи», основателем и руководителем которой был В.Г. Руделёв.

The significance of the scientific works of Professor V.G. Rudelev. Creation and development of the parts of speech theory

Nadezhda G. SEREBRENNIKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
✉ nadegda_korrespondensija@mail.ru

Abstract. The role played by the dynamic theory of parts of speech, created by Professor V.G. Rudelev, in the studies of the Tambov linguistic school. The part-of-speech theory used within the framework of the Tambov linguistic school is considered. Particular attention is paid to the information-theoretical method. Examples of oppositions and neutralizations within the framework of part-of-speech theory are given. The content of scientific works in which this theory was developed is analyzed. It is concluded that the dynamic theory of parts of speech made it possible not only to present the part-of-speech model as a system in which the hierarchy of each element was established, but also subsequently led to the solution of a number of fundamentally important problems that would have been impossible to describe without the use of new approaches, for example, in the field of poetics or the interaction of figurative and expressive means. The opposing method can be widely used in any language area, for example, in the literary texts analysis, in the study of figurative and expressive means.

Keywords: information-theoretic method, oppositional method, parts of speech

For citation: Serebrennikova, N.G. The significance of the scientific works of Professor V.G. Rudelev. Creation and development of the parts of speech theory. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):284-291. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-284-291>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

При изучении учебных дисциплин, таких как русский язык и культура речи, современный русский язык, во многом формируется культура речевого поведения. Языковое сознание тесно связано не только с изучением фонетических, грамматических норм, функциональных стилей, но и с осмыслением структуры языка, исследованием языка как системы. Это в особенности важно для студентов-филологов, начинающих изучение родного языка. Учёным В.Г. Руделёвым, о научном наследии которого пойдёт речь в данной статье, всячески подчёркивалась мысль о том, что культура, сознание людей тесно связаны с характером структуры родного языка, с его лексическими, морфологи-

ческими особенностями. Говоря о вкладе профессора В.Г. Руделёва в развитие теории частей речи, следует подчеркнуть, что именно частеречная теория, оформленная В.Г. Руделёвым в 1996 г. в рамках небольшой по объёму, но теоретически насыщенной статьи «Динамическая теория частей речи русского языка», стала во многом знаковой для научного наследия учёного [1]. Динамическая теория частей речи не является чисто теоретическим построением. Она, как не раз подчёркивал сам учёный, тесно связана с особенностями мышления русского человека, с его языковой картиной мира, и показывает, как, казалось бы, в чисто теоретических моделях языковой структуры отражаются особенности восприятия всего, что окружает носителя языка. Речь идёт о вос-

приятии русским человеком таких понятий, как «признак», «качество», «действие», «предмет» и др. В.Г. Руделёв не раз обращал внимание на то, что частеречная теория должна быть не механической классификацией, старающейся представить частеречные классы слов как безликие схемы, где под понятие «предмет» попадают такие слова, как «бег», «белизна» и т. п. Теория должна быть живым отражением сознания носителей языка, для которых «белизна» никак не может представлять как некий предмет, даже абстрактный. Для русского языкового сознания, что не раз доказывалось на примерах различного рода текстов, «белизна» стоит в одном ряду с прилагательным «белый», обозначающим качество. Стремление профессора В.Г. Руделёва представить язык как развивающуюся, динамическую структуру в рамках любой изучаемой области, в особенности – в области теории частей речи, дало толчок развитию исследований и для других учёных, работавших в русле Тамбовской лингвистической школы.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В данной статье была поставлена цель рассмотреть ту роль, которую сыграла динамическая теория частей речи, созданная профессором В.Г. Руделёвым, для последующего развития частеречной теории в рамках Тамбовской лингвистической школы, показать то, какое развитие получила данная теория в работах других представителей этой научной школы. Особое внимание уделяется теоретико-информационному методу.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория частей речи, как считал В.Г. Руделёв, «является определяющим признаком всякой общей лингвистической школы» [2, с. 37]. Особо важная роль в данном случае отводится методу, с помощью которого была описана частеречная теория. Во многом особенности научных изысканий Тамбовской лингвистической школы определил теоретико-информационный метод, рассматриваемый в рамках данной школы как универ-

сальный. Говоря о теоретико-информационном методе, В.Г. Руделёв опирался на работу Н.С. Трубецкого «Основы фонологии», и хотя сам Н.С. Трубецкий не употреблял название «теоретико-информационный метод», суть данной методологии восходит именно к этой работе [3]. Заложенные Н.С. Трубецким идеи об оппозициях фонем и их нейтрализациях получили собственную интерпретацию и развитие в трудах В.Г. Руделёва, для которого фонологические идеи были важны именно в методологическом плане. Данные идеи, по мнению профессора В.Г. Руделёва, могли найти применение на самых разных уровнях языка, например, в лексикологии, поэтике, морфологии, и в особенности – в теории частей речи, где использование данного метода представлено наиболее наглядно. Как справедливо отмечает в этой связи профессор А.Л. Шарандин, «для В.Г. Руделёва важен методологический характер фонологических идей и то, что фонология – это не только самостоятельная лингвистическая дисциплина, но и целостное «научное мировоззрение», способное найти применение на всех уровнях языка и даже – за его пределами» [4, с. 133].

Таким образом, особо значимым данный метод является для описания вышеуказанной теории частей речи. В рамках данной теории части речи рассматриваются как семантические, в первую очередь, и грамматические классы слов. Говоря о взаимодействии грамматики и лексики, В.Г. Руделёв всячески подчёркивал, что грамматика выступает по отношению к лексике как её шифр [1, с. 83]. Грамматические категории, по мнению В.Г. Руделёва, являются примером шифровки абстрактной лексической семантики, и наиболее наглядно и полно данная идея была представлена в теории частей речи. Была установлена система частеречных оппозиций и корреляций, подвергающихся нейтрализации в слабых позициях. При нейтрализации части речи способны принимать формальные признаки других частей речи, сохраняя при этом инвариантное значение [2, с. 36]. Так, например, в оппозиции «глагол – существительное» форма «бег» приобретает формальные признаки существительного, сохраняя

значение действия. Истоки подобного рода рассуждений сам В.Г. Руделёв видел в концепции Л.В. Щербы, который признавал первичность семантики и вторую роль формального выражения [2, с. 37].

В.Г. Руделёвым были установлены такие оппозиции, как «глагол – существительное», «глагол – прилагательное», «существительное – наречие». Глагол выступает как маркированный по отношению к существительному и прилагательному, наречие – как маркированный элемент по отношению к существительному. Числительные подключаются к блоку «наречие – существительное», а местоимения и собственные слова являются частеречными надклассами. Оппозиции могут быть построены по различным признакам, например, «процессуальность», «предикативность», «адвербиальность». В результате смешения частей речи в позициях эпитета, подлежащего, обстоятельства могут быть образованы такие мимикрические формы, как «субстантивная форма глагола», «субстантивная форма прилагательного», «наречная форма глагола», «наречная форма прилагательного» [2, с. 46]. «Нейтрализация позволяла в данном случае объективно установить в теоретико-информационном аспекте весомость той или иной части речи, ибо маркированный оппозиит несёт больше информации по сравнению с немаркированным» [5, с. 124].

Подобного рода описанию динамической теории предшествовал ряд работ самого В.Г. Руделёва, а также других исследователей, работавших в русле Тамбовской лингвистической школы. В данном случае можно назвать работы А.Л. Шарандина, О.А. Дриняевой, Н.В. Челобеевой, О.А. Руделёвой [6–10].

Важным являлось то, что оппозитивный метод применялся как универсальный, что частеречная система благодаря этому могла быть представлена как действующая модель, где устанавливалась определённая иерархия частеречных классов, способных выступать в виде маркированных или немаркированных элементов системы, что зависело от их синтаксической позиции. Таким образом, было объяснено, почему в языке существуют, на-

пример, субстантивные формы глагола или субстантивные формы прилагательного, то есть мимикрические формы. Они становятся возможны благодаря тому, что язык, стремясь увеличить скорость передачи информации, способен изменять свой объём. «Суть динамического осмысления частеречной системы русского языка, согласно В.Г. Руделёву, определяется как способность сокращаться за счёт частеречного пространства, представленного оппозициями и их корреляциями, ради увеличения скорости речи. Однако этот процесс сокращения не сопровождается потерей значимой концептуальной информации, передаваемой частями речи, поскольку её восстановление всегда возможно при применении корректирующей модели языка...» [4, с. 133].

Таким образом, динамическая теория частей речи была способна ответить на многие сложные вопросы, возникающие относительно значений тех или иных частеречных классов. Но тем не менее были поставлены и новые проблемы, касающиеся статуса мимикрических форм. Некоторые аспекты теории нуждались в уточнении и дополнении. Например, как нам кажется, весьма интересным представляется взаимодействие таких частей речи, как прилагательное и существительное в позиции эпитета. Нами был выявлен последовательный механизм образования эпитета на базе прилагательного с помощью существительного как мотивирующего слова [11].

Также в уточнении нуждался статус субстантивной формы глагола типа «бег». Е.Н. Егоровой на обширном материале русского и других славянских языков было доказано, что субстантивные формы глагола (или «девербативы») имеют значение действия, состояния, процесса. Подобные формы имеют как глагольные морфологические категории (например, вид, залог, время), так и морфологические категории, присущие существительному (род, число, падеж, лицо). Но проявление первых носит имплицитный характер, а вторых – эксплицитный, что определяется глагольно-именной природой девербативов [12].

В дальнейшем профессором А.Л. Шарандиным было определено место в системе

частей речи так называемых деадъективных слов типа «доброта». Деадъективы рассматривались А.Л. Шарандиным как субстантивные формы качественно-предикативных слов, а с точки зрения концептуального содержания как особые когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы [13]. Также А.Л. Шарандиным были проанализированы возможные подходы к описанию гибридных слов, в том числе причастий и деепричастий [14]. В данном случае теория частей речи дополняется возможностью рассмотреть частеречные классы с точки зрения их когнитивной сущности [15; 16]. А.Л. Шарандин отмечает: «В нашем понимании первичной является связь понятия части речи не со словом, а с типом речи... Коммуникация в данном случае может рассматриваться... в качестве функциональной базы, которая позволяет реализовать когнитивные коммуникативно-дискурсивные возможности речемыслительной деятельности человека» [15, с. 1313].

ВЫВОДЫ

Учёным В.Г. Руделёвым было оставлено большое научное наследие, которое ещё

предстоит оценить и осмыслить. Динамическая теория частей речи, таким образом, имела очень большое значение, так как позволила не только представить частеречную модель как систему, в которой устанавливалась иерархия каждого элемента, но и в дальнейшем повлекла за собой решение ряда принципиально важных проблем, которые было бы невозможно описать без применения новых подходов. Оптимистичный метод, воспринимаемый как универсальный, стал применяться за пределами теории частей речи, например в области поэтики [17–19], а также, что в особенности было связано с частеречной теорией, – в области взаимодействия изобразительно-выразительных средств [19; 20]. Динамическая теория объяснила не только систему взаимоотношений частеречных классов, но дала возможность выйти за пределы собственно частей речи, возможность увидеть и интерпретировать многие факты с другой стороны, показала возможность перспективы применения теоретико-информационного метода для решения самых различных языковых вопросов.

Список источников

1. Руделёв В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. Вып. 1. С. 83-89. <https://elibrary.ru/nuvtgf>
2. Руделёв В.Г. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Ч. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 182 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
3. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Ин. лит., 1960. 372 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008458986>
4. Шарандин А.Л. Научное наследие профессора В.Г. Руделёва // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 131-136. <https://elibrary.ru/zdbgzv>
5. Шарандин А.Л. Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы // Нефилология. 2019. Т. 5. № 18. С. 118-128. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128>, <https://elibrary.ru/gcvncg>
6. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы: межвуз. (респ.) сб. лингв. ст. / под ред. В.Г. Руделёва. Тамбов: ТГПИ, 1981. С. 34-37. <https://elibrary.ru/ratnnn>
7. Шарандин А.Л. Грамматические категории и лексико-грамматические классы русского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982. 23 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009409297>
8. Дриняева О.А. Некоторые аспекты существительного и субстантивных форм в современном русском языке (На материале текстов, изучаемых в начальной школе): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1989. 24 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000055857>
9. Челюбеева Н.В. Семантико-грамматические признаки качественно-предикативных слов в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 23 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000114233>

10. Руделёва О.А. Существительное и его семантико-грамматические классы (На материале поэзии Андрея Вознесенского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990. 14 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000107208?page=1&rotate=0&theme=white>
11. Серебренникова Н.Г. Механизм эпитета (на материале поэтических текстов К. Бальмонта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 20 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003225606>
12. Егорова Е.Н. Девербативы как субстантивные формы глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003485601?page=1&rotate=0&theme=white>
13. Шарандин А.Л. Концептуальная структура и категориальный статус деадъектива в контексте теории интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 503-509. <https://elibrary.ru/yzzubv>
14. Шарандин А.Л. Гибридные слова как объект изучения в вузе // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. 2 Междунар. симпозиума: в 2 т. Симферополь: Изд-во Типография «Ариал», 2018. Т. 2. С. 129-135. <https://elibrary.ru/xszwfn>
15. Шарандин А.Л. Когнитивный коммуникативно-дискурсивный подход как приоритетное направление в изучении русского языка в вузе (на материале частей речи) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1310-1314. <https://elibrary.ru/yqoywl>
16. Шарандин А.Л. К вопросу о когнитивной сущности частей речи в русском языке // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 326-333. <https://elibrary.ru/uqdqvo>
17. Подольская И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; ООО «Центр-Пресс», 2004. 227 с. <https://elibrary.ru/qrdckb>
18. Шарандин А.Л. Оппозитивный метод в филологических исследованиях // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: сб. ст. науч.-метод. семинара "TEXTUS". Санкт-Петербург; Ставрополь: СГУ, 2001. Вып. 6. С. 56-60. <https://elibrary.ru/cahfzv>
19. Шарандин А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: к вопросу о поэтическом языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 3 (27). С. 125-130. <https://elibrary.ru/nttvrp>
20. Серебренникова Н.Г. Поэтема в системе изобразительно-выразительных средств // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16. № 3. С. 745-750. <https://elibrary.ru/muzowv>

References

1. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastei rechi russkogo yazyka [Dynamic theory of parts of speech of the Russian language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nvutgf>
2. Rudelev V.G. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Ch. 2* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 6. Pt 2]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002, 182 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
3. Trubetskoi N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1960, 372 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008458986>
4. Sharandin A.L. Professor V.G. Rudelev's scientific heritage. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'tureaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, no. 1, pp. 131-136. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zdbgzv>
5. Sharandin A.L. Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov linguistic school formation and development. *Neofilologiya = Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 118-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128>, <https://elibrary.ru/gcvnec>
6. Rudelev V.G., Sharandin A.L. Shifruyushchaya rol' glagol'nykh grammaticheskikh kategorii [Encrypting role of verbal grammatical categories]. *Teoriya soderzhatel'noi formy: mezhvuzovskii (respublikanskii) sbornik lingvisticheskikh statei* [Content Form Theory: Interuniversity (Republican) Collection of Linguistic Articles]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1981, pp. 34-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ratnnn>
7. Sharandin A.L. *Grammaticheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie klassy russkogo glagola: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Grammatical Categories and Lexical and Grammatical Classes of the Russian Verb. PhD (Philology) diss. abstr.]. Voronezh, 1982, 23 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009409297>

8. Drinyaeva O.A. *Nekotorye aspekty sushchestvitel'nogo i substantivnykh form v sovremenном русском языке (Na materiale tekstov, izuchaemykh v nachal'noi shkole): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Some Aspects of the Noun and Substantive Forms in the Modern Russian Language (Based on Texts Studied in Primary School). PhD (Philology) diss. abstr.]. Voronezh, 1989, 24 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000055857>
9. Chelyubeeva N.V. *Semantiko-grammaticheskie priznaki kachestvenno-predikativnykh slov v govorakh Tambovskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Grammatical Features of Qualitatively Predicative Words in the Dialects of the Tambov Region. PhD (Philology) diss. abstr.]. Leningrad, 1988, 23 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000114233>
10. Rudeleva O.A. *Sushchestvitel'noe i ego semantiko-grammaticheskie klassy (Na materiale poezii Andrey Voznesenskogo): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Noun and Its Semantic-Grammatical Classes (Based on the Poetry of Andrei Voznesensky). PhD (Philology) diss. abstr.]. Saratov, 1990. 14 s. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000107208?page=1&rotate=0&theme=white>
11. Serebrennikova N.G. *Mekhanizm epiteta (na materiale poeticheskikh tekstov K. Bal'monta): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Mechanism of the Epithet (Based on the Poetic Texts of K. Balmont). PhD (Philology) diss. abstr.]. Tambov, 2002, 20 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003225606>
12. Egorova E.N. *Deverbativy kak substantivnye formy glagola: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Deverbatives as Substantive Forms of the Verb. PhD (Philology) diss. abstr.]. Tambov, 2009, 23 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003485601?page=1&rotate=0&theme=white>
13. Sharandin A.L. Conceptual structure and categorial status of de-adjective in the context of theory of interpretation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2019, no. 36, pp. 503-509. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzzubv>
14. Sharandin A.L. *Gibridnye slova kak ob"ekt izucheniya v vuze* [Hybrid Words as an Object of Study at University]. *Sbornik nauchnykh statei 2 Mezhdunarodnogo simpoziuma «Russkii yazyk v polikul'turnom mire»: v 2 t.* [Collection of Scientific Articles of the 2nd International Symposium "Russian Language in a Multicultural World": in 2 vols.] Simferopol, Typography "Arial" Publ., 2018, vol. 2, pp. 129-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xszwfn>
15. Sharandin A.L. Cognitive communicative and discourse approach as a main direction in russian language's studying at the university: a case study of parts of speech. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. 2018, no. 6, pp. 1310-1314. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqoywl>
16. Sharandin A.L. On the cognitive nature of parts of speech in Russian. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2018, no. 32, pp. 326-333. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uqdqvo>
17. Podol'skaya I.V. *Yazykovye sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza (na materiale poeticheskikh tekstov Evgeniya Kharlanova)* [Linguistic Means of Creating an Artistic Image (Based on the Poetic Texts of Yevgeny Kharlanov)]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., LLC "Tsentr-Press", 2004, 227 P. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrdckb>
18. Sharandin A.L. *Oppozitivnyi metod v filologicheskikh issledovaniyakh* [Oppositional method in philological research]. *Sbornik statei nauchno-metodicheskogo seminar "TEXTUS" «Printsipy i metody issledovaniya v filologii: konets XX veka»* [Collection of Works of the Scientific and Methodological Seminar "TEXTUS" "Principles and Methods of Research in Philology: the End of the 20th Century"]. St. Petersburg, Stavropol, Saratov State University Publ., 2001, issue 6, pp. 56-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cahfzv>
19. Sharandin A.L. After all, mixtures of words are meaningful: on poetical language. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 125-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nttvrp>
20. Serebrennikova N.G. Poeteme in the system of the expressive means. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Transactions of Tambov State Technical University Publ.*, 2010, vol. 16, no. 3, pp. 745-750. (In Russ.) <https://elibrary.ru/muzowv>

Информация об авторе

Серебренникова Надежда Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0275-8160>, nadegda_korrespondensija@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, обработка и редактирование материала, написание и редактирование текста статьи.

Поступила в редакцию 22.12.2022

Одобрена после рецензирования 27.03.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Nadezhda G. Serebrennikova, PhD (Philology), Professor, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0275-8160>, nadegda_korrespondensija@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, material processing and editing, manuscript text drafting and editing.

Received December 22, 2022

Revised March 27, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81'367

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

Шифр научной специальности 5.9.5

Учение В.Г. Руделёва о предложении в контексте его фонологических идей

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 sharandin@list.ru

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема взаимосвязи разных уровней языковой системы на материале отношений между фонологией и синтаксисом. Данные области занимали центральное место в исследованиях В.Г. Руделёва. Проанализировано учение профессора В.Г. Руделёва о предложении с позиций его фонологических взглядов. Объектом исследования послужило синтаксическое учение В.Г. Руделёва, представленное его рассуждениями о предложении. В основе методики исследования материала лежит оппозитивный метод, позволяющий увидеть возможности его применения для объяснения универсального характера теоретико-информационного подхода к изучению разных областей лингвистических знаний. В качестве языкового механизма в описании отношений между разными типами предложений используется нейтрализация в её фонологическом понимании. Применение фонологического механизма нейтрализации позволяет В.Г. Руделёву выявить отношения между простыми и сложными предложениями. В системе сложных предложений он приходит к выводу о маркированности гипотаксиса по отношению к паратаксису. В системе простых предложений основное внимание уделяется анализу словесных и междометных предложений. Оппозитивный метод позволил В.Г. Руделёву прийти к выводу о маркированности словесных предложений и, на основе нейтрализации, об их более высоком языковом ранге, «весе» в речевой деятельности человека. Автор статьи высказывает своё отношение к рассмотрению учения о предложении в аспекте фонологии. Рассмотренное учение В.Г. Руделёва о предложении в аспекте его фонологических взглядов позволяет увидеть и осмыслить отношения в синтаксисе в динамическом плане. Наиболее наглядно это демонстрирует использование фонологического понятия нейтрализации в синтаксисе. Однако при этом необходимо учитывать специфику синтаксиса как области двусторонних синтаксических единиц.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв, синтаксис, фонология, словесные и междометные предложения, нейтрализация

Для цитирования: Шарандин А.Л. Учение В.Г. Руделёва о предложении в контексте его фонологических идей // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 292-300. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Публикуемые статьи Н.Л. Потаниной, Н.Г. Серебренниковой, А.Л. Шарандина посвящены 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Руделёва. Они отражают различные аспекты анализа его научного и творческого наследия в рамках исследований научной школы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина «Экология языка и речи», основателем и руководителем которой был В.Г. Руделёв.

V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the context of its phonological ideas

Anatoly L. SHARANDIN

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ sharandin@list.ru

Abstract. We consider the current issue of the relationship between different levels of language system on the basis of the relationship between phonology and syntax. These areas occupied a central place in V.G. Rudelev's studies. We analyze Professor V.G. Rudelev's doctrine about the sentence from the standpoint of his phonological views. The object of the study is the syntactic doctrine of V.G. Rudelev, represented by his reasoning about the sentence. The methodology of the material study is based on the oppositional method, which allows us to see the possibilities of its application to explain the universal nature of the information-theoretic approach to the study of different areas of linguistic knowledge. Neutralization in its phonological understanding is used as a linguistic mechanism in describing the relationship between different types of sentences. The use of phonological mechanism of neutralization allows V.G. Rudelev to identify the relationship between simple and complex sentences. In the system of complex sentences, he comes to the conclusion that hypotaxis is marked in relation to parataxis. In the system of simple sentences, the main attention is paid to the analysis of verbal and interjectional sentences. The oppositional method allowed V.G. Rudelev to come to the conclusion about the marking of syllabic sentences and, based on neutralization, about their higher linguistic rank, "weight" in human speech activity. We express our attitude to the consideration of the doctrine of sentence in the aspect of phonology. The considered V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the aspect of his phonological views allows us to see and comprehend the relationships in syntax in a dynamic way. This is most clearly demonstrated by the use of the phonological concept of neutralization in syntax. However, it is necessary to take into account the specifics of syntax as an area of bilateral syntactic units.

Keywords: V.G. Rudelev, syntax, phonology, verbal and interjectional sentences, neutralization

For citation: Sharandin, A.L. V.G. Rudelev's doctrine about the sentence in the context of its phonological ideas. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):292-300. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-292-300>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы синтаксиса русского языка были одной из центральных тем в исследовательской и педагогической деятельности профессора В.Г. Руделёва. Поэтому ожидаемым стало издание его учебника для 8–9 классов «Русский язык. Учение о предложении». Естественно, эта книга учитывала соотношение синтаксиса как учебного предмета изучения с научной синтаксической теорией В.Г. Руделёва в плане редукции научных знаний в

этой области. Такая редукция предусматривает учёт образовательных знаний учащихся на том или ином этапе обучения, их психологических и когнитивных особенностей, что обычно обуславливает необходимые купюры и сокращения в научной теории для её реализации в учебном процессе. Но при этом различного рода редукция научных теорий и соответствующие купюры в минимальной степени должны быть представлены на методологическом уровне изучения русского языка. Так, невозможно редуцировать до ну-

ля в школьном изучении русистики соотношение языка и речи, поскольку осмысление его учащимися позволяет увидеть функциональную сторону языка [1]. Поэтому не случайно осмысление и реализация этого соотношения присутствует в грамматическом учении В.Г. Руделёва в качестве основополагающего и фундаментального постулата, позволяющего объяснить речевое многообразие языковых единиц [2, с. 9].

К сожалению, термин «предложение» не оказался в его учебнике сориентированным на отражение языковой природы, как некая языковая модель, а употребляется и в значении речевой единицы. Ср.: «Предложение – это уже речь, композиция, текст, мысль, воплощенная в языковых моделях, или стандартный сигнал, передающий элементарные чувства и лишённый словесного наполнения» [3, с. 72]. В связи с этим он и выделяет предложения, включающие в свой состав слова, и междометные предложения, которые «не составляют каждый раз, а запоминаются целиком, навсегда и употребляются каждое в своей положенной ситуации» [2, с. 11]. Поэтому они «не состоят из слов и сами словами не являются. Такие предложения не расчленяются на части, не распадаются на члены предложения, не отвечают на вопросы» [2, с. 11]. На наш взгляд, в этом случае междометные предложения имеют по существу речевой характер, отражая ситуацию «здесь и сейчас». Поэтому моделирование междометных высказываний по существу отсутствует: они запоминаются списком, тогда как словесные предложения образуют различного рода модели или структурные схемы.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования является анализ синтаксического учения В.Г. Руделёва с позиций его фонологических взглядов, поскольку в фонологии он видел образец системного подхода к описанию других уровней русского языка как многоуровневого образования. Формирование научных взглядов В.Г. Руделёва в области фонологии относится, по существу, на период 60–70-х гг. XX века, когда фонологические проблемы

достаточно широко и активно обсуждались в научных лингвистических кругах. Как и для многих отечественных фонологов, большое влияние на него оказали труды Н.С. Трубецкого, и прежде всего «Основы фонологии» (1939 г., в русском переводе – 1960 г.). Эта работа, по мнению редакции 1960 г., помимо специального изложения новой лингвистической дисциплины, «имеет еще широкое общезыковедческое значение, далеко выходящее за рамки собственно фонологии», поскольку оказала «прямое воздействие на разработку важнейших вопросов современного общего языкознания» [4, с. 7-8]. Поэтому приобщение В.Г. Руделёва к решению фонологических проблем стало своего рода вхождением в новую методологию описания языка, тем, что формировало его современное лингвистическое мировоззрение (см.: [5]).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время большинством лингвистов признается фундаментальный характер основных фонологических понятий. При этом фундаментальность определяется как «то, что работает и в других областях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [6, с. 172]. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области лингвистической науки обуславливает учёт специфики разных уровней языковой системы. Ещё А.А. Реформатский, с которым В.Г. Руделёв был знаком и поддерживал научные связи, предупреждал: «Передовой опыт фонологии для становления структурного понимания языка в целом не должен соблазнять лингвистов к механическому переносу возможностей и закономерностей фонологии в иные разделы лингвистики. Явления дифференциации и нейтрализации имеются и в грамматике, и в лексике, но... указанные явления в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике – качественно отличны и специфичны» [7, с. 523].

Таким образом, для В.Г. Руделёва естественным и закономерным стало обращение к другим областям русистики с позиций исследователя-фонолога, для которого важным

и значимым в этой позиции стал методологический характер фонологических идей, и прежде всего Н.С. Трубецкого. Самым ценным в его оппозитивной теории, считает В.Г. Руделёв, «были не сами оппозиции, а способы их обоснования (выделено мной. – А. Ш.). Таковыми оказывались нейтрализации, которые характеризовали не только оппозиции, но и корреляции и даже релевантные признаки». Поэтому, «распространяя рассуждения Н.С. Трубецкого на морфологию, синтаксис и даже поэтику (!), мы приходим к необходимости «взвешивать» аналогичным образом, то есть так, как Трубецкой предлагал взвешивать фонемы в их оппозициях, – слова и их классы (части речи), различные типы предложений и даже целые произведения, написанные на данном языке. Научившись это делать, мы окажемся в состоянии, например, ответить на вопрос: какая из двух частей речи, глагол или существительное, значит больше в системе нашего языка?» [3, с. 112]. Таким образом, для осмысления грамматических идей В.Г. Руделёва важным является универсальный метод теоретико-информационного представления языковых систем, открытый Н.С. Трубецким, метод, который, по мнению В.Г. Руделёва, не был осмыслен в полной мере XX веком [3, с. 111; 8].

В концептуальном плане научные взгляды В.Г. Руделёва в период его увлечения фонологией были представлены в статье «Синтаксис глазами фонолога». Эти взгляды были отражением результатов осмысления синтаксиса в рамках спецкурса, который он читал в Тамбовском педагогическом институте на протяжении более 10 лет. Сам В.Г. Руделёв впоследствии достаточно критично отнесся к этим результатам, считая, что «опыт этого курса был скорее отрицательным, чем положительным» [3, с. 71]. На наш взгляд, такая оценка была связана с его отходом от формального описания языка, которое присутствовало, в частности, и в его теории частей речи (см.: [9]). Ведь в синтаксисе важны не только и не столько связи между словами, сколько синтаксические отношения как содержательная сущность предложения. Связи же и средства их выражения отражали семантическое (грамматическое) содержание

единиц синтаксиса. Фонология же, сориентированная на описание фонем как языковых единиц плана выражения, в большей степени уделяла внимание формальным отношениям в фонологической системе, демонстрируя их в различных фонологических моделях, представленными фонологическими школами – Ленинградской (модель синтеза), Пражской (модель анализа) и Московской (модель коррекции). Именно данные модели оказались в центре внимания статьи В.Г. Руделёва. На материале актуального синтаксиса была осуществлена попытка осмыслить значимость и весомость паратаксиса и гипотаксиса в отношениях друг с другом на основе оппозитивного метода с его механизмом нейтрализации. Это позволило прийти к выводу о том, что «наибольший «вес» в системе имеют имплицативные конструкции с оформителем «если..., то...». Наиболее примитивными оказываются простые предложения и их механистические объединения в сложносочиненные структуры» [10, с. 17].

По определению В.Г. Руделёва, «предложение – это самая маленькая и самая простая речевая композиция, которая способна служить цели общения» [2, с. 10]. В этом определении важным оказывается назначение предложения, его функции, поскольку композиционное устройство, по мнению В.Г. Руделёва, имеет и слово. Поэтому закономерным в концептуальном плане стало выявление отношений между словом и предложением. В.Г. Руделёв даёт следующее определение слову: «Слово – нечто производное от предложения, то есть это предложение, текст, композиция, особым образом обработанные и включенные в языковую память – словарь. Берёза – это дерево, которое..., Учитель – это человек, который..., Маскарад – это...» [3, с. 73]. В этом смысле «слово – логический член предложения, предложение внутри предложения» [3, с. 73]. И далее: «Будучи предложением генетически, слово обладает свойством разворачиваться в предложение. Это и есть то, что называется толкованием слова, и оно возможно благодаря внутренней форме или его внешней форме» [3, с. 73-74].

При этом генетическая связь предложения и слова предстаёт по существу в фоноло-

гическом аспекте, поскольку для В.Г. Руделёва слово – это «свидетельство творчества, нестандартного говорения, информационной мощи высказывания, его подлинно человеческого характера» [3, с. 73]. По его мнению, если слово теряет способность возвращаться в предложение, оно умирает [3, с. 74]. Поэтому «слово в предложении – не частый гость» [3, с. 73]. В этом, на наш взгляд, можно усматривать проекцию модели коррекции, разработанной Московской фонологической школой, которая для определения фонемы в слабой позиции требовала нахождения сильной позиции, в которой фонема и определялась в своём основном виде как звук языка. Другими словами, слово тогда оказывается словом, если можно найти высказывание, в котором слово предстаёт в своём основном виде (с сохранением внутренней формы) как единица «творчества, нестандартного говорения». Если корректирующая модель языка не позволяет обнаружить такую сильную позицию для слова, то оно является уже не столько словом (в МФШ – фонемой), сколько гиперсловом (в МФШ – гиперфонемой). Думается, в понимании слова как единицы творчества и утраты им словесного статуса в связи с утратой творческого характера и нестандартного говорения возобладали взгляд В.Р. Руделёва как поэта и писателя, а не строго лингвиста-фонолога.

Отсутствие у слова внутренней формы, позволяющее увидеть невозможность её смыслового развертывания в предложение, даёт возможность объяснить, почему междометие не является словом. Междометие не называет предметы и явления действительности, не является результатом познания мира и его отражения в языке в виде знаковой единицы. Междометие не отражает акта творчества, а отражает эмоциональную реакцию на то или иное событие, ситуацию. И эта реакция коммуникативно значима, но не как словесная единица, отражающая перевод универсального предметного кода в языковую плоскость (область), а как единица, отражающая инстинктивную эмоциональную сферу человека в виде коммуникативного образования. Другими словами, междометие оказывается самой речью, безотносительно к

концепту как единицы знания. В междометии знание представлено в анализе ситуации. Поэтому междометие не отвечает на логические вопросы, не является членом предложения, характеризуется не морфолого-синтаксическими признаками, а эмоциональной интонацией, которая структурирует междометие как нечленимое высказывание.

Знаковый характер слову обеспечивает номинативная или дейктическая функция в составе высказывания, в котором слова оказываются синтагматически связанными и представленными в той или иной морфолого-синтаксической форме. Эти взаимосвязи слов формируют грамматическую предикативность по линии отражения синтаксического времени (темпоральности), наклонения (модальности) и лица (персональности). В результате предложение оказывается не столько собственно коммуникативной единицей, сколько конструктивной (структурно-семантической) единицей, формирующей законченную мысль. Но эта мысль имеет характер сообщения, то есть это сообщаемая мысль. И поэтому предложение включается в сферу общения (коммуникации), в рамках которого оказывается одним из компонентов коммуникативного акта, в основе которого отношения говорящего и слушающего. В результате предложение является, с одной стороны, самостоятельной единицей синтаксического уровня и, с другой стороны, компонентом (частью) коммуникативного уровня, представленного коммуникативным актом. В этом смысле коммуникативная востребованность предложения (высказывания) обеспечивается взаимодействием с другими предложениями (высказываниями) в рамках такой минимальной дискурсивной единицы, как диалог – наиболее естественной (по Щербе) формы человеческого общения. Именно диалог позволяет осмыслить содержание междометных (нечленимых) предложений, поскольку они коммуникативно зависимы от структурно-семантических (словесных) предложений. Как отмечает С.Г. Ильенко, «в практике человеческого общения коммуникативная функция может реализоваться и без синтаксической организации как таковой – за исключением интонационной оформленно-

сти, которая в случаях типа Вот ещё!, Неужели?, Ау!, Нет и т. п. оказывается средством, придающим данной знаковой последовательности характер высказывания, единицы коммуникации. Фактически лишённые синтаксической организации, такие высказывания, однако, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение, и т. д.» [11, с. 14-15].

Вне коммуникативного акта междометия не несут значимой информации, они являются собой возгласы, крики, звуковые реакции, которые оказываются симптомами (но не словесными знаками!) той или иной ситуации. В коммуникативном акте эта реакция оказывается коммуникативно востребованной, объясняющей характер ответного междометного высказывания со стороны адресата. При этом важную роль играют также различного рода невербальные средства (мимика, жесты).

Таким образом, междометные высказывания, не имея структурно-семантической организации (предикативности), оказываются коммуникативно значимыми. Это позволяет видеть в них изначальную коммуникативную природу, то есть междометия – это коммуникативные по своей природе сигналы, которые в рамках коммуникативного акта имеют определённое коммуникативное наполнение – эмоциональное.

Противопоставление словесных и междометных предложений позволяет осмыслить маркированный характер словесных высказываний по отношению к междометным высказываниям. Их маркированность определяется релевантным признаком «наличие предикативности», который включает в себя синтаксическую информацию о времени, модальности и персональности. Данная информация может быть выражена эксплицитным (синтагматическим) способом, когда предикат имеет словесное выражение, или имплицитным (парадигматическим) способом, когда предикат имеет нулевую форму выражения (например, в односоставных номинативных предложениях типа Осень. Ср.: Была осень.).

В междометных предложениях предикативность не представлена. По отношению к

ним, как ситуативно зависимым высказываниям, данное понятие по существу нерелевантно, поскольку отсутствие структурной организации в этом типе высказываний не позволяет соотнести содержание высказывания к действительности с позиций модальности, времени и лица. Вследствие этого данные высказывания коммуникативны, но не предикативны. Таким образом, возникает вопрос о соотношении предикативности и коммуникативности, поскольку они имеют разную природу формирования и вследствие этого оказываются закреплёнными за разными сторонами языковой системы. Предикативность имеет синтаксическую природу своего формирования и обеспечивает прототипические формы коммуникации, сориентированные на части речи и их участие в структурировании смысла предложения. Коммуникативные же единицы – это уже результат процесса, который связан не только с языком, но и с неязыковыми средствами (мимика, жесты и т. д.), используемыми для достижения главного в коммуникации – отражения отношений между говорящим и слушающим. Причем неязыковые средства вполне могут заменить в диалоге междометные высказывания посредством мимики и/или жеста. Поэтому следует различать синтаксическую категорию предикативности и коммуникативную ось предложения как характеристику любого предложения. Категория предикативности имеет словесную форму выражения, тогда как коммуникативность реализуется не только словесной конструкцией, но и несловесной, и даже невербальным способом. Предикативность обеспечивает прототипическую коммуникацию, представленную членимыми высказываниями (или, по Ильенко, ситуативно независимыми высказываниями). Но коммуникация может осуществляться и с использованием непрототипических форм, в частности, нечленимых высказываний.

В этом случае словесные и междометные предложения демонстрируют интерпретацию действительности либо в виде её восприятия в форме членимого высказывания, либо нечленимого высказывания. В первом случае высказывание отражает когнитивную спо-

способность человека видеть в членимой ситуации те или иные субъектно-объектные отношения, которые находят отражение в структурно-семантической организации высказывания, соотносённой с действительностью и с определённым моментом речи. Во втором случае ситуация воспринимается с когнитивной точки зрения как реакция на неё, отражённая в знаковой форме всего звукового состава высказывания безотносительно к его членению на отдельные части речи (слова). В результате отсутствует соотносённость с какими-либо субъектно-объектными отношениями и с теми или иными моментами речи, поскольку представлен только настоящий момент речи.

Таким образом, всё уровневое устройство языка в том или ином виде сориентировано на реализацию, прежде всего, коммуникативной функции. И поэтому отношения между словесными и междометными высказываниями можно определить следующим образом: все словесные предложения коммуникативны, но не все коммуникативные высказывания предикативны.

ВЫВОДЫ

Данные отношения позволяют видеть в утрате словесными предложениями предикативности нейтрализацию, их смешение с междометными предложениями. В качестве интегрального признака выступает коммуникативность, представленная коммуникативной осью предложения, а в качестве дифференциального признака – предикативность как структурно-семантическая категория предложения. Особенно показательны в этом плане односоставные предложения, главный

член которых может десемантизироваться в предметно-понятийном смысле. В результате его нейтрализации выражается эмоциональная реакция на ту или иную ситуацию. Например, полная десемантизация представлена в таких словах, как Боже! Господи! Батюшки! (Батюшки! – изумился тонкий) (А. Чехов). Наглядной в этом плане является речь Элочки Щукиной в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Такие слова, как мрак, жуть, парниша, выполняют по существу междометную функцию.

Следовательно, нейтрализация позволяет сделать вывод о том, что языковой ранг, «вес» словесных предложений в речевой деятельности человека выше, чем ранг междометных предложений. И подтверждением этого является фонологический механизм, определяющий отношения между ними в составе привативной оппозиции.

Таким образом, рассмотренное В.Г. Руделёвым противопоставление словесных и междометных предложений в качестве привативной оппозиции наглядно демонстрирует возможности использования фонологических механизмов для описания функциональной стороны в синтаксисе. Однако при этом следует учитывать специфику синтаксических единиц разной сложности и их двусторонний характер, в отличие от фонем как единиц фонологии, имеющих только план выражения. Представленный в синтаксическом учении В.Г. Руделёва фонологический взгляд на отношения в системе синтаксических единиц, на наш взгляд, позволяет увидеть реализацию фундаментальных фонологических идей за пределами фонологии, но не может быть автоматически перенесённым в область синтаксиса без учёта его специфики.

Список источников

1. Денисов Ю.Н., Шарандин А.Л. Взаимосвязь языка и речи как предмет педагогической лингвистики // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 416-426. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426>, <https://elibrary.ru/octvnq>
2. Руделёв В.Г. Русский язык. Учение о предложении. Учебник для VII–IX кл. Тамбов: ТГПИ, 1992. 203 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_bd8dbec5edd377c9688e71d72a98e412/
3. Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Ч. 2. Тамбов: ТГУ, 2002. 182 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=1470913&pg=1>

5. Шарандин А.Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В.Г. Руделёва // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 3 (27). С. 50-64. <https://elibrary.ru/nttvmf>
6. Журавлёв В.К. Фундаментальный характер фонологических идей // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 171-177.
7. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 528 с. URL: https://www.phantastike.com/linguistics/from_history_phonology/djvu/view/
8. Руделёв В.Г. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447. <https://elibrary.ru/tceznv>
9. Руделёв В.Г. Грамматическая теория Ф.Ф. Fortunatova // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 6-25. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006973442>
10. Руделёв В.Г. Синтаксис глазами фонолога // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса. Уфа: БГУ, 1985. С. 11-18. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001282525>
11. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 398 с. URL: <https://vdocuments.site/-557208ee497959fc0b8bdb2f.html?page=1>

References

1. Denisov Yu.N., Sharandin A.L. The relationship of language and speech as a subject of pedagogical linguistics. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 416-426. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426>, <https://elibrary.ru/octvng>
2. Rudelev V.G. *Russkii yazyk. Uchenie o predlozhenii. Uchebnik dlya VII–IX kl.* [Russian Language. The Doctrine of the Sentence. Textbook for 7th–9th grades] Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1992. 203 с. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_bd8dbec5edd377c9688e71d72a98e412/
3. Rudelev V.G. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Ch. 2* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 6. Pt 2]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002, 182 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000757434>
4. Trubetskoi N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 352 p. (In Russ.) Available at: <https://reallib.org/reader?file=1470913&pg=1>
5. Sharandin A.L. Issues OF Russian grammar in V.G. Rudelev's works. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 50-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nttvmf>
6. Zhuravlev V.K. Fundamental'nyi kharakter fonologicheskikh idei [Fundamental Character of Phonological Ideas]. *Fonologiya* [Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1982, pp. 171-177. (In Russ.)
7. Reformat'skii A.A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* [From the History of Russian Phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 528 p. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/linguistics/from_history_phonology/djvu/view/
8. Rudelev V.G. Otkrytie, ne osmyslennoe vekom [A discovery not comprehended by the age]. *Lingvistika na iskhode XX veka: Itogi i perspektivy* [Linguistics at the End of the 20th Century: Results and Prospects]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tceznv>
9. Rudelev V.G. Grammaticheskaya teoriya F.F. Fortunatova [Grammatical Theory F.F. Fortunatova]. *Russkie yazykovedy* [Russian Linguists]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 6-25. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006973442>
10. Rudelev V.G. Sintaksis glazami fonologa [Syntax through the eyes of a phonologist]. *Issledovaniya po semantike: Semanticheskie aspekty sintaksisa* [Studies in Semantics: Semantic Aspects of Syntax]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1985, pp. 11-18. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001282525>
11. Il'enko S.G. *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Communicative-Structural Syntax of the Modern Russian Language]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2009, 398 p. (In Russ.) Available at: <https://vdocuments.site/-557208ee497959fc0b8bdb2f.html?page=1>

Информация об авторе

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, обработка результатов исследования, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Одобрена после рецензирования 18.03.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Anatoly L. Sharandin, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, sharandin@list.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, research results processing, manuscript text drafting.

Received December 26, 2022

Revised March 18, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 343.148:81'33 + 316.628.29

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

Шифр научной специальности 5.9.5

К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное

Игорь Вениаминович ЖАРКОВ¹ , Елизавета Аркадьевна КОЛТУНОВА²

¹ РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

² ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

 linguexpert@protonmail.com

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы организации и методики проведения судебных лингвистических экспертиз. Анализ проведен с учётом поставленных Правительством Российской Федерации задач совершенствования законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность в России. Особое внимание уделено современной тенденции противопоставления государственных и негосударственных экспертов. Отмечено, что перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых влечёт за собой увеличение затрат бюджетных средств на материальное и организационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и увеличение сроков производства экспертных заключений. Высказано аргументированное мнение о недопустимости функционирования в судебной лингвистической экспертизе закрытых методик, недоступных для экспертов, специалистов и участников судебного процесса. Уделено также внимание имеющимся в экспертной практике методическим лакунам, которые необходимо заполнять экспертными приёмами, основанными на научных верифицируемых лингвистических методах, а также обосновано положение о том, что закрытые методики препятствуют верификации корректности применения экспертом того или иного методического положения. В заключение сформирован вывод о том, что публичность экспертных методических материалов делает их доступными для обсуждения в научном и экспертном сообществе, включающего в себя конструктивную критику, нацеленную на повышение уровня объективности экспертных лингвистических и психолого-лингвистических исследований.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвистические методы, типовые экспертные методики, верификация, границы компетенции, негосударственный эксперт, организация судебной экспертизы, экспертные задачи, судебно-экспертное учреждение

Для цитирования: Жарков И.В., Колтунова Е.А. К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 301-320. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the issue of methodological, organizational and staffing for the needs of forensic linguistic expertise: traditional and current

Igor V. ZHARKOV¹ , Elizaveta A. KOLTUNOVA²

¹ RPO "Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes"

Bldg 1, 11 Kibalchicha St., Moscow, 129164, Russian Federation

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

 linguexpert@protonmail.com

Abstract. The actual problems of the organization and methodology of conducting forensic linguistic examinations are considered. The analysis was carried out taking into account the tasks set by the Government of the Russian Federation to improve the legislation governing forensic activities in Russia. Particular attention is paid to the modern trend of opposing state and non-state experts. It is noted that the redistribution of the workload between state and non-state forensic experts in favor of the former entails an increase in budget expenditures on material and organizational support for the activities of state forensic institutions and an increase in the time for producing expert opinions. A reasoned opinion is expressed about the inadmissibility of functioning in forensic linguistic examination of closed methods that are inaccessible to experts, specialists and participants in the trial. Attention is also paid to the methodological lacunae available in expert practice, which must be filled with expert techniques based on scientifically verified linguistic methods, and the position is substantiated that closed methods prevent verification of the correctness of the application of one or another methodological position by an expert. In conclusion, the conclusion is drawn that the publicity of expert methodological materials makes them available for discussion in the scientific and expert community, which includes constructive criticism aimed at increasing the level of objectivity of expert linguistic and psycho-linguistic research.

Keywords: linguistic expertise, linguistic methods, typical expert methods, verification, limits of competence, non-state expert, organization of forensic examination, expert tasks, forensic institution

For citation: Zharkov, I.V., & Koltunova, E.A. On the issue of methodological, organizational and staffing for the needs of forensic linguistic expertise: traditional and current. *Neofilologiya = Neophilology*. 2023;9(2):301-320. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее актуальных вопросов, постоянно дискутируемых в последнее время в экспертологии и смежных с ней областях, является вопрос о возможной реформе судебно-экспертной сферы в российском правовом поле.

Системообразующим законным актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность (далее также СЭД) в Российской

Федерации, является Федеральный закон от 31 апреля 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако уже в 2013 г. на рассмотрение законодателя Правительством РФ был внесен подготовленный Министерством юстиции проект одноименного закона № 306504-6, призванного заменить Федеральный закон от 31 апреля 2001 г. № 73-ФЗ, за исключением норм, относящихся к судебно-медицинским и судебно-пси-

хиатрическим экспертным учреждениям и подразделениям. Согласно информации, размещённой на официальном сайте Минюста РФ, одним из наиболее существенных отличий нового закона от действующего должны стать требования, в соответствии с которыми «Не менее одного работника должно быть в штате негосударственной судебно-экспертной организации. Квалификация сотрудников должна подтверждаться сертификатом компетентности. Место работы эксперта должно быть основным», причём «Судебный эксперт должен подтверждать сертификат компетентности раз в пять лет» (<https://minjust.gov.ru/ru/events/45950/>). За десять лет данный законопроект прошёл первое чтение и до сегодняшнего дня продолжает находиться на рассмотрении Государственной Думы РФ (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6?ysclid=lfimzaz5e395730698>).

В результате активного обсуждения этого законопроекта и его подготовки ко второму чтению в период с 2013 по 2016 г. была создана новая редакция текста, согласованная Минюстом РФ, но не поддержанная законодателем. Ещё одна редакция планируемого закона, подготовленная в 2018 г., вновь вызвала замечания, препятствующие его принятию. Об этом подробно докладывал заместитель Министра юстиции Российской Федерации Д.В. Новак в мае 2019 г. в ходе парламентских слушаний на тему «Совершенствование законодательства Российской Федерации, регулирующего судебно-экспертную деятельность» (<http://council.gov.ru/media/files/yu3nqkDpZpQ3XzY0ZkKt0lcyuCUyI8SE.pdf>).

В дальнейшем проводились иные мероприятия, публиковались различные точки зрения, относящиеся к предлагаемой реформе сферы СЭД. Последним крупным официальным обсуждением в рамках этой дискуссии стал «круглый стол», проведённый в Совете Федерации ФС РФ под председательством первого заместителя председателя Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству И. Рукавишниковой (<http://council.gov.ru/events/news/137511/>) летом 2022 г.

Ключевые положения законопроекта № 306504-6, отличающие его от действующего федерального закона № 73-ФЗ, во всех редакциях связаны с попыткой ввести дополнительное регулирование деятельности негосударственных судебных экспертов и негосударственных судебно-экспертных учреждений. Представителями различных органов власти в разных комбинациях предлагалось или предлагается вернуть или ввести в законодательство в сфере СЭД понятия аккредитации, сертификации, валидации, лицензирования, стандартизации, аттестации и (или) регистрации в том или ином подлежащем созданию реестре всех экспертов, только негосударственных судебных экспертов, негосударственных экспертных СЭУ, методик производства судебной экспертизы, обороту и т. д.

В качестве источников свидетельств, сертификатов и т. п. правоустанавливающих документов, которые давали бы негосударственным экспертам и негосударственным СЭУ право ведения судебно-экспертной деятельности, организации и производства той или иной судебной экспертизы по тому или иному делу, предлагаются, как правило, различные органы исполнительной власти, чаще других – Министерство юстиции РФ.

В ряде документов и научных работ, относящихся к сфере юриспруденции (см., например: [1]), предлагается также ввести в оборот противопоставление «государственный судебный эксперт» vs «частный эксперт», второй член которого призван заменить предусмотренное действующим законодательством понятие «негосударственный эксперт».

Также обсуждается и уже частично принимается на уровне решений, находящихся в компетенции органов исполнительной власти, перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу дополнительного ограничения последних по видам выполняемых экспертиз. В частности, в период подготовки настоящей статьи было принято расширение перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организация-

ми, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (<https://regulation.gov.ru/Projects/List#npa=133976>). Согласно новой редакции этого перечня, негосударственные судебные эксперты более не имеют права проводить лингвистические и психолого-лингвистические экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также судебные экспертизы при проверке сообщений о таких преступлениях.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Представляется предельно актуальной необходимостью высказать ряд соображений по описанным выше аспектам проблемы предполагаемой и уже частично реализуемой реформы сферы СЭД в контексте их возможного влияния на деятельность судебных экспертов-лингвистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Совершенно очевидно, что оценка любых процессов, происходящих в сфере судебно-экспертной деятельности и/или потенциально влияющих на неё, должна производиться прежде всего с учётом положения статьи 1 федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», со всей определённой относящегося судебно-экспертную деятельность к процессу судопроизводства («Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства...»), и общей задачи СЭД, определённой в статье 2 этого федерального закона следующим образом: «Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Сущностными свойствами профессиональной деятельности су-

дебного эксперта являются, таким образом, её прямая отнесённость к процессу судопроизводства и целеполагание (СЭД направлена на удовлетворение определённых специфических потребностей судопроизводства).

Не следует забывать и о конституционном принципе разделения властей, закреплённом статьёй 10 Конституции РФ, относящейся к главе 1 Конституции «Основы конституционного строя»: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

В связи с изложенным представляется, с одной стороны, самоочевидным, а с другой стороны, критически важным условием, прямо вытекающим из принципов, формирующих основы конституционного строя, что **регулирование СЭД как сферы, обслуживающей только и исключительно потребности судопроизводства, должно осуществляться при решающем участии органов судебной ветви власти**. Участие органов исполнительной власти, как существующих (включая, например, Минюст России), так и предлагаемых к созданию (включая, например, институт уполномоченного по судебно-экспертной деятельности при Президенте РФ), а равно иных структур, созданных и контролируемых такими органами, в регулировании СЭД может и должно носить только совещательный характер.

2. Имеющее место перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых следует рассматривать в общем контексте объективной реальности, и в этом контексте оно выглядит неоднозначным с точки зрения целесообразности данного процесса, прежде всего, в силу действия двух факторов.

Во-первых, увеличение объёма работы, оплачиваемой за счёт бюджетных средств, с неизбежностью создаёт дополнительную нагрузку на бюджет. Между тем, согласно информации, опубликованной на официальном сайте Федерального Собрания Российской Федерации по результатам уже упоминавшие-

гося «круглого стола», проведённого в Совете Федерации ФС РФ летом 2022 г. (<http://council.gov.ru/events/news/137511/>), статус негосударственных экспертов является лишь одной из трёх наиболее острых проблем, которые обсуждались на этом мероприятии. Две других актуальных проблемы, на которые обращается внимание в этой публикации, – это, по словам И. Рукавишниковой, **«растущая задолженность по оплате возмещения расходов на производство судебной экспертизы»**. По данным Министерства юстиции России, размер дебиторской задолженности составляет более 300 миллионов рублей» и **сроки проведения экспертиз**. В этой части, по её же словам, «специалисты выделяют две проблемы: срок ожидания и проведения самой экспертизы. По некоторым видам экспертиз результатов можно ждать более года – до 14 месяцев».

Сказанное согласуется с отражёнными в материалах уголовных дел данными, доступными авторам из их собственной практики судебно-экспертной деятельности. Так, в рамках предварительного расследования одного из дел, в настоящее время находящихся на рассмотрении одного из судов г. Москвы, по обвинению гражданина в преступлениях, предусмотренных пунктами «г», «д» части 2 статьи 207.3 УК РФ, части 1 статьи 284.1 УК РФ, статьи 275 УК РФ, следственный орган запрашивал сведения о возможности и возможных сроках производства судебной лингвистической либо судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы различные государственные и негосударственные судебные учреждения. Из государственных СЭУ, относящихся к разным ведомствам, на эти запросы были получены ответы, из содержания которых вытекает следующее:

– возможность проведения лингвистической экспертизы в одном из учреждений является сомнительной в силу особенностей спорных материалов, описанных в запросе; в случае, если проведение экспертизы возможно, сроки её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большо-

го количества экспертиз – не ранее чем через два месяца;

– возможность проведения лингвистической экспертизы в другом учреждении отсутствует в силу особенностей спорных материалов, описанных в запросе;

– возможность проведения лингвистической экспертизы в третьем учреждении имеется; сроки начала её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большого количества экспертиз – не ранее чем через семь месяцев;

– возможность проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в третьем учреждении также имеется; сроки начала её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большого количества экспертиз – не ранее чем через десять месяцев.

Получив эти ответы, следователь назначил экспертизу в негосударственном СЭУ, сообщившем о возможности её производства в срок от двух до трёх недель с момента получения материалов.

Перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, как отмечалось выше, влечёт за собой увеличение затрат бюджетных средств (увеличение штатов государственных судебных экспертов, расходы на подготовку кадров, расходы на материальное и организационное обеспечение деятельности государственных СЭУ). Между тем, «дефицит федерального бюджета в первой декаде марта превысил заложенный на весь 2023 г. показатель. Премьер-министр М. Мишустин, выступая с ежегодным отчетом правительства в Госдуме, сообщил, что по состоянию на 8 марта доходы составили 3 трлн руб., расходы – 6,3 трлн руб., дефицит – 3,3 трлн руб.» (<https://www.rbc.ru/economics/23/03/2023/641c52c89a79477c8ab0fa50?ysclid=lfzmeefabl670921718>).

В связи с изложенным, перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых следует рассматривать в современной ситуации как **шаг по меньшей**

мере сомнительный и, вероятно, ведущий к усугублению двух из числа наиболее острых проблем, существующих сегодня в сфере СЭД. То же относится к созданию любых новых государственных органов или особых подразделений в составе существующих органов власти, в чьи полномочия будут входить аккредитация, сертификация, валидация, лицензирование, стандартизация, аттестация и (или) регистрация экспертов, негосударственных экспертных учреждений, методик, оборудования и т. д.

3. Целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, как правило, обосновывается тезисом о заведомо более высоком качестве их работы по сравнению с негосударственными экспертами, поскольку государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей системе экспертных учреждений.

Исследование в судебно-экспертной сфере – это научное изучение фактов, находящихся в распоряжении эксперта. Установленное значение подтверждается также содержанием статьи 8 № 73-ФЗ: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...». Таким образом, очевидно, что ход судебно-экспертного исследования не может не опираться на методическую базу, которая состоит из ряда специальных методик, методов и приёмов. О важности использования современных методов в экспертной деятельности говорится и в Постановлении Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебно-экспертизе по уголовным делам», где в пункте 1 сказано: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений **науки** и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию», в пункте 15: «Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены

необходимые методы и методики экспертного исследования» (см. Бюллетень Верховного суда РФ, 2011, № 2).

Одной из первых методик в сфере судебной лингвистической экспертизы является типовая методика, разработанная в ЭКЦ МВД России в 2007 г. коллективом авторов. Методика содержит рекомендации, связанные с выявлением и оценкой «имеющихся в тексте лингвистических признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, фонетического), характеризующих различные компоненты текста (денотативный, оценочный, иллюкутивный, экстралингвистический)», а также «диагностику признаков, характеризующих коммуникативную ситуацию создания и воспроизведения текста...»¹. Важным условием лингвистического анализа стало ограничение компетенции лингвиста-эксперта только констатацией выявленных в спорном речевом материале языковых фактов, в то время как их оценка на предмет релевантности для конкретного речевого правонарушения не предусмотрена.

Не умаляя достоинств данной методики и не ставя под сомнение огромное значение, которое она имела в становлении судебной лингвистической экспертизы как особой области прикладной лингвистики, характеризующейся объективностью и верифицируемостью результатов исследований, следует заметить, что методика не лишена и недостатков, в частности, связанных с так называемым «поуровневым», а не комплексным анализом речевого материала. Применяемая в этой методике терминология также представляется не всегда удачной и однозначной. Например, один из типовых вопросов, предусмотренных этой методикой, который и до сегодняшнего дня нередко встречается в уголовных делах о клевете, сформулирован следующим образом: «Имеются ли в представленном тексте высказывания, в которых получили речевое выражение какие-либо факты действительности или положение дел,

¹ Типовые экспертные методики исследования доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243-292.

имеющие отношение к гр. Х. и выражающие негативную оценку его деятельности?» Эта формулировка с очевидностью не учитывает решающее для дел данной категории противоположение утверждений о фактах различным формам мнения, в том числе оценочным суждениям, что создает предпосылки для введения правоприменителя в заблуждение относительно содержания выводов эксперта.

Преодолеть большинство указанных недостатков удалось авторам методик РФЦСЭ Минюста, созданных в 2011 и 2014 гг. [2; 3], а также методического пособия «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе»² под ред. С.А.Смирновой и пособия «Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи»³, в котором представлены методические подходы к исследованию диалогического дискурса. Лишён большинства этих недостатков и первый учебник по лингвистической экспертизе Е.И. Галяшиной⁴. Высокой оценки заслуживает также научно-информационное пособие для экспертов Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой, в котором рассматриваются теоретические и организационно-правовые основы судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении⁵.

Роль обозначенных методических материалов трудно переоценить: по сути, они являются пошаговыми инструкциями к решению целого ряда задач судебной лингвистической экспертизы.

Несомненный интерес, с точки зрения движения относящихся к разным ведомствам государственных экспертных подразделений и внедряемых ими подходов навстречу друг другу, представляет также «Типовая межве-

домственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности», совместно разработанная ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России и Главным управлением криминалистики СК РФ в 2019 г. Этот документ трудно назвать полномасштабной методикой, но эксплицированный в нём информационный материал даёт современные определения таким экспертным понятиям, как предмет экспертизы, компетенция эксперта, типы экстремистских значений, задачи эксперта и алгоритм решения этих задач.

В распоряжении государственных экспертов имеется также значительное количество методических и информационных материалов, доступ к которым либо ограничен, либо невозможен не только для негосударственных экспертов, но и для части участников судебного процесса. Более того, в сфере судебной лингвистической экспертизы существуют даже «закрытые» словари русского языка, в которых отмечены значения, не зафиксированные ни нормативными, ни справочными словарями русского языка. Так, в заключении по материалам уголовного дела в городе Чита эксперт привёл лексическое значение связанного словосочетания «поднять на вилы», которое не эксплицировано ни в одном словаре современного русского языка, и сослался при этом на «Толковый словарь лексики, актуальной при проведении криминалистических исследований текстовых материалов экстремистской направленности» со следующими выходными данными: «М.: Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2015». В заключении эксперта-лингвиста из Екатеринбурга сообщается о том, что исследование проводилось «согласно методикам и методическим рекомендациям», и перечисляется 15 методических рекомендаций, разработанных в Центре специальной техники (ЦСТ) ФСБ России с 2008 по 2019 г. Закрытость данных методик порождает своеобразный лингвопонятийный конфликт, так как апелляция эксперта к таким «закрытым» методикам не позволяет верифицировать исследование. Кроме того, под

² Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2018.

³ Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи / под ред. С.А. Смирновой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 120 с.

⁴ Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. 419 с.

⁵ Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

«типовой методикой» в судебной экспертизе зачастую понимаются не методы (конкретные приёмы познания) и не собственно методики как таковые (совокупность методов исследования), а инструктивные издания, содержащие указания на особенности организации производства судебных экспертиз, и т. д. Задача описания конкретных научных методов исследования, соответствующих задачам экспертного исследования, при разработке типовых методик, как правило, не ставится.

При этом рациональных оснований для безусловного и безоговорочного доверия «закрытым» ведомственным методикам не имеется, а известная практика применения этих материалов в ряде случаев, напротив, заставляет сомневаться в их научной обоснованности. Так, в лингвистической экспертизе, выполненной по одному из уголовных дел, находящихся в настоящее время в производстве одного из судов г. Москвы, по обвинению гражданина в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 205.2 УК РФ, частью 2 статьи 282 УК РФ, частью 2 статьи 205.2 УК РФ, государственный судебный эксперт-лингвист самостоятельно и единолично пришел к выводу о необходимости квалификации совокупности людей, обозначаемых словосочетанием *сотрудники ФСБ России*, как социальной группы.

Полное и достаточное, по мнению эксперта, обоснование этого вывода занимает в тексте заключения эксперта один абзац и имеет следующее дословное содержание: «В рамках проведения лингвистических исследований к социальной группе [*здесь в тексте заключения эксперта находится сноска со ссылкой на закрытые «Методические рекомендации по квалификации группы лиц как социальной группы при выявлении призывов к осуществлению экстремистской деятельности и высказываний, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства в рамках проведения лингвистических и психолого-лингвистических исследований»*] относятся группы лиц, выделенные в действующей редакции федерального законодательства. Под федеральным законодательством в данном случае понимаются тексты действующих Конституции

Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов (законов) Российской Федерации. Группа лиц сотрудники ФСБ России фигурирует, например, в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», и тем самым данная группа лиц квалифицируется как социальная группа».

Подход, в соответствии с которым упоминание («выделение», «фигурирование») той или иной совокупности лиц в действующем федеральном законодательстве принимается в качестве единственного и решающего критерия её отнесения к категории социальных групп, не встречается в известных авторам настоящей статьи научных публикациях в сферах лингвистики, социальной психологии, социологии.

«Методические рекомендации по квалификации группы лиц как социальной группы при выявлении призывов к осуществлению экстремистской деятельности и высказываний, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства в рамках проведения лингвистических и психолого-лингвистических исследований», изданные, согласно сведениям, содержащимся в рассматриваемом заключении государственного судебного эксперта, в 2017 г. Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России, на которые эксперт ссылается, отсутствуют в общем доступе, что:

- препятствует верификации корректности применения экспертом того методического положения, на которое он ссылается;
- не позволяет проверить, каким образом в указанных методических рекомендациях обосновывается это методическое положение и действительно ли оно может трактоваться как методическое положение, основанное на общепризнанных научных данных.

В Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» действительно присутствуют множественные упоминания о совокупности лиц, обозначаемой словосочетанием *сотрудники ФСБ России* (ожидать иного было бы странно).

Последовательное применение единственного использованного экспертом критерия

рия квалификации той или иной совокупности людей как социальной группы влечёт за собой необходимость полностью аналогичной квалификации для таких совокупностей, как:

- сотрудники органов федеральной службы безопасности, нарушившие права и свободы человека и гражданина (упоминаются, например, в абзаце 6 статьи 6 того же закона);

- «граждане, поступающие на военную службу по контракту, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности» (упоминаются, например, в абзаце 2 статьи 7 того же закона). При этом принятый экспертом критерий позволяет как выделить названную совокупность лиц в качестве единой социальной группы, так и разбить её на три разные «социальные группы» (граждане, поступающие на военную службу по контракту; граждане, поступающие на федеральную государственную гражданскую службу; граждане, поступающие на работу в органы федеральной службы безопасности);

- «администрации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности» (упоминаются, например, в пункте «л» статьи 13 того же закона);

- граждане, находящиеся в жилом помещении (упоминаются, например, в пункте «а» второго списка в тексте статьи 14.1 того же закона);

- «лица, в отношении которых заведомо известно, что они являются... иностранными агентами» (упоминаются, например, в абзаце 9 статьи 16.2 того же закона);

- etc.

При этом в «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму» за авторством О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж, изданной РФЦСЭ при Минюсте России в 2014 г., вполне определённо указывается, что понятие *социальная группа* «до сих пор не является ни юридически, ни научно определённым... в современных науках (в частности, в социологии, психологии) нет единодушия по поводу определения понятия «социальная группа» (как в

рамках одной науки, так и междисциплинарное)» [3, с. 56], и столь же определённо указывается, что при этом «представители власти и чиновники общепризнанно **не являются** ни социальной, ни профессиональной группой» [3, с. 57]. Применяя это положение, можно было бы констатировать, что при рассмотрении случаев, касающихся возбуждения ненависти к правительству, полиции, сотрудникам силовых структур, **«данные субъекты общественных отношений, за исключением наличия у них властных полномочий, не обладают какими-либо специфическими признаками, в особенности относящими их к той или иной социальной группе»** [3, с. 57], а значит, **«побуждение к совершению враждебных и неправомерных действий на основании несуществующих признаков не представляется возможным»** [3, с. 57].

С учётом изложенного, тезис о заведомо более высоком качестве продукции государственных судебных экспертов по сравнению с заключениями негосударственных экспертов, объясняемом тем обстоятельством, что государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей системе экспертных учреждений, не выдерживает критики, а целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, которая, как правило, обосновывается тезисом о «недостаточной экспертной компетенции» последних, представляется как минимум спорной и неочевидной.

4. Одна из идей, активно обсуждаемых в связи с возможной реформой СЭД, – введение сертификации или иных форм обязательной легализации методик, допустимых для применения в судебной экспертизе.

К сожалению, в современных условиях эта идея при все её кажущейся рациональности и иных формах привлекательности представляется нереализуемой, во всяком случае применительно к задачам лингвистической судебной экспертизы [4]. Введение в дейст-

вующее законодательство запрета на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утвержденного неким уполномоченным органом статуса, предполагает существование методик для решения всех мыслимых экспертных задач, в связи с которыми может быть назначена экспертиза. При этом в декабре 2022 г. на закрытии осенней сессии Государственной Думы председатель означенного органа законодательной власти В. Володин «заявил, что принятые за год 653 закона – это исторический максимум» (<https://rg.ru/2022/12/23/pravo-pisanie.html?ysclid=lg01rs08ss740158112>). Весьма значительную часть этого количества составляют поправки к тем или иным статьям УК РФ и КоАП РФ. В целом среди дополнений и изменений в уголовное законодательство, которые были приняты в последние годы, едва ли не большинство поправок касается преступлений против общественного порядка, безопасности и основ государственного строя. Так, в 2022 г. в Уголовном кодексе появилось 19 новых статей. Около половины новых статей вводят наказание за новые виды преступлений против основ конституционного строя. В общей сложности за 2022 г. в УК РФ появилось 85 новых составов преступлений; объём текста Уголовного кодекса вырос на 9,2 % по сравнению с предыдущим годом.

Значительная часть новелл потенциально связана с появлением новых экспертных задач, лежащих в области лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы. Например, в марте 2022 г. в УК РФ появились две статьи (207.3 и 280.3), в диспозиции которых применяется словосочетание «использование Вооружённых Сил Российской Федерации», и в том же марте к этим статьям были приняты поправки. Первые судебные лингвистические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы по уголовным делам данной категории были назначены органами предварительного следствия не позднее апреля того же года. Очевидно, что разработка методик, предназначенных для решения экспертных задач, вытекающих из особенностей данной категории дел, стала важной частью самих экспертиз. Никаких

утвержденных методик на этот момент не было и быть не могло.

Введение в действующее законодательство запрета на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утверждённого неким уполномоченным органом статуса, в подобной ситуации должно будет автоматически приводить к возврату направленных на экспертизу материалов уголовного дела без исполнения с формулировкой «не представляется возможным», а если принять во внимание длительные сроки разработки методик и сопоставимые с ними сроки, которые понадобятся на их согласование и утверждение, то при наблюдаемом уровне активности законодателя придётся констатировать, что подавляющее большинство утверждаемых методик окажутся существенно устаревшими уже на момент своего утверждения.

Таким образом, указанный запрет представляется крайне нецелесообразным шагом, способным в случае судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертиз вызвать замедление или даже остановку судебно-экспертной деятельности.

5. Намного более целесообразным с практической точки зрения, близким к оптимальному представляется предложение об обязательной общедоступности, публичности методик, применяемых в судебной экспертизе.

Помимо очевидного соответствия этого предложения принципу гласности судопроизводства, стоит обратить внимание на то, что любая закрытость методики СЭД вступает в противоречие с требованиями статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объёме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Следует обратить внимание на то, что в данной статье отсутствует

информация о каких-либо «специальных ведомственных» или «типовых» методиках, следовательно, основу экспертной деятельности лингвиста должны составлять апробированные научные методы современной лингвистики. Таким образом, применение «закрытых» методик при проведении лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз в значительной степени противоречит принципу объективности исследования, которое считается одним из важнейших общих принципов научного познания. Ведущий критерий объективности – получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом. Следовательно, доказательным критерием верификации экспертного заключения является использование общедоступных методик и научной лингвистической базы.

Немаловажно и то, что опубликование методических материалов делает их доступными для широкого публичного обсуждения в научном и экспертном сообществе, неизбежно включающего в себя конструктивную критику, нацеленную на устранение недостатков и повышение уровня объективности экспертных исследований, что, на наш взгляд, является здоровой альтернативой процедурам формальной сертификации, лишённой их недостатков и не связанной с излишними затратами, о которых было сказано выше.

6. Это предложение, по нашему мнению, позволяет также снизить остроту ещё одной объективно существующей проблемы: несмотря на наличие перечисленных выше методических материалов, а также значительного количества научных статей и региональных пособий, следует признать, что, к сожалению, методическое оснащение лингвоэкспертной деятельности отстаёт от потребностей, которые формируются запросами нашего динамично меняющегося общества и актуальными правовыми новеллами. Такое отставание позволяет некоторым специалистам неправомерно противопоставлять методологические подходы к решению лингвоправовых задач «экспертов» и так называемую этими специалистами «чистую лингвистику» (например, специалистов Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

барнаульской лингвистической школы («Юрислингвистика»), членов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам), с одной стороны, и научную школу Е.Р. Россинской, которая в отличие от «чистых лингвистов» принимает «ограничения, налагаемые общими теорией и методологией судебной экспертизы», с другой стороны [5, с. 156], что в имплицатуре означает: *«чистые лингвисты» – представители академического лингвистического института, старейшей в нашей стране лаборатории юридической лингвистики и специалисты, более 20 лет назад объединившиеся в Гильдию лингвистов-экспертов, которая одной из первых начала разрабатывать экспертные приёмы и методы судебной лингвистики, не принимают ограничений экспертологии»*. С указанным суждением крайне трудно согласиться, так как оно, во-первых, мало соответствует действительности, а во-вторых, способствует «глубинному» разделению государственных и негосударственных экспертов, что противоречит статье 41 Федерального закона № 73.

Значительно более обоснованными представляются умозаключения А.Н. Баранова о том, что «...вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованности, и <...> падение уровня лингвистических знаний <...> приводит к падению научного уровня экспертных исследований, превращая их в тексты жанра «чего изволите» [6, с. 19]. К этому следует добавить, что научные основы экспертной деятельности институционально закреплены и в Федеральном законе № 73, а также в ряде статей процессуальных кодексов РФ.

«Метод экспертизы – система логических и/или инструментальных операций (способов, приёмов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом»⁶. Правовое (экспертное) определение показывает, что в лингвистической экс-

⁶ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе...

пертизе любой исследовательский метод или приём должен быть обусловлен решением той или иной экспертной задачи. Задачи современной экспертной деятельности чрезвычайно разнообразны, а потому требуют не только семантического и стилистического анализа, но и дискурсивного, прагматического, коммуникативного анализов, связанных с использованием различных лингвистических методов. Таким образом, метод в судебно-экспертной деятельности в значительной степени является тем научным основанием, фундаментом, от которого зависит качество исследования и, как следствие, судьба человека.

Требование открытости методических материалов для широкого обсуждения может стать важнейшим шагом на пути к фактической унификации применяемых в сфере лингвистической судебной экспертизы методов и методик.

Вопросы методики судебной экспертизы широко обсуждаются в научной лингвистической литературе. Значительный спектр методических и методологических проблем эксплицирован в работах А.Н. Баранова, К.И. Бринёва, Е.И. Галящиной, Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой, М.А. Осадчего, Т.В. Чернышовой и др. Призывам найти «алгоритм обсуждения... возможности оптимизации и согласования конкретных методик по ряду актуальных вопросов теории и практики судебных лингвистических экспертиз» [7, с. 243] уже больше десяти лет. Однако «всеобщий лингвоэкспертный алгоритм» до сих пор не найден; более того, даже существующие методические пособия, научно выверенные, позволяющие минимизировать системно-структурный подход к исследованию текста, актуализирующие учёт коммуникативной ситуации и механизма функционирования языка в процессе коммуникации, используются далеко не всеми экспертами как государственных, так и негосударственных учреждений, чему немало способствует возможность использования «закрытых» методик, выведенных в силу их недоступности для широкого научного обсуждения из сферы критики.

Традиционно в лингвистической экспертизе наряду с общенаучными (наблюдение,

описание, сравнение, анализ, синтез) применялись и применяются хорошо зарекомендовавшие и проверенные теорией и практикой языкознания известные исследовательские методы и приёмы, такие как: *лексико-семантический, семантико-стилистический, лингвостилистический анализ*. В последнее десятилетие стали чрезвычайно востребованы референциальный, психолингвистический, логический анализ языка, прагматический (коммуникативно-прагматический) метод, методы концептуального анализа, гештальт-анализа, фреймового анализа и пр. Актуальным является также использование *семантического анализа* потенциально противоправных текстов. В известнейших пособиях Министерства юстиции, связанных с проблемами исследования текстов с «экстремистским» психолого-лингвистическим компонентом, указано, что «данный вид исследований относится к *семантическим* исследованиям», «По объекту и по цели этот анализ является *семантическим*. Лингвистический *семантический* анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)» [2, с. 14-15; 3, с. 21, 33] (выделено нами. – И. Ж., Е. К.). Семантический анализ в качестве важнейшего в экспертной лингвистической деятельности указан и в пособии «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе»⁷, и в Типовой межведомственной методике лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности⁸.

Известно, что семантический анализ текста предполагает использование двух частных методов: *метода синонимических преобразований и референцирования*, которое «позволяет сделать явными те или иные части содержания текста ...и показывает,

⁷ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе ...

⁸ Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ, 2019. 12 с.

как эксперт пришёл к соответствующим выводам» [6, с. 23]. Для профессора А.Н. Баранова очевидно, что все методы экспертного лингвистического анализа можно свести к применению процедуры синонимических преобразований: «Синонимическими преобразованиями в первом приближении можно назвать такую модификацию исходного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. При синонимических преобразованиях и весь объектный текст может подвергаться экспликации, то есть таким синонимическим преобразованиям, когда весь смысл (или его значительная часть) представляется в более эксплицитном виде» [6, с. 23]. Действительно, синонимическое перефразирование – это универсальная методика, используемая для экспликации имплицитных смыслов в устной и письменной речи, которая лежит в основе системы методов лингвоэкспертной деятельности и встраивается практически в любое экспертное исследование.

Профессор О.В. Кукушкина полагает, что основой современной методологии лингвистической экспертизы является семантический анализ, и предлагает следующее определение общего метода проведения судебных лингвистических экспертиз семантического типа: «Метод исследования заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путём семантической декомпозиции и синонимического перефразирования смысла сообщения (=операционная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база)» [8, с. 124].

Следует отметить, что в настоящее время не все эксперты разделяют безусловный приоритет названных выше методов исследования, таких, как, например, *синонимическое перефразирование* (*синонимическое преобразование*). Так, профессор Е.И. Галяшина считает, что любое преобразование текста лишает его правового статуса доказательства: «В этой связи важно подчеркнуть, что используемые для научных изысканий методы реферирования, аннотирования, синонимиче-

ских преобразований и т. п. в судебной лингвистической экспертизе не могут быть допустимы. Аналогично метод интерпретации, исходящий из теоретических положений, что значения знаков существуют только как отражения в мозгу интерпретатора процессов восприятия речи, то есть виртуальных следов в терминологии криминалистики – неприменим для судопроизводства, где объектами судебных экспертиз выступают материальные, а не виртуальные следы. <...> К тексту, как объекту судебной лингвистической экспертизы, не может быть применим метод ассоциативного эксперимента, экспериментальный интерпретационный метод (в том числе метод интроспекции). Конкретный текст рассматривается как готовый продукт деятельности его создателя, не подлежащий изменению при эксперименте» [9, с. 34].

Не вдаваясь в дискуссию, заметим, впрочем, что все задачи, поставленные на разрешение эксперта, всегда ситуативно обусловлены и требуют использования широкого спектра разнообразных (но научно обоснованных и апробированных) лингвистических методов исследования потенциально противоправной информации, выраженной как эксплицитно, так и имплицитно. Тем не менее, семантические исследования в современной экспертной практике используются практически во всех видах лингвистических заключений – экспертиз, связанных с диффамацией и дискредитацией, клеветой, вовлечением в противоправную деятельность, возбуждением вражды, призывами к экстремистской деятельности, оправданием терроризма, пропагандой наркотиков, коррупционной составляющей и многих других.

В лингвистической экспертологии хорошо известно, что «необходимость применения семантических методов обусловлена стремлением избежать умозрительных представлений о значении сказанного, формализацией процедур экспертного анализа, возможностью проверить выводы, к которым пришёл эксперт-лингвист»⁹.

⁹ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе ...

7. Требование публичности применяемой методики с одновременным отказом от требования её обязательной сертификации (фактического запрета на использование несертифицированной методики) в совокупности способны обеспечить расширение методических возможностей и оптимизацию подходов к решению экспертных задач, связанных с большинством «традиционных» для сферы судебной лингвистической экспертизы статей ГК и УК РФ.

Так, представляется, что только в результате широкого публичного обсуждения возможно достижение консенсуса (а следовательно, и унификации методических подходов либо как минимум их совместимости) относительно применения экспертного лингвистического понятия «языковая форма» по отношению к утверждению как любому высказыванию в утвердительной форме, утверждению о фактах, мнению, оценке (оценочному суждению). Это понятие играет в лингвистической экспертизе большую методическую роль, потому что именно оно используется для разграничения компетенции лингвиста, который может анализировать высказывание, и суда, устанавливающего реальный факт соответствия или несоответствия высказывания действительности. Понятие языковой формы следует трактовать в широком смысле, включая сюда и показатели объективной и субъективной модальности, и разного рода средства выражения коммуникативной направленности, и отношения говорящего к собственному высказыванию, и пр.

В качестве иллюстрации положения об исключительной важности именно такой трактовки данного понятия, обеспечивающей наибольшую полноту и всесторонность лингвистического анализа и демонстрирующей преимущества подхода, соединяющего в себе различные методы «чистой лингвистики» как науки, приведём пример экспертного лингвистического исследования поста, размещённого в сети Интернет, содержащего следующий текст «Савельев окончательно головой поехал», а также изображение текста приказа: «Об использовании в ПАО «Аэрофлот» мобильных телефонов и иных устройств, позволяющих производить аудиоза-

пись и видео- и/или фотосъёмку, оканчивающимся подписью *Генеральный директор В.Г. Савельев*». В диспозиции статей 152 ГК и 5.61 КоАП РФ этот объект был проанализирован таким образом.

Объект данного исследования представляет собой запись (пост, твит – от англ. *post, tweet*) в социальной сети «Твиттер», иными словами, речевой материал принадлежит интернет-дискурсу. Являясь поликодовым текстом, он имеет две составляющие: (а) письменный текст «Савельев окончательно головой поехал» и (б) изображение, в котором отражён письменный текст «Об использовании в ПАО «Аэрофлот» мобильных телефонов и иных устройств, позволяющих производить аудиозапись и видео- и/или фотосъёмку...», завершающийся подписью «Генеральный директор В.Г. Савельев».

Текст (а) по отношению к тексту (б) является вторичным, текстовым элементом последующего порядка; это реакция на первичный код. То есть высказывание (а) – это метатекст, вербализирующий эмоции автора по поводу первичного текста. Следовательно, особенности контекста позволяют сделать вывод о том, что высказывание «Савельев окончательно головой поехал» необходимо отнести к **речевому жанру комментария, а точнее, протестного, реактивного комментария.**

Использование инструментария **лексико-семантического метода** лингвистического исследования позволило выявить значение лексем, входящих в эксплицитную часть спорного высказывания. Словосочетание «головой поехал» образовано в результате преобразования фразеологизма «крыша поехала», реализующего в современном русском языке следующее значение: «(крыша едет (поехала) у кого-л. – Кто-л. сходит (сошёл) с ума; о нарушении способности здраво мыслить, помешательстве // У него крыша поехала от успеха)» и семантической синонимической связи слов *голова* *крыша*. В современных словарях русского языка это связанное словосочетание квалифицируется как *разговорно-просторечное, просторечное, разговорно-сниженное, ироничное*. Наречие «окончательно» имеет переносное значение «совсем, совершенно, полностью».

Таким образом, пропозициональная составляющая высказывания (без учёта имплицитного содержания) выглядит следующим образом: «Савельев совсем сошёл с ума; у него нарушена способность здраво мыслить». Словарных помет, которые бы свидетельствовали об инвективном содержании высказывания (а), не обнаружено.

Исследование спорного высказывания с точки зрения **коммуникативистики** показало, что спорное сообщение – это твит, в структуру которого входят текст (а), изображение текста (б) и дополнения в виде комментариев, лайков (отметок «Мне нравится»), репостов (цитирований).

Адресант (субъект речи, создавший поликодовый текст), знает, что у него имеется читательская аудитория. Адресаты – читатели с близкой автору апперцепционной базой (фоновыми знаниями).

Исследование коммуникативной ситуации позволяет заключить, что общая **модальность мнения наследуется высказываниями**, входящими в тот или иной пост, в том числе и исследуемым высказыванием (а).

Анализ спорного высказывания с **функциональной точки зрения** свидетельствует о том, что твит как речевое произведение решает несколько задач. Коммуникативная задача определяется контекстом, в котором субъект речи высказывания (а) в качестве реакции на текст (б) эксплицирует суждение «Савельев окончательно головой поехал», аргументируя эту оценку представлением текста (б). Логические связи между ответом на восстанавливаемый из структуры коммуникативного акта презюмируются – они представляют собой пресуппозитивные компоненты смысла ‘Савельев окончательно головой поехал, потому что подписал документ, изображение которого я разместил ниже’ и – наоборот: ‘Я разместил изображение документа для того, чтобы читателям стало понятно, о чём идёт речь в моём высказывании’. Следует отметить, что прикрепление изображения текста (б) оказывает влияние на модальность текста (а). Автор не демонстрирует какой-либо новой фактической информации, но осведомляет о своём

воззрении на ситуацию, возникшую вокруг текста (б).

Эмотивная (экспрессивная) функция связана с выражением отношения субъекта речи к подписанному Савельевым приказу (текст б). Эмоциональный эффект реализуется с помощью использования слов с ироничной коннотацией (фразеологизм, наречие с гиперболизацией).

Адресат определяет наличие **апеллятивной (конативной) функции**. В спорном высказывании выражена установка прямого воздействия на читателей (подписчиков) – вызвать сочувствие к сотрудникам ПАО «Аэрофлот», которым запретили в рабочее время пользоваться техникой с функциями фиксации. Известно, что чем больше блогер публикует контента с целью вызвать различные сильные эмоции у читателей (сострадание, негодование, радость и т. д.), тем более «народным» становится блогер, а следовательно, он приобретает новых фолловеров (последователей).

Метаязыковая функция: субъект речи ощущает потребность своих подписчиков в его комментариях, поэтому выражает мнение (побуждение к сочувствию) по поводу отмеченного приказа.

Таким образом, анализ функций спорного речевого материала показал, что целеполагание высказывания (а) связано с эмоциональным воздействием на читателей, то есть является выражением речевой эмоции для экспликации своего отношения к событию.

Исследование спорного высказывания с помощью **метода логического анализа** позволило установить, что модальная рамка в высказывании эксплицитно не выражена, однако восстанавливается из анализа контекстуальной информации: [Я считаю, что ...]: Я считаю, что Савельев окончательно головой поехал.

Смысл предложения складывается из модуса и диктума. Диктум – то, что сообщается: «Савельев окончательно головой поехал» + изображение текста (б). Модус – субъективный смысл, отношение говорящего к сообщаемому, то, каким образом нечто сообщается. В спорном тексте (текст (а) + текст (б)) имеется **модус эмоционального отношения**,

поскольку используется предикат в виде оценочного фразеологизма (*головой поехал* = *сошёл с ума, нарушена способность здраво мыслить*). Автор отрицательно относится = **вербализует отрицательную оценку**.

Таким образом, в спорном высказывании отсутствует негативная информация (сведения), выраженная в языковой форме утверждения.

Прагматический анализ спорного высказывания показал следующее. В прагматическом смысле выявление речевых признаков оскорбления или опорочивания означает выявление признаков одного из речевых актов класса экспрессивов – инвективного речевого акта. Наряду с этим в класс включаются и смежные с инвективными акты. Следовательно, важно провести необходимое разграничение и лингвистическую квалификацию.

Высказывание (а) + изображение текста (б) относятся к РА класса экспрессивов. Такой текст обычно складывается из трёх компонентов: локутивного акта *locutio*, иллюкутивного акта *inlocutio*, перлокутивного акта *perlocutio*.

Локутивный акт эксплицирован с помощью субъекта (Савельев) и сказуемого, выраженного фразеологическим оборотом (*головой поехал*), а также обстоятельством степени (совсем).

Иллокутивный акт: $F(P)^{10}$ = оценочное суждение («Я оцениваю действия по изданию приказа (б) как действия человека, который совсем сошёл с ума»);

Перлокутивный акт формирует установки: 1) вызвать к себе симпатию подписчиков (адресатов), сформировать их положительную реакцию; 2) вызвать дискуссию, связанную с негативным характером высказывания.

Следовательно, **исследуемый речевой акт представляет собой экспрессивную оценку**.

Исследуемый речевой акт не способен быть инвективным по ряду причин:

1) адресатом речевого акта не является конкретный человек. В данном случае экс-

прессив направлен на воздействие на многочисленных читателей автора-блогера;

2) отсутствует перлокутивный эффект инвективного речевого акта – чувство оскорблённости адресата, которое является триггером ответной вербальной или невербальной реакции (если говорящий имеет намерение оскорбить адресата, то он надеется, что тот будет оскорблён). Известно, что перлокутивный эффект – это конститутивный элемент для инвективного речевого акта. В рассматриваемом случае автор не эксплицирует намерение унижить конкретного человека (отсутствуют графически выделенные обращения, в том числе и никнейм конкретного пользователя, начинающийся с @);

3) инвективы, как правило, относятся к эмоционально мотивированным оценкам и выражают интенциональный тип действия – достижение требуемого (желаемого) ментального состояния адресата, эксплицированного посредством отрицательного оценочного суждения. Значение такого высказывания определяется семемой, включающей не только понятийное ядро, но и понятийно-оценочные элементы. Концептуально любое оценочное высказывание стремится к тому, чтобы быть истинным, поэтому реализует интенцию убеждения адресата в истинности оценки;

4) как правило, инвективному высказыванию предшествует какое-либо нарушение адресатом норм или правил поведения, непонимание каких-либо идей или суждений, неспособности выполнить работу и др. Этот сбой (недостаток) субъект речи оценивает либо с точки зрения ущемления его интересов, либо с точки зрения общественной оценки. В анализируемом тексте эти условия отсутствуют, поскольку объект (Савельев) непосредственно не причинял блогеру вреда, комментарий направлен на вызов эмоций сочувствия для лиц, которым необходимо исполнять приказ (б).

Таким образом, исследуемый экспрессивный речевой акт не является инвективным. Установлен вид экспрессива – **речевой акт оценки**.

Коммуникативно-прагматический анализ. Высказывание содержит негативно-оце-

¹⁰ Примечание: F – иллокутивная функция (сила); P – пропозициональное содержание.

ночную пресуппозицию: *‘Савельев поехал головой (=сошёл с ума)’*; данное обстоятельство презюмируется, читатель ассоциирует знания о предыдущих освещаемых в СМИ и блогосфере фактах, связанных с Савельевым и ПАО «Аэрофлот», и ассоциируемых в сознании читателя с тем, что интерпретируется сочетанием *головой поехать (=сойти с ума у него, нарушена способность здраво мыслить)*. Новая информация, которую способен извлечь из высказывания (1) читатель, заключается в том, что *‘на этот раз Савельев окончательно (=совсем) сошёл с ума, у него нарушена способность здраво мыслить’* (в виде обязательной инференции). Если говорить о наличии в высказывании негативной информации, то, исходя из словарной пометы *разговорно-просторечное, просторечное, разговорно-сниженное, ироничное* фразеологизму *«крыша поехала»* (исследуемый фразеологизм *«головой поехал»* образован по аналогии), она имеется лишь в отношении господина Савельева (но не в отношении ПАО «Аэрофлот»). Языковая форма выражения этой информации – оценочное суждение, однако необходимо учитывать общую модальность текстов, выявленную посредством коммуникативного анализа. Модальность мнения наслаивается на модальность оценочного суждения, образуя **форму информации в виде мнения-оценки. Такое высказывание не может быть подвержено проверке на действительность, поскольку обладает субъективной модальностью.** От оценочного суждения мнение-оценка отличается тем, что здесь оценочное суждение преподносится в виде выражения мнения (хотя и без специальных помет *по моему мнению, на мой взгляд* и т. д.), а не выдаётся за объективизированную оценку (ту, которая принимается большинством).

Всё вышесказанное не даёт лингвистических оснований для квалификации спорного высказывания как оскорбительного.

Подобный **мультиметодический подход к анализу спорного текста делает исследование объективным и внутренне верифицированным**, тем самым полностью соответствует требованию статьи 8 ФЗ № 73.

Таким образом, методы исследования, используемые в судебной лингвистической экспертизе, должны удовлетворять трём важнейшим принципам:

1) способствовать решению лингвоправовых задач, поставленных перед экспертом (специалистом). Например, лексико-семантический и лексико-синтаксический анализ вполне адекватны и достаточны для исследования текстов делового стиля. Однако эти методы не в полной мере соответствуют задачам анализа текстов в диспозиции «анти-экстремистских» статей Уголовного кодекса РФ 205.2, 280, 282 и ряда других. Для объективного и всестороннего научного исследования в рамках экспертизы по делам этой категории не обойтись без теории речевых актов, дискурсивного и коммуникативного анализа, а также ряда иных методических инструментов;

2) соответствовать научным лингвистическим методам, выработанным на протяжении столетий в отечественной лингвистике;

3) быть всеобщими, то есть строго обязательными и для государственных, и для негосударственных экспертов.

В целом следует согласиться с мнением Т.В. Чернышовой о том, что «приоритетное использование сертифицированных методик по сравнению с методиками, апробированными в ходе научно-исследовательской деятельности лингвистов-экспертов (специалистов), представляется искусственно созданной преградой, призванной ограничить участие специалистов в судебно-экспертной деятельности» [10, с. 341].

ВЫВОДЫ

1. Представляется, с одной стороны, самоочевидным, а с другой стороны, критически важным условием, прямо вытекающим из принципов, формирующих основы конституционного строя, что регулирование СЭД как сферы, обслуживающей только и исключительно потребности судопроизводства, должно осуществляться при решающем участии органов судебной ветви власти. Участие органов исполнительной власти, как существующих (включая, например, Минюст

России), так и предлагаемых к созданию (включая, например, институт уполномоченного по судебно-экспертной деятельности при Президенте РФ), а равно иных структур, созданных и контролируемых такими органами, в регулировании СЭД может и должно носить только совещательный характер.

2. Обсуждаемые в настоящее время в рамках возможной реформы сферы СЭД:

- перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых;

- создание любых новых государственных органов или особых подразделений в составе существующих органов власти, в чьи полномочия будут входить аккредитация, сертификация, валидация, лицензирование, стандартизация, аттестация и (или) регистрации в том или ином подлежащем созданию реестре всех экспертов, только негосударственных судебных экспертов, негосударственных экспертных учреждений (далее также СЭУ), методик производства судебной экспертизы, оборудования и т. д., – следует рассматривать в настоящее время как меры по меньшей мере сомнительные и, вероятно, ведущие к усугублению наиболее острых проблем, существующих сегодня в сфере организации судебно-экспертной деятельности.

3. Тезис о заведомо более высоком качестве продукции государственных судебных экспертов по сравнению с заключениями негосударственных экспертов, объясняемый тем обстоятельством, что государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей

системе экспертных учреждений, не выдерживает критики, а целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, которая, как правило, обосновывается именно этим тезисом, представляется как минимум сомнительной.

4. Запрет на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утвержденного тем или иным уполномоченным органом статуса, представляется крайне нецелесообразным шагом, способным в случае судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы вызвать полную остановку судебно-экспертной деятельности.

5. Намного более целесообразным с практической точки зрения, близким к оптимальному, представляется предложение об обязательной общедоступности, публичности методик, применяемых в судебной экспертизе.

6. Требование открытости методических материалов для широкого обсуждения может стать важнейшим шагом на пути к фактической унификации применяемых в сфере лингвистической судебной экспертизы методов и методик.

7. Требование публичности применяемой методики с одновременным отказом от требования её обязательной сертификации (фактического запрета на использование несертифицированной методики) в совокупности способны обеспечить расширение методических возможностей и оптимизацию подходов к решению экспертных задач, связанных с большинством «традиционных» для сферы судебной лингвистической экспертизы статей ГК и УК РФ.

Список источников

1. Чернявская М.С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2021. 19 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010777413>
2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. <https://elibrary.ru/qsylvad>

3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. <https://elibrary.ru/yolzbf>
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2007. 591 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006564760>
5. Новожилова Е.В., Донскова Ю.В. Требования к научным методикам судебной лингвистической экспертизы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия филологическая. 2022. № 5. С. 156-162. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_156, <https://elibrary.ru/mfidip>
6. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18-27. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2017.2.2>, <https://elibrary.ru/zaonen>
7. Горбаневский М.В. О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом // Экология языка и речи. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 424 с. <https://elibrary.ru/vcdhdx>
8. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118-126. <https://elibrary.ru/vroitp>
9. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31-36. <https://elibrary.ru/yjdetr>
10. Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н.Н. Казанский. 2016. Т. 12. №. 3. С. 335-350. URL: <https://rusexpert.ru/public/guild/статья%20Т.В.Чернышовой.pdf>

References

1. Chernyavskaya M.S. *Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' negosudarstvennykh ekspertnykh organizatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [Forensic activities of non-state expert organizations: theoretical and applied aspects: PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 2021, 19 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010777413>
2. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts in Cases Related to Countering Extremism]. Moscow, Federal Budgetary Entity Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2011, 326 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qlsvad>
3. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu* [Methodology for Conducting Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, Federal Budgetary Entity Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2014, 98 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolzbf>
4. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic Examination of the Text]. Moscow, FLINTA-M, Nauka Publ., 2013, 591 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006564760>
5. Novozhilova E.V., Donskova Yu.V. Requirements for scientific methods of forensic linguistics. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya filologicheskaya = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2022, no. 5, pp. 156-162. (In Russ.) https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_156, <https://elibrary.ru/mfidip>
6. Baranov A.N. Linguistics in forensic linguistic expertise (method and truth). *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 18-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2017.2.2>, <https://elibrary.ru/zaonen>
7. Gorbanevskii M.V. O prikladnoi lingvistike v bor'be s ekstremizmom [About applied linguistics in the fight against extremism]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012, pp. 235-249. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vcdhdx>

8. Kukushkina O.V. Methods used in forensic linguistic analysis. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2016, no. 1 (41), pp. 118-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vroitp>
9. Galyashina E.I. Judicial linguistic expertise and limits of use of linguistic science methods. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 31-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjdetr>
10. Chernyshova T.V. Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa i problema vybora metoda v sovremennoi lingvoekspertnoi praktike [Analytical and expert activity of a philologist and the problem of choosing a method in modern linguoexpert practice]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN «Acta Linguistica Petropolitana»* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research Russian Academy of Science "Acta Linguistica Petropolitana"]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 335-350. (In Russ.) Available at: <https://rusexpert.ru/public/guild/статья%20Т.В.Чернышовой.pdf>

Информация об авторах

Жарков Игорь Вениаминович, кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела Гильдии (Санкт-Петербург), Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4069-5938>, linguexpert@protonmail.com

Вклад в статью: анализ научной литературы, сбор иллюстративного материала, написание части текста статьи.

Колтунова Елизавета Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2601-7954>, koltunova52@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 27.01.2023
Одобрена после рецензирования 11.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the authors

Igor V. Zharkov, PhD (Philology), Head of the Scientific and Methodological Department of the Guild (St. Petersburg), Guild of Linguistic Experts in Documentary and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4069-5938>, linguexpert@protonmail.com

Contribution: scientific literature analysis, illustrative material acquisition, part manuscript text drafting.

Elizaveta A. Koltunova, PhD (Philology), Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department of Philology and Journalism Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2601-7954>, koltunova52@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received January 27, 2023
Revised April 11, 2023
Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81-139

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-321-328>

Шифр научной специальности 5.9.6

Социоисторическая перспектива как параметр лингвистического исследования (на материале агитационных плакатов США)

Анна Викторовна БУКИНА

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

✉ anna.vk27@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено описанию социоисторических аспектов политического дискурса США на примере агитационных плакатов. Цель исследования – рассмотреть перспективность применения исторического подхода в дискурсивном анализе, в частности для обоснования актуальности изучения единиц политического дискурса в социоисторическом ракурсе. Выдвинута гипотеза об актуальности методов параметрического анализа, которые позволяют избежать субъективной или неверной интерпретации при анализе политических текстов, являющихся комплексным объектом лингвистического исследования. С помощью методов параметрического анализа выявлены и описаны имплицитные и эксплицитные способы актуализации социоисторической перспективы в политическом тексте, которые могут принимать форму интертекстуальных и интердискурсивных средств. Анализ материала выявил трудности в интерпретации тех политических посланий, смысл которых обусловлен экстралингвистическим фактором. Рассмотрен мультимодальный аспект передачи информации, которая происходит через вербальный и невербальный информационные каналы. Доказана важность включения социоисторического параметра в лингвистический анализ политического дискурса, характеризующегося неразрывной связью с историческим моментом и социальными практиками, и подчеркнута роль фоновых знаний как неотъемлемого компонента профессиональной компетенции исследователя при интерпретации политических текстов.

Ключевые слова: социоисторическая перспектива, параметрический анализ, дискурс-анализ, политический дискурс США, мультимодальность, интертекстуальность, интердискурсивность, контекст

Для цитирования: Букина А.В. Социоисторическая перспектива как параметр лингвистического исследования (на материале агитационных плакатов США) // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 321-328. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-321-328>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Sociohistorical perspective as a parameter of linguistic research (based on us campaign posters)

Anna V. BUKINA

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation
 anna.vk27@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the description of the sociohistorical aspects of the US political discourse on the example of propaganda posters. The purpose of the study is to consider the prospects of using the historical approach in discursive analysis, in particular, to justify the relevance of studying units of political discourse from a sociohistorical perspective. A hypothesis has been put forward about the relevance of parametric analysis methods, which allow avoiding subjective or incorrect interpretation in the analysis of political texts, which are a complex object of linguistic research. Using the methods of parametric analysis, implicit and explicit ways of actualizing the sociohistorical perspective in a political text are identified and described, which can take the form of intertextual and interdiscursive means. The analysis of the material revealed difficulties in interpreting those political messages, the meaning of which is due to the extralinguistic factor. The multimodal aspect of the transmission of information that occurs through verbal and non-verbal information channels is considered. The importance of including a sociohistorical parameter in the linguo-stylistic analysis of political discourse, which is characterized by an inextricable link with the historical moment and social practices, is proved, and the role of background knowledge as an integral component of the professional competence of a researcher in the interpretation of political texts is emphasized.

Keywords: sociohistorical perspective, parametric analysis, discourse analysis, US political discourse, multimodality, intertextuality, interdiscursivity, context

For citation: Bukina, A.V. Sociohistorical perspective as a parameter of linguistic research (based on us campaign posters). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):321-328. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-321-328>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно социоисторическая перспектива освещалась в лингвистических исследованиях в рамках диахронического анализа лингвистических явлений. Сегодня же наблюдается всё больший интерес к развитию «исторической прагматики» и «исторической дискурсологии» [1, с. 24]. Такой подход является сравнительно новым и дискуссионным, так как не все исследователи, в частности Н.Д. Арутюнова, признают возможность изучения дискурса в его исторической

динамике [1, с. 24]. Тем не менее рассмотрение дискурса в социоисторическом ракурсе видится возможным и весьма перспективным, если отталкиваться от позиции Е.С. Кубряковой о неразрывности дискурса и социоисторического контекста [2, с. 527], а также ввиду новых методов корпусной лингвистики, «позволяющих получить достоверные сведения о формировании и исторической динамике дискурсивных параметров и текстовых категорий» [3, с. 5-6].

В данной статье мы хотели бы рассмотреть социоисторическую перспективу как

параметр лингвостилистического исследования, который позволяет раскрыть прагматистический потенциал языковой единицы в тексте, а именно способы её актуализации через языковые маркеры и экстралингвистические факторы в политическом дискурсе США. Материалом исследования послужили американские предвыборные и протестные плакаты с 50-х гг. XX века по настоящее время, а также лозунги соответствующих предвыборных кампаний.

При этом отметим, что рассмотрение социоисторического аспекта как параметра является важным методологическим подходом. Параметрический анализ дискурса через выделение различных маркеров и описание дискурсивных параметров и категорий является весьма актуальным для исследований различных дискурсов [4; 5]. И предположительно, данный метод способствует большей объективности и помогает преодолеть тенденции современных лингвистических исследований к «гиперинтерпретации» [6, с. 84].

СОЦИОИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И СПОСОБЫ ЕЁ АКТУАЛИЗАЦИИ

Политический дискурс, погружённый и неразрывно связанный с окружающей действительностью в конкретный момент времени [7], является удобным примером для изучения социоисторических маркеров. Фактор контекста выступает главным в агитационных жанрах политического дискурса, в которых контекст компенсирует лаконичность и привносит выразительность. Например, ёмкий и запоминающийся лозунг кампании Б. Обама “Yes, we can” одновременно выражает идею способности осуществить действие / план / политическую программу и идею сплочённости, в то же время для большего эмоционального воздействия являясь прямым обращением к аудитории. И именно социоисторический контекст актуализирует смыслы, заложенные в лозунг, и делает его эффективным с прагматической точки зрения. Так, реципиент, погружённый в контекст исторического момента, в данном случае – в предвыборную кампанию Б. Обамы,

понимает, что речь идёт о возможности изменить политический курс США.

Погружённость политического дискурса в исторический момент приводит к необходимости выделить социоисторическую перспективу (другими словами, все те языковые маркеры и экстралингвистические факторы) как отдельный параметр анализа. Этот параметр является значимым, так как политические тексты насыщены подобными маркерами: в проанализированном материале такие маркеры встречались в сравнительно большом количестве (не было ни одного плаката/текста без них), и, что особенно важно, в большинстве случаев социоисторические маркеры являлись ключевыми для раскрытия смысла и выразительности текста.

На примере политического дискурса можно выделить две группы социоисторических маркеров.

1. Эксплицитные маркеры – явно выраженные вербальные и невербальные маркеры.

В эту группу можно отнести все интертекстуальные и интердискурсивные средства, принимающие форму аллюзий и референций (аллюзивных средств), и средства стилизации (например, стилизация агитационного плаката под рекламный плакат). Выявить такие маркеры с помощью стандартных методов дискурс-анализа и общих лингвостилистических методов относительно просто.

Тематически интертекстуальные и интердискурсивные средства могут варьироваться в зависимости от политического жанра. Однако можно выделить три основные источника аллюзий.

Во-первых, аллюзии черпаются непосредственно из политической сферы – политической жизни страны, в которую погружён и которую отражает дискурс. Являясь, пожалуй, самыми «естественными» в политическом тексте, такие аллюзии встречаются очень часто. Это могут быть имена политиков, партий, групп влияния, в принципе любых акторов на политической арене, а также лозунги, пункты политической платформы, цитаты выступлений или интервью и даже аллюзии на курьёзные или скандальные случаи в политике.

Во-вторых, история и культура являются важными источниками аллюзий. Как правило, американский политический дискурс сосредоточен на собственной истории и культуре, но использование источников мировой истории и культуры не исключено. Важной особенностью использования таких аллюзий является их прагматическая заряженность на убеждение и эмоциональное воздействие. Именно с их помощью конструируется образ великой страны и выражается призыв к американским идеалам и ценностям. Весьма каноничным примером обращения к историческим личностям является использование аллюзий на плакате на рис. 1. На нём мы видим использование образа «сильного» президента Д. Кеннеди на невербальном уровне и аллюзию в сочетании с игрой слов на вербальном уровне («another JFK»).

Источником третьей группы аллюзий является массовая культура. На рис. 2 мы видим изображение Годзиллы, персонажа из кинематографа 1960-х гг., использованного для характеристики кандидата в президенты Л. Джонсона. Эта группа не является особенно большой в агитационном дискурсе, однако

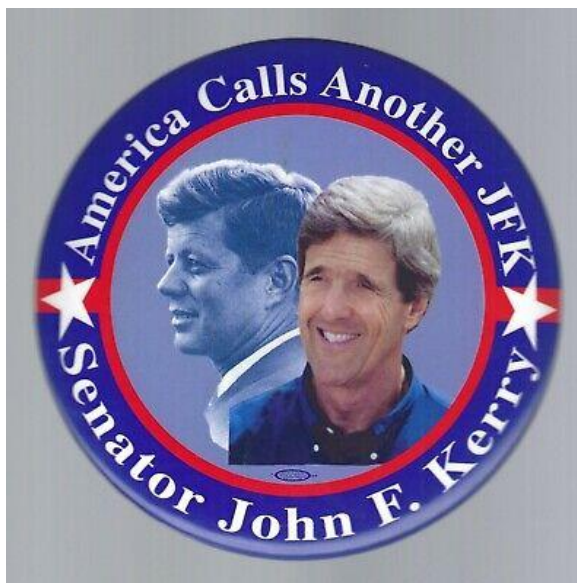

Рис. 1. Агитационный значок предвыборной кампании Дж. Керри, 2000-е гг.

Fig. 1. Campaign badge of John Kerry's election campaign, 2000s

Рис. 2. Протестный плакат против политики Л. Джонсона, 1960-е гг.

Fig. 2. Protest poster against L. Johnson's policy, 1960s

весьма значима своим прагматистилистическим потенциалом к выразительности в современном политическом дискурсе США. Это объясняется частично ввиду его прагматической направленности на развлечение аудитории, частично интерактивностью и семиотической гетерогенностью, которые были привнесены современными технологиями во многие дискурсы [8], в том числе политический.

В проанализированном материале аллюзии могут быть использованы для достижения самых разнообразных эффектов. В первую очередь, для создания позитивного образа кандидата в президенты через обращения к авторитетам через исторические и политические аллюзии, во-вторых, для создания юмористического эффекта с прагматической задачей либо развлечь избирателя, либо высмеять и раскритиковать оппонента (рис. 3).

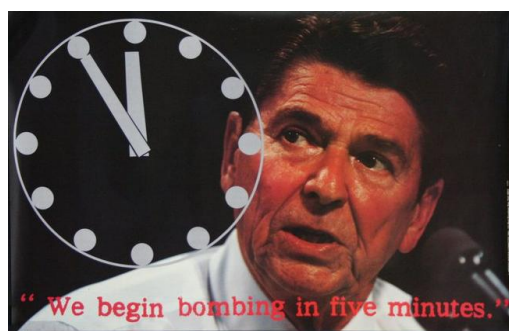

Рис. 3. Протестный плакат против политики Р. Рейгана, 1980-е гг.

Fig. 3. Protest poster against the policy of R. Reagan, 1980s

При этом создание юмористического эффекта подкрепляется другими стилистическими приёмами и языковыми средствами – чаще всего игрой слов и аллитерацией.

Под интердискурсивными средствами стилизации мы понимаем использование языковых средств и стилистических приёмов, характерных для определённого жанра или дискурса [9, с. 34]. Как средство выразительности в политическом дискурсе, стилизация строится на отступлении от нормы и создании эффекта обманутого ожидания в сочетании с юмористическим эффектом. Так, в приведённом примере (см. рис. 4) плакат стилизован под афишу как через визуальные средства (шрифт, характер изображения), так и через языковые средства, присущие кинодискурсу. Ещё одним распространённым вариантом стилизации в агитационном дискурсе является стилизация под объявление о розыске. Источником таких интердискурсивных средств становится институциональный судебный дискурс через соответствующие средства.

Кроме того, стилизация политического текста или его фрагмента может быть политически обусловлена. Поскольку стилизация по своей сути представляет собой набор языковых (и неязыковых) приёмов и средств, в политическом дискурсе, характеризующемся идеологичностью (то есть трансляцией определённых политических взглядов) [10; 11], языковые средства стилизации могут быть использованы как средства политической

дифференциации, для разграничения и сигнализации в системе «свой – чужой».

Ярким примером такого рода маркированности являются плакаты социалистических (или коммунистических) движений в США, в которых применяются типичные для данной идеологии образы, языковые единицы (например, типичные лозунги “Power to the People”) и цветовые схемы. Такие элементы маркируют текст (в данном случае плакат) как оппозиционный, отличный от плакатов Республиканской и Демократической партий, выполненных в другой стилистике. Приём стилизации вместе с аллюзивными средствами часто встречается в мультимодальных единицах политического дискурса, в которых информация передаётся не только через вербальный информационный канал, а актуализируется как на вербальном, так и на невербальном уровнях [12; 13]. Это можно увидеть в приведённых примерах, проанализировав характер изображения, цветовую схему и другие невербальные элементы.

Рис. 4. Протестный плакат против кандидата в президенты М. Дукакиса, 1980-е гг.

Fig. 4. Protest poster against presidential candidate M. Dukakis, 1980s

2. Экстралингвистические факторы, или имплицитно выраженные социоситовические аспекты. К экстралингвистическим факторам традиционно относят различные аспекты, выходящие за рамки текста [6; 14–16]. Включение этих факторов в лингвистический анализ является важным для интерпретации смысла и прагматики текста [6, с. 84].

В ходе проведённого нами исследования было выявлено, что определённая часть экстралингвистической информации может передаваться с помощью интертекстуальных и интердискурсивных средств, рассмотренных выше. Однако часть экстралингвистической информации не находит какого-либо выражения в политическом тексте, хотя и может быть ключевой для его интерпретации. Такая экстралингвистическая информация может быть актуализирована только через знание социокультурных и социоисторических реалий, в чём и будет заключаться главная трудность в идентификации такого рода информации при анализе политических текстов.

Значимость социоисторического контекста для актуализации смысла и осуществления воздействия в лаконичных жанрах политического дискурса была уже упомянута выше на примере лозунга “Yes, we can”. Проанализируем ещё один пример, который ярко показывает необходимость фоновых знаний о социальных практиках в определённом обществе в определённый исторический момент времени для интерпретации политических посланий. Плакат на рис. 5 не прост в интерпретации из-за предельной лаконичности вербального компонента и неоднозначности интерпретации невербального компонента (к которой он предрасположен по своей семиотической природе). Можно отметить некий торжественный, пафосный характер изображений, который также согласуется со смысловой нагрузкой лексема *Now*. Ясность вносит экстралингвистический фактор, а именно знание об активной борьбе за права афроамериканского населения в 1960-е гг., к временным рамкам которой и относится данный плакат.

Так мы видим, как за одним словом, помещённым в контекст, может стоять целое

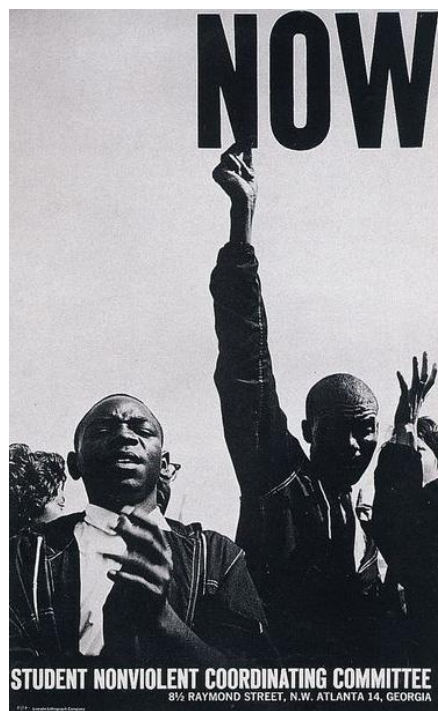

Рис. 5. Агитационный плакат кампании по борьбе за равные права, 1960-е гг.

Fig. 5. Campaign poster for equal rights campaign, 1960s

послание, имеющее смысл и прагматическое воздействие в конкретный исторический момент времени и конкретных условиях, то есть в конкретной социоисторической перспективе. Очевидно также, что исследователю политического дискурса, весьма специфического с точки зрения его связи с широким культурным и социоисторическим контекстом, необходимо обладать лингвокультурологическими компетенциями и постоянно расширять свой кругозор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы пришли к выводу, что изучение социоисторической перспективы в политическом дискурсе открывает новые возможности для дискурс-анализа. В данном исследовании мы сосредоточились на выделении маркеров, которые можно в дальнейшем использовать для изучения политических текстов в динамике.

Важным выводом стало, что включение такого параметра, как социоисторический, при анализе единиц политического дискурса необходимо ввиду специфики дискурса. Этот параметр помогает правильно интерпретировать заложенный смысл и воздействие на реципиента. В проанализированном материале была выделена группа эксплицитных и имплицитных социоисторических маркеров, которые актуализируют смысл и выполняют

прагматическую задачу при создании политического текста.

Параметризация в лингвистическом анализе является весьма эффективным методом для изучения не только политического, но и других типов дискурса, так как позволяет сосредоточиться на одном аспекте для его глубокого изучения и при этом избежать поиска ложных смыслов.

Список источников

1. Кочетова Л.А. Историко-дискурсивные корпусные исследования // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. ст. по материалам Первой всерос. (нац.) науч. конф. с междунар. участием / под ред. И.В. Кононовой. СПб.: С.-Петерб. гос. эконом. ун-т, 2020. С. 23-28. <https://elibrary.ru/ioffai>
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 560 с. <https://elibrary.ru/razlvp>
3. Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю. Историческая динамика дискурсивных практик. Волгоград: ВолГУ, 2017. 226 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01009558331>
4. Шмелёва Е.С. Интердискурсивная реализация лингвокреативности (на материале статей англоязычной прессы, посвящённых тематике COVID-19) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 605-609. <https://elibrary.ru/ewrwle>
5. Зыкова И.В. Полиmodalная метафора в киноискусстве: современные векторы изучения // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 223-229. <https://elibrary.ru/ogugko>
6. Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83-97. <https://doi.org/10.17223/19986645/63/5>, <https://elibrary.ru/bqahgw>
7. Teun A. van D. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics, 1997. Vol. 11. P. 24. <https://doi.org/10.1075/BJL.11.03DIJ>
8. Сескутова И.К. Тексты массмедиа в условиях мультимедийного восприятия // Вестник МГЛУ. 2016. № 19 (758). С. 55-62. <https://elibrary.ru/wfklyt>
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/piegegro.htm> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Teun A. van D. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction. Barcelona: Pompeu Fabra University Publ., 2001. P. 118. URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf>
11. Wodak R. Language, power and ideology. Amsterdam: Benjamins, 1989. P. 299. <https://doi.org/10.1075/ct.7>
12. Ирисханова О.К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 63-66. <https://elibrary.ru/pzlwqz>
13. Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 134-152. <https://elibrary.ru/smrped>
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с. <https://elibrary.ru/vxkanf>
15. Auer P. Context and contextualization // Verschueren J., Östman J.-O. (eds.) Key Notions of Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2009. P. 86-101. <https://doi.org/10.1075/hoph.1.05aue>
16. Gumperz J. Sharing Common Ground // Keim I., Schütte W. (eds.) Soziale Welten und kommunikative Stile. Tübingen, 2002. P. 47-55. <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=677299>

References

1. Kochetova L.A. Corpus-based historical discourse studies. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Pervoi vserossiiskoi (nacional'noi) nauchnoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: "Yazyk i kul'tura v*

- ehpokhu globalizatsii*” [Collection of Scientific Works Based on the Materials of the First All-Russian (National) Scientific Conference with International Participation: “Language and Culture in the Era of Globalization”]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics Publ., 2020, pp. 23-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ioffai>
2. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about the Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2004, 560 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/razlvp>
 3. Kochetova L.A., Il'ina E.Yu. *Istoricheskaya dinamika diskursivnykh praktik* [Historical Dynamics of Discursive Practices]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2017, 228 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01009558331>
 4. Shmeleva E.S. Interdiscursive realization of linguistic creativity (based on English language press articles on the topic of COVID-19 pandemic). *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2022, no. 4 (51), pp. 605-609. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ewrwle>
 5. Zyкова I.V. Multimodal metaphor in cinematic art: contemporary vectors of study. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2022, no. 4 (51), pp. 223-229. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogugko>
 6. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimensions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 63, pp. 83-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/63/5>, <https://elibrary.ru/bqahgw>
 7. Teun A. van D. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics*, 1997, vol. 11, p. 24. <https://doi.org/10.1075/BJL.11.03DIJ>
 8. Seskutova I.K. Perception of multimedia messages and effects. *Vestnik MGLU = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, no. 19 (758), pp. 55-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wfklyt>
 9. P'ege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p. <http://abuss.narod.ru/Biblio/piegegro.htm> (accessed 15.01.2023).
 10. Teun A. van D. Ideology and discourse. *A multidisciplinary introduction*, Barcelona, Pompeu Fabra University Publ., 2001, 118 p. Available at: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf>
 11. Wodak R. Language, power and ideology. *Belgian Journal of Linguistics. Political Linguistics*, 1989, 299 p. <https://doi.org/10.1075/ct.7>
 12. Iriskhanova O.K. Socio-cognitive approach to multimodality: semiotics of posters. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2012, no. 11, pp. 63-66. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzlwqz>
 13. Kibrik A.A. Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal Linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2010, no. 4, pp. 134-152. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smrped>
 14. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publishers, 1981, 138 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vxkanf>
 15. Auer P. Context and contextualization. Verschueren J., Östman J.-O. (eds.) *Key Notions of Pragmatics*, Amsterdam, John Benjamins Publ. Co., 2009, pp. 86-101. <https://doi.org/10.1075/hoph.1.05aue>
 16. Gumperz J. Sharing Common Ground. *Soziale Welten und kommunikative Stile*, Tübingen, 2002, pp. 47-55. <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=677299>

Информация об авторе

Букина Анна Викторовна, аспирант, кафедра стилистики английского языка, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0000-2136-248X>, anna.vk27@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с источниками, анализ материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 31.02.2023
Одобрена после рецензирования 14.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Anna V. Bukina, Post-Graduate Student, English Stylistics Department, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0000-2136-248X>, anna.vk27@gmail.com

Contribution: the general concept of the manuscript, working with sources, analyzing the material, manuscript drafting and design.

Received February 31, 2023
Revised March 14, 2023
Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-329-337>

Шифр научной специальности 5.9.6

Концепт гибких навыков в педагогическом дискурсе (на материале английского языка)

Анаит Нориковна ХУДАНЯН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ khudanyan_anait@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы концептуализации гибких навыков в английском языке. Цель исследования – оценить важность раскрытия содержания концепта гибких навыков в современном мире, с одной стороны, а с другой – подчеркнуть важность включения данного концепта в педагогический дискурс с тем, чтобы сформировать и активизировать изучаемый концепт в сознании учащихся. Проведён анализ работ, описывающих сущность концепта как лингвокогнитивного явления и типологию концептов; приведены основные структурные характеристики исследуемого концепта в английском языке, выявленные на основе метода концептуально-дефиниционного анализа. Так, выделены следующие характеристики: виды гибких навыков, сфера применения гибких навыков, цель применения гибких навыков, результат применения гибких навыков, источник гибких навыков, форма выражения гибких навыков, уровень развития гибких навыков. К каждой характеристике приведены несколько субхарактеристик. Помимо вопроса концептуализации, также рассмотрена тема педагогического дискурса. Исследованы определения дискурса, предложенные разными учёными. Важно отметить, что приведённые выше проблемы рассмотрены не параллельно, а именно с целью связать их в контексте педагогической деятельности. Сделан вывод о том, что результаты проведённого исследования могут быть применены педагогами в процессе концептуальной архитектуры сознания личности учащегося.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептуально-дефиниционный анализ, гибкие навыки, педагогический дискурс, концептуальная архитектура, формирование личности

Для цитирования: Худанян А.Н. Концепт гибких навыков в педагогическом дискурсе (на материале английского языка) // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 329-337. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-329-337>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The concept of soft skills in pedagogical discourse (on the material of the English language)

Anait N. KHUDANYAN

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ khudanyan_anait@mail.ru

Abstract. The problems of conceptualizing soft skills in English are considered. The purpose of the study is to assess the importance of revealing the content of the concept of soft skills in the modern world, on the one hand, and on the other hand, to emphasize the importance of including this concept in pedagogical discourse in order to form and activate the concept under study in the minds of students. The analysis of works describing the essence of the concept as a linguo-cognitive phenomenon and the typology of concepts was carried out; the main structural characteristics of the studied concept in the English language, revealed on the basis of the method of conceptual and definitional analysis, are given. So, the following characteristics are distinguished: types of soft skills, scope of soft skills, purpose of using soft skills, result of using soft skills, source of soft skills, form of expression of soft skills, level of development of soft skills. Each characteristic has several sub-characteristics. In addition to the issue of conceptualization, the topic of pedagogical discourse is also considered. The definitions of discourse proposed by different scientists are studied. It is important to note that the above problems are not considered in parallel, but precisely with the aim of linking them in the context of pedagogical activity. It is concluded that the results of the study can be applied by teachers in the process of the conceptual architecture of the consciousness of the student's personality.

Keywords: concept, conceptualization, conceptual and definitional analysis, soft skills, pedagogical discourse, conceptual architecture, personality formation

For citation: Khudanyan, A.N. The concept of soft skills in pedagogical discourse (on the material of the English language). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):329-337. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-329-337>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Системы образования проходят через трансформации в соответствии с потребностями общества. В наше время всё чаще утверждается, что достижение успеха зависит от наличия надпрофессиональных так называемых «гибких навыков» (soft skills), которые долгое время оставались вне фокуса внимания образовательных учреждений. Об этом свидетельствует большое число исследований данной темы в различных отечественных и зарубежных научных сферах (работы Т.Н. Ануфриевой, А.В. Граменицкой, Т.С. Еремеевой, Е.А. Арбатской, Е.Г. Тархановой;

Н.В. Агеенко, А.А. Рыбкиной, А.Л. Курегян, М.А. Хусаиновой и др.).

Так, Т.Н. Ануфриева проводит контент-анализ “soft skills” на основе данных словарей и статей других исследователей, описывающих гибкие навыки в рамках различных областей [1]. Е.А. Арбатская и Е.Г. Тарханова также исследуют содержание понятия «мягких навыков», анализируя уже имеющиеся публикации по данной теме, и подчёркивают важность учёта сделанных выводов при профессиональной подготовке будущих менеджеров [2]. Т.С. Еремеевой и Н.А. Ли освещается проблема определения “soft skills”, выявления их основных черт и видов, а также осо-

бенностей их формирования у работников социальной сферы [3]. А.В. Граменицкая посвящает свою работу теме формирования одного из важнейших гибких навыков – навыка эффективной коммуникации – у руководителей образовательных организаций [4].

Н.В. Агеенко и А.А. Рыбкина рассматривают формирование гибких навыков в контексте осуществления проектной деятельности и распределяют их на три группы на основе тесной связи «с личностными качествами и установками», «социальными навыками» и «управленческими навыками» [5, р. 7]. А.Л. Кюрегян и М.А. Хусаинова в своей работе указывают на необходимость развития гибких навыков у студентов высших учебных заведений, рассматривают методы и приёмы их усовершенствования [6]. Как видно из проведённого анализа научных исследований, учёные заинтересованы в изучении различных аспектов такого явления, как гибкие навыки.

На процесс формирования soft skills, «в отличие от развития конкретных профессиональных навыков, противоречиво влияет множество факторов: отношения в семье, социальное окружение, общественные ценности и моральные установки, медиа и др.» [7, с. 63]. Поэтому сегодня в число задач учебных заведений входит, помимо организации условий получения знаний, относящихся к определенной научной области, формирование среды развития успешной в современном мире личности, обладающей гибкими навыками.

В настоящий момент степень развития подобных способностей трудно поддаётся измерению, но можно с уверенностью утверждать, что данные способности являются универсальными, не связанными с той или иной профессией или специальностью. Вместе с тем представляется важным вопрос о возможности обучения данным навыкам, поскольку не существует специально разработанных учебных материалов, по которым педагог мог бы обучать им студентов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В связи с вышеизложенным необходимо исследовать вопросы концептуализации гиб-

ких навыков, а также целесообразности, способов и форм представления данного концепта в педагогическом дискурсе. Поставленная задача обуславливает потребность в осуществлении анализа ряда работ, посвящённых исследованию вопросов концептуализации и педагогического дискурса. Чёткое представление о том, что собой представляет концепт гибких навыков, то есть структуризация его концептуальных характеристик на основе метода концептуально-дефиниционного анализа, является первостепенной задачей. Следует также уделить внимание рассмотрению сущности педагогического дискурса, его целей и структуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ литературы, посвящённой исследованию процессов концептуализации, показал, что концепты закладываются в сознании человека в течение жизни. Так, В.И. Карасиком предлагается определение концептов как «ментальных образований, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «квант переживаемого знания» [8, с. 59, 361].

В Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. В процессах мышления человек оперирует концептами, которые отражают содержание результатов человеческой деятельности и познания мира в виде неких «квантов» знания»¹. Из приведённого определения следует, что источником формирования концептов служат «результаты человеческой деятельности и познания мира». З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концепты формируются вследствие непосредственного чувственного опыта человека, предметной деятельности человека, мыслительных

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 90.

операций, языкового общения и сознательного познания языковых единиц [9, с. 40].

Н.Ф. Алефиренко подчёркивает сложную природу концепта, определяя его как «...сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят ещё оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту» [10, с. 155]. Кроме того, из данной формулировки следует, что в содержании концепта можно обнаружить компоненты не только объективного, но и оценочного восприятия мира.

Анализ работ лингвистов-когнитологов показал, что не существует одного исчерпывающего подхода к определению концепта, и множество взаимодополняющих мнений позволяет выделить черты, присущие концепту как явлению: 1) концепт формируется и хранится в сознании человека; 2) концепты участвуют в мыслительной деятельности человека; 3) существуют различные способы формирования концепта; 4) существует связь между концептуальной системой носителя языка и собственно языком; 5) концепты охватывают объективные и оценочные характеристики; 6) существуют различные виды классификации концептов.

Так, учёными предлагается множество классификаций концептов, в основе которых могут лежать различные критерии. Например, по В.А. Масловой, в зависимости от носителя возможно выделение индивидуальных, мигрогрупповых, национальных и других концептов. По сфере функционирования исследователь делит концепты на относящиеся к разным видам дискурса (педагогическому, религиозному, политическому, медицинскому и др.).

Выявление содержательных характеристик концепта гибких навыков в английском языке возможно в результате концептуально-дефиниционного анализа лексической единицы “soft skills”, а также её синонимов (life skills, competence, accomplishment, power, resources и др.). Так, в структуре изучаемого концепта обнаружены следующие характеристики и субхарактеристики:

1) виды гибких навыков: а) навыки общения (enable you to communicate well with other people [OALDCE²]); б) навыки работы в команде (work well together [CIDE³], work in or lead a team [MDTO⁴]); в) навыки лидерства (lead a team [MDTO]);

2) сфера применения гибких навыков: а) работа (spent doing a job [MDTO]); б) какое-либо занятие (activity [MDTO]); в) учёба (at school [MDTO]); г) личные отношения (personal relationships [MDTO]);

3) цель применения гибких навыков: а) выполнение сложных или опасных задач (do something difficult; deal with difficult or dangerous situations [MDTO]); б) выполнение нескольких задач одновременно (deal with a lot of things at the same time [MDTO]); в) облегчение выполнения задач (makes it easy for you to do something well [MDTO]); г) решение проблем (deal with problems effectively [MDTO]);

4) результат применения гибких навыков: а) эффективное выполнение задач (to do something in a satisfactory or effective way [MDTO]); б) получение преимущества над другими (gives an advantage [MDTO]); в) достижение чего-либо (achieve something [MDTO]);

5) источник гибких навыков: а) опыт (experience [MDTO]); б) тренировка (special training [MDTO]); в) природный дар (naturally good at something [MDTO]); г) учёба (you get from experience, training, or study [MDTO]);

6) форма выражения гибких навыков: а) физическое поведение; б) психологическое поведение (using your hands or your mind; physical or mental ability; know what to do in a particular situation [MDTO]);

7) уровень развития гибких навыков (high level of skill; high degree of ability or skill [MDTO]).

²OALDCE – Oxford Advanced Learners’ Dictionary of Current English Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 12.12.2022).

³CIDE – Cambridge International Dictionary of English Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 12.12.2022).

⁴MDTO – Macmillan Dictionary and Thesaurus Online. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 12.12.2022).

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что концепт гибких навыков имеет сложную организацию и является абстрактным. Следует отметить, что список приведённых характеристик не является исчерпывающим. Тем не менее, он позволяет оценить, насколько важно владение гибкими навыками. Как показывает концептуально-дефиниционный анализ, источником гибких навыков может являться опыт, тренировка, природный дар и учёба. Следовательно, данный концепт может быть сформирован в сознании учащихся путём инкорпорирования его в педагогический дискурс. Ниже предлагается провести обзор работ по проблеме дискурса и, в частности, педагогического дискурса для того, чтобы яснее понять, каким образом его можно эффективно использовать в качестве инструмента формирования знаний о гибких навыках.

Изучению дискурса посвящено множество исследований (работы В.И. Карасика, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Ежовой и др.). Существует большое количество определений, но в данном исследовании за основу взята концепция Н.Д. Арутюновой, согласно которой дискурс представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное явление, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)⁵.

Типологии дискурса также строятся на основе разнообразных критериев. Так, В.И. Карасик указывает на основные типы дискурса: персональный и институциональный [12, с. 5]. Особенностью второго является то, что он обнаруживается в рамках такого общения между людьми, которое регулируется нормами данного социума. В его дальнейшей классификации институционального дискурса мы обнаруживаем педагогический дискурс в числе прочих типов (политический, дипломатический, административный, юридический, военный, религиозный, рекламный, спо-

ртивный, массово-информационный и др.) [12, с. 10].

Т.В. Ежова отмечает, что «педагогический дискурс – это динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов учебного процесса, которая объективно существует и функционирует в образовательной среде», а в качестве составляющих частей выделяет **участников дискурса, педагогические цели, ценности и смысловой компонент**⁶. Ю.Ю. Поспелова обозначает две основные цели педагогического дискурса, связанные 1) «с формированием структур знаний (концептов) в сознании обучаемых и усложнении уже имеющихся концептов за счёт учебно-познавательной деятельности обучаемых; 2) с социализацией подрастающего члена общества» [13, с. 307-308]. Как видно из приведённых выше результатов исследований, грамотное проектирование педагогического дискурса способно обеспечить формирование в сознании человека концепта гибких навыков.

Суммируя приведённую выше информацию о концепте как явлении и педагогическом дискурсе, можно утверждать, что в процессе обучения могут использоваться разные способы презентации изучаемого концепта и его закрепления в сознании учащихся: 1) отдельными лексическими единицами для осознанного познания; 2) как знание, активизируемое в различных контекстах (например, академические тексты о гибких навыках, дискуссии с преподавателем); 3) посредством формулировок заданий; 4) за счёт оценки гибких навыков студентов со стороны преподавателя с акцентом на те или иные характеристики концепта в контексте выполнения различного рода заданий, требующих проявления этих способностей. В последнем случае речь идёт об оценочной категоризации отдельных видов гибких навыков (например, навыков общения, навыков работы в команде, навыков лидерства).

Рассмотрим реализацию формирования концепта гибких навыков в рамках занятий по

⁵ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.

⁶ Ежова Т.В. Проектирование педагогического дискурса в высшем профессиональном образовании будущего учителя: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2009. С. 26.

английскому языку. Как отмечает К.Ю. Герасимова, «учебной дисциплиной, которая имеет обширный коммуникативный задел для создания продуктивного дидактического пространства педагогического дискурса, является «Иностранный язык» [14, с. 25].

Во-первых, педагог и учащиеся могут обращаться к дефинициям лексических единиц со значением гибких навыков и их видов (soft skills – personal qualities that enable you to communicate well with other people [OALDCE]) и составлять концепт-карты (concept maps или topic maps), представляющие собой «графический способ отражения логической связи внутри концепта, или между концептами» [15, с. 245]. В этом случае концептуальные характеристики обнаруживаются в статике, то есть не наблюдается выдвигания какой-либо характеристики в позицию доминирующей.

Во-вторых, изучение языка подразумевает работу с текстами, что является хорошей возможностью репрезентации гибких навыков в контексте. Например, тексты в учебном пособии «Prepare. Level 3» из разделов LIFE SKILLS призваны сформировать знания об общении (Communication: Having a good conversation), критическом мышлении (Critical thinking: Accepting other people's opinions) и других гибких навыках⁷. Сюда же можно отнести непосредственно речевую деятельность информативного характера, когда педагог активизирует те или иные характеристики и субхарактеристики концепта в дискурсе.

В-третьих, как было отмечено выше, непосредственный опыт человека служит источником формирования концепта. Учебный процесс подразумевает различные формы взаимодействия и работы, которые в большей или меньшей степени способствуют восприятию и закреплению характеристик концепта гибких навыков. Например, формулировка задания *Work in small groups, discuss your ideas and decide what present you will buy for your friend's birthday* в части формы работы содержит характеристику концепта гибких навыков «навыки совместной работы»

(work in groups), а формулировка самого задания – характеристику «навыки общения» (discuss – to talk about a subject with someone and tell each other your ideas or opinions; communicate – to share information with others by speaking, writing, moving your body, or using other signals [CIDE]). Таким образом, следуя инструкции при выполнении задания, учащиеся приобретают опыт использования навыков совместной работы и общения.

В-четвёртых, педагог может выражать оценку, применив лексические единицы, репрезентирующие оценочные категории гибких навыков как ориентиры для учащихся (*good teamwork*). В связи с этим нужно отметить, что разработка оценочной категоризации гибких навыков могла бы выявить критерии оценивания и служить в качестве идеальной модели, ориентира для учащихся.

ВЫВОДЫ

Таким образом, поскольку осмысление мира происходит посредством процессов концептуализации и категоризации, с одной стороны, а педагогический дискурс является «ценностно-смысловым» источником и способен влиять на когнитивные процессы в ходе учебной коммуникации, с другой стороны, то представляется целесообразным включение концепта гибких навыков в педагогический дискурс как инструмент ознакомления учащихся с этим относительно новым, но крайне важным в современном образовании явлением. Понимание концепта гибких навыков может служить фактором развития личности и влиять на его поведение и поступки в той или иной ситуации.

Перспективы дальнейших научных разработок по данному вопросу связаны с оценочной категоризацией различных видов гибких навыков с целью представления их идеальной модели, а также с эффективными способами наиболее полной репрезентации характеристик концепта гибких навыков через грамотное построение педагогического дискурса.

Представление знаний о гибких навыках через педагогический дискурс необходимо для формирования личности, успешной в частной и публичной сферах современной жизни.

⁷ Rimmer W. Cambridge English Prepare! Level 3 Student's book. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 164 p.

Список источников

1. Ануфриева Т.Н. Контент-анализ понятия «гибкие навыки» (soft skills) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (226). С. 120-132. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-120-132>, <https://elibrary.ru/qjuiaf>
2. Арбатская Е.А., Тарханова Е.Г. Исследование содержания понятия soft skills // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 5. С. 905-924. <https://doi.org/10.18334/ce.14.5.104255>, <https://elibrary.ru/lcyvyw>
3. Еремеева Т.С., Ли Н.А. “Soft skills”: понятие и особенности формирования при подготовке специалистов для социальной сферы // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 98. С. 68-71. https://doi.org/10.22250/20730268_2022_96_68, <https://elibrary.ru/pjoss1>
4. Граменицкая А.В. Эффективная коммуникация как ключевой гибкий навык современного менеджера в сфере образования // Конференциум АСОУ: сб. науч. тр. и материалов науч.-практ. конф. М.: Академия социального управления, 2021. № 2. С. 360-364. <https://elibrary.ru/dgoynb>
5. Ageenko N.V., Rybkina A.A. Students' soft skills development through project activities // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-4. Р. 7-10. <https://gpa.cfuv.ru/attachments/article/5773/Выпуск%2077,%20часть%204,%202022%20год.pdf>
6. Kuregyan A.L., Khusainova M.A. Soft skills as key competences for successful employability of graduate students // Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. 2022. Vol. 19. № 4. Р. 113-120. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.4.9>, <https://elibrary.ru/pbmsio>
7. Гарбузов И.С., Дуран Т.В. Реализация тенденции развития soft skills в системе среднего профессионального образования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 3. С. 60-72. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.3.5>, <https://elibrary.ru/amugfd>
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002452173>
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2009. 314 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004589753>
10. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 282 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004393398>
11. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: наука, 2023. С. 38.
12. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. ст. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20. <https://elibrary.ru/vwhliz>
13. Поспелова Ю.Ю. Педагогический дискурс и его характеристики // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 1. С. 307-310. <https://elibrary.ru/mvsxcx>
14. Герасимова К.Ю. Педагогический дискурс на уроке иностранного языка // Философия образования в отечественной культурно-исторической традиции: история и современность: сб. ст. 9 Всерос. науч.-практ. конф. / под науч. ред. П.А. Гагаева. Пенза: Изд-во Пенз. гос. аграр. ун-та, 2023. С. 24-27. <https://elibrary.ru/vbodlq>
15. Погребнова А.Н. Концепт-карта как инструмент познания в контексте развития навыков 21 века // Профессиональное лингвообразование: материалы 12 Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ин-та упр. – ф-л РАНХиГС, 2018. С. 242-250. <https://elibrary.ru/ytnbgp>

References

1. Anufrieva T.N. Content analysis of the concept of “soft skills”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, no. 2 (226), pp. 120-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-120-132>, <https://elibrary.ru/qjuiaf>
2. Arbatskaya E.A., Tarkhanova E.G. Research on the soft skills concept. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 905-924. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.14.5.104255>, <https://elibrary.ru/lcyvyw>
3. Eremeeva T.S., Li N.A. “Soft skills”: the concept and features of formation in training specialists for the social sphere. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Amur State University Bulletin*, 2022, no. 98, pp. 68-71. (In Russ.) https://doi.org/10.22250/20730268_2022_96_68, <https://elibrary.ru/pjoss1>

4. Gramenitskaya A.V. Effektivnaya kommunikatsiya kak klyuchevoi gibkii navyk sovremennogo menedzhera v sfere obrazovaniya [Effective communication as a key flexible skill of a modern manager in the field of education]. *Sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii «Konferentsium ASOU»* [Proceedings of Scientific Papers and Materials of Scientific and Practical Conferences “Conference APM”]. Moscow, Academy of Public Administration Publ., 2021, no. 2, pp. 360-364. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dgoynb>
5. Ageenko N.V., Rybkina A.A. Students’ soft skills development through project activities. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2022, no. 77-4, pp. 7-10. (In Russ.) <https://gpa.cfuv.ru/attachments/article/5773/Выпуск%2077,%20часть%204,%202022%20год.pdf>
6. Kuregyan A.L., Khusainova M.A. Soft skills as key competences for successful employability of graduate students. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2022, vol. 19, no. 4, pp. 113-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.4.9>, <https://elibrary.ru/pbmsio>
7. Garbuzov I.S., Duran T.V. Implementation of the soft skills development trend in the secondary vocational education system. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Perm National Research Polytechnic University: Sociology and Economics Bulletin*, 2022, no. 3, pp. 60-72. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.3.5>, <https://elibrary.ru/amugfd>
8. Karasik V.I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality', Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 389 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002452173>
9. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: “East-West” Publ., 2009, 314 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004589753>
10. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value-Semantic Space of Language]. Moscow, Flinta Publ., 2010, 282 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004393398>
11. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2023, p. 38. (In Russ.)
12. Karasik V.I. O tipakh diskursa [About Types of Discourse]. *Sbornik statei «Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs»* [Proceedings “Linguistic Personality: Institutionalizations and Personal Discourse”]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5-20. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vwhliz>
13. Pospelova Yu.Yu. Pedagogical discourse and its characteristics. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2009, vol. 15, no. 1, pp. 307-310. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvsvxcx>
14. Gerasimova K.Yu. Pedagogical discourse at a foreign language lesson. In: Gagaev P.A. (academ. ed.). *Sbornik statei 9 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Filosofiya obrazovaniya v otechestvennoi kul'turno-istoricheskoi traditsii: istoriya i sovremennost'»* [Proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference “Philosophy of Education in the Domestic Cultural and Historical Tradition: History and Modernity”]. Penza, Penza State Agrarian University Publ., 2023, pp. 24-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vbodlq>
15. Pogrebnova A.N. Concept-map as a cognitive tool in the context of the 21st century skills acquisition. *Materialy 12 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Professional'noe lingvoobrazovanie»* [Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference “Professional Language Education”]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch RANEPa Publ., 2018, pp. 242-250. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytnbgp>

Информация об авторе

Худанян Анаит Нориковна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-4894-8092>, khudanyan_anait@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ научной литературы, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 13.01.2023

Одобрена после рецензирования 20.03.2023

Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Anait N. Khudanyan, PhD (Philology), Senior Lecturer of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-4894-8092>, khudanyan_anait@mail.ru

Contribution: main study conception, scientific literature search and analysis, manuscript text drafting and editing.

Received January 13, 2023

Revised March 20, 2023

Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1.09-1 + 929

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

Шифр научной специальности 5.9.1

Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы

Евгений Евгеньевич ИВАНОВ

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
 ayaom@list.ru

Аннотация. Сфокусирован вопрос аксиологической роли русской литературы в создании гуманитарного образа России. Заострено внимание на кажущейся несовместимости пацифистских воззрений и позиций безусловной необходимости защиты Родины в Отечественных войнах. Произведено сопоставление позиций Л. Толстого и Б. Окуджавы по данной проблематике в свете концепции синтетической теории П.Н. Сакулина, определяющей преемственность идей в культуре. Проанализированы диахронические различия в формировании образа русского народа как защитника своей земли ценой самопожертвования. Проблематизируется смысл понятия «народ» в разные периоды исторического времени и его преломление в меняющемся социальном контексте. В этой связи фиксируется духовный инвариант, сохраняющий свою роль в культуре от А.С. Пушкина до наших дней. С опорой на тексты стихотворений Б. Окуджавы обосновано решение противоречий между пацифизмом, неприятием войны и защитой отечества как модусом спасения «земли» от вселенского зла, которое не привязано к какой-то определённой нации. Установлено, что у Л. Толстого народ-защитник метафоризируется в образе пчелиного роя – в динамическом качестве, а у Б. Окуджавы та же идея предстаёт в монолитно-фитоморфной форме древовидного «врас-тания» в землю. Доказано, что Россия изображается в своём соприродном праве, а естественное право на защиту места обитания от насильственного вторжения детерминирует гуманитарный образ России. Подчёркнут всечеловеческий пафос отрицания агрессии в творчестве данных авторов.

Ключевые слова: рой, народ, защита, самопожертвование, насилие, война

Для цитирования: Иванов Е.Е. Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 338-347. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Emanation of L. Tolstoy's "folk thought" in the work of B. Okudzhava

Evgeniy E. Ivanov

Irkutsk State University

1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation

 ayaom@list.ru

Abstract. The issue of the axiological role of Russian literature in creating the humanitarian image of Russia is focused. Attention is focused on the seeming incompatibility of pacifist views and positions of the unconditional need to defend the Motherland in the Patriotic Wars. The positions of L. Tolstoy and B. Okudzhava on this issue are compared in the light of the concept of the synthetic theory of P.N. Sakulin, which determines the continuity of ideas in culture. The diachronic differences in the formation of the image of the Russian people as a defender of their land at the cost of self-sacrifice are analyzed. The meaning of the concept of "people" in different periods of historical time and its refraction in a changing social context are problematized. In this regard, a spiritual invariant is fixed, which retains its role in culture from A.S. Pushkin to the present day. Based on the texts of B. Okudzhava's poems, the solution of the contradictions between pacifism, the rejection of war and the defense of the fatherland as a modus of saving the "land" from universal evil, which is not tied to any particular nation, is substantiated. It has been established that L. Tolstoy metaphorizes the people-defender in the image of a bee swarm – in a dynamic quality, while B. Okudzhava presents the same idea in a monolithic-phytomorphic form of a tree-like "growing" into the ground. It is proved that Russia is depicted in its natural right, and the natural right to protect the habitat from violent invasion determines the humanitarian image of Russia. The all-human pathos of denial of aggression in the work of these authors is emphasized.

Keywords: swarm, people, protection, self-sacrifice, violence, war

For citation: Ivanov, E.E. Emanation of L. Tolstoy's "folk thought" in the work of B. Okudzhava. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):338-347. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Сложность положения вещей в окружающей реальности актуализирует творчество писателей, которые внешне выглядят непоследовательными. Общим для Л. Толстого и Б. Окуджавы является не только неприятие войны, включая пацифизм, но и то, что их имена ассоциируют с текстами патриотического содержания, которые по праву можно назвать народными. Выбор для сравнения Л. Толстого, автора масштабной эпической формы, и Б. Окуджавы, известного преимущественно душевными песнями, обусловлен тем, что ставилась цель показать непре-

рывность русского Логоса, которая не зависит от жанрово-родовых параметров. И тот и другой знают войну из жизненного опыта, так как они участвовали в военных действиях. Тем более что в творчестве Б. Окуджавы можно говорить о жанрово-родовой конвергенции, так как «своеобразная отрешённость автора предопределяет одновременно и театральность лирики, и её прозаизацию, достигающую иногда эпического масштаба» [1, с. 67].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

С.С. Бойко справедливо указывает на одну из характерных черт творчества поэта:

«открытость художественной системы Окуджавы к разнообразию текстов культуры при сохранении самобытности» [2, с. 14]. Для диссипативного (открытого) понимания «мысли народной» предлагается релятивистский подход, который позволяет устойчивое значение слова «война» дать в контекстуальной актуализации. Так, война 1806–1807 гг. противоположна по своей сути войне 1812 г. И отвращение к ней, возникшее у толстовских героев, оправданное в первом случае, оказывается недопустимым во втором. О «мысли народной» как топосе наследия Толстого написано много. И мы не станем подвергать сомнению сложившуюся точку зрения. В качестве гипотезы данной работы выступает положение о том, что противоречие пацифизм/патриотизм не является неразрешимым, а, демонстрируя принцип дополненности, создаёт целостность представления о войне и мире в преломлении близких по духу авторов.

Дискретная масса индивидуализированных сознаний или личностей во время войны переходит в «роевое» состояние, в коллективный субъект как единое целое, в котором самостные различия людей теряют свою значимость. Возникает аксиология другого уровня, исключая на время пребывания в «рое» убеждения, в мирное время вполне естественные.

Чтобы тексты время от времени обновлялись, их необходимо заново пересматривать. Это утверждение касается и терминов. Одна и та же дефиниция в разной системе отчёта может превратиться в свою противоположность. «Пацифизм» в мирное время и в военных периодах истории, когда насильственное противостояние людей не связано с защитой Отечества (например, гражданская война), коннотируется безусловно положительно, а во время справедливого сопротивления захватчикам пацифизм неблагоприятен, бесчестен и скорее трусость, чем гуманистический паттерн. Энантиодромичность (по Гераклиту) «мысли народной» как нелинейного феномена уходит своими корнями ещё в агиографическую традицию, когда русские святые в мирное время создавали и служили богу, а в тяжёлые для народа времена, нару-

шая христианскую заповедь «не убий!», брались за оружие, как, например, Александр Невский, поскольку служение богу и служение народу в русском самосознании коррелируют.

В задачи исследования входило показать не только органичность кругозоров Л. Толстого и Б. Окуджавы русской картине созидательного мира, но и их общегуманитарный, всечеловеческий характер; продемонстрировать развитие «мысли народной» как социоприродной гармонии, которая у Л. Толстого выражена в роевом феномене, а у Б. Окуджавы в связи с архетипом матери-земли. Для их выполнения задействован культурно-исторический, компаративистский и феноменологический методы анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культурные смыслы, ценности и идеалы русского народа с наибольшей очевидностью и силой транслирует русская литература. П.А. Кропоткин считал, что «русская литература представляет такие богатейшие сокровища оригинального поэтического вдохновения; в ней чувствуются свежесть и юность, которые отсутствуют в более старых литературах» [3]. Вслед за синтетической теорией П.Н. Сакулина, который постулировал «закон внутреннего единства» национальной литературы, «мы хотим только взять в органической цельности те явления, которые по природе своей связаны между собою, но изучаются нами разрозненно»¹. Нам уже приходилось отмечать, что «автор как создатель «художественного мира» – носитель системы взглядов, которая работает в контексте культурных кодов, а миссия писателя – не разбрасывать, а собирать камни, но по «иному», чем почитаемые им предшественники в литературе» [4, с. 18]. Прочитаем П.Н. Сакулина: «...то, что вошло однажды в культурное и литературное сознание, так или иначе будет проявлять себя вплоть до наших дней»². Исходной позицией в нашем исследовании стало признание Л. Толстого, который «в «Войне и

¹ Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 34.

² Там же. С. 85.

мире» любил мысль народную, вследствие войны 12-го года»³. Современные интерпретаторы определяют «мысль народную» как «единство народа, согласие между людьми, братство, милосердие друг к другу, патриотизм» [5, с. 208].

При сохранении духовных констант изменённая картина глобального мира оказала влияние на художественность, присущую литературе неклассической парадигмы. Эманация идей классики в современную литературу сопровождается их обновлением при возникновении новых стилевых и мировоззренческих свойств. И хотя «связь лирического мира Окуджавы с толстовским космосом начинается на уровне самых общих ценностных оснований и корней» [6, с. 26], воплощение «мысли народной» у Л. Толстого и Б. Окуджавы не совпадают.

У Л. Толстого высшей онтологической формой существования человека есть «жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы»⁴. В его репрезентации народа подчёркиваются динамический и энергический компоненты, которые выражены в словах солдата Пьеру: «всем народом навалиться хотят»⁵. В этом и состоит сокрушительная и необоримая сила «роя» в момент защиты государства, хотя в мирное время рой летающих насекомых выглядит идиллической утопией. Если идти дальше в бестиарном отождествлении, то ярость всенародная ближе всего к разъярённой реакции на вторжение в улей пчёл, так как именно эти существа олицетворяют «самопожертвование и тотальное самоотвержение» [7, с. 541].

Кульминацией «роевого» эффекта в «Войне и мире» мы полагаем не только объединение разрозненных в мирное время аристократического и низшего сословий, но и то, что простонародные персонажи становятся учителями жизни для высоколобых интеллектуалов. Наиболее яркой фигурой в этом отношении предстаёт образ мудрого Платона

Каратаева, который живёт в не зависимости от просветительских ловушек сиюминутного прагматизма Запада, а в перспективе вечности. Он утверждает, что всё решается «не нашим умом, а божьим судом». Внутри высшего сословия, однако, не все способны слиться с народом. Только «любимые персонажи» Л. Толстого (Ростовы, Болконские, Пьер Безухов) воспринимают народный вектор как экзистенциальный выбор. Формулировку Ф. Достоевского в письме к брату М. Достоевскому 31 октября 1838 г. можно транспонировать и на «мысль народную»: «Ум – орудие, машина, движимая огнём душевным»⁶. «Огонь душевный» в национальном теле-рое простого народа близок к природе, а «ум» – машина прогресса, который осуществляют образованные герои. В объединении этих двух элементов состоит единственный положительный эффект военного бедствия. Иллюзорный блеск светской жизни с её подражанием французским образцам под трагическим очищением войны меняется на истинный свет единения с народом.

Время Б. Окуджавы ещё более акцентировало проблему насилия после Гражданской войны, сталинских репрессий и Второй мировой войны. Это повлияло на гражданскую позицию его лирического героя в отношении к народу. Если у А.С. Пушкина смысловые пары «поэт и толпа» и «народ и власть» разделены, а у Л. Толстого центральным вопросом ставится роль личности в истории, то в творчестве Б. Окуджавы все эти три момента в поле зрения лирического я как части многосоставного феномена, который не ограничивается пределами России. После успехов русской словесности в XIX веке уже не было необходимости в утверждениях о соответствии наших культурных кодов западным. Окуджавский лирический герой многоипостасен, он помнит о своих кавказских корнях, он воспекает столицу России Москву («арбатский текст») и он человек мира, житель планеты. Согласимся с наблюдением И.В. Кукулина: «Идентичность в неподцензурной литературе или в постсоветском обществе все-

³ Толстая С.А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 502.

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 6. С. 10.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1996. Т. 15. С. 14.

гда оказывается неконвенциональной, «не по правилам»: она даёт человеку чувство обрётённого пути, историчности собственного существования и именно поэтому вырывает его из общества и даже противопоставляет обществу» [8]. Образ народа в поэзии Б. Окуджавы неоднозначен. Патриархальная модель «хозяин и работник» (Л. Толстой) как единый организм в момент смертельной опасности в бесклассовом обществе не находит места. Его сегрегация народа ближе к пушкинской: подобие народа в виде толпы холопов («Мне русские милы из давней прозы»⁷ (далее в тексте цитируются стихи из этого издания), «Мнение пана Ольбрыхского»⁸) и «русские» как великая нация, давшая миру плеяду гениев и потенцирующая надёжную защиту своей земли во время нападения внешнего врага. Б. Окуджава не идеализирует народ в мирное время, в отличие от Л. Толстого, но оба писателя изображают феномен отечественной войны по сути одинаково – как время сплочения неоднородных и конфликтующих в мирное время слоёв населения. Война, являясь всемирным злом, собирает нацию в кулак, а значит, духовные ресурсы народа в мирное время скрыты и аккумулируются только в отдельных его представителях, таких как декабристы, Циолковский, Гейне, Моцарт, круг друзей поэта – шестидесятники. Это некая общечеловеческая гуманитарная элита «мирового древа» с разными корнями. По мнению Д.О. Курилова, «от романтического искусства поэт перенимает обострённое чувство личности, в просветительской же этике ему близко соположение нравственного и природного» [9, с. 14].

В мирное время актуализируется понятие «человечество», фрактально состоящее из народов, содержащих общую духовную матрицу. Гений Л. Толстого инициировал данную идею в историософском отступлении в «Войне и мире», когда он называет историю «бессознательной, общей, роевой жизнью человечества»⁹. То есть классик дейст-

вие роевого закона как имманентного для русского народа в защите своего Отечества экстраполирует на всё человечество, не выпячивая Россию как уникальный феномен. В таком миролюбивом подходе Россия не противопоставляется народам западного мира, а, наоборот, интегрируется в гуманистическую модель существования всего человечества как единого целого.

Для творчества Б. Окуджавы характерна поликультурность и глубокая восприимчивость современности. Свою жизнь после ранения в 1942 г. он осознёт как подарок «Провиденья» и пишет о долге перед неувиденными с полей сражений, который понимается им как ответственность литератора за сказанные в поэзии слова. В стихотворении «Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых» он пишет:

И так всё сошлось, дорогая: наверно, я там
не сгорел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то,
что другой не успел.

Но вместо пушкинского императива «глаголом жечь сердца людей», лирическое я Б. Окуджавы склонно к христианско-покаянным декларациям:

История нам кажется дурной.
А сами мы?.. А кто тому виной?..
Скорей назад, куда вечер поздний

Я знаю этот мир не понаслышке:
я из него пророс,
но за его утраты и излишки
с меня сегодня спрос.
Мне русские милы из давней прозы

Еврей, о России тоскующий,
на совести горькой моей
Под крики толпы угрожающей

Простите меня, турки-месхетинцы!
Простите меня, крымские татары!
Я рад бы был покоем восхититься

В отличие от А. Пушкина, лирическое я адресует свои пронзительные послания не «толпе», а её жертвам:

⁷ Окуджава Б.И. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 518.

⁸ Там же. С. 497.

⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 6. С. 10.

Когда-нибудь предъявят счёт потомки
мне одному... Я вас прошу; простите!
Я рад бы был покоем восхититься

Народность у Б. Окуджавы не национальный феномен, а место рождения и язык коммуникации, который он манифестирует как «вместилище любви и до и после нас» («Мнение пана Ольбрыхского»:

Да, я москвич, и там мой дом, и сердце,
и броня...
Японская фантазия

Процитируем Н.В. Ковтун: «Произведения Б. Окуджавы, как правило, вписывают в классическую традицию, пронизанную антивоенным пафосом, восходящую к творчеству Л.Н. Толстого...» [10, с. 238]. Образ войны у Б. Окуджавы изображается в двух планах, которые существуют параллельно, не создавая коллизии между собой. Во-первых, это вселенское зло, во-вторых, это «мысль народная» по Л. Толстому – безусловная обязанность гражданина:

Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе.
Песенка о пехоте

Как полагает М.А. Александрова, лирический герой «задумывается о природе войны как таковой» [11, с. 458]. Поэтому у Б. Окуджавы часто встречается риторика неприятия насилия в её легитимных формах:

Нас ведь создал Бог для счастья
каждого в своём краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою?
От войны войны не ищут

В стихотворении «Всему времечко своё: лить дождю, Земле вращаться» читаем: «Гордых гимнов, видит Бог, я не пел окопной каше». Иллюзия военной романтики у Б. Окуджавы развенчивается, подаётся в ироническом ключе: «Бумажный солдатик», «Песенка весёлого солдата», «Старый король», «Оловянный солдатик моего сына», «Военные портняжки», «Батальное полотно», «Дер-

зость, или разговор перед боем», «Ироническое обращение к генералу», «Аты-баты шли солдаты», «Солнышко сияет, музыка играет», «Примета». В любовной лирике поэта военные мотивы конверсируются в любовные, ведущие к порождению, а не истреблению людей: «Часовые любви на Смоленской стоят», «То падая, то снова нарастая». Б. Окуджава за ура-патриотизм, бравурностью и романтикой войны показывает её истинную картину:

Твои лихие кони
не смогут ничего:
ты весь – как на ладони,
все пули – в одного.
Не верь войне, мальчишка

Солдат идёт с винтовкой, врага он не боится.
Но вот какая странность в душе его творится:
он пушки ненавидит, и войнам он не рад.
Не каждому поэту удача выпадает

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.
Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал

В стихотворении «А мы с тобой, брат, из пехоты» «мысль народная» как эманация толстовской идеи у Б. Окуджавы реализуется в лексеме «брат». Защитники Родины – братья и сёстры матери-земли, независимо от национальности, а убитые пребывают в вечности. Идея защиты Родины как праведного общего дела транслируется в ряде стихотворений: «Распахнуты дома. Безмолвны этажи», «Моё поколение», «Воспоминание о Дне Победы».

У И.И. Плехановой читаем: «Русская генетическая память латентно-самобытна: она не воинственна, её трагизм питается не ненавистью, но стойкостью перед давлением извне» [12, с. 113]. В ряду «ключевых субъектов поэзии Б. Окуджавы» ставится «Солдат», который «выполняет конститутивную роль по отношению к категориям времени и пространства» [13, с. 41]. Лирический хронотоп, отразивший тему противодействия захватчику, у Б. Окуджавы обладает идиостилевой индивидуальностью. Если «мысль народная»

у Л. Толстого воплощена в динамическом модусе «навалились», то имажинативность поэтики Б. Окуджавы сопрягается с семиозисом растительного мира, по-друидски древовидно. Жизнь дерева – медитация, образец созерцательности и несуеты. Поэт – странник, путник и философ: «Много ли нужно человеку, идущему по земле?», «Сыпь, вечер, звёзды. Сыпь», «Ходьба – длинноногое чудо дорог», «Утро в Тбилиси», «От нервов ли, от напряженья», «Пешеходов родословное древо», «На белый бал берёз не соберу».

В стихотворении «Чудесный вальс», например, передано медиативное слияние человека с миром деревьев:

А музыкант играет вальс. И он не видит
ничего.
Он стоит, к стволу берёзовому прислонясь
плечами.
И берёзовые ветки вместо пальцев у него,
а глаза его берёзовые строги и печальны.
А перед ним стоит сосна, вся в ожидании
весны.
А музыкант вырастает в землю... Звуки вальса
льются...
И его худые ноги как будто корни той сосны –
они в земле переплетаются, никак
не расплетутся.

Если в мирное время виталистическое укоренение героя контаминировано с музыкальным трансом, то мир войны – это выжженная земля, беззвучный смертельный мирнав, что представлено в песне «Белорусский вокзал», ставшей из-за своей архетипической глубины одним из лучших музыкальных текстов о подвиге русского народа:

Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом к плечу,
вырастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей родиной дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.

Война у Б. Окуджавы ассоциируется с неподвижностью фатального зла. В системе образов его поэтики ходьба и движение по дорогам коннотируют жизненный путь, а ста-

тика войны вызывает адекватную партиципацию, которая монументально преграждает путь злу. Динамический модус противодействия насилию (дух), воспринятый Б. Окуджавой из «мысли народной» Л. Толстого, усиливается статическим фактором, который символизирует восточный компонент русского евразийства (душа). Лирический герой Б. Окуджавы не только персонификация «народной дубины», сокрушающей врага, он и живой древовидный щит-заслон, сквозь который никому не удастся пройти. Таким образом, идеологическая составляющая повествующего я, номинируемая «шестидесятичтвом», в лирике Б. Окуджавы предстаёт злободневным поиском выхода из тупика бесконечных войн, которые ведёт человечество. Она растворяется в вечном образе антимилитаристского, многонационального, креативного народа, который находится в гуманитарном поиске, порой жертвуя своим благополучием. Лирический герой подключён и к духовным исканиям А. Пушкина и Л. Толстого, и к вселенской антинасиловательной матрице, которая обозначена у Б. Окуджавы лексемой «планета» как часть космоса, и к «нашей родине», которую следует («а значит») спасти от смертельного «огня» любой «ценой». Образ русского солдата декларирован в его спасательной и защитной функции на фоне всемирного бедствия как самопожертвование мы-народа и образец служения идеалам добра и справедливости.

ВЫВОДЫ

Как заметила исследователь прозы Л. Толстого К.А. Нагина, «отказ от индивидуальности, радостное подчинение естественно-стихийному, экстатическое ощущение радости от свершающегося бытия» присутствует ещё в «Казаках» [14, с. 238]. К сожалению, и до сих пор «рай на земле» только прекраснотупицкая утопия, транслируемая русской литературой в мировую культуру. В конце творческого пути Б. Окуджава написал следующие строчки:

Всякая жизнь на земле – волшебство.
Болью земли своей стражем и мучимся,

а вот соседа любить своего
всё не научимся, всё не научимся.

Под «соседом» здесь имеется в виду всемирный и всенародный землянин, который не оставлен «надеждой» и «гордым и горьким, и острым как гвоздь, карим и страждущим глазом человечества». Толстовская «мысль народная» вписывается в художест-

венную картину мира Б. Окуджавы, прирас-
тая значением всенародного единения в гло-
бальном, хотя и далёком от совершенства
мире. «Мысль народная» в общем гумани-
тарном контексте преемственности идей
Л. Толстого в поэзии Б. Окуджавы выходит
за рамки военно-патриотической тематики в
область феноменологии и антропологии, в
широкое культурологическое поле.

Список источников

1. *Алексеева Л.Ф.* Лирический субъект и адресат поэзии Булата Окуджавы // Миры Булата Окуджавы: сб. ст. 3 Междунар. науч. конф. М.: Соль, 2007. С. 65-70. <https://elibrary.ru/pbtpxe>
2. *Бойко С.С.* Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 38 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004618311>
3. *Кропоткин П.А.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М.: Политиздат, 1991. 493 с. URL: <https://kropotkin.site/etika?ysclid=lescarn0cvk502640351>
4. *Иванов Е.Е.* Принципы построения художественного мира в творчестве Г. Газданова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2022. 21 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011093300>
5. *Гречушкина Н.В.* Мысль народная в первой книге романа-эпопеи М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 208-217. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-208>, <https://elibrary.ru/xhmdwd>
6. *Дубишан Л.С.* О природе вещей // Окуджавы Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5-55. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000693868>
7. *Ханзен-Леве Оге А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 813 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002410399>
8. *Кукулин И.В.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 324-336 URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (дата обращения: 14.11.2022).
9. *Курилов Д.О.* Особенности сюжета в лирике Б. Окуджавы // Теория и практика инновационных технологий в АПК: сб. ст. Национальной науч.-практ. конф. Воронеж, 2020. С. 234-241. <https://elibrary.ru/yxxhkp>
10. *Ковтун Н.В.* Образ школяра в прозе Б. Окуджавы о войне // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 236-256. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.11802>, <https://elibrary.ru/jgzayc>
11. *Александрова М.А.* Стихотворение Булата Окуджавы «Оловянный солдатик моего сына» в культурно-историческом контексте 1960-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 4. С. 455-459. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-194-455-459>, <https://elibrary.ru/yqymzv>
12. *Плеханова И.И.* Рефлексы памяти о войне: глубина в споре со временем // Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 104-114. <https://elibrary.ru/cabvpc>
13. *Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн.* Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного Мира Автора // Филология и человек. 2014. № 3. С. 36-47. <https://elibrary.ru/svqeev>
14. *Нагина К.А.* «Роевая жизнь» и радость бытия в произведениях Л. Толстого // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29. № 2. С. 234-239. <https://elibrary.ru/bbttca>

References

1. Alekseeva L.F. Liricheskii sub"ekt i adresat poehzii Bulata Okudzhavy [Lyrical subject and addressee of the poetry of Bulat Okudzhava]. *Sbornik statei 3 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Miry Bulata Okudzhavy"* [Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "Worlds of Bulat Okudzhava"]. Moscow, Sol' Publ., 2007, pp. 65-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbtpxe>
2. Boiko S.S. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya Bulata Okudzhavy i literaturnyi protsess vtoroi poloviny XX v.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Creative Evolution of Bulat Okudzhava and the Literary Process of the Second Half of the 20th Century: Dr. habil. (Philology) diss. abstr.]. Moscow, 2011, 38 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004618311>
3. Kropotkin P.A. *Ehtika. Proiskhozhdenie i razvitie npravstvennosti* [Ethics. Origin and Development of Morality]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 493 p. (In Russ.) Available at: <https://kropotkin.site/etika?ysclid=lescarn0cvk502640351>
4. Ivanov E.E. *Printsipy postroeniya khudozhestvennogo mira v tvorchestve G. Gazdanova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Building the Artistic World in the Work of G. Gazdanov: PhD (Philology) diss. abstr.]. Ivanovo, 2022, 21 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011093300>
5. Grechushkina N.V. People's thought in the first book of the novel by M.A. Sholokhov "They fought for the Motherland". *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2022, no. 2 (61), pp. 208-217. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-208>, <https://elibrary.ru/xhmdwd>
6. Dubshan L.S. *O prirode veshchei. Okudzhava B.Sh. Stikhotvoreniya* [On the Nature of Things. Okudzhava B.Sh. Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001, pp. 5-55. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000693868>
7. Khanzen-Leve Oge A. *Russkii simvolizm. Sistema poehticheskikh motivov. Mifopoehticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism. Space symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003, 813 p. (In Russ.) Available at: <https://d.eruditor.one/file/2188026/>
8. Kukulin I.V. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoi Otechestvennoi / Vtoroi mirovoi voyny v russkoi literature 1940–1970-kh godov) [Pain regulation (Preliminary notes on the transformation of the traumatic experience of the Great Patriotic / World War II in Russian literature of the 1940s–1970s)]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2005, no. 2, pp. 324-336. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (accessed: 14.11.2022).
9. Kurilov D.O. Peculiarities of the plot in lyrical works by B. Okudzhava. *Sbornik statei Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii «Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologii v APK»* [Proceedings of the National Scientific and Practical Conference "Theory and Practice of Innovative Technologies in the Agro-Industrial Complex"]. Voronezh, Voronezh State Agrarian University Publ., 2020, pp. 234-241. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxxhkp>
10. Kovtun N.V. The image of a schoolboy in the B. Okudzhava's war prose. *Problemy istoricheskoi poehtiki = The Problems of Historical Poetics*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 236-256. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.11802>, <https://elibrary.ru/jgzaye>
11. Aleksandrova M.A. The poem by Bulat Okudzhava my "Son's tin soldier" in the cultural and historic context of the 1960s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 455-459. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-194-455-459>, <https://elibrary.ru/yqymzv>
12. Plekhanova I.I. Reflex of memory on war: depth of argument with time. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Literatura o voine: ehvolyutsiya smyslov i transformatsiya obrazov»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Literature about War: the Evolution of Meanings and the Transformation of Images"]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2020, pp. 104-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cabvpc>
13. Sidorova M.Yu., O Chzhon Khyun Sistema sub"ektov v liricheskoi poehzii – klyuch k invariantnym smyslam khudozhestvennogo Mira Avtora [The system of subjects in lyrical poetry is the key to the invariant meanings of the artistic Author's World]. *Filologiya i chelovek = Philology & Human*, 2014, no. 3, pp. 36-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svqeev>

14. Nagina K.A. "Swarm life" and the joy of being in the works of L. Tolstoy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2019, vol. 29, no. 2, pp. 234-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bbttea>

Информация об авторе

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, преподаватель-исследователь кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ художественной литературы, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Одобрена после рецензирования 14.03.2023

Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Evgeniy E. Ivanov, PhD (Philology), Teacher-Researcher of Philology and Methods Department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Contribution: study conception, fiction analysis and searching, manuscript text drafting and design.

Received December 26, 2022

Revised March 14, 2023

Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.091

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

Шифр научной специальности 5.9.1

Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи “post”

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Поставлена актуальная проблема культурной памяти и её современных интерпретаций в научном и художественном дискурсах. Целью исследования является анализ образов культурной памяти, трактуемых как поэтологический ресурс лирики В.Г. Руделёва. Объектом исследования служит художественная структура лирики эпохи “post”. В основе методики исследования материала лежит комплексный подход, сочетающий в себе элементы культурно-исторического, сравнительно-исторического и поэтологического методов. В ходе последовательного рассмотрения смыслового и поэтологического содержания репрезентативных лирических текстов В.Г. Руделёва доказано, что характерная для лингвоэкологии постиндустриальной эпохи обращённость к артефактам прошлого в идиостиле конкретного автора не обязательно свидетельствует о мировоззренческой близости к постмодернизму. В случае с лирикой В.Г. Руделёва, запечатлевшей свойства творческой личности поэта, учёного и университетского профессора, апелляция к прецедентным феноменам гуманитарной культуры продиктована стремлением способствовать утверждению доверия к возможностям человека и тем самым противостоять идеологемам постмодерна. Практическая значимость и перспективы исследования состоят в возможности их использования для дальнейшей разработки научной концепции лингвоэкологии эпохи “post”, а также путём внедрения полученных результатов в образовательный процесс, для проведения семинаров по современной поэзии.

Ключевые слова: культурная память, поэзия, лирика, Руделёв, лингвоэкология, посткультура, эпоха “post”

Для цитирования: Потанина Н.Л. Поэзия В.Г. Руделёва в контексте лингвоэкологии эпохи “post” // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 348-355. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Публикуемые статьи Н.Л. Потаниной, Н.Г. Серебrenниковой, А.Л. Шарандина посвящены 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.Г. Руделёва. Они отражают различные аспекты анализа его научного и творческого наследия в рамках исследований научной школы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина «Экология языка и речи», основателем и руководителем которой был В.Г. Руделёв.

Poetry V.G. Rudelev in the context of linguoecology of the “post” era

Natalia L. POTANINA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The actual problem of cultural memory and its modern interpretations in scientific and artistic discourses is posed. The aim of the study is to analyze the images of cultural memory, interpreted as a poetological resource of V.G. Rudelev. The object of the study is the artistic structure of the lyrics of the “post” era. The material research method is based on an integrated approach that combines elements of cultural-historical, comparative-historical and poetological methods. In the course of a consistent consideration of the semantic and poetological content of representative lyrical texts by V.G. Rudelev, it is proved that the appeal to the artifacts of the past in the idiostyle of a particular author, which is characteristic of the linguoecology of the post-industrial era, does not necessarily indicate an ideological proximity to postmodernism. In the case of the lyrics of V.G. Rudelev, who captured the properties of the creative personality of a poet, scientist and university professor, the appeal to the precedent phenomena of humanitarian culture is dictated by the desire to promote confidence in human capabilities and thereby resist the ideologemes of postmodernity. The practical significance and prospects of the study lie in the possibility of using them for further development of the scientific concept of linguoecology of the “post” era, as well as by introducing the results obtained into the educational process, for conducting seminars on modern poetry.

Keywords: cultural memory, poetry, lyrics, Rudelev, linguoecology, postculture, “post” era

For citation: Potanina, N.L. Poetry V.G. Rudelev in the context of linguoecology of the “post” era. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):348-355. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-348-355>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине минувшего столетия мировая художественная словесность (по крайней мере, та её часть, которая основывается на европейской традиции) обнаруживает отчётливое стремление апеллировать в творческом процессе не к реальности, а к ранее созданным культурным текстам (литературно-художественным и научным), ибо сама человеческая возможность постигать смыслы реальности вступает в эру недоверия. Тем самым создаются условия для новой проблематизации культурной памяти и актуализации её рассмотрения в контексте современной культуры “post”. В эти годы Ж. Деррида

обосновывает концепцию логоцентрического развития европейской мысли, согласно которой специфика работы человеческой памяти состоит в том, что она бесконечно усложняет реальность. В связи с этим нет и не может быть никакой уверенности в том, что первоисточник не был многократно искажён в процессе его осмысления. Само возникновение знака, считает Ж. Деррида, лишает человека возможности «встретить где-то реальность в чистом виде» [1, с. 230]). Так рождается ключевое для культуры “post” представление об эпистемологической неуверенности, разделяемое такими разными теоретиками этой эпохи, как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез, Р. Барт и др. Им прису-

ще и общее представление о «децентрированном мире». Определяя мироотношение современного человека, известный теоретик постмодернизма И.П. Ильин [2] ссылается на голландского критика Х. Бертенса, назвавшего его основным свойством «радикальное эпистемологическое и онтологическое сомнение» [3, р. 28]. Любое доступное человеку знание трактуется в этой системе координат как результат отдельной точки зрения, которую выбрал наблюдатель. Смена точки зрения влечёт за собой кардинальное изменение самого этого знания. Эта мысль Ж. Деррида усугубляется его же рассуждением о том, что «... хотя «...внетекстовой реальности вообще не существует» [1, с. 313], есть «целый ряд различных отношений в зависимости от того, какая часть означаемого притворяется неразстворимым слоем означаемого» [1, с. 315]. Из этого следует, что текст обладает способностью разыгрывать собственную знаковую реальность, которая никак не связана с реальностью объективной. В зависимости от культурного опыта каждый играющий на этом поле выстраивает собственную реальность. Отсюда и ещё один знаменитый вывод Ж. Деррида: «...Письмо как мнемотехническое средство... означает забвение» [1, с. 156]. Проблематизированная в этом ключе идея культурной памяти находит своё отражение в художественном дискурсе.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования является анализ образов культурной памяти в лирической поэзии В.Г. Руделёва. Данная цель реализуется на основе решения задач рассмотрения репрезентативных лирических текстов поэта в контексте современной лингвоэкологии, в их сопоставлении с поэзией русских концептуалистов. Вместе с тем для решения вопроса о мировоззренческих основах образов культурной памяти в поэзии В.Г. Руделёва к анализу привлекаются научные тексты этого поэта. В методике исследования сочетаются элементы культурно-исторического, сравнительно-исторического, поэтологического методов и подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, писатели постмодернизма склонны моделировать художественную картину мира не на основе объектов реальности, а на основе её образов, уже осмысленных ранее в искусстве или науке.

Если говорить о поэзии, то с последней трети XX века обращение к уже созданным культурным феноменам для передачи лирического переживания обретает тотальный характер. Российские поэты, концептуалисты и постмодернисты (Дм. Пригов, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, В. Пеленягрэ, А. Драгомощенко и др.) активно используют в своём творчестве интертекстуальные отсылки к русской литературе (Пушкин, Мандельштам), к зарубежной литературе разных эпох (Шекспир, французская куртуазная поэзия, английский модернистский роман), к советским газетным и сегодняшним рекламным клише, к античной истории и мифологии. Так, в известном стихотворении Т. Кибирова «Романс-чечётка» легко распознаются отсылки к А. Кольцову, А. Пушкину и А. Платонову («На заре туманной юности»), к слоганам советской эпохи («Готов к труду и обороне»), к лирическому мотиву нескольких эстрадных песен, советской и современных («...твой свет на восьмом этаже...»); у А. Драгомощенко – к известному модернистскому тексту Г. Стайн («The sun moves so fast» – «Быстрое солнце»). Примеры можно множить.

Разумеется, обращения русских и зарубежных писателей к известным художественным образам прошлого имели место и во времена классической художественности. Однако они использовались преимущественно для характеристики персонажей и представляли собой их сопоставления с литературными либо мифологическими героями. Культурные ассоциации нередки и в традиционной пейзажной образности. При этом набор культурных текстов, служивших ресурсами для поэтических ассоциаций, был ограничен античными либо библейскими источниками. В лирической поэзии эпохи “post” вновь актуализируется импрессионистическая фиксация быстро меняющихся, не всегда поддающихся отчётливому выраже-

нию, неясных, онейрических состояний человека и мира, характерная для модернистской эпохи. Только теперь в лингвокультуре пост всё отчётливее отмечается «постмодерное» стремление воссоздавать эти состояния за счёт обращения к уже имеющимся культурными текстами, а не ассоциировать их с живыми человеческими чувствами и мыслями. Постмодернистское представление о принципиальной невозможности любых попыток постигнуть реальность («означающее»), о его сокрытии под массой «означающих» напластований диктует потребность в манипулировании уже созданными знаками, чьё содержание, как минимум, подтверждено самой историей их функционирования в искусстве или науке.

Обращения к культурным текстам прошлого имеются и в поэзии В.Г. Руделёва. Другое дело – на каких мировоззренческих основаниях совершаются такие обращения. Рассмотрим в этом ракурсе итоговую поэтическую книгу В.Г. Руделёва «Полёт золотой стрекозы в саду Поэта»¹, имеющую для нас особую ценность, так как она составлена самим автором. Эта книга, состоящая из 15 разделов, включает в себя стихотворения и поэмы, создававшиеся с середины 1950-х до 2015 гг. Все они, кроме тех, что включены в последний раздел книги, ранее опубликованы в сборниках В.Г. Руделёва, издававшихся с 1991 по 2015 г.

Вот некоторые примеры. Как уже приходилось говорить по другим поводам, в стихотворении «Одуванчик (2010)», вполне в духе культуры “post”, автор намеренно обнажает поэтический приём: природный образ конструируется не из характеристик природного мира, а на основе историографических либо мифологических и литературных ассоциаций. Одуванчик довольно неожиданно соотносится с образом Дон Кихота, бесстрашного и благородного борца за идею, традиционно связанного в читательском сознании с целым комплексом смыслов (о высокой ценности бескомпромиссной нравственной позиции, о

многочисленных рисках обладателя такой бескомпромиссности, о жесткости противостояния нравственного императива и морального релятивизма и проч.). Далее с образом Дон Кихота сопрягается образ князя Игоря, бесстрашного воина за единство Русской земли, который, по версии автора, был предан и пленён половецким ханом Кончаком. Непомерная доверчивость князя Игоря, едва не стоившая ему жизни, легла тяжким бременем на моральное состояние русского войска и, кажется, поставила предел достижению главной цели его жизни. Далее следует ассоциация одуванчика с мифологическим образом Икара: «...свиданья с солнцем жаждущий Икар» (с. 130). «Авторская ремарка о времени и месте создания стихотворения: «13 ноября 2010 года. У дверей нового здания Университета имени Г.Р. Державина», – рождает ещё новые смыслы, дополняющие уже обозначившийся художественный образ. А именно – романтическое бесстрашие культурного героя такого типа одновременно и бесплодно и плодовито. Оно влечёт за собой неотвратимую гибель, ведь ноябрь – месяц поздней осени («Уж в двух шагах карающий Декабрь»). Но это – исход одной, отдельной жизни. Тогда как в масштабах «большого времени» (М.М. Бахтин) за ноябрьским предзимьем, грозящим смертью всему живому, непременно придёт весеннее возрождение» [4, с. 626-627]. В заключительном четверостишии происходит ревизия всех предшествующих характеристик: многосмысленность поэтической метафоры (быть может, избыточная) и восторженность лирического героя (быть может, излишняя) снижается ироническим комментарием: «О, сколько радужных ассоциаций! / И взглядом оторваться не могу / на мысленном зелёном берегу, / в восторге от берёзовых оаций...» (с. 130).

В стихотворении «Боярышник» (2010), в этой книге соседствующем с «Одуванчиком» (тем самым они бросают друг на друга отсветы смыслов), использован тот же приём, отсылающий не к природным реалиям, а к культурным текстам. Аллюзия на рокайльный сюжет о запретной любви юного Керубино («Боярышника») «запускает механизм» быстро меняющихся культурных ассоциа-

¹ Руделёв В.Г. Полёт золотой стрекозы в саду Поэта. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2015. 208 с. Далее в тексте цитируется это издание с указанием страниц.

ций: с извечной детскостью гения, с юной жадностью, поглощающей новые жизненные впечатления, и с судьбой гениального поэта, вынужденного довольствоваться не подобающей его личностному величию ролью камер-юнкера. Однако здесь нет авторской самоиронии, нет и подчёркнутого обнажения поэтического приёма – апелляции к инокультурным текстам.

В стихотворении «Деревья и облака» (2005) характеристика природного мира также даётся через ассоциации с миром культуры. Основных таких ассоциаций две. Первая – с сакральными образами малайско-полинезийской культуры, запечатленными в языке кави (кави – религиозный и литературный язык островов Ява, Бали и Ломбок). Этот язык анализировал Гумбольдт, а потому сквозь только что обозначенный смысл образа здесь «просвечивает» ещё один – сциентифицированный, что вполне соответствует духу культуры «пост», склонной играть не только художественными, но и научными текстами: «Свидетельствуют очевидцы кави / о том, что в окончании Мечты / становятся деревья облаками, / божественные обретя черты» (с. 113). Вторая ассоциация – с живописью Гойи: «Вплывают на закатные поля, / Как на полотна неземного Гойи, / и пыльные скитальцы-тополя, / и царственно великие секвойи» (с. 113). Но и здесь не находим откровенно иронического обнажения приёма.

Поэтический пейзаж, как правило, создаётся у В.Г. Руделёва за счёт цветописи особого рода, основанной на культурных ассоциациях: упоминание имён художников вызывает в памяти подготовленного читателя характерную колористику их творений: «Когда синеву Сальвадора Дали / сменили зелёные тени Эль-Греччи...»; «В беседах о Лорке и Марке Шагале...» («Воспоминание о Переволоцке», 1958 (с. 58)); «А в Небе раскинул холсты / великий волшебник Кандинский...» («Последний миг осени», 2004 (с. 91)).

Тот же приём лежит не только в основе колористики, но и в основе авторской ритмики и звукописи. Так, образ буйно цветущей сирени рождается из сочетания цветочных и звуковых ассоциаций с известным романсом «Сирень» (музыка С. Рахманинова,

слова Е. Бекетовой) и работами Л. Бакста, для части которых характерно кобальтово-лиловое цветочное решение: «Звучал Рахманинов, и Бакст лепил свои соцветья жизни...» («Сон о сирени», 2005 (с. 109)).

Зрелище закатного неба воссоздаётся через ассоциацию с театральным искусством: «А Небо, / как Большой театр, открылось праздничным спектаклем...» («Успокоение – в конце», 2005 (с. 112)).

Осмысление сущности поэтического творчества и миссии поэта тоже рождается из потока исторических и литературных ассоциаций, в котором перемежаются прецедентные образы мировой словесности («...пылающий, как Мефистофель»; «...увидеть в Гамлете Лаэрта...») («Харланов», 1983 (с. 53-54)) и знаковые исторические фигуры («...высокомерный, как Батый...» (с. 53-54)). Это могут быть античные или библейские образы (Ева – «Шопрон», 1983; Пигмалион – «Стеклодувный завод в Шалготаряне», 1983–1999). Вдохновенное и вдохновляющее общение двух поэтов характеризуется через ассоциацию с известной поэмой Баратынского «Пир»: «Он был космическим и вечным / Наш трезвый, Баратынский пир...» (с. 53) – или с прецедентными образами русских поэтов: «Так пировал великий Тютчев / И наслаждался гордый Фет» (с. 53). Традиционная для классической литературы тема поэта и поэзии сопрягается с темой времени и обретает здесь космический характер: «Его раскатистое эхо / бурило дыры в потолках / и разливалось жарким смехом / во всех Пространствах и Веках. / И поднималось Трактом Млечным / над тяжестью голов и спин...» (с. 53).

Сила поэтического воображения сообщает пространству/времени магические свойства, многократно умножающие творческие возможности человека. В стихотворении «Стеклодувный завод в Шалготаряне» (1983–1999) вдохновенное мастерство стеклодува, преодолевающее рамки ремесла и тем самым становящееся искусством, характеризуется через ассоциацию с древнегреческим мифом о Пигмалионе: «Я замру на этом дивном миге / и, прости, не вызову на bis. /

Только ты, как в том далёком мифе, / сам в своё творенье не влюбись» (с. 56).

Та же творческая сила помогает поэту выстаивать в мире обыденности. Стихотворение “Praesens” (1999) – о нравственном преодолении поэтом испытаний профанного времени. О том, что переживание этих испытаний может быть приуготовлением к переходу поэта во вневременность/вечность: «Я стою [Настоящее время / Praesens, помнится]. Я не погиб. / Проклят лишь победившим отребьем, / за талант возведён во враги. / ...Обезьяны бенгальские! Резус! / Суета. Можно проще. Пока / всё ещё не perfectum, а praesens. / Praesens atemporel – на века! (с. 57). Как видим, на сей раз в качестве источника поэтической образности выступает не искусство, а наука. Латинские лингвистические термины и понятия, конечно, несколько затрудняют неподготовленному читателю восприятие этого поэтического текста. Но кажется – только тем, к кому автор и не думал адресоваться, по-видимому, справедливо согласившись с Плавтом (или Теренцием): “Sapienti sat”.

Тема времени вообще одна из основных в поэзии В.Г. Руделёва. Так, стихотворение «Полёт золотой стрекозы в саду Поэта» (2015) имеет посвящение: «Памяти Роберто Бартини...». В нём специально отмечена причастность Бартини к разработке философской проблемы времени и пространства. В стихотворении присутствует и сам образ итальянского конструктора-философа, который организует движение лирического сюжета в 1 и 2 частях этого текста (подробнее об этом см.: [4]). Надо отметить, что В.Г. Руделёв многократно и на разных этапах своего творческого пути обращается к философской концепции Бартини. Она упоминается и в поэме «Свидание с Рязанью» (2007), где именуется по-разному: «огнеподобным временем» (с. 155), «многомерным временем в духе Роберто Бартини» (с. 171). Иногда идея Бартини прямо не названа, но имплицитная отсылка к ней угадывается в тексте, как правило, в сопряжении с темой памяти: «Событий огненные кони / Не сгубят Памяти перо...» («Перрон», 2011 (с. 134)). Этой теме посвящён весь поэтический сборник «В ла-

биринте времени» (2006), стихотворения которого вошли и в одноимённый раздел анализируемой книги. В заглавном стихотворении раздела («В лабиринте времени», 1983) тема времени вновь соотнесена с темой памяти, для характеристики которой здесь использован эпитет «пылающая» (ср.: время Бартини – «огнеподобное»): «Несётся конницей по зеркалу дорог его косматая пылающая память» (с. 103). В стихотворении «Трегуляй» (2005) – та же аллюзия на бартиниевскую концепцию времени: «Замкнулся Времени горячий круг...» (с. 105).

Но вернёмся к вопросу о мировоззренческих основаниях, на которых В.Г. Руделёв обращается к культурным текстам как к эстетическому ресурсу собственной поэзии. Как уже было отмечено, в мировой лингвокультуре эпохи “post” такие обращения мотивированы «эпистемологической неуверенностью», то есть тотальным сомнением в самом существовании «чистого означаемого» («...чистого означаемого ...не существует» [1, с. 313]), ибо оно фатально искажено стремлением человека навязать реальности предполагаемый им смысл. На том же основании отказывалось в существовании и самой «внетекстовой реальности» («...внетекстовой реальности вообще не существует» [1, с. 313]).

Полагаем, что применительно к наследию В.Г. Руделёва этот вопрос решается иначе. Как следует из его научного наследия, в частности, из трудов, анализирующих поэтические тексты, профессор В.Г. Руделёв не разделял постмодернистских сомнений в умопостигаемости «чистого означаемого», а следовательно, и сомнения в существовании «внетекстовой реальности» тоже не были свойственны его миропониманию. Так, уточняя некоторые положения динамической теории частей речи русского языка, В.Г. Руделёв и его соавтор, в частности, пишут о некоторых «поправках», внесённых учёными Тамбовской лингвистической школы в теоретико-информационный метод Н.С. Трубецкого, представленный как аналог теоретико-информационной концепции К. Шеннона [5]. При этом, как следует из данной работы, В.Г. Руделёв и его соавтор исходят

из несомненной **подлинности и познаваемости** (выделено мной. – Н. П.) обсуждаемых языковых явлений, то есть трактуют их как неотъемлемую принадлежность реальности. Например, характеризуя первую из обсуждаемых «поправок», В.Г. Руделёв и его соавтор отмечают: «...открытые великим русским учёным (Трубецким. – Н. П.) *нейтрализации* были представлены как неотъемлемые признаки подлинных оппозиций, как их опознавательные знаки и как *единственные* (здесь и далее при цитировании курсив авторов. – Н. П.) признаки самих оппозиций» [5, с. 144]. В другом месте, комментируя понятие «поэтической грамматики», В.Г. Руделёв заявляет о своей солидарности с принципиальной исследовательской ориентацией на реальность, заявленной в статье другого крупного учёного-лингвиста – питерского профессора С.Г. Ильенко: «Поэтическая грамматика» расширяет просторы познания и становится его инструментом. Никакая иная грамматика, стремящаяся к *реализму* и преодолевающая *номинализм*, до сих пор подобных способностей не проявила» [6, с. 13].

ВЫВОДЫ

Как следует из вышеприведенных высказываний, миропонимание культуры “post” с присущей ему «эпистемологической неуверенностью», а следовательно, и пессимизмом в отношении возможностей познания, не было близко В.Г. Руделёву. Чем же, в таком случае, можно объяснить столь характерные для его поэзии апелляции к образам, уже осмысленным в истории искусства или науки? (Напомним ещё раз, что у постмодернистов такие образы, как правило, возникают на ос-

нове признания исчерпанности культуры и тотального сомнения в достоверности любого человеческого знания).

Поэтическое и научное наследие В.Г. Руделёва, взятое в совокупности, даёт обоснованный ответ на этот вопрос. Причина здесь коренится в глубоком осознании В.Г. Руделёвым – поэтом, учёным и университетским профессором – потребности в утверждении достоинства человеческой культуры, которая на своём долгом пути многократно продемонстрировала, что человек способен как на глубочайшие падения, так и на высочайшие духовные взлёты, на блестящие интеллектуальные озарения – что и запечатлено в искусстве и науке. В этих условиях шедевры русского и мирового искусства, как и многозначные уроки русской истории, кропотливо исследовавшиеся в лингвистических трудах В.Г. Руделёва (например: [7, с. 180-193]) и вдохновлявшие его поэзию, служат убедительным подтверждением возможностей человека и человечества и тем самым активно противостоят идеологемам лингвокультуры “post”, в том числе – и на путях, ею эксплуатируемых.

Научная новизна проведённого исследования состоит в том, что поэзия В.Г. Руделёва впервые становится предметом анализа в указанном аспекте, весьма актуальном для современной науки. Результаты исследования могут быть включены в общую научную концепцию лингвоэкологии эпохи “post”, что обуславливает его теоретическую значимость. Способы поэтологического анализа конкретных художественных текстов В.Г. Руделёва могут быть использованы на семинарских занятиях по современной поэзии, что мотивирует практическую применимость полученных результатов.

Список источников

1. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономова. М.: Изд-во AD MARGINEM, 2000. 511 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000662478>
2. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: INTRADA, 2001. 384 с. URL: <https://terme.ru/slovari/postmodernizm-slovar-terminov.html> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Bertens H. Literary Theory: The Basic. London; New York: Routledge, 2014. 269 p. URL: https://archive.org/details/literarytheoryba0000bert_n8q9
4. Потанина Н.Л. Концептуальные метафорические модели в лирике В.Г. Руделёва // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 625-631. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631>, <https://elibrary.ru/zfgijc>

5. Руделёв В.Г., Руделёва О.А. К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка («пространство» и «время» в поэтических текстах В.В. Маяковского) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 144-154. <https://elibrary.ru/pwqdif>
6. Ильенко С.Г. На пути к лингвистическому реализму // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). С. 9-14. <https://elibrary.ru/pjirdh>
7. Руделёв В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 году // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 180-193. <https://elibrary.ru/obmhqt>

References

1. Derrida Zh. *O grammatologii* [About Grammar]. Moscow, AD MARGINEM Publ., 2000, 511 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000662478>
2. Il'in I.P. *Postmodernizm: Slovar' terminov* [Postmodernism: Glossary of Terms]. Moscow, INTRADA Publ., 2001, 384 p. (In Russ.) Available at: <https://terme.ru/slovari/postmodernizm-slovar-terminov.html> (accessed: 20.12.2022).
3. Bertens H. *Literary Theory: The Basic*. London, New York, Routledge Publ., 2014, 269 p. Available at: https://archive.org/details/literarytheoryba0000bert_n8q9
4. Potanina N.L. Conceptual metaphorical models in V.G. Rudelev's lyric poetry. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 625-631. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-625-631>, <https://elibrary.ru/zfgjjc>
5. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. On specification of some states about dynamic theory of parts of speech of Russian language (space and time in poetic texts of V.V. Mayakovsky). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2013, no. 2 (118), pp. 144-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwqdif>
6. Il'enko S.G. On the way to linguistic realism. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2012, no. 10 (114), pp. 9-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjirdh>
7. Rudelev V.G. Meaning and aim of Polovets campaign of north prince Igor Svyatoslavich in 1185. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2011, no. 8 (100), pp. 180-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/obmhqt>

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, tatulia_tmb@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с научными источниками, анализ художественного текста, написание, редактирование и оформление статьи.

Поступила в редакцию 29.01.2023
Одобрена после рецензирования 11.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Natalia L. Potanina, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0838-2651>, tatulia_tmb@mail.ru

Contribution: study conception, work with scientific sources, literary text analysis, manuscript text drafting, editing and design.

Received January 29, 2023
Revised April 11, 2023
Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-356-364>

Шифр научной специальности 5.9.9

Ирония и юмор в публицистике как когнитивная стратегия (медийно-культурологические аспекты)

Виктор Васильевич ХОРОЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394006, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
 khorolbox@mail.ru

Аннотация. Ирония как нарративно-когнитивная стратегия, по сравнению с социально-этической аналитикой в СМИ или с развлекательным пафосом смеха в публицистике, реже привлекала внимание исследователей, хотя её эвристический потенциал самоочевиден и отражён в трудах многих исследователей. Актуально изучение и экспликация взаимодействия и противоречий «когниции» и «гедонизма». Цель исследования: показать – на примерах преимущественно англоязычных текстов – специфику иронических подтекстов, создающих дополнительную повествовательную экспрессию, имеющую отношение к когнитивным стратегиям авторов, то есть к установке на расширение горизонтов познания в контексте современного развития теории массмедиа, коммуникологии и литературоведения. Метод исследования: когнитивно-контекстуальный, соединённый с историко-культурным анализом иронических дискурсов. Охарактеризована природа информационно-культурологического потенциала иронических дискурсов с учётом «постмодернистской чувствительности». Обоснована прагматическая целесообразность взаимодействия иронии и аналитики в конструировании эпистемологической парадигмы публицистических нарративов. Сделаны выводы о когнитивно-эвристическом значении комических элементов в публицистических текстах, пользе вторжения гедонистических ценностей в серьёзные медийные дискурсы, конфликте интересов «юмористов» и «когнитивистов» в медийных нарративах и в науке о массовых коммуникациях.

Ключевые слова: ирония, когнитивизм, гедонизм, юмор, медийный текст, публицистика

Для цитирования: *Хорольский В.В.* Ирония и юмор в публицистике как когнитивная стратегия (медийно-культурологические аспекты) // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 356-364. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-356-364>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Irony and humor in journalism as a cognitive strategy (media and cultural aspects)

Victor V. KHOROLSKY

Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russian Federation

✉ khorolbox@mail.ru

Abstract. Irony as a narrative-cognitive strategy, in comparison with social and ethical analytics in the media or with the entertaining pathos of laughter in journalism, rarely attracted the attention of researchers, although its heuristic potential is self-evident and is reflected in the works of many researchers. The study and explication of the interaction and contradictions of “cognition” and “hedonism” is topical. The purpose of the study: to show, using examples of predominantly English-language texts, the specificity of ironic overtones that create additional narrative expression related to the cognitive strategies of the authors, that is, to the setting for expanding the horizons of knowledge in the context of the modern development of the theory of mass media, communication and literary criticism. Methods of the study: cognitive-contextual, combined with historical and cultural analysis of ironic discourses. The nature of the information and cultural potential of ironic discourses is characterized, taking into account the “postmodern sensitivity”. The pragmatic expediency of the interaction of irony and analytics in the construction of the epistemological paradigm of journalistic narratives is substantiated. Conclusions are drawn about the cognitive-heuristic significance of comic elements in journalistic texts, about the benefits of intrusion of hedonistic values into serious media discourses, about the conflict of interests of “humorists” and “cognitivists” in media narratives and in the science of mass communications.

Keywords: irony, cognitivism, hedonism, humor, media text, journalism

For citation: Khorolsky, V.V. Irony and humor in journalism as a cognitive strategy (media and cultural aspects). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):356-364. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-356-364>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Иронический модус повествования справедливо считается классической стратегией публицистов, которые во все века высмеивают в своих произведениях пороки людей и социальных институтов. Вместе с тем объектом мягкой иронии или злой сатиры, как известно, часто является и сам процесс познания мира, порождающий немало абсурдных ситуаций, комических неувязок, нелепых парадоксов. Сама сложность изображаемой

действительности порождает скептическую улыбку повествователя, пытающегося познать все детали описываемых событий и человеческих страстей, а нередко эта же улыбка Чеширского кота мелькает и на лице медиакритика и/или коммуниколога [1–3]. Важной задачей коммуникологии является постижение глубинных смыслов речемыслительной деятельности тех создателей аналитической и сатирической публицистики, которые в своих текстах конструируют усложнённую модель действительности, прибегая к такой когнитивно-коммуникативной страте-

гии, как условно-комическая типизация явлений. Как правило, такое усложнение картины мира наблюдается в научно-популярной публицистике, реже в научно-учебной литературе, «эстетических» эссеизированных текстах, связанных между собой сетью субъективных ассоциаций и контекстуальных коннотаций.

Что обусловило актуальность рассмотрения медийно-когнитивных возможностей иронии в наше время? Во-первых, эпоха переоценки ценностей, научно-технических революций (НТР) и особенно глобальная интернетизация всей нашей жизни породили массу новых явлений, нуждающихся в постоянном переосмыслении и пояснении, что в свою очередь подстегнуло процессы медиаобразования и научно-популярной наррации в СМИ. Во-вторых, журналистская когнитивная в условиях НТР и искусственного интеллекта (ИИ) трансформирует особенности усвоения и переработки огромных массивов информации, подталкивая журналистов и популяризаторов научного знания к поиску игровых моделей коммуникации, основанных на стратегиях, облегчающих достижение положительного результата коммуникативного акта, успеха в социальных диалогах. В-третьих, познавательная практика в сфере массмедиа подтверждает незаместимость публицистической иронической парадигмы в системе «генеративных практик», которые Н. Хомский, автор теории «генеративной грамматики», увязывал с эмерджентностью, малой предсказуемостью, а порой и неожиданностью появления новых знаний¹. Под эмерджентностью (эмергентностью) Н. Хомский подразумевал саморазвитие, синергизм информационных потоков, ведь «любые умственные проявления... суть эмергентные свойства мозга»², то есть и юмор, и ирония выступают как фермент работы мозга, фермент взаимопонимания коммуникаторов, главной целью которых должна быть успешность диалога, о чём писали воронежские исследователи [4; 5], изучавшие юмор в литературе и публицистике в течение многих лет.

¹ Хомский Н. Избранное. М.: Энциклопедия-ру, 2016. 720 с.

² Там же. С. 609.

РЕЗУЛЬТАТЫ, НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Юмористические и сатирические возможности авторов медийных и художественных текстов (МТ и ХТ) обусловлены особенностями комического модуса познания и спецификой репрезентации действительности в различных по содержанию текстах и дискурсах. Национальные языки формировались с учётом данной важнейшей функции речемыслительной деятельности, с учётом многомерности и неоднозначности человеческого общения, далёкого от прямолинейной рациональности. В любых сферах жизнедеятельности комическое может легко проявить интенции автора и собеседника. Возьмём для иллюстрации сферу деловых, экономических отношений, отражаемую и в СМИ, и в литературе. Иронический модус повествования, формируясь в лоне смеховой культуры, всё заметнее влиял и сегодня влияет на сферу иронического терминологического образования, наглядным примером чему может служить финансово-экономическая терминосфера, где серьёзность коммуницирования задана «по умолчанию». Чтобы сделать коммуникативные процессы в этой сфере понятнее, а диалог коммуникаторов успешнее, авторы МТ прибегают к метафорическим наименованиям-профессионализмам, к жаргонной номинации, ироническому «перетолкованию» терминов, что порой способствует переходу от термина к бытовой лексике, причём детерминологизация, как правило, имеет ироническую окраску. Вот лишь три образца иронической метафоризации терминов с явно комическим подтекстом:

1. *Is This Market Rebound a “Dead-Cat Bounce”?* (Является ли этот прыжок рынка «отскоком Дохлой кошки»?³).

Как известно, вошедшее в экономические словари выделенное в цитате словосочетание имеет значение временного оживления в торговле акциями, за которым чаще

³Хорольский В.В. Неологизмы в современной англоязычной публицистике и их стилистические функции // Неродные языки в учебных заведениях: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 5. Воронеж: ВКИ, 2000. С. 134-137.

всего следует резкое падение цены акций. Повышение курса доллара в наши дни, по мнению многих американских экономистов, может восприниматься как единовременная реакция рынка на события в Европе, серия прыжков вверх может быть долгой, если, как сегодня в Украине, переговоры о мире провалятся. Но общий обвал экономических показателей неизбежен, кошка упадёт и не встанет. Возможно, экономика США ещё пойдёт вверх, а возможно, что «финансовый пузырь» (ещё одна ироническая терминологическая метафора) лопнет. Серьёзные размышления об этом часто звучат иронически в связи с лицемерием милитаристских элит в США, не желающих прекратить поставки оружия на Украину и в то же время постоянно призывающих РФ к миру. Рассогласование между внешним и внутренним дискурсами порождает ощущение абсурда, который корреспондирует с чёрным юмором. Однако ироническая суть терминологической идиомы *the dead cat bounce* в медийных текстах (МТ) преобладает. Появился термин-двойник «двойной прыжок «дохлой кошки»⁴.

2. *Golden handcuffs* (золотые наручники)⁵ – термин, обозначающий финансовые стимулы, бонусы, используемые для того, чтобы убедить специалистов приходить в какую-либо организацию или не уходить из фирмы. Иронической окраской термин обладает в связи с известной идиомой: бесплатный сыр только в мышеловке.

3. *Жертва продольной пилы* [6, p. 127].

Последнее профессиональное речение, вошедшее в экономические словари, обозначает игрока на бирже, брокера, который покупал акции, когда они стоили дорого, а продать пришлось, когда цены упали. Подобные профессионализмы популярны в массовых СМИ: скажем, квази-термин «опраизация», то есть предельно откровенная, на грани эксгибиционизма, манера ведущих ток-шоу на телевидении, порождён прецедентным именем знаменитой ведущей (Oprah Winfrey, Опра Уинфри), давшей, кстати, повод ещё

для одной медийной шутки: “Soap Oprah”, то есть «мыльная Опра».

В эссеистических текстах, близких к универсалиям художественной литературы, иронические и юмористические интонации звучат более явственно. Иногда они придают тексту гротескный и парадоксальный характер, тяготеющий к паттернам традиционного модернистского «чёрного юмора». Вспоминается знаменитый памфлет Дж. Свифта «Скромное предложение», в котором автор предлагает, чтобы дети бедных ирландцев «не были бременем для своих родителей или страны и чтобы они приносили пользу обществу», продавать их как мясо на стол английских аристократов. Свифт, выступая как диететический автор-персонаж, гиперболизируя ситуацию, заявлял в своём МТ: «Молодой здоровый ребёнок, которого хорошо кормят, в годовалом возрасте является самым вкусным» [6, p. 124]. Характерно, что свифтовский гротескный стиль не был понят современниками, обвинившими его в человеконенавистничестве. Он опирался на условные методы ядовито-сатирической типизации и игровой аргументации, надевая на героя-повествователя маску дидактического риторика. Он вложил в уста вымышленного автора «Предложения» абсолютно серьёзный месседж, используя буффонадные приёмы, которые высмеивали влиятельного в то время социолога Уильяма Петти и социальную инженерию, популярную среди последователей Фрэнсиса Бэкона. Ирония в данном случае требует пояснений, так как контекст многим читателям нашего века просто мало известен. Для понимания смысла фантастической мистификации надо знать о страшном голоде в Ирландии, поездках «министра без портфеля» Свифта в Лондон с требованием оказать помощь беднякам и т. п. Расширение горизонта познания с помощью горького смеха было присуще и русской публицистике (М.Е. Салтыков-Щедрин, А. Платонов и др.). В англосаксонской традиции ирония реже имеет ту социально-политическую остроту, какую мы видим в статьях и эссе русских авторов, призывающих Русь к топору.

Учениками Свифта были Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, Г.К. Честертон, О. Уайльд,

⁴ Хорольский В.В. Неологизмы в современной англоязычной публицистике и их стилистические функции. С. 136.

⁵ Там же. С. 137.

Дж. Барнс и многие другие знаменитые авторы. Последний известен как создатель политических МТ, в которых высмеивалось современное западное общество и особенно властные структуры и отношения. Автор «Писем из Лондона» так пишет во введении к своей книге, вобравшей в себя лучшие образцы его политической сатиры, опубликованной в СМИ США и Англии:

Писать для The New Yorker означает... подвергаться редактуре The New Yorker, бесконечно цивилизованный, радетельный и благотворный процесс, который откровенно сводит тебя с ума... Если, например, фактчекеры пытаются подтвердить, что сон о хомьяках, который приснился твоему дедушке в ночь, когда Гитлер вторгся в Польшу, – сон, который нигде не был зафиксирован в письменной форме, но изложен был тебе лично... вот тут ты примирительно бормочешь: «Думаю, это можно оставить на совести автора»... Но однажды произнесённые эти слова обладают безмятежной властью, совершенно понтификианской⁶.

Данная цитата позволяет узнать и понять некоторые закономерности изображения и познания комических сторон литературно-журнальной жизни на Западе, объяснить национальную специфику английской иронии. Читая книгу «Письма из Лондона», можно выявить особенности использования непрямого оценочного стиля, содержащего иронический подтекст. Познавая «радетельный и благотворный» процесс жесткого редактирования в американском журнале «Нью-Йоркер», где Барнс сотрудничал в 1990-е гг., читатель восхищается авторской манерой сочетать прямо выраженное уважение к качественному изданию с вежливой насмешкой над излишней дотошностью молодых цензоров, поучающих маститого писателя. С одной стороны, будучи сотрудником известнейшего издания, где печатались Э. Хемингуэй,

Ф.С. Фитцджеральд, Дж. Чивер и другие классики, Дж. Барнс смиренно выполняет просьбы-приказы редакции, отмечая в своих воспоминаниях высокий уровень фактчекинга, но, с другой стороны, он показывает детали (*сон о хомьяках, который приснился дедушке в ночь, когда Гитлер вторгся в Польшу*), малозначимость которых для политической статьи очевидна. Именно здравый смысл, а не наукообразная глубина рассуждений, характерная для многих деловых изданий, служит базой барнсовской когниции в его публицистике. Ключевые слова «на совести автора» в редакции обладают «безмятежной властью, совершенно понтификианской», то есть существует конвенция, всем журналистам прекрасно известная, возлагающая ответственность за точность изложения на автора, и этим можно пользоваться, но не всегда. Эпитет «понтификианская» (власть) обладает большим радиусом семантического воздействия уже в силу того, что вера в авторитет Папы Римского остаётся на Западе для огромного числа людей внешне непререкаемой. Данную деталь нравоописания надо иметь в виду, анализируя атмосферу в СМИ Англии и США. Предельная точность деталей не спасает от искажения истины – таков подтекст и источник иронии автора книги. Эпитет *понтификианская* (власть) в контексте сегодняшнего комикования в СМИ особо значим, ибо он концентрирует в себе специфику подспудной, но несомненной иронии, даже некоторой социальной сатиры, причём сама приведённая выше цитата, дающая нам, россиянам, шанс задуматься о границах политической цензуры, далека от модели добродушного английского юмора. Выбор этической позиции важен и для автора, и для редакции, и для потребителя, что снова возвращает нас к трюизму: чтобы делать выбор, надо много знать. Автор и читатель должны установить демаркационную линию между гедонизмом и когницией, хотя в жизни и пространстве МТ эти категории мирно сосуществуют. Любопытная деталь: первое эссе в книге Барнса названо «Депутат-ТВ». Дж. Барнс показывает лицемерие английской морали на примере политического дискурса депутатского бомонда: «...новой

⁶ Барнс Дж. Письма из Лондона. М.: Хранитель, 2008. С. 13.

потехой, которую нам пообещали, стала телетрансляция заседаний Палаты общин»⁷.

Дж. Барнс-публицист язвительно комментирует скандал вокруг депутата Рона Брауна, любившего принимать участие в ток-шоу и поведением напоминавшего российского политика В.В. Жириновского. Изображая серьёзные проблемы руководства страной, автор очерка «Депутат-ТВ» с первых слов с ядовитой усмешкой дистанцируется от власть имущих, хорошо зная подноготную выборов, голосования депутатов, логику принятия парламентских решений. Папарацци сфотографировали Рони и его секретаря Нону в душе, после чего в Лондоне пошли сплетни (нет дыма без огня), мол, любовники в душе занимались сексом, и это всё – в здании Палаты Общин. Автор с сарказмом замечает, что вскоре «Нона завела себе нового любовника некого торговца коврами». Рони как-то неожиданно пришёл на квартиру, где ранее встречался с Ноной, и обнаружил там её нового любовника. Он бутылкой «вдребезги расколошматил все окна в квартире», забрал из комнаты лампу, на которой... сушились трусы бедной девушки. По совету адвоката секретарь Рони заявила в суде, что депутат похитил её собственность и бельё. Итог: «дело о трусах Ноны» служило источником бодрости для суда Короны в Льюисе и привлекающему к нему избирательному округу, голосующему за консерваторов, на протяжении недели»⁸. Эта фраза Барнса является примером постмодернистской амбивалентной иронии, сочетающей сатирическое нравописание и авторское отстранение от поиска истины, релятивизацию ценностей как осознанный выбор (чума на оба ваши дома...). Знание деталей быта верхов помогает проницательному читателю делать более широкие обобщения. Выводы нарратора не всегда совпадают с выводами реципиента.

Ирония иногда встречается и в научных статьях, что имеет повышенный когнитивный резонанс: эмерджентный МТ в научно-популярных и тем более в сугубо научных сообщениях изначально связан с серьёзным

контекстом, что можно подтвердить таким примером:

В мире нет штатных исследователей юмора. Несколько лет назад ходили слухи, что такой институт существует во Франции, но это никогда не было независимо подтверждено, и странность французских академических связей и званий, прежде чем ЕС попытался гомогенизировать их в какую-то систему, подобную американской, сделала это дело ещё сложнее [7, р. 4].

Данная цитата из Предисловия редактора В. Раскина к научным статьям, посвящённым исследованию юмора в культуре, показывает умение автора, обращаясь к «высоколобым» мэтрам, говорить с ними на языке иронии: по его мнению, стиль научного исследования не обязательно соответствует стилю изучаемых текстов, но помнить о природе материала, далёкого от строгой гносеологической парадигмы, необходимо. В. Раскин выражает критическое отношение к объекту иронии, системе образования, но тут же редактор сборника статей о юморе и иронии в искусстве развлекает читателя, который скорее всего будет компетентным судьёй-критиком и авторов сборника статей, и мнений Редактора.

Другой пример иронии в научном тексте взят нами из статьи известного коммуниктивиста О.Я. Гойхмана, с иронией вопрошающего о границах познания:

Возникает вопрос: не слишком ли обширен перечень дисциплин (от технических до гуманитарных), необходимых для характеристики одного научного направления? Это не только вопрос терминологии, главное – в чём же здесь объект и предмет научно-образовательной деятельности? Следует ли, например, при обучении письму в Интернете объяснять устройство компьютера и особенности работы провайдера? Или в чём особенность коммуникации крыс, в рацион питания которых включали сыр сулугуни? [8, с. 5].

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Барнс Дж. Письма из Лондона. М.: Хранитель, 2008. С. 37-38.

Ирония автора уместна, так как он прочитал много научных статей и статей-симулякров, в которых много малопонятных терминов. Он подчёркивает с помощью комической гиперболизации ненужность изучения *особенностей коммуникации крыс*, когда бушуют информационные войны, страдают миллионы людей. Животных пусть описывают биологи или психологи, но теория массмедиа и коммуникология имеют свою сферу интересов, вступающих не только в диалог-согласие с другими дисциплинами, но и в конкурентную схватку, конфликт интересов, пограничные споры, поэтому демаркация эвристических границ напрашивается сама собой, о чём справедливо писала воронежская исследовательница К.М. Шилихина [9, с. 122]. Говоря об эффектах иронической эпистемы в СМИ, можно напомнить и о распространении такого приёма комикования, как «антипословица». Рассмотрим два примера.

1. *Where there's a will, there's a lawsuit.*

Данная антипословица построена на трансформации привычной пословицы *Where there's a will, there's a way* (где есть воля, там есть и способ её достижения). Лексема *a will* (воля, завещание) даёт повод для шутки своей полисемией: в антипословице *a lawsuit* меняет содержание фразы: *где есть завещание, там есть и судебный процесс*. Языковая игра, основанная на трансформации известных выражений и прецедентных феноменов, широко используется в газетных заголовках.

2. *A penny saved is a penny taxed.* (Источник антипословицы: *A penny saved is a penny earned*), то есть в прецедентном тексте появляется парадокс: работник сэкономил в производственном процессе, но его прибыль тут же облагается налогом, что не стимулирует трудовую инициативу. Развлекательная стратегия способствует разрушению стереотипов и активизирует работу сознания. Игра становится когницией.

ВЫВОДЫ

Теоретики-коммуникативисты могут изучать любое общение, но они больше озабочены социальной проблематикой, при воссоздании которой авторы постоянно прибегают к гедонистической экспрессии, стихии несерьёзного слова, будь то ирония, юмор, прецедентные феномены или паремия в форме «антипословиц». Коммуникология как наука о самых общих закономерностях коммуникативных процессов изучает приёмы комического письма с целью приблизить чаемую гармонию диалога-согласия, гарантирующего успешность переговоров, дискуссий, публичных обсуждений. Эта наука о словах и смыслах по определению диктует неизбежность плюрализма и отвергает жёсткую цензуру. Комическая стихия пронизывает серьёзные дискурсы, порождая симбиоз прямого и косвенного оценивания отображаемой реальности с опорой на гиперболу и гротеск. Контекстуальное изучение намёков и аллюзий в МТ помогает аналитикам и медиакритикам точнее судить о значимости наррации и масштабе генерализаций в дискурсах.

Гедонизм, будучи амбивалентным явлением в философии и обыденной жизни, помогает процессу восприятия и толерантного рассмотрения чужого слова. Когнитивные потенции популярного изображения в МТ реалий бытия делают юмор и иронию эффективным средством расширения границ познания, делают несерьёзный тон маской и важным феноменом в герменевтических процедурах. Ироническое отстранение аналитика от эмоций персонажей в МТ, его «вненаходимость» по отношению к героям наррации, как писали М. Бахтин и другие учёные [9; 10], является продуктивной познавательной стратегией. Данная стратегия доказала свою эффективность в трудах названных выше исследователей, её влияние на искусство, литературу и журналистику очевидно.

Список источников

1. Барнс Дж. Нечего бояться. М.: Эксмо, 2012. 384 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005414867>
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.М., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 476 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001801969>
3. Натхо О.И. Паремнологическая картина мира в английской лингвокультуре // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 138-142. <https://elibrary.ru/kzprql>
4. Кройчик Л.Е. Смешное и грустное: этюды на темы русской комической литературы XIX–XX веков. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 364 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007848428>
5. Хорольский В.В. Зарубежная публицистика в эпоху Постмодерна. Проблемы анализа медийных дискурсов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2019. 110 с. <https://elibrary.ru/ydlgvn>
6. Wilson D., Sperber D. Explaining Irony // Meaning and Relevance. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 123-146. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139028370.008>
7. Raskin V. Theory of humour and practice of humour research: Editor's notes and thoughts. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter, 2008. 351 p. <https://doi.org/10.1515/9783110198492.1>
8. Гойхман О.Я. Коммуникативистика в современном обществе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. М., 2012. Т. 1. № 1. С. 4-8. <https://elibrary.ru/qbmxur>
9. Шилихина К.М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 121-127. <https://elibrary.ru/pwnavx>
10. Храмченко Д.С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 175-180. <https://elibrary.ru/oopeqv>

References

1. Barns Dzh. *Nechego boyat'sya* [Nothing to Fear]. Moscow, Eksmo Publ., 2012, 384 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01005414867>
2. Raizberg B.A., Lozovskii L.M., Starodubtseva E.B. *Sovremennyyi ehkonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 1998, 476 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01001801969>
3. Natkho O.I. Paremiologicheskaya kartina mira v angliiskoi lingvo-kul'ture [Paremiological picture of the world in English linguoculture]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2009, no. 3, pp. 138-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kzprql>
4. Kroichik L.E. *Smeshnoe i grustnoe: ehtyudy na temy russkoi komicheskoi literatury XIX–XX vekov* [Funny and Sad: Studies on the Themes of Russian Comic Literature of the 19th–20th Centuries]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 2014, 364 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01007848428>
5. Khorol'skii V.V. *Zarubezhnaya publitsistika v ehpokhu Postmoderna. Problemy analiza mediinykh diskursov* [Foreign Journalism in the Postmodern Era. Problems of Analysis of Media Discourses]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2019, 110 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ydlgvn>
6. Wilson D., Sperber D. *Explaining Irony. Meaning and Relevance*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 123-146. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139028370.008>
7. Raskin V. *Theory of humour and practice of humour research: Editor's notes and thoughts*. Berlin; New-York, Mouton de Gruyter Publ., 2008, 351 p. <https://doi.org/10.1515/9783110198492.1>
8. Goikhman O.Ya. Communication science in the modern society. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* = *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 4-8. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbmxur>
9. Shilikhina K.M. Ironic expression of deontic evaluation in public political discourse. *Politicheskaya lingvistika* = *Political Linguistics*, 2013, no. 1 (43), pp. 121-127. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwnavx>
10. Khranchenko D.S. Ironiya kak sredstvo aktivizatsii sinergiinykh protsessov pragma-semanticheskoi samoorganizatsii angliiskogo delovogo diskursa [Irony as a means of activating synergistic processes of pragma-semantic self-organization of English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University*, 2009, no. 1 (67), pp. 175-180. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oopeqv>

Информация об авторе

Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и литературы, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0824-8919>, khrolbox@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, работа с источниками, анализ медиа-текстов, обработка и редактирование материала, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 20.02.2023

Одобрена после рецензирования 05.04.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Victor V. Khorolsky, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Journalism and Literature Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0824-8919>, khrolbox@mail.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, work with sources, analysis of media texts, processing and editing material, obtained results analysis, manuscript text drafting.

Received February 20, 2023

Revised April 5, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-365-377>

Шифр научной специальности 5.9.9

Проблемы когнитивного дисбаланса в новостных сообщениях сетевых СМИ

Галина Николаевна ТРОФИМОВА , Роман Андреевич САВАСТЕНКО

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ trofimova-gn@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема языковой репрезентации событий, которая состоит в несоответствии значения и содержания заголовка и основного текста публикации, вследствие которого и возникают метаморфозы сетевого медиаобраза. Исследование посвящено феномену функционально-семантической неконгруэнтности заголовка и текста, которая искажает медиаобразы событий, формирующих информационную повестку популярных новостных лент и сетевых СМИ в Интернете. Проанализирован ряд публикаций из различных популярных сетевых СМИ, отобранных по рейтинговым показателям. Основное внимание уделено новостным публикациям, в которых смыслы, заложенные в заголовке, противоречат смысловому содержанию основного текста. В результате комплексного контент-анализа многочисленных примеров выделяются и описываются существенные смысловые различия между заголовками и полными текстами СМИ, определяются основные лингвистические причины данных противоречий и семантических сдвигов, ведущих к функциональным потерям. Выявлены и обозначены языковые проблемы восприятия и воздействия подобных медиаобразов на массовую аудиторию. Особое внимание уделено тому факту, что подобные изменения могут привести к серьёзным нарушениям информационной картины дня и исказить её. Предложены способы определения степени неконгруэнтности. Опираясь на выявление функционально-семантической неконгруэнтности заголовка и основного текста новостного сообщения, предложены принципы определения уровня кликбейтности, коэффициент токсичности. На основе изучения новостных сообщений в сетевых СМИ установлено, что подобная функционально-семантическая неконгруэнтность языковой репрезентации событий оказывает существенное влияние на состояние лингвистической и информационной безопасности всего интернет-пространства и его пользователей. Результаты исследования могут быть использованы учёными в области массовой коммуникации, массмедиа, журналистики, а также практическими специалистами в сфере креативных индустрий, к которым относится медиапроизводство.

Ключевые слова: функционально-семантическая неконгруэнтность, медиаобраз, новостное сообщение, когнитивная война, семантический дифференциал

Для цитирования: Трофимова Г.Н., Савастенко Р.А. Проблемы когнитивного дисбаланса в новостных сообщениях сетевых СМИ // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 365-377. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-365-377>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Cognitive imbalance problems in news reports of media reports

Galina N. TROFIMOVA , Roman A. SAVASTENKO

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

 trofimova-gn@rudn.ru

Abstract. We consider the problem of linguistic representation of events, which consists in the discrepancy between the meaning and content of the title and the main text of publication, as a result of which metamorphoses of network media image arise. The study is devoted to the phenomenon of functional-semantic incongruence of the title and text, which distorts the media images of events that form the information agenda of popular news feeds and online media on the Internet. A number of publications from various popular online media, selected by rating indicators, are analyzed. The main attention is paid to news publications in which the meanings of the title contradict the semantic content of the main text. As a result of a comprehensive content analysis of numerous examples, significant semantic differences between headlines and full texts of the media are identified and described, the main linguistic causes of these contradictions and semantic shifts leading to functional losses are determined. The linguistic problems of perception and the impact of such media images on the mass audience are identified and emphasised. Particular attention is paid to the fact that such changes can lead to serious violations of the information picture of the day and distort it. Methods for determining the degree of incongruence are proposed. Based on the identification of the functional-semantic incongruence of the title and the main text of the news message, the principles for determining the level of clickbaitness, the toxicity coefficient are proposed. Based on the study of news reports in the online media, it is established that such a functional-semantic incongruence of the linguistic representation of events has a significant impact on the state of the linguistic and information security of the entire Internet space and its users. The results of the study can be used by scientists in the field of mass communication, mass media, journalism, as well as practitioners in the field of creative industries, which include media production.

Keywords: functional-semantic incongruence, media image, news message, cognitive warfare, semantic differential

For citation: Trofimova, G.N., & Savastenko, R.A. Cognitive imbalance problems in news reports of media reports. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):365-377. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-365-377>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Интернет-коммуникация стала, прежде всего, «источником своеобразной социокультурной среды, которая, собственно, и формирует специфику синергийного сетевого взаимодействия» [1, с. 53]. «Медиаобраз создаётся в процессе специального конструирования фрагментов реальности журналистом», – утверждает Т.Н. Галинская [2]. В то же время, по мнению Ю.Н. Драчёвой, «термин «медиа-

образ» <...> потенциально обладает возможностью стать ключевым компонентом концепции языковых механизмов создания образности медиатекста» [3, с. 36].

На новостной онлайн-ленте событие получает первичное представление в виде медиаобраза и становится инфоповодом, который «является мощным инструментом вовлечения пользователей в процесс коммуникации и, несомненно, привлекает внимание людей в потоке информации благодаря важ-

ности затронутых событий» [4, с. 55]. В целом для инфопопада характерны массовость, масштабность, актуальность и информационная насыщенность факта [5].

Проблемы формирования медиаобраза интересуют многих современных исследователей и активно решаются ими (Д. Огилви, А.П. Панкрухин, В.Г. Кисмерёшкин, В.А. Фёдоров и др. [6–9]). Медиаобраз чаще всего определяется либо как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [10, с. 124], либо как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [11, с. 95]. По мнению Н.А. Хлопаевой, «медиаобразы отдалают аудиторию от реальной действительности, которую они искажают» [12, с. 109]. Трактовка медиаобраза Т.Н. Галинской подчёркивает в нём «текстовые описания фрагментов реальности, отражающие мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества журналистов» [2].

Медиаобраз возникает на стадии декодирования и формирования стереотипов как суммы коллективных представлений о фрагменте действительности, которые определяются содержанием и оценочностью, заложенными в медиаобразе на стадии кодирования. Т.Н. Великода выявляет в медиаобразе три «прототипические сущности: экстралингвистический, понятийный и лексический прототипы, взаимодействие которых в смысловой структуре призвано обеспечить объективность» [13, с. 14].

Наиболее полное определение медиаобраза даёт Ю.Н. Драчёва, которая считает, что «медиаобраз представляет собой активную когнитивную (ментальную) структуру, которая функционирует в медиадискурсе, получает моно- или поликодовое воплощение в медиатексте и использует другие когнитивные структуры для осуществления информационного трансфера в сфере массовой коммуникации» [14].

Вопрос о статусе журналистского заголовка изучается различными исследователями: А.А. Грабельниковым, Т.Г. Добросклонской, А.Г. Качкаевой и др. [15–17]. Известно,

что заголовок является концентратором смыслов в журналистском тексте. Он должен привлечь внимание, заинтересовать и передать позицию автора, то есть, по сути – стать проводником аудитории к содержанию сообщения. Заголовок, выступая в качестве предтекста, прежде всего реализует информационную и прагматическую функции и обеспечивает определённые прагматические эффекты.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Проблемы языковой репрезентации событий заключаются в смысловых расхождениях вплоть до противоречия между заголовком и основным текстом публикаций, вследствие чего и возникают метаморфозы сетевого медиаобраза. Информационное освещение стало сегодня основным форматом производства новостной продукции в медийном интернет-пространстве. У большей части интернет-аудитории первичный и наиболее устойчивый в общественном сознании медиаобраз события формируется на новостных интернет-лентах, где оперативно выкладываются новостные сообщения в виде кратких простых предложений-заголовков стандартной синтаксической конструкции, которые призваны привлечь внимание интернет-пользователя, чтобы он выбрал это событие из новостного ряда. Такая конкуренция заставляет намеренно использовать определённые языковые приёмы, которые способствуют возникновению негативной оценочности, двусмысленностей, потере смысловой чёткости и, наконец, приводят к информационным деструкциям новостного медиаобраза.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Анализ практического материала потребовал обратиться к методам анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанным в лингвистической семантике и лингвостилистике, в соответствии с методиками лингвостилистического, структурно-тематического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста. Углуб-

лѐнный контекстно-семантический анализ позволил выявить наличие смысловых искажений в языковой репрезентации медиаобраза событий и потребовал комплексного рассмотрения текста на нескольких уровнях: лексическом, синтаксическом, стилистическом и контекстном. Метод «семантического дифференциала», разработанный американским психолингвистом Ч. Осгудом и психологами Дж. Суси и П. Танненбаумом в рамках теории бихевиоризма [18], открыл возможность использовать новый подход к исследованию заголовков с позиции теории конгруэнтности (баланса) – когнитивной теории, объясняющей изменение отношения с учётом потребности установить соответствие между двумя источниками информации [19; 20]. Применительно к журналистскому тексту такими источниками информации становятся заголовок и основной текст. Последователи Ч. Осгуда предложили изучать смысловые ассоциации посредством их шкалирования [21]. В массовой коммуникации данный метод может быть полезным для выявления степени неконгруэнтности заголовка и основного текста, ведущей к когнитивному дисбалансу¹. На основе этого метода, основанного на последовательном расположении понятия в многомерном семантическом пространстве посредством выбора того или иного значения между полюсами на шкалах, путѐм отбора ключевых слов из заголовка и текста и их сравнительного шкалирования выявляется смысловая неконгруэнтность разной степени и глубины.

В сфере массовой коммуникации данный метод ранее всего стали использовать для определения эффективности рекламных текстов. С помощью метода семантического дифференциала выявляется и верифицируется оценка восприятия рекламной продукции, её влияние на потребителя. М.А. Королѐва в своих исследованиях определяет важность эмоционального состояния и определённых ценностей для каждой возрастной группы [22].

¹ Hopkins J. University & Imperial College London. Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience: NATO Review. 2021. May 20. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (accessed: 12.12.2022).

А.А. Воейкова выявила ценностные аспекты русских и американских рекламных текстов и их анализ [23]. Л.В. Никоненко анализирует возможности использования метода семантического дифференциала в исследовании такого ключевого понятия в массовой коммуникации, как доверие, важного сегодня для оценки коммуникативного поведения онлайн-журналистов [24, с. 77].

По мнению В.Э. Багдасарян, «суть когнитивной войны состоит в многокомпонентной и последовательной деконструкции государства» [25]. Среди многих компонентов этой деконструкции ведущее место занимает так называемое разнонаправленное информационное воздействие, порождающее разрушение когнитивных способностей через скрытые приѐмы манипулирования, воздействия на сознание. Наиболее подверженной и поддающейся этому воздействию оказывается аудитория Интернета в силу её разрозненности, несплочѐнности, неограниченного охвата, низкого порога критического мышления и адаптированности к восприятию. Так, мнение Г.М. Маклюэна о том, что основными приѐмами манипуляции ТВ являются мозаичность подачи информации, дробление сообщений и сенсационность [26], вполне может быть переадресовано к оценке контингента интернет-пространства.

Удобным инструментом в ведении когнитивных войн становятся современные коммуникативные технологии, определённым образом влияющие на массовую коммуникацию в интернет-пространстве. Специфика виртуального существования стимулирует реактивное и экспрессивно-раздражѐнное мышление в противоположность логическому и рассудительному, пишет Д. Канеман. Он подчѐркивает, что «скорость сообщений, необходимость быстро на них реагировать побуждают «думать быстро» (реактивно и эмоционально) вместо того, чтобы «думать медленно» (рационально и благоразумно)» [27]. Даже авторитетные новостные издания теперь помещают эмоциональные заголовки, чтобы обеспечить вирусоподобное распространение своих новых статей. Люди тратят меньше времени на чтение статей, чем на их распространение. Опускаются важные кон-

тексты и нюансы. Преднамеренно и непреднамеренно распространяются неверные истолкования информации» [28]. В этой ситуации и возникает неконгруэнтность, которая становится способом ведения когнитивной войны. Как справедливо подчёркивает Е.Г. Пономарёва, «главная цель когнитивного оружия – не прямое физическое уничтожение противника, а внедрение в интеллектуальную среду как отдельной страны, так и мирового сообщества ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих посредством новых – сфальсифицированных – смыслов и ценностей на политическое развитие» [29, с. 8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим несколько примеров, позволяющих выявить лингвистические показатели неконгруэнтности, определить её семантические маркеры, ведущие к метаморфозам сетевого медиаобраза события в новостных онлайн-лентах. Оценочная шкала строится на сопоставлении семантики языковых единиц, составляющих заголовков, и ключевых слов

по частотности и синтаксической роли в основном тексте.

Например, см. табл. 1, 2.

Новость № 1. Сообщение в интернет-газете «Взгляд»: «Шутка европейского соседа задела Украину за больное место» (<https://vz.ru/world/2021/3/4/1087894.html>) – является простым предложением, в котором подлежащее «шутка» и сказуемое «задела» являются темо-рематической смысловой основой. В первичном сообщении главным смысловым центром становится подлежащее «шутка», хотя на самом деле информационным поводом является реакция официального Киева на шутку. Глагол «задела» входит в устойчивое фразеологическое выражение «задеть за живое». Через приём разрушения фразеологизма автор достигает комического эффекта, используя глагол «задела» в переносном значении. Смысловое искажение усиливается в связи с употреблением эвфемизма «европейский сосед». Для получения достоверной информации аудитории необходимо обратиться к продолжению новостного текста, в котором излагается суть события: «Официальный Киев всерьёз обиделся на шутку словацкого премьер-министра, пообещавшего

Таблица 1

Семантическая доминанта заголовка – «захотел алкоголь»

Table 1

The semantic dominant of the title – “wanted alcohol”

	Минкульт	захотел	вернуть	алкоголь	во все учреждения культуры
Оценка	0	–3	–3	–3	–3
Сила	0	2	2	2	3
Эмоция	0	–3	1	–3	1
Итого	0	–4	0	–4	1

Таблица 2

Семантическая доминанта основного текста – «предлагает вернуть норму»

Table 2

The semantic dominant of the main text – “offers to return the norm”

	Ведомство	предлагает x2	ограничения	ущемляет права	вернуть норму
Оценка	2	3	–2	–3	3
Сила	2	3	–2	–3	3
Эмоция	2	3	–2	–3	3
Итого	6	9	–6	–9	9

передать России Закарпатье в обмен на «Спутник V». Тем самым неконгруэнтность возникает в результате темо-рематической замены на синтаксическом уровне и разрушения фразеологизма. Заголовок не является кликбейтом. По оценочной шкале семантического дифференциала высокий уровень негативного восприятия совпадает с заголовочным высказыванием, а далее – снижается, так как информация о событии в основном тексте излагается без использования стилистических приёмов иронии, искажённого парадфраза и эвфемизма.

Новость № 2. Большой общественный резонанс вызвало следующее новостное сообщение: «Президент РАО предложила исключить «Войну и мир» из школьной программы» (https://news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=ria.ru/society/20160930/1478229027.html&lang=ru&from=main_portal&lr=213). В этом сообщении главным действующим лицом, обозначенным в предложении подлежащим, является президент Российской академии образования. Рематический компонент – сказуемое «предложила исключить» – является утверждением, достоверность которого можно проверить. Однако следующий абзац текста смягчает категоричность утверждения сменной тональности. Рема обретает форму мнения, которое невозможно проверить, а значит и всё сообщение меняет фактологическую основу: «Президент Российской академии образования Людмила Вербицкая считает, что из школьной программы возможно исключить «Войну и мир» и дополнить её курсом православной культуры». Так, в данном тексте происходит смысловое искажение, которое сгущает негативную характеристику президента РАО с помощью значения глаголов, которыми выражено сказуемое, и формы высказывания в виде утверждения, тем более что речь идёт о всемирно знаменитом романе-эпопее великого Льва Толстого. И снова только контекст позволяет сформировать истинный медиаобраз данного события. Лингвистическим показателем неконгруэнтности является смысловое несоответствие должности в совокупности с её принадлежностью к сфере образования и её предложения, противоречащего и здравому смыслу, и сущности

образования. Заголовок не является кликбейтом. По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности совпадает с заголовочным высказыванием, а далее – снижается, так как информация о событии в основном тексте излагается с помощью нейтральной лексики, без использования образных синтаксических или стилистических приёмов.

Новость № 3. Популярная новостная онлайн-газета «Лента.ру» сообщила о том, что «Россиян наградят за работу над голосованием по Конституции» (<https://lenta.ru/news/2020/07/28/nagrada/>). Смысловым центром в данном предложении является глагол «наградят», имеющий прямое значение «поощрить, дать что-либо в награду, поблагодарить» и переносное значение «наделить чем-то неприятным, заразить» (иронич.). Его определённо-личная грамматическая форма является смысловым маркером отсутствия конкретного подлежащего. Внимание рецепиента переносится на дополнения «за работу» и «над голосованием», выраженные конкретными существительными и по смыслу связанные с крайне важным вопросом – главным законом страны, Конституцией. Однако в контексте всего сообщения следует уточнить, что выражение «работа над голосованием» в обыденном сознании может быть интерпретировано по-разному, в том числе и как «работа над достижением нужных результатов голосования, различными, в том числе и нелегитимными средствами». Такой семантический сдвиг, безусловно, ведёт к смысловому искажению: в сообщении остаётся неясным, использован глагол в прямом или переносном значении и какая именно «работа» имеется в виду. В то же время смысл первичного сообщения не вполне согласуется со смыслом следующего абзаца, который сообщает о том, что «Президент России Владимир Путин наградит ряд граждан за работу по организации и проведению голосования по поправкам к Конституции». В рамках общественно-политического дискурса такое противоречие выглядит особенно нежелательным. Следовательно, инфоповод освещён неадекватно и существенно отличается от подлинного события, первичное со-

общение, размещённое на новостной онлайн-ленте, не вполне соответствует реальности. В данном случае лингвистическим маркером неконгруэнтности становится грамматическое значение односоставного предложения, в котором отсутствует подлежащее, то есть действующее лицо, а также словосочетание «наградят за работу над голосованием», вызывающее чёткую негативную реакцию аудитории. По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности проявляется в заголовке, а далее – снижается, так как в основном тексте информация излагается более подробно и адекватно.

Новость № 4. На том же сетевом ресурсе публикуется сообщение о том, что «Путин разрешил блокировать кредитки россиян» (<https://lenta.ru/news/2018/06/28/block/>). Подлежащим в этом предложении является собственное существительное «Путин», прямо указывающее на президента РФ. О Путине в форме утверждения сообщается, что он «разрешил блокировать кредитки», то есть действие, которое большинство аудитории воспринимает негативно. Однако в контексте следующего абзаца становится понятно, что «Президент России Владимир Путин подписал закон о противодействии хищению денежных средств с банковских карт». Такое действие трактуется аудиторией, бесспорно, положительно. Тем самым в данном случае в первичном сообщении, размещённом на новостной онлайн-ленте, также наблюдается семантический сдвиг, ведущий к смысловому искажению, инфоповод изложен неадекватно, а медиаобраз события формируется недостоверно. Языковым показателем неконгруэнтности становится несоответствие между лексическими значениями глаголов в контексте социального статуса главного действующего лица данного события и действий, которые он совершает на фоне представлений аудитории о благовидности таких действий. По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности вновь проявляется в заголовке, а далее – снижается, так как в основном тексте изложение информации меняет общий образ события на более позитивный и адекватный.

Однако негативность заголовка влияет на общую ситуацию восприятия и мешает формированию позитивного медиаобраза.

Новость № 5. Тот же ресурс публикует новость о том, что «Российскому губернатору понадобились «тёлочки, которые будут давать»» (<https://lenta.ru/news/2021/04/01/telochki/>). В обыденном сознании существительное «тёлочки» имеет грубое сниженное переносное значение «молодые девушки», а глагол «давать» – неприличное значение «заниматься сексом» в отношении лиц женского пола. При этом существительное «тёлочки» является подлежащим, которое в сочетании со сказуемым, выраженным глаголом «понадобились», становится смысловой темо-рема-тической основой сообщения. В то же время лицо, о котором идёт речь в сообщении, определяется обобщённо, без привязки к конкретному имени, и является в предложении дополнением, что расширяет интерпретацию и вызывает негативную реакцию относительно всей социальной группы российских губернаторов. В то же время при переходе на страницу ресурса инфоповод конкретизируется и практически разрушает первичную интерпретацию: «Губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев, выступая перед региональными депутатами на совещании по бюджету и селекции животных, пожаловался на проблемы с численностью крупного рогатого скота». Тем самым в данном случае вновь наблюдается семантический сдвиг, ведущий к смысловым искажениям и формированию недостоверного медиаобраза события, отягощённого негативной оценочностью. Языковым показателем неконгруэнтности становится несоответствие между лексическими значениями слова «губернатор» в контексте социального статуса главного действующего лица данного события и переносных просторечно-сниженных значений слов «тёлочка» и «давать» на фоне представлений аудитории об их оскорбительно бранных жаргонных коннотациях. Подобная цитата из уст губернатора вызывает стойкое негативное отношение аудитории. По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности вновь проявляется в заголовке, а далее –

снижается, так как в основном тексте изложение информации меняет общий образ события на более позитивный и адекватный. Однако негативность заголовка влияет на общую ситуацию восприятия и мешает формированию позитивного медиаобраза.

Новость № 6. Одно из ведущих СМИ – RBC – размещает в новостной подборке на Яндекс.ру сообщение о том, что «В саратовском минздраве посоветовали исключить секс привившимся от COVID» (<https://www.rbc.ru/society/09/07/2021/60e75e9f9a79472372d62eab>). Основу предложения составляет глагол «посоветовали» в грамматической неопределённо-личной форме, которая делает медиаобраз события расплывчатым и нечётким. Смысл глагола «посоветовать» – «рекомендовать что-либо сделать, как-либо поступить», поэтому данное действие невозможно проверить на соответствие действительности. В то же время содержание совета раскрывается в дальнейшей части сообщения: «исключить секс привившимся от COVID». Такой совет воспринимается аудиторией неоднозначно и вызывает у неё негативную реакцию, распространяющуюся на указанную в сообщении организацию – «саратовский минздрав» в целом. И только в контексте следующего абзаца, прочитав который можно лишь кликнув новость и перейдя на ресурс РБК, инфоповод конкретизируется: «Занятие сексом не рекомендуется людям, только что сделавшим прививку от COVID-19, заявил заместитель министра здравоохранения Саратовской области Денис Грайфер». В данном случае также наблюдается серьёзный семантический сдвиг, который искажает смысл события и ведёт к формированию недостоверного медиаобраза. Языковым показателем неконгруэнтности становится несоответствие между обозначением официальной авторитетной организации («саратовский минздрав») и формулировкой её совета, который интерпретируется аудиторией как крайне неуместный и вызывает крайне негативную реакцию. По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности вновь проявляется в заголовке, а далее – снижается, так как в основном тексте изложение информации меняет общий образ со-

бытия на более позитивный и адекватный. Однако негативность заголовка влияет на общую ситуацию восприятия и мешает формированию позитивного медиаобраза.

Новость № 7. Ещё один сетевой ресурс – «Говорит Москва» – размещает новостное сообщение о том, что «Минкульт захотел вернуть алкоголь во все учреждения культуры» (https://govoritmoskva.ru/news/193871/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop). Сообщение является простым предложением со смысловым центром в виде сочетания подлежащего «минкульт» и сказуемого «захотел». Лексема «минкульт» означает просторечно-обыденное сокращение словосочетания «министерство культуры», то есть одна из ключевых государственных структур. Глагол «захотеть» обладает значением «иметь желание, стремиться к чему-либо». Действие, обозначаемое этим глаголом, не может быть проверено на соответствие действительности, однако в данном случае в представлении аудитории распространяется на всю госструктуру министерства («минкульт захотел»). Дальнейшее содержание сообщения связано с понятием «алкоголь», которое в русле современного общественного мнения имеет негативную оценочность, которая существенно усиливается в сочетании с семантикой словосочетания «учреждения культуры». Очевидное противоречие порождает негативное отношение аудитории к «минкульту», тем более что сообщение высказано в форме утверждения (глагол «захотел» имеет грамматическую форму прошедшего времени изъянительного наклонения). Однако продолжение текста – «Ведомство предлагает изменить закон, который сейчас разрешает торговлю спиртным только в театрах, концертных залах и парках. В министерстве говорят, что нынешние ограничения по продаже алкоголя ущемляют права граждан и организаций культуры. Фактически ведомство предлагает вернуть старую норму, существовавшую до 2016 года...» раскрывает несколько иную интерпретацию данного события. Тем самым в данном первоначальном сообщении, заявленном на новостной ленте в виде предложения-заголовка, вновь представляется очевидным семантический сдвиг, ве-

душий к смысловым искажениям и формированию недостоверного медиаобраза события, отягощенного негативной оценочностью. Языковым показателем неконгруэнтности становится несоответствие между обозначением официальной авторитетной организации («минкульт» – министерство культуры) и обозначением его действий («захотел вернуть алкоголь») в контексте устойчивого общественного понимания несовместимости понятий «культура» и «алкоголь». По оценочной шкале семантического дифференциала самый высокий уровень негативности вновь проявляется в заголовке, а далее – снижается, так как в основном тексте изложение информации меняет общий образ события на более позитивный и адекватный. Однако негативность заголовка влияет на общую ситуацию восприятия и мешает формированию позитивного медиаобраза.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты показывают, что формирование заголовков сообщений в современных сетевых СМИ сопровождается имплицитной агрессивностью повышенного уровня. По отношению к аудитории подобные заголовки можно охарактеризовать как токсичные, а в отношении формирования медиаобраза – неконгруэнтные, так как они входят в существенное противоречие с основными текстами и негативно влияют общее восприятие события, искажая его. В ус-

ловиях перехода журналистики и массовых коммуникаций в разряд кративных индустрий подобная тенденция провоцируется стремлением СМИ получить больше прибыли. Известно, что сегодня «творчество становится движущей силой экономического роста и инноваций», видит в креативности главный источник «конкурентных преимуществ» капитализма XXI века, а также наиболее ценный товар экономики [30].

Функционально-семантическая неконгруэнтность заголовка и текста в цифровых медиа лишает заголовок его основных функций. Языковая репрезентация событий на новостных интернет-лентах СМИ действительно существенно искажает реальную действительность, медиаобраз события оказывает влияние на состояние лингвистической и информационной безопасности всего интернет-пространства и его пользователей (табл. 3).

Интерпретация инфоповода демонстрирует определённые семантические сдвиги. Существенные смысловые различия между первичными сообщениями, которые воспринимаются как заголовки, и полными текстами СМИ могут привести к серьёзным нарушениям информационной картины дня и исказить её. Лингвистические причины таких противоречий и семантических сдвигов становятся ведущими языковыми проблемами восприятия этих медиаобразов и их воздействия на массовую аудиторию. Неконгруэнтность заголовков и основных текстов новостных сообщений достигает степени семантического

Таблица 3

Сводная таблица

Table 3

Summary table

Новость	Заголовок	Основной текст	Семантический дифференциал	Неконгруэнтность (max – 10)
1	Шутка задела Украину	политический скандал	–8	8
2	Предложила исключить	не стоит читать	–9	9
3	Работа над голосованием	организация и проведение выборов	–10	10
4	Разрешил блокировать	закон о противодействии хищениям	–10	10
5	Понадобились «тёлочки»	мало крупного рогатого скота	–10	10
6	Посоветовал исключить	временно не рекомендует	–10	10
7	Захотел алкоголь	вернуть норму	–10	10

оксюморона. Измерения семантического дифференциала показывают, что концентрация негативности сосредоточена в заголовках и резко снижается по мере освоения основных текстов сообщений. Таким образом, проблема когнитивного искажения, выяв-

ленная с помощью применения метода семантического дифференциала, указывает на глубинную природу неконгруэнтных заголовков как инструментов разрушения смыслов, а следовательно, возможных средств ведения когнитивных войн.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Сарбаева М.Б. Информационный повод как масс-медийная категория: аспекты репрезентации // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. РУДН. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 47-54.* <https://elibrary.ru/nsnfvs>
2. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // *Вестник ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 91-94.* <https://elibrary.ru/rsxgrn>
3. Драчёва Ю.Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2019. 39 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010243184?page=1&rotate=0&theme=white>
4. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Сарбаева М.Б. Метаморфозы письменной речи в масс-медийном дискурсе // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. РУДН. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 55-63.* <https://elibrary.ru/vnvzjo>
5. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Дискурсивное сознание как фактор формирования медиапространства // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. 2 Междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2018. С. 116-128.* <https://elibrary.ru/xngowt>
6. Огилви Д. О рекламе. М.: Эксмо, 2003. 232 с. URL: https://leadzavod.com/wp-content/uploads/2016/10/Devid_Ogilvi_-_O_reklame.pdf
7. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. М.: Изд-во РАГС, 2002. 327 с. URL: https://www.phantastike.com/market/mark_territ/html/
8. Рожков И.Я., Кисмерёшкин В.Г. Бренды и имидж: страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. М.: РИП-холдинг, 2006. 255 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002879419>
9. Фёдоров В.А. Россия как бренд. М.: Республика, 2005. 255 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002688151>
10. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122-127.* <https://elibrary.ru/icdakv>
11. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // *Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93-96.* <https://elibrary.ru/pjbapj>
12. Хлопаева Н.А. Исследования медиапространства в процессе принятия управленческих решений // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2007. № 3. С. 106-118.* <https://elibrary.ru/ibgkpt>
13. Великода Т.Н. Терминологизация общепотребительной лексики: на материале английских геологических терминов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 19 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01005551712>
14. Драчёва Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // *Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134-146.* <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13>, <https://elibrary.ru/xnotzx>
15. Грабелъников А.А. Особенности конвергентной журналистики // *Вестник Университета Российской академии образования. 2013. № 3. С. 79-83.* <https://elibrary.ru/tjgihp>
16. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Красанд, 2013. 288 с. URL: <https://zadocs.ru/informatika/3234/index.html>
17. Качкаева А.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные? М.: ФОКУС-медиа, 2010. 200 с. URL: <https://www.newsman.tsu.ru/wp-content/uploads/2014/02/Журналистика-и-конвергенция.pdf>

18. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Измерение значения // Семиотика и искусствометрия / сост. и ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петрова. М., 1972. С. 282-297. URL: https://www.phantastike.com/semiotics/semiotika_i_iskusstvometriya/pdf/
19. Osgood C.E. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Hague: Mouton Publishers, 1979. 243 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/264647628_Linguistics_Focus_on_Meaning_Volume_I_Explorations_in_Semantic_Space_Charles_E_Osgood
20. McCauley C. The nature of social influence in groupthink: compliance and internalization // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. № 2. P. 250-260. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.2.250>
21. Kameda T., Sugimori S. Psychological entrapment in group decision making an assigned decision rule and a groupthink phenomenon // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. № 2. P. 282-293. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.2.282>
22. Королёва М.А. Исследование влияния телевизионной рекламы на детей младшего школьного возраста с помощью метода семантического дифференциала // Вестник АГПА. 2009. № 1. С. 32-35. <https://elibrary.ru/pwpxrh>
23. Воейкова А.А. Ценностные аспекты русских и американских рекламных текстов и их анализ методом семантического дифференциала // Вестник ЧГУ. 2009. № 35. С. 27-30. <https://elibrary.ru/jxnpia>
24. Никоненко Л.В. Психосемантический подход к исследованию доверия // Акмеология. 2011. № 2. С. 70-78. <https://elibrary.ru/peykfl>
25. Багдасарян В.Э. «Когнитивное оружие» как инструмент десуверенизации. URL: <http://rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-orujiekak-instrument-desuverenizacii> (дата обращения: 15.12.2022).
26. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2003. 464 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
27. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2013. 499 p. URL: <http://dspace.vnbrims.org:13000/jspui/bitstream/123456789/2224/1/Daniel-Kahneman-Thinking-Fast-and-Slow-.pdf>
28. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2020. 653 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010422897>
29. Пономарёва Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания // Обозреватель. 2016. № 5. С. 5-20. <https://elibrary.ru/vwxqmz>
30. Florida R. The Rise of the Creative Class, and How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. N. Y.: Basic Books, 2002. 421 p. URL: <https://archive.org/details/riseofcreativecl00flor/page/n9/mode/2up>

References

1. Alefirenko N.F., Nurtazina M.B., Sarbaeva M.B. Informationsnyi povod kak mass-mediinaya kategoriya: aspekty reprezentatsii [Information occasion as a mass media category: aspects of representation]. *Sbornik statei 3 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii RUDN «Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura»* [Collection of works of the 3rd Peoples Friendship University of Russia International Scientific and Practical Conference "Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture"]. Moscow, Peoples Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 47-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nsnfvs>
2. Galinskaya T.N. Media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik OGU = Vestnik of the Orenburg State University*, 2013, no. 11 (160), pp. 91-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rsxgrn>
3. Dracheva Yu.N. *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-yazykovye mekhanizmy: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Media Image of Local Oral Speech Culture: Cognitive-Linguistic Mechanisms. Dr. habil. (Philology) diss. abstr.]. Arkhangelsk, 2019, 39 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010243184?page=1&rotate=0&theme=white>
4. Alefirenko N.F., Nurtazina M.B., Sarbaeva M.B. Metamorfozy pis'mennoi rechi v mass-mediinom diskurse [Metamorphoses of written speech in mass media discourse]. *Sbornik statei 3 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii RUDN «Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura»* [Collection of works of the 3rd Peoples Friendship University of Russia International Scientific and Practical Conference "Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture"]. Moscow, Peoples Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 55-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnvzjo>

5. Alefirenko N.F., Nurtazina M.B. Diskursivnoe soznanie kak faktor formirovaniya mediaprostranstva [Discursive consciousness as a factor in the formation of media space]. *Sbornik statei 2 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii RUDN «Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura»* [Collection of works of the 2nd Peoples Friendship University of Russia International Scientific and Practical Conference "Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture"]. Moscow, Peoples Friendship University of Russia Publ., 2018, pp. 116-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xngowt>
6. Ogilvi D. *O reklame* [On Advertising]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 232 p. (In Russ.) Available at: https://leadzavod.com/wp-content/uploads/2016/10/Devid_Ogilvi_-_O_reklame.pdf
7. Pankrukhin A.P. *Marketing territorii* [Territory Marketing]. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2002, 327 p. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/market/mark_territ/html/
8. Rozhkov I.Ya., Kismereshkin V.G. *Brendy i imidzh: strana, region, gorod, otrasl', predpriyatie, tovary, uslugi* [Brands and Image: Country, Region, City, Industry, Enterprise, Goods, Services]. Moscow, RIP-Holding Company Publ., 2006, 255 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002879419>
9. Fedorov V.A. *Rossiya kak brend* [Russia as a Brand]. Moscow, Republic Publ., 2005, 255 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002688151>
10. Bogdan E.N. Media image of Russia as a concept of the journalism theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 10: Journalism*, 2007, no. 4, pp. 122-127. (In Russ.) <https://elibrary.ru/icdakv>
11. Marushchak A.V. Politiko-sotsial'nyi obraz Rossii v amerikanskom mediaprostranstve [Political and social image of Russia in the American media space]. *Zhurnalistikii ezhegodnik* [Journalistic Yearbook], 2012, no. 1, pp. 93-96. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjbapj>
12. Khlopaeva N.A. Investigation of media environment in administrative decision-making. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 2007, no. 3, pp. 106-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ibgkpt>
13. Velikoda T.N. *Terminologizatsiya obshchepotrebitel'noi leksiki: na materiale angliiskikh geologicheskikh terminov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Terminology of Common Vocabulary: Based on English Geological Terms. PhD (Philology) diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2014, 19 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/rl01005551712>
14. Dracheva Yu.N. The notion of media image and its study in linguistic and non-linguistic aspects. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*, 2019, no. 2 (89), pp. 134-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-2-89-13>, <https://elibrary.ru/xnotzx>
15. Grabel'nikov A.A. Osobennosti konvergentnoi zhurnalistiki [Features of convergent journalism]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Herald of the University of Russian Academy of Education*, 2013, no. 3, pp. 79-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjgihp>
16. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi* [Issues of Studying Media Texts: Experience in the Study of Modern English Media Speech]. Moscow, Krasand Publ., 2013, 288 p. (In Russ.) Available at: <https://zadocs.ru/informatika/3234/index.html>
17. Kachkaeva A.G. *Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediinye?* [Journalism and Convergence: Why and How Traditional Media are Turning into Multimedia?] Moscow, FOKUS-media Publ., 2010, 200 p. (In Russ.) Available at: <https://www.newsman.tsu.ru/wp-content/uploads/2014/02/Zhurnalistika-i-konvergentsiya.pdf>
18. Osgud Ch., Susi Dzh., Tannenbaum P. *Izmerenie znacheniya* [Measuring value]. *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and Artmetry]. Moscow, 1972, pp. 282-297. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/semiotics/semiotika_i_iskusstvometriya/pdf/
19. Osgood C.E. *Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space*. Hague, Mouton Publishers, 1979, 243 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/264647628_Linguistics_Focus_on_Meaning_Volume_I_Explorations_in_Semantic_Space_Charles_E_Osgood
20. McCauley C. The nature of social influence in groupthink: compliance and internalization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, no. 2, pp. 250-260. (In Russ.) <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.2.250>
21. Kameda T., Sugimori S. Psychological entrapment in group decision making an assigned decision rule and a groupthink phenomenon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, vol. 65, no. 2, pp. 282-293. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.2.282>

22. Koroleva M.A. Issledovanie vliyaniya televizionnoi reklamy na detei mladshego shkol'nogo vozrasta s pomoshch'yu metoda semanticheskogo differentsiala [Study of the influence of television advertising on children of primary school age using the method of semantic differential]. *Vestnik AGPA* [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy], 2009, no. 1, pp. 32-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwpxxrh>
23. Voeikova A.A. Tsennostnye aspekty russkikh i amerikanskikh reklamnykh tekstov i ikh analiz metodom semanticheskogo differentsiala [Value aspects of Russian and American advertising texts and their analysis by the semantic differential method]. *Vestnik ChGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, no. 35, pp. 27-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxnpiia>
24. Nikonenko L.V. Psychosemantic approach to research of trust. *Akmeologiya = Acmeology*, 2011, no. 2, pp. 70-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/peykfl>
25. Bagdasaryan V.E. «Kognitivnoe oruzhie» kak instrument desuverenizatsii ["Cognitive Weapon" as a Tool of Desovereignization]. (In Russ.) Available at: <http://rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-orujiekak-instrument-desuverenizatsii> (accessed: 15.12.2022).
26. Maklyuen G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Moscow, KANON-Press-TS Publ., "Kuchkovo pole" Publ., 2003, 464 p. (In Russ.) Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
27. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 2013, 499 p. Available at: <http://dspace.vnbrims.org:13000/jspui/bitstream/123456789/2224/1/Daniel-Kahneman-Thinking-Fast-and-Slow-.pdf>
28. Kahneman D. *Dumai medlenno... reshai bistro* [Thinking, Fast and Slow]. Moscow, AST Publ., 2020, 653 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010422897>
29. Ponomareva E.G. Falsification of the Great Patriotic War – Technology of transformation of consciousness. *Obozrevatel' = Observer*, 2016, no. 5, pp. 5-20. <https://elibrary.ru/vwxqmz>
30. Florida R. *The Rise of the Creative Class, and How It's Transforming Work, Leisure and Every-day Life*. New York, Basic Books Publ., 2002, 421 p. (In Russ.) Available at: <https://archive.org/details/riseofcreativecl00flor/page/n9/mode/2up>

Информация об авторах

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1295-5002>, trofimova-gn@rudn.ru

Вклад в статью: идея исследования, сбор и анализ материала, обзор источников, написание части текста статьи, окончательное редактирование.

Савастенко Роман Андреевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3312-3790>, savastenko-ra@rudn.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ материала, обзор источников, написание и оформление текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 30.01.2023

Одобрена после рецензирования 17.04.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the authors

Galina N. Trofimova, Dr. habil. (Philology), Professor, Professor of Mass Communications Department of Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1295-5002>, trofimova-gn@rudn.ru

Contribution: study idea, material acquisition and analysis, sources review, part manuscript text drafting, final editing.

Roman A. Savastenko, PhD (Philology), Associate Professor of Mass Communications Department of Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3312-3790>, savastenko-ra@rudn.ru

Contribution: main study conception, material acquisition and analysis, sources review, manuscript text drafting and design.

There is no conflict of interests.

Received January 30, 2023

Revised April 17, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-378-390>

Шифр научной специальности 5.9.9

Эксплуатация экономических страхов в публикациях российских СМИ: информационные сценарии

Дмитрий Эдуардович КОНОПЛЁВ

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

454001, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

✉ dmitriykonoplev@ya.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика представления в периодических изданиях мотива экономических страхов, связанных с высказыванием журналистами опасений насчёт роста цен, невыплаты зарплат и роста числа безработных. Цель исследования – проследить изменение частотности присутствия в текстах СМИ указанных страхов в разные периоды функционирования постсоветской экономики, специфику этих страхов, а также меру реакции периодических изданий на реальные экономические процессы, связанные с этими страхами. Опираясь на инструменты качественно-количественного контент-анализа и филологического анализа, автор сопоставляет экономические индикаторы соответствующего свойства (объём долгов по зарплате, уровень безработицы и инфляции) и меру информационной реакции на них на протяжении всего постсоветского периода существования современной российской журналистики, указывая на специфику присутствия каждого из заявленных экономических страхов в информационном дискурсе. Сделан вывод о несоответствии информационного отклика масштабу реальных экономических явлений, на большинстве интервалов выборки оказывающихся менее значимыми для финансовых и общественных процессов, чем они представлены в текстах СМИ.

Ключевые слова: журналистика, информационный дискурс, экономические страхи, экономическое мышление

Для цитирования: Коноплёв Д.Э. Эксплуатация экономических страхов в публикациях российских СМИ: информационные сценарии // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 378-390. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-378-390>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Exploitation of economic fears in Russian media publications: informational scenarios

Dmitry E. KONOPLEV

Chelyabinsk State University

129 Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

✉ dmitrijkonoplev@ya.ru

Abstract. We consider the specifics of the presentation in periodicals of economic fears motive associated with the expression of fears by journalists about rising prices, non-payment of wages and an increase in the number of unemployed. The purpose of study is to trace the change in the presence frequency of these fears in the media texts in different periods of the functioning of the post-Soviet economy, the specifics of these fears, as well as the degree of reaction of periodicals to real economic processes associated with these fears. Based on the tools of qualitative-quantitative content analysis and philological analysis, we compare economic indicators of the corresponding nature (the volume of wage arrears, unemployment and inflation) and the measure of the information reaction to them throughout the entire post-Soviet period of the existence of modern Russian journalism, pointing to the specifics of the presence each of the declared economic fears in the informational discourse. It is concluded that the information response does not correspond to the scale of real economic phenomena, which, at most sampling intervals, turn out to be less significant for financial and social processes than they are presented in media texts.

Keywords: journalism, informational discourse, economic fears, economic thinking

For citation: Konoplev, D.E. Exploitation of economic fears in Russian media publications: informational scenarios. *Neofilologiya = Neophilology*. 2023;9(2):378-390. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-378-390>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Страх как одна из наиболее типичных реакций, поддающихся продуцированию через каналы массовой коммуникации, в условиях современных экономических процессов всё чаще выступает инструментом влияния медиа на свою аудиторию и задаёт ракурс восприятия тех или иных проблем, о которых рассказывают СМИ. В связи с этим обращение к вопросу эксплуатируемых в периодических изданиях экономических страхов отражает не только потребность в понимании того, какие явления формируют информационные экономические страхи, но и представление о том, какими средствами такого рода страхи формируются. В научном дискурсе

данной проблеме посвящены три группы исследований.

Первая представлена работами, изучающими специфику информационной тревожности в медийном поле. Так, Е.С. Смахтин обращается к проблеме языковой репрезентации страхов в финансово-экономической публицистике [1], Е.Л. Пожарская, А.А. Завьялова и А.В. Овсянникова акцентируют внимание на вопросе циркуляции экономических страхов в общественном дискурсе и специфике их формирования [2], а Д.Н. Баринов – на особенностях ценностного и трансформационного аспектов экономических страхов [3, с. 542]. Проблемы общественной тревожности в их социологическом аспекте затрагивает Н.Н. Седова [4], влияние экономических

страхов на предпринимательство изучают В.А. Останин, Ю.Г. Плесовских и Ю.В. Рожков [5, с. 181].

Второй блок исследований рассматривает трансляцию экономических страхов в информационном дискурсе в рамках концепции медиапрайминга, предполагающей непроизвольное влияние одних стимулов (например, публикаций, эксплуатирующих экономические страхи) на воспроизводство последующих стимулов (например, построение ассоциативных рядов в дальнейших публикациях). Главный теоретик данной концепции – Д. Канеман – называет такой сценарий «эффектом привязки», который мы будем наблюдать в материалах текущей выборки [6]. Обозначенный подход используется также в работах Дж. Хоу [7], Д. Эволдсена с соавторами, развивающих идеи влияния периодических изданий на общественные процессы [8].

Третья группа исследований затрагивает вопрос встраивания журналистской информации в дискурсивные рамки, часто определяемые как медийные фреймы. Здесь необходимо отметить работы Р. Энтмана, поднимающие проблему объективности в экономических публикациях [9], Й. Нинана с соавторами, рассматривающих поведенческие эффекты фреймов, задающих тональность в экономических публикациях СМИ [10], а также подход К. Наймарка и С. Питшнера, рассматривающих информационное поле с точки зрения доминирующих в нём концепций [11, с. 161] и Дж. Дракмана [12, с. 62], обращающегося к вопросу минимизации фреймирования информационного поля.

Принимая во внимание все обозначенные подходы, мы предлагаем рассмотреть частотность использования в текстах СМИ экономических страхов и охарактеризовать их специфику на обширном материале российских периодических изданий.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В данном исследовании мы преследовали цель прояснить особенности изменения частотности представления в периодических изданиях экономических страхов, логику их

репрезентации, а также степень информационной реакции СМИ на реальное экономическое выражение этих страхов. Для реализации поставленной цели нами были рассмотрены три группы экономических страхов: страх невыплаты зарплаты, страх безработицы и страх роста цен (инфляции). Замеры проводились в рамках временного диапазона, ограниченного, с одной стороны, 28 октября 1991 г. (за точку отсчёта принята дата объявления Б.Н. Ельциным о переходе к рыночной экономике и последующее формирование первого «рыночного» правительства) и 31 декабря 2022 г., с другой стороны. В рамках предлагаемой выборки оценивались три периода функционирования российской экономики и фиксации происходящих в ней процессов в СМИ: период либеральных реформ и активного развития частного сектора (1991–2004 гг.), переходный период от либеральной экономики к государственному капитализму (2005–2014 гг.), а также период развития патерналистских идей и установления административного контроля в экономике (с 2015 г.). Результаты замеров по частотному распределению ключевых слов, связанных с теми или иными экономическими страхами, сравнивались между собой.

Под экономическими страхами мы понимали выраженные в журналистских текстах с помощью ключевых слов и негативной тональности опасения финансового свойства, способные вызвать у аудитории чувство тревоги и беспокойства за своё материальное благополучие.

Базовой методикой в исследовании послужил качественно-количественный контент-анализ, проводившийся средствами QDA Miner и Orange Biolab Si. В качестве основных единиц контент-анализа использовались биграммы, триграммы и n-граммы, определяющие суть эксплуатируемого страха (собственно, лексические конструкции со словами «безработица», «невыплата зарплаты» и «рост цен»), его вариативное присутствие в журналистском тексте (например, когда вместо «роста цен» отмечается «инфляция», а вместо «безработицы» авторы указывают на «массовые увольнения»), описание возможных последствий негативных

Таблица 1

База биграмм, триграмм и n-грамм, использованных в ходе контент-анализа

Table 1

Database of bigrams, trigrams and n-grams used in the course of content analysis

Группа +	N-группа	N1-группа	N2-группа
Безработица+	сокращение, увольнение, скрытая, застойная	бедность, нищета, долги	боязнь, опасение, тревога, страх, паника
Невыплата+	зарплат, долги, забастовка, голодовка, протесты	бедность, нищета, долги	боязнь, опасение, тревога, страх, паника
Рост+	цен, инфляция, подорожание	бедность, нищета, долги	боязнь, опасение, тревога, страх, паника

экономических процессов («бедность», «нищета», «долги»), а также слова, выражающие наличие мотива страха в тексте («боязнь», «опасения» и др.). Полный перечень измеряемых единиц, по которым проводился количественный подсчёт в рамках базы выборки, представлен в табл. 1.

Присутствие мотива страха оценивалось только при идентификации в журналистских текстах ключевых слов N2-группы и при наличии достаточного контекста (в виде размышлений журналистов, использовании цитат официальных лиц, авторских прогнозов и оценок). Таким образом, в базе выборки изучались в основном аналитические материалы и публикации в жанре комментария. Краткие новостные заметки не рассматривались. Цель контент анализа заключалась в установлении количества материалов СМИ, эксплуатирующих тот или иной экономический страх в соответствующий период, а также особенностей представления этого страха в текстах.

Качественно-количественный контент-анализ, согласно своим инструментальным свойствам, предполагал также определение следующих операторов, отвечающих за содержательную часть текстов: слов и словосочетаний (указанный выше перечень n-грамм), суждений, выражающих мнения авторов относительно ключевых терминов в публикациях, а также общую тематику публикаций. Специфика использования каждой единицы контент-анализа рассматривалась исключительно в связи с соответствующими ей контекстными единицами (слово в связи с суждением, суждение в связи с общей темой материала). Таким образом, контент-анализ,

согласно методике, предложенной в трудах Ф. Мейринга¹, К. Криппендорфа², М. Роллер и П. Лавракаса³, позволил нам не только замерить количественные показатели по соответствующим группам публикаций СМИ, но и качественные характеристики текстов (в частности, идентифицировать наличие мотива страха и особенность его представления в журналистских текстах). Для осмысления и интерпретации журналистских текстов, представленных в базе выборки, использовался филологический анализ. В данном случае оценивалось, какие слова и словосочетания используют журналисты и на какой семантике они акцентируют своё внимание.

Данные, полученные в ходе указанных аналитических процедур, распределялись в частотные таблицы и сопоставлялись с тремя соответствующими им экономическими индикаторами: объёмом долгов по зарплате, числом безработных от общего числа трудоспособного населения и среднегодовым уровнем инфляции. Важно отметить, что нас в данном случае интересовала только мера реакции СМИ на динамику инфляции, безработицы и просроченной задолженности по зарплате, а не корреляция между этими переменными.

¹ Mayring P. Qualitative content analysis: A step-by-step guide. L.: Sage Publications, 2021. 240 p.

² Krippendorff K. Content analysis: An Introduction to its methodology. L.: Sage Publications, 2018. 472 p.

³ Roller M., Lavrakas P. Applied qualitative research design: A total quality framework approach. The Guilford Press, 2015. 398 p. URL: <https://dokumen.pub/applied-qualitative-research-design-a-total-quality-framework-approach-9781322576213-1322576211-9781462519095-1462519091.html>

Материалами выборки послужили журналистские тексты, в которых прослеживается эксплуатация указанных страхов, вышедшие в следующих периодических изданиях: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Ведомости», «Известия», «Интерфакс», «Коммерсантъ», «Коммерсантъ-Власть» (до 2017 г.), «Коммерсантъ-Деньги» (до 2017 г.), «Комсомольская правда», «Мегаполис экспресс» (до 2005 г.), «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новые известия», «Огонёк» (до 2020 г.), «РИА Новости», «РБК», «Российская газета», «Слово», «Совершенно секретно», «ТАСС», «Труд», «Финансовая газета», «Эксперт», «BFM.ru», «Dni.ru», «Dp.ru», «Finam.ru», «Fontanka.ru», «Forbes», «Gazeta.ru», «Lenta.ru», «M24.ru», «Profinance.ru», «Svpressa.ru». Доступ к публикациям осуществлялся через базы электронных библиотек East View Information Services (<http://online.eastview.com/>) и Polpred (<https://polpred.com/>), либо через архивы на сайтах самих изданий, в зависимости от того, где был доступен каждый конкретный источник. Общий массив выборки включает в себя 65220 статей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема просроченной задолженности по заработной плате впервые появляется в дискурсе российских периодических изданий в 1992 г. как свидетельство возникающих экономических проблем и последствие разворачивающейся в постсоветской экономике гиперинфляции. При этом на отрезке с 1993 по 1995 г. мотив страхов в связи с невыплатами зарплат не носит в СМИ характера акцентированной проблемы, становясь таковой лишь к 1996 г. В последнем случае упоминаемость проблемы невыплаты зарплат можно рассматривать в контексте двух основных пластов текстов: материалов, посвящённых совокупному объёму накопленных зарплатных долгов, которые ставят под вопрос возможность переизбрания Б. Ельцина на второй президентский срок (1), и публикаций, представляющих собой массив сообщений о забастовках на предприятиях, где зарплата не выплачивается в течение длительного време-

ни (2). Первый пласт реализует мотив эксплуатации экономических страхов только в смысле опасений за будущее рыночных реформ, которые зарплатные долги в значительной мере дискредитировали, в то время как второй представляет классическую картину построения в журналистском тексте «страха по аналогии»: исходным инфоповодом становится рассказ о задержках зарплаты на конкретном предприятии, после чего автор указывает на взаимосвязь между проблемами предприятия и отрасли, к которой оно относится в целом (чаще всего в нашей выборке это машиностроение и текстильная промышленность), после чего задаётся вопросом: а не пострадают ли от невыплаты зарплат сотрудники и других предприятий, также относящихся к данной отрасли? Таким образом авторы выстраивают тождество между проблемой на предприятии в одной отрасли с проблемами во всей отрасли в целом и дальнейшим усугублением проблем в указанном секторе экономики на других производствах. Сценарий данного экономического страха настолько типичен, что встречается в большинстве публикаций на данную тематику вплоть до конца 1998 г. После финансового кризиса 17 августа 1998 г. мотив страха в подобных публикациях идёт на спад, в целом согласуясь с трендом сокращения долгов по зарплате в российской экономике. Однако уже в 2000 г. страх невыплаты зарплат вновь занимает заметное место в информационном дискурсе периодических изданий. Рост упоминаемости темы невыплаты зарплат в СМИ будет продолжаться до достижения максимума в период банковского кризиса 2004 г. При этом журналисты будут активно использовать отсылку к опыту предыдущего десятилетия, предполагая, что ситуация с зарплатными долгами будет развиваться аналогично 1990-м гг. Другими словами, каждый новый кризис, проблемы на валютном рынке или законодательные инициативы с плохо просчитываемыми экономическими последствиями теперь вызывают у СМИ стойкую ассоциацию с 1990-ми гг., когда любые финансовые потрясения вызвали рост долгов по зарплате. В результате, ожидая худшего, периодические издания дают негативные про-

гнозы и оценивают перспективы своевременной оплаты труда гораздо хуже, чем они есть на самом деле. Даже в тех случаях, когда задолженность по зарплате сокращается, СМИ продолжают эксплуатировать соответствующий экономический страх (рис. 1).

Особенно явно это проявляется в период экономических кризисов, когда пик упоминаемости кризисной тематики в целом соответствует пику упоминаемости вопроса невыплаты зарплаты и прогнозов роста числа случаев просроченной задолженности перед работниками. Такие пиковые значения мы фиксируем в 2004, 2008, 2015 и 2020 г. Между пиками страх невыплаты зарплат в СМИ ослабляется, однако возобновляется вновь, как только экономические обстоятельства способствуют сложившейся в СМИ аргументации: если у предприятий сократились доходы, то они могут столкнуться с трудностями при выплате зарплаты работникам.

Всё вышеизложенное довольно явно укладывается в концепцию медиапрайминга: два отдельных факта (экономические про-

блемы и невыплата зарплат) связываются друг с другом с отсылкой к опыту 1990-х гг. и закрепляются в экономическом мышлении аудитории в качестве стереотипа. Роль данного стереотипа легко оценить, просто обратив внимание на тот факт, что задолженность по зарплате снижается, а внимание прессы к данной теме растёт. Даже при существенном сокращении зарплатных долгов в российской экономике, тема невыплаты зарплаты остаётся ключевой в эксплуатации экономических страхов посредством СМИ, укрепляясь в роли информационного призрака 1990-х гг., готового в любой момент продемонстрировать свою осязаемость.

Между тем, сравнивая упоминаемость страха невыплаты зарплаты в период либеральных реформ (1991–2004 гг.), в переходный период к государственному капитализму (2005–2014 гг.) и в период доминирования патерналистских экономических идей (с 2015 г.), мы видим, что частота упоминаемости страха невыплаты зарплат в первом случае соответствует объективным экономическим процессам,

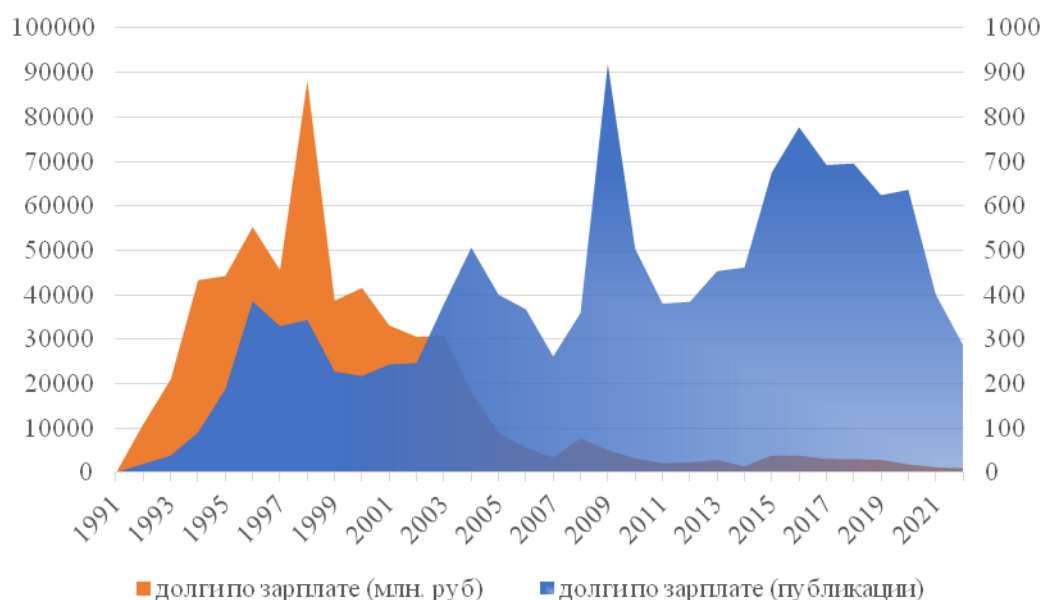

Рис. 1. Эксплуатация экономического страха невыплаты зарплаты. Число публикаций указано на правой шкале

Источник: Госкомстат, Росстат, расчёты автора по базе выборки

Fig. 1. Exploitation of the economic fear of non-payment of wages. The number of publications is indicated on the right scale

Source: Goskomstat, Rosstat, author's calculations based on sample

и журналисты просто фиксируют их в своих публикациях; во втором случае авторы экономических публикаций демонстрируют чрезмерную реакцию на экономические кризисы, связывая с ними реальную или возможную невыплату зарплаты; в третьем случае (с 2015 г.) страх невыплаты зарплаты оказывается связан с ожиданием масштабных экономических проблем и строится на негативных прогнозах и оценках, предлагаемых журналистами своим читателям.

Если тема задолженности по зарплате на протяжении долгих лет присутствует в информационном дискурсе согласно принципам медиапрайминга, то можем ли мы найти схожие процессы на других тематических пластах журналистских текстов? Да, если речь идёт ещё об одном эксплуатируемом СМИ экономическом страхе – страхе безработицы. Данные нашего исследования показывают, что безработица как экономический страх сложилась в постсоветских периодических изданиях в 1993 г., когда опыт первых пережитых экономических шоков стал связывать в сознании аудитории кризисы не только с гиперинфляцией, долгами по зарплате и разрушением привычного общественно-экономического пространства, но и с невозможностью трудоустройства или поиска нового рабочего места после потери предыдущего. Примечательно, что на этапе либеральных реформ, на протяжении 1990-х гг., информационный страх безработицы на уровне отдельных журналистских текстов вкладывался в ограниченный круг тематических сценариев, описывавших: закрытие предприятий, работники которых не могли найти новую работу (1), «депрессивные профессии», специалисты по которым не имели возможности трудоустроиться (2), и депрофессионализацию, когда работники из определённых сфер деятельности вынуждены были идти работать не по профессии, поскольку их основная работа больше не обеспечивала им приемлемый уровень оплаты труда (3). Все три вышеобозначенных варианта журналистских текстов в значительной мере обуславливались общей информационной кризисной повесткой и становились более статистически значимы в периоды ухуд-

шения экономической обстановки. Так, наибольшее число публикаций, эксплуатирующих страх безработицы, встречается в нашей выборке в первом из рассматриваемых периодов, а именно в 1993 г., непосредственно после денежной реформы, вызвавшей инфляционный всплеск, следующий пик придётся на 1996 г. и будет связан с электоральным циклом, послужившим поводом поставить проблему безработицы в более широком контексте (не только привычном экономическом, но и политическом).

Дальнейшие сценарии эксплуатации страха безработицы в периодических изданиях фактически повторяют пример с праймом «невыплата зарплаты», базирующемся на ассоциативной связи с проблемами 1990-х гг. Только в данном случае СМИ акцентируют внимание не на соотношении безработицы в 2000-е гг. с таковой десятилетием ранее, а указывают на скрытые механизмы её формирования, тем самым ставя под сомнение официальные оценки. В итоге складывается похожая ситуация: официально число безработных сокращается, а страх безработицы в периодических изданиях эксплуатируется всё чаще (рис. 2).

Если смотреть на эксплуатацию страха безработицы в рамках хронологических рамок исследования, то можно увидеть закономерности, схожие с эксплуатацией страха невыплаты зарплаты – в период либеральных реформ страх безработицы отражает реальное положение дел с занятостью. После 2005 г., и особенно после 2008 г., ожидаемая журналистами безработица всегда выше официально объявляемой. Внимание к данной теме дополнительно усиливают экономические кризисы, во время которых журналисты в своих размышлениях и прогнозах склонны преувеличивать масштабы проблемы. Этому можно дать два объяснения: по мнению многих СМИ, официальные источники дают недостоверную информацию о числе безработных (и потому СМИ, начиная с 1999 г., активно пишут о скрытой безработице) и, кроме того, экономическая реальность такова, что массовые увольнения по оценке значительного числа изданий могут начаться в любой момент. Таким образом, в информационном

дискурсе тема безработицы, с одной стороны, связана с неверием в публично доступную информацию о числе безработных, а с другой стороны, определяется негативными ожиданиями, которые периодические издания транслируют как экономический страх. Пиковые значения этого страха вновь совпадают с датировкой финансовых кризисов, когда ожидания сокращений на предприятиях с точки зрения медиа наиболее вероятны. Здесь информационный страх безработицы вновь входит в конфликт с открытой статистикой, которая нисколько не убеждает СМИ, что при уменьшении процента безработных в официальных отчётах их число реально сократилось.

В то время как страх невыплаты зарплаты и страх безработицы следуют принципу построения ассоциативных связей согласно логике медиапрайминга, третий пласт рассмотренных нами текстов, связанный со страхом инфляции, в значительной мере отличается от двух предыдущих. Прежде всего, он включает наибольшее число посвящённых ему журналистских материалов из всех тек-

стовых массивов выборки – 39158 материалов против 13547, посвящённых безработице, и 12515, посвящённых долгам по зарплате. Кроме того, публикации СМИ, в которых фигурирует страх роста цен, довольно точно синхронизируются с инфляционной динамикой на всех временных интервалах с 1991 по 2022 г. Таким образом, ещё до обращения к непосредственным результатам проведённого исследования можно предположить, что в данном случае информационные страхи как минимум имеют под собой более серьёзные основания, чем в двух ранее рассмотренных случаях. Здесь важно отметить, что если мы будем оценивать общий информационный тренд эксплуатации страха инфляции в периодике с отправной точкой в 1991 г., то дискретное распределение между официальным уровнем инфляции и представлением данной проблемы в СМИ будет тождественным ранее рассмотренным информационным страхам: инфляция последовательно снижается, страх роста цен в периодических изданиях нарастает (рис. 3).

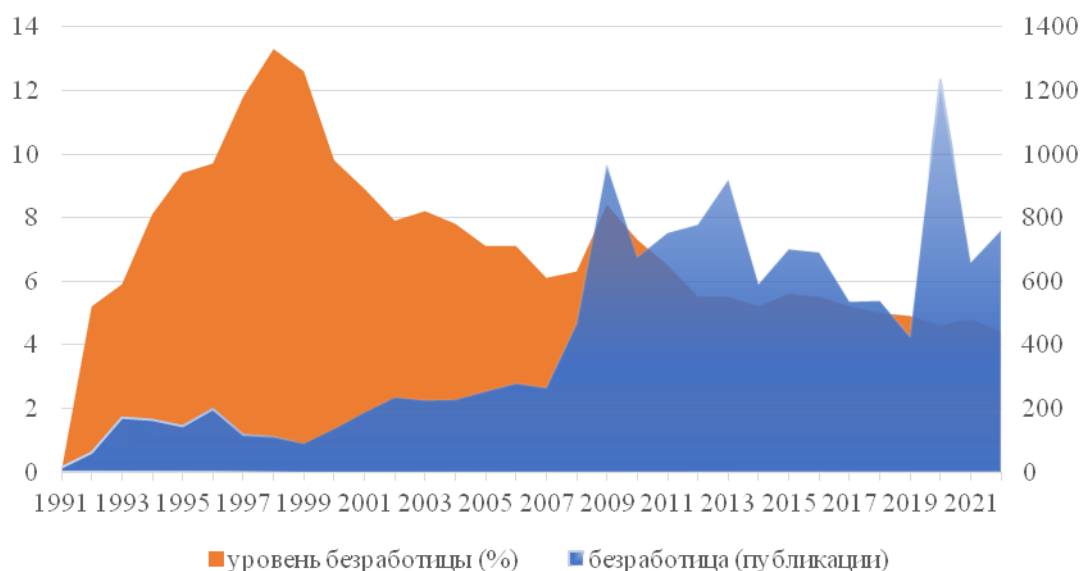

Рис. 2. Эксплуатация экономического страха безработицы. Число публикаций указано на правой шкале
 Источник: Госкомстат, Росстат, расчеты автора по базе выборки

Fig. 2. Exploitation of the economic fear of unemployment. The number of publications is indicated on the right scale

Source: Goskomstat, Rosstat, author's calculations based on sample

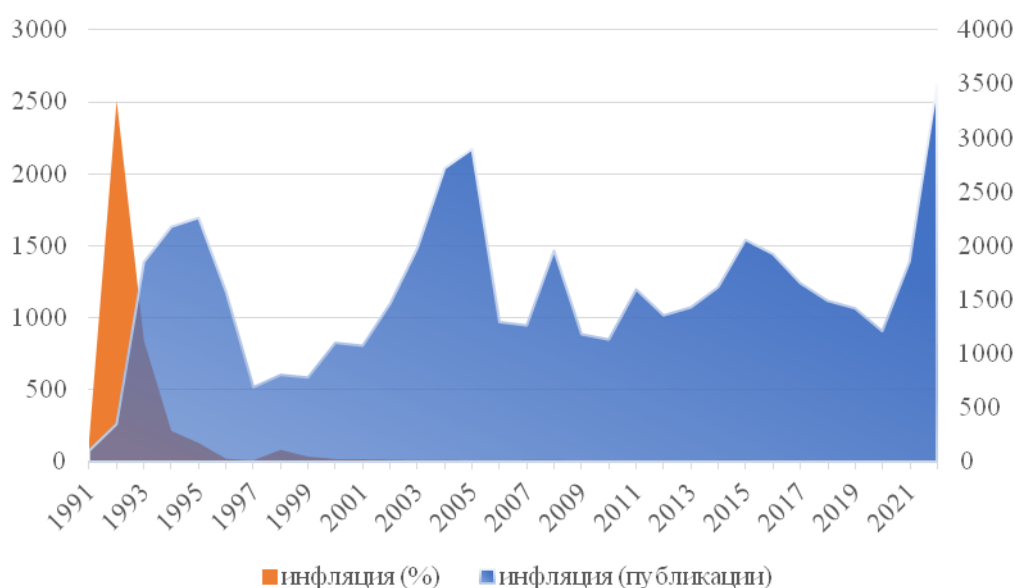

Рис. 3. Эксплуатация экономического страха роста цен. Число публикаций указано на правой шкале
 Источник: Госкомстат, Росстат, расчёты автора по базе выборки

Fig. 3. Exploitation of the economic fear of rising prices. The number of publications is indicated on the right scale

Source: Goskomstat, Rosstat, author's calculations based on sample

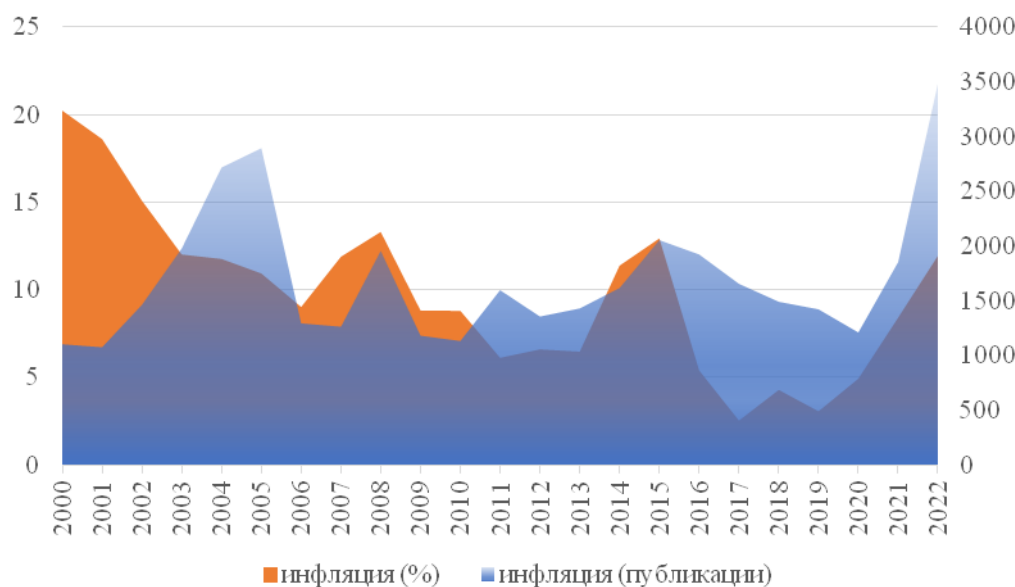

Рис. 4. Эксплуатация экономического страха роста цен (2000–2022 гг.). Число публикаций указано на правой шкале

Источник: Росстат, расчёты автора по базе выборки

Fig. 4. Exploitation of economic fear of rising prices (2000–2022). The number of publications is indicated on the right scale

Source: Goskomstat, Rosstat, author's calculations based on sample

Таблица 2

Упоминаемость в СМИ экономических страхов по трём периодам развития
постсоветской экономики, количество текстов

Table 2

Mention in the media of economic fears for three periods of development
of the post-Soviet economy, number of texts

Экономический страх	Либеральный период (1991–2004 гг.)	Переходный период (2005–2014 гг.)	Административный период (с 2015 гг.)
Невыплата зарплаты	3223	4497	4795
Безработица	2077	5932	5538
Инфляция	18928	15723	15097

Однако если мы возьмём за точку отсчёта 2000 г., чтобы избежать статистических диспропорций, связанных с гиперинфляцией 1990-х гг., то заметим, что мера реакции на рост цен и непосредственный рост цен в целом взаимно соотносимы. С одной стороны, это означает, что эксплуатируемый в СМИ страх роста цен является не столько страхом, сколько формой информационного прогноза, который связывает каждую конкретную ситуацию ценового всплеска с оценкой последующего развития инфляционного сценария (и выстраивания негативных оценок, отталкиваясь от этого сценария). Там, где оценки журналистов чрезмерно пессимистичны, мы видим непродолжительный «хвост» рассинхронизации инфляции и её упоминаемости в СМИ, в случае же, когда оба параметра совпадают, они следуют одному тренду (рис. 4).

Другими словами, журналисты освещают тему инфляции более объективно, в сравнении с проблемами долгов по зарплате и безработицей. Отчасти это может быть связано с более простой логикой описания поведенческих реакций, часто фигурирующих в текстах СМИ (например, в материалах, призывающих читателей приобрести товары долговременного пользования, пока они не подорожали), а отчасти с применимостью личного опыта авторов, которые, несомненно, в своей повседневной жизни регулярно оплачивают товары и услуги и непосредственно могут убедиться в росте цен, в то время как подобного рода суждения о невыплате зарплат и безработице чаще всего строятся на опыте третьих лиц или данных официально публикуемой статистики. Как и в преды-

дущих текстовых массивах, в данном корпусе текстов эксплуатация страха роста цен усиливается в периодических изданиях в периоды кризисов, только объясняется он уже не субъективными авторскими ощущениями и прайминговыми ассоциациями, а объективной картиной экономической действительности. В целом страх роста цен в рассмотренных нами материалах выборки укладывается в три основных сценария: сценарий материала-прогноза, в котором автор указывает на специфику инфляционного процесса и предлагает читателям принять верные экономические решения (купить валюту, приобрести товары длительного пользования, инвестировать свободные средства в недвижимость и т. д.), сценарий комментария к новостям, когда страх роста цен возникает на фоне инфоповодов, которые, по мнению автора, могут провоцировать инфляцию (изменение учётной ставки ЦБ, колебания валютного курса, изменение цен на сырьевые товары и пр.), а также сценарий ожидаемых последствий, когда автор не приводит достаточной аргументации в пользу грядущего роста цен, но при этом указывает на негативные сценарии, исходя из интуитивной оценки (начнётся кризис, который вызовет инфляцию, за чужие просрочки по кредитам заплатят все покупатели и т. д.). Третий сценарий, собственно, и является сценарием эксплуатации экономического страха. Именно такой тип текстов в экономических публикациях СМИ показывает наибольшую позитивную динамику с начала 2020 г., предвосхищая и в ряде случаев некорректно представляя инфляционные механизмы, которые периодические

издания описывают как неизбежный результат пандемии коронавируса (2020–2021 гг.), военных и политических конфликтов, а также санкционных процессов (с 2022 г.). Тренд упоминаемости соответствующих экономических страхов в СМИ также подтверждает высказанные ранее предположения (табл. 2).

ВЫВОДЫ

Обобщая результаты проведённого исследования, можно в целом отметить, что фигурирующие в информационном дискурсе экономические страхи не являются в полной мере выражением актуальных экономических процессов, базируясь либо на интуитивных авторских оценках, либо на перенесении предыдущего опыта в будущее как релевантного метода прогнозирования. В целом особенности эксплуатации рассмотренных экономических страхов в российских СМИ можно свести к следующим.

1. Для эксплуатации экономических страхов периодическими изданиями прошлый негативный опыт означает больше, чем текущие экономические показатели. СМИ склонны воспроизводить экономические страхи по аналогии, воспринимая происходящие в экономике процессы по тем же принципам, по которым внешне похожие события развивались ранее.

2. Эксплуатация экономических страхов в СМИ всегда связана с негативной оценкой, которая может быть прямой, увязывающей процесс и его очевидные для журналистов последствия (в кризис предприятия будут увольнять сотрудников), и опосредованной, когда периодика использует экономические страхи лишь как часть негативного прогноза (из-за санкций часть товаров исчезнет с российского рынка, а те, что будут ввозиться по другим каналам, станут дороже из-за транспортных расходов, что, в свою очередь, подтолкнёт и отечественных производителей поднять цены).

3. В ряде случаев периодические издания не разделяют экономические страхи как вероятностный сценарий и экономические страхи как реализуемый сценарий и рассматривают первые в качестве вторых. Это при-

водит к переоценке глубины затрагиваемых прессой проблем, которые могут в своей медийной реакции превосходить прямой экономический эффект.

4. Экономические страхи, представляемые в СМИ, оказываются тем более соотносимы с экономической картиной реальности, чем более персонифицированные проблемы они представляют. Согласно данному принципу, страх роста цен, с которым сталкиваются все потребители товаров и услуг, будет освещаться наиболее объективно, в сравнении со страхом невыплаты зарплаты и безработицы.

5. Эксплуатация экономических страхов в СМИ в значительной мере зависит от того, в какой из рассматриваемых периодов публикуются соответствующие журналистские материалы. Для периода либеральных реформ характерно присутствие экономических страхов в журналистских текстах сообразно глубине экономических проблем. Для переходного периода от либеральных реформ к государственному капитализму экономические страхи превышают масштаб рассматриваемых проблем и во многом являются эмоциональной реакцией журналистов на финансовые кризисы. Для административного периода с ориентацией на идеи патернализма и госрегулирования экономики экономические страхи базируются на негативных прогнозах и оценках журналистов, также освещающих финансовые проблемы как более значимые в сравнение с тем, как их подаёт официальная экономическая статистика.

Наиболее сложный с точки зрения экономических проблем либеральный период в среднем отличает наименьшее число публикаций, эксплуатирующих экономические страхи. В переходном и административном периоде, несмотря на в значительной степени преодоленные экономические проблемы, число текстов с представляющими их экономическими страхами растёт.

Важно сказать, что сам факт использования экономических страхов в периодических изданиях свидетельствует о понимании авторами важности финансовых процессов и указывает на вариативность попыток журналистов эти процессы осмыслить. На практике

это означает, что в части текстов очевидным образом мера реакции на экономические процессы будет превышать масштабы рассматриваемых проблем (переоценка, которую мы наблюдали в двух из трёх рассмотренных страхов), а в части будет в значительной степени соответствовать объективной экономической картине (в особенности там, где доступен аргументированный прогноз). Такое разграничение может служить не только инструментом оценки объективности СМИ в целом, но и частным критерием определения ангажированности того или иного информационного источника.

Открытым остаётся вопрос о том, с какой целью СМИ эксплуатируют экономические страхи? С одной стороны, обращение к

страху безработицы, невыплаты зарплаты или роста цен может быть способом привлечения внимания к социально значимым проблемам посредством пусть даже чрезмерной информационной фиксации на данных вопросах. С другой стороны, эксплуатация экономических страхов может выступать инструментом манипуляции аудиторией периодических изданий через стимулирование тревоги и беспокойства. Кроме того, использование экономических страхов в СМИ может служить и частью типовой объяснительной модели, используемой журналистами в качестве апелляции к эмоциям, с помощью которых возможно описание экономических проблем доступным языком без построения сложных логических взаимосвязей и конструкций.

Список источников

1. Смахтин Е.С. Вербализация эмоций страх и тревога в современной англоязычной финансово-экономической публицистике // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 184-195. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_18, <https://elibrary.ru/gyajkh>
2. Пожарская Е.Л., Завьялова А.А., Овсянникова А.В. Экономические страхи и мотивация персонала в период экономической неопределенности // Горизонты экономики. 2020. № 4 (57). С. 21-25. <https://elibrary.ru/zkxfxx>
3. Баринев Д.Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса // Бюллетень науки и практики. 2018. № 4 (12). С. 541-552. <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>, <https://elibrary.ru/yrippn>
4. Седова Н.Н. Массовые тревоги и личные страхи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 135-155. <https://elibrary.ru/ncgqxt>
5. Останин В.А., Плесовских Ю.Г., Рожков Ю.В. Триада «страх – опасность – риск» и экономическая безопасность предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2 (25). С. 181-185. <https://elibrary.ru/pdzxzd>
6. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p. <https://doi.org/10.1007/s00362-013-0533-y>
7. Hoewe J. Toward a theory of media priming // Annals of the International Communication Association. 2020. Vol. 44. № 4. P. 312-321. <https://doi.org/10.1080/23808985.2020.1815232>
8. Ewoldsen D., Hoewe J., Grady S. A Cognitive processing framework for media interpretation // Journal of Media Psychology. 2022. Vol. 34. № 2. P. 65-76. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000326>
9. Entman R. Framing bias: media in the distribution of power // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. № 1. P. 163-173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
10. Ninan J., Mahalingam A., Clegg S. Power in news media: framing strategies and effects in infrastructure projects // International Journal of Project Management. 2022. Vol. 40. № 1. P. 28-39. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.09.003>
11. Nimark K., Pitschner S. News media and delegated information choice // Journal of Economic Theory. 2019. Vol. 181. P. 160-196. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2019.02.001>
12. Druckman J. Using credible advice to overcome framing effects // The Journal of Law, Economics, and Organization. 2001. Vol. 17. № 1. P. 62-82. <https://doi.org/10.1093/jleo/17.1.62>

References

1. Smakhtin E.S. Verbalizations of the emotions “fear” and “anxiety” in the modern English-language financial-economic journalism. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2021, no. 3 (87), pp. 184-195. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_18, <https://elibrary.ru/gyajkh>
2. Pozharskaya E.L., Zav'yalova A.A., Ovsyannikova A.V. Economic fears and motivation of staff in a period of economic uncertainty. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of Economics*, 2020, no. 4 (57), pp. 21-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zkjjfx>
3. Barinov D.N. Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, no. 4 (12), pp. 541-552. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>, <https://elibrary.ru/yrippn>
4. Sedova N.N. Massovye trevogi i lichnye strakhi [Mass anxieties and personal fears]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2010, no. 1 (95), pp. 135-155. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ncgqxt>
5. Ostanin V.A., Plesovskikh Yu.G., Rozhkov Yu.V. Triad “fear – danger – risk” and economic safety enterprise. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*, 2012, no. 2 (25), pp. 181-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pdxxzd>
6. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 2011, 499 p. <https://doi.org/10.1007/s00362-013-0533-y>
7. Hoewe J. Toward a theory of media priming. *Annals of the International Communication Association*, 2020, vol. 44, no. 4, pp. 312-321. <https://doi.org/10.1080/23808985.2020.1815232>
8. Ewoldsen D., Hoewe J., Grady S. A cognitive processing framework for media interpretation. *Journal of Media Psychology*, 2022, vol. 34, no. 2, pp. 65-76. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000326>
9. Entman R. Framing bias: media in the distribution of power. *Journal of Communication*, 2007, vol. 57, no. 1, pp. 163-173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
10. Ninan J., Mahalingam A., Clegg S. Power in news media: framing strategies and effects in infrastructure projects. *International Journal of Project Management*, 2022, vol. 40, no. 1, pp. 28-39. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2021.09.003>
11. Nimark K., Pitschner S. News media and delegated information choice. *Journal of Economic Theory*, 2019, vol. 181, pp. 160-196. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2019.02.001>
12. Druckman J. Using credible advice to overcome framing effects. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 2001, vol. 17, no. 1, pp. 62-82. <https://doi.org/10.1093/jleo/17.1.62>

Информация об авторе

Коноплев Дмитрий Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиапроизводства факультета журналистики, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1350-4163>, dmitriykonoplev@ya.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ текстов СМИ, обобщение результатов исследования, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 24.01.2023

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Dmitry E. Konoplev, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Media Production Department of Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1350-4163>, dmitriykonoplev@ya.ru

Contribution: main study conception, media text analysis, research results generalization, manuscript text drafting and design.

Received January 24, 2023

Revised March 10, 2023

Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 316:77

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-391-404>

Шифр научной специальности 5.9.9

Репрезентация детского церебрального паралича в русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube

Никита Антонович АРГЫЛОВ¹ , Александра Андреевна ПОЛЯКОВА²

¹ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский филиал

190121, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

² ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109028, Российская Федерация, г. Москва, Покровский бульвар, 11

 nik-argylov@yandex.ru

Аннотация. В связи с недостаточной изученностью темы репрезентации детского церебрального паралича в медиапространстве проведён контент-анализ выборки видео, репрезентирующей ДЦП за последние пять лет. Исследование базируется на материалах текстов видео, отобранных с видеохостинга русскоязычного YouTube. Основное внимание уделено тематике, её роли в построении концепции отобранных сюжетов, социальной и психологической проблематике данного заболевания, а также образу людей с ДЦП, который транслируется на медиаресурсе. Отмечено преобладание студийной съёмки выпусков, что позволяет говорить о недостаточности демонстрирования бытовой стороны жизни людей с ДЦП. Помимо этого в видео наблюдается лишь перечисление социальных и психологических проблем, в то время как способы их решения не называются. Подчёркнута ориентация на истории успеха участников с высоким уровнем социализации. Менее социализированные респонденты встречаются в выборке реже, а герои с интеллектуальными нарушениями, в отдельных случаях сопутствующими ДЦП, не демонстрируются вовсе.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, YouTube, репрезентация, русскоязычный сегмент

Для цитирования: Аргылов Н.А., Полякова А.А. Репрезентация детского церебрального паралича в русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 391-404. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-391-404>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Representation of cerebral palsy in the Russian-language segment of YouTube video hosting

Nikita A. ARGYLOV¹ , Aleksandra A. POLYAKOVA²

¹ National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg Branch
16 Union of Printers St., St. Petersburg, 190008, Russian Federation

² Moscow National Research University Higher School of Economics

11 Pokrovsky Blvd., Moscow, 109028, Russian Federation

 nik-argylov@yandex.ru

Abstract. Due to insufficient knowledge of the topic of cerebral palsy representation in the media space, a content analysis of a video sample representing cerebral palsy over the past five years was carried out. The study is based on the materials of the video texts selected from the video hosting of the Russian-language YouTube. The main attention is paid to the topic, its role in building the concept of selected stories, the social and psychological problems of this disease, as well as the image of people with cerebral palsy, which is broadcast on the media resource. The predominance of studio shooting of episodes was noted, which allows us to speak about the lack of demonstrating the everyday side of the life of people with cerebral palsy. In addition, the video only lists social and psychological problems, while the ways to solve them are not named. Emphasis is placed on the success stories of participants with a high level of socialization. Less socialized respondents are less common in the sample, and heroes with intellectual disabilities, in some cases concomitant with cerebral palsy, are not shown at all.

Keywords: cerebral palsy, YouTube, representation, Russian-language segment

For citation: Argylov, N.A., & Polyakova, A.A. Representation of cerebral palsy in the Russian-language segment of YouTube video hosting. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):391-404. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-391-404>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, выбор диагноза продиктован тем, что по данным мировой статистики детский церебральный паралич занимает лидирующую позицию среди детских хронических заболеваний, приводящих к инвалидности. В 2020 г. зарегистрировано 745,3 тыс. заболеваний нервной системы, из которых 5,6 тыс. ДЦП¹.

Во-вторых, обосновывая выбор YouTube, следует подчеркнуть, что он считается наиболее популярным источником информации, что

подтверждает его востребованность как СМК, ставшего частью массовой культуры. Сегодня видеохостинг не только выполняет накопительную функцию, но и формирует толерантное отношение к окружающим [1, с. 222].

В-третьих, обзор русскоязычной литературы о ДЦП и медиасистеме за последние 5 лет (2018–2022 гг.) показал, что ряд исследователей говорит о различных феноменах, связанных с YouTube, таких как блогинг, контент-анализ и коммуникативная культура и т. д. [2–7]. Другая группа авторов нацелена на демонстрацию доступности городской среды и отношения общества к инвалидам в целом и людям с ДЦП в частности [8–10]. Третья группа представляет собой описание особенностей социализации людей с ДЦП и отношений в их семье [11; 12]. На-

¹ Здравоохранение в России. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 171 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooohran-2021.pdf>

учных трудов, посвящённых репрезентации ДЦП в аудиовизуальных СМИ, обнаружено не было. Все эти аргументы позволяют предположить, что исследование репрезентации ДЦП в русскоязычном сегменте YouTube представляет большой интерес.

Целью данного исследования является проведение междисциплинарного анализа видеоконтента, репрезентирующего ДЦП в русскоязычном сегменте YouTube. Для её достижения необходимо описать общую концепцию видеоканалов, содержащих интервью людей с ДЦП; классифицировать респондентов по полу, типу восприятия своего заболевания, наличию занятости и стилю воспитания, применяемому к ним родителями, составить список тем, обсуждаемых в видео, и описать связь выявленных тем друг с другом, а также обратить внимание на то, какого контента о данном диагнозе не хватает в русскоязычном сегменте YouTube.

МЕТОДЫ

Методология исследования включает в себя как количественные (контент-анализ, в который входит информационный поиск посредством анализа ключевых слов, тематический и контекстуальный анализ), так и качественные (лингвистический анализ²) методы. В качестве вспомогательных выделяются ассоциативный анализ текста, заключавшийся в построении ассоциативных цепей с помощью сервиса Word Associations Network³, и транскрибирование видео (распознавание речи респондентов, выполненное вручную в связи с сильным дефектом речи некоторых участников, затрудняющим автоматическое преобразование видео в текст).

Перед началом исследования необходимо было найти сюжеты, удовлетворяющие следующим критериям: длительность видео больше трёх минут, на канале не менее 80 подписчиков и 25 видео на момент подготов-

ки подборки, дата выхода видео – за последние 5 лет (2018–2022 гг.), контент канала постоянно обновляется и в той или иной степени затрагивает социальные проблемы общества. Важной оговоркой являлось и то, что каждый канал разрешалось использовать только один раз. Отбор видео осуществлялся на сервисе YouTube Search с помощью инструмента Filters (по ключевым словам, связанным с ДЦП или рекомендациями самого видеохостинга). Эмпирическим материалом стала выборка видео как популярных (TEDx Talks, WeiT Media, Alif TV, «МАРА»), так и менее известных (Aaron_Robson, Sputnik Life, «ЖИТЬ», «Знак Равенства») в России и СНГ каналов, с которой можно ознакомиться, перейдя в открытую папку «Рабочие таблицы»⁴ и открыв файл «Список YouTube каналов.xlsx».

Говоря о принципах классификации респондентов, стоит отметить, что все из них были поделены на положительные и отрицательные с учётом их видения своего заболевания. В основу типологии легли научные работы, посвящённые анализу факторов, влияющих на социализацию человека с инвалидностью [13–17] и описанию поведения оптимистов и пессимистов [18; 19 и др.]. Во внимание принимались не только общие личностные особенности оптимистов (вера в успех, высокий уровень адаптивности к новой ситуации, общительность и пр.) и пессимистов (пассивность, чрезмерный скептицизм, деструктивность и пр.), но и черты, характерные для людей с ДЦП, основополагающими среди которых стали: способность принимать самостоятельные решения и предугадывать их последствия, реализация планов, а не только их озвучивание, принятие себя, склонность винить в своих проблемах состояние здоровья, окружающих или другие факторы.

Другое не менее важное разделение участников осуществлялось с опорой на стиль воспитания, с которым они столкнулись в

² Осуществлялся с помощью ресурса «Словари и энциклопедии на Академике». URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Все наработки авторов по данному исследованию хранятся в облачном сервисе – папке «Медиаисследования 2022. Репрезентация ДЦП в русскоязычном сегменте YouTube». URL: https://disk.yandex.ru/d/0hLLwAI_WIzCrA (дата обращения: 15.01.2023).

детстве, чтобы проследить, как атмосфера в семье респондентов повлияла на их дальнейшую социализацию, уровень приспособленности к ограничениям, появившимся в ходе болезни, и зрелость личности (поведение соответствует биологическому возрасту или превалирует инфантилизм). Акцент ставился на четырёх стилях воспитания, которые наиболее часто описывались в интервью: гиперпекающий/контролирующий/авторитарный [20–22], безразличный/равнодушный/безэмоциональный/отстранённый [23–25], поддерживающий/авторитетный/демократический [26–28] и нейтральный [29–31]. Интересный факт состоит в том, что нейтральный и поддерживающий стили воспитания в психологии почти идентичны, однако для данного исследования оговоримся, что нейтральный стиль воспитания подразумевает убеждение родителей в том, что их ребёнок полноценен, несмотря на диагноз, поэтому они относятся к нему так же, как к детям без инвалидности. Дополнительный акцент ставился на степени внимания родителей к ребёнку с ДЦП и желании совершать за него повседневные действия (со слов респондентов). Для удобства анализа стили воспитания были поделены на три типа: положительный, нейтральный и отрицательный.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ контента отобранных каналов показал, что на 20 (80 %) из них представлены один или несколько выпусков о ДЦП, являющихся результатом студийной съёмки. Оставшиеся 5 (20 %) обозначены как любительские влоги, полностью посвящённые жизни с ДЦП, что даёт основание предполагать, что в русскоязычном сегменте YouTube обнаруживается недостаток видео о том, как люди с данным диагнозом организуют свой быт и с какими трудностями, неизвестными сравнительно здоровому окружению, они сталкиваются. Скорее всего, это не позволяет пользователю получить полное представление о рассматриваемом заболевании.

На основании изучения транскрипции всех видео выборки (см. файл с соответствующим названием) удалось установить, что

в каждом выпуске раскрывается от 5 до 9 тем (см. табл. «Ключевые слова и тематический анализ кратко.xlsx» и «Ключевые слова и тематический анализ полностью.xlsx»), среди которых «Самостоятельность»⁵, «Детство»⁶, «Страхи»⁷, «Отношение общества»⁸, «Отношение к себе», «Особенности жизни», «Доступность среды»⁹, «Отношение родителей раньше» и «Отношение родителей сейчас». Самыми важными оказались «Самостоятельность» и «Особенности жизни», так как они встречаются во всех 25 видео. Такой результат можно назвать ожидаемым, поскольку ДЦП оказывает влияние на двигательную сторону жизни человека, из-за чего степень самостоятельности варьируется от полной зависимости от окружающих и высокой потребности в дополнительном уходе до полной автономии не только в самообслуживании, но и в вопросах заботы о детях. Тема особенностей жизни также играет большую роль в формировании всестороннего представления о людях с ДЦП, так как она раскрывает необходимость постоянной адаптации к физическим ограничениям.

Распределение полов респондентов в видео проиллюстрировало тот факт, что героями выпусков чаще становятся лица мужского пола, что соответствует статистике². Стиль воспитания (см. табл. «Воспитание людей с ДЦП полностью.xlsx» и «Воспитание людей с ДЦП кратко.xlsx») упоминают 19 респондентов мужского пола из 21. Никто из них не

⁵ Подразумевает физическую (способность вести независимый от других образ жизни), психологическую (способность принимать решения и отвечать за последствия совершаемых действий) и финансовую (способность трудоустроиться и в одиночку следить за собственными доходами и расходами) самостоятельность. Эти виды самостоятельности могут описываться в видео как комплексно, так и по отдельности.

⁶ Сюда же относятся воспоминания матерей о беременности, родах, первых днях жизни ребёнка и постановке ему диагноза ДЦП.

⁷ Включает в себя различные страхи людей с ДЦП и их родителей, а также способы их преодоления.

⁸ В некоторых случаях приравнивается к отношению к человеку с ДЦП в семье, но чаще фокусируется на реакциях незнакомцев.

⁹ Под «средой» может пониматься возможность комфортного и безопасного передвижения по городу, наличие учебных и внеучебных инклюзивных заведений, транспорт или условия жизни.

сталкивался с равнодушием со стороны родителей, 4 (21 %) столкнулись с гиперопекой, 5 (26 %) воспитывались в нейтральной обстановке, в которой к ним относились как к обычным детям, а 10 (53 %) указывают, что родители уделяли им много внимания и поддерживали во всех начинаниях. 4 респондента с ДЦП женского пола не упоминали стиль воспитания, в то время как 10 участниц из 15 указали, что сталкивались с тремя стилями воспитания: равнодушный (9 %), гиперопекающий (19 %) и поддерживающий (73 %), а одна героиня (9 %) имела дело с гиперопекой, совмещённой с равнодушием.

Если считать нейтральный и поддерживающий стили воспитания положительными, учитывая, что ребёнок имеет определённую степень свободы действий, которая в будущем способствует большей самостоятельности в принятии решений и, как следствие, меньшей инфантильности, а равнодушный и гиперопекающий – отрицательными, так как в этих стилях прослеживается либо недостаточная заинтересованность в жизни ребёнка, либо отказ от восприятия его как независимой личности, что пагубно влияет на психологическое здоровье ребёнка, мы получим следующие результаты: 15 (79 %) респондентов мужского пола и 8 (73 %) женского столкнулись с положительным стилем воспитания, в то время как 4 (21 %) мужчин и 3 (27 %) женщины воспитывались в отрицательном стиле. Из этих цифр видно, что женщины на 6 % чаще мужчин сталкиваются с отрицательными стилями воспитания. В целом женский пол оказывается более приспособленным к жизни, о чём свидетельствуют данные, приведённые в таблице «Занятость.xlsx».

Каждая из участниц на момент дачи интервью имеет оптимистический тип личности и не воспринимает ДЦП как мешающий фактор, тогда как участники мужского пола, воспитанные в более положительной обстановке, оказались менее способными преодолевать жизненные трудности. Трое из них не имеют никакой занятости на момент дачи интервью, а двое из этих троих воспитывались в гиперопекающем стиле и описали ДЦП как главную причину своей неспешно-

сти. Из таблиц, посвящённых стилям воспитания, очевидно, что, по мнению респондентов с ДЦП обоих полов, гиперопекающий стиль воспитания считается самым неэффективным, так как мы не находим ни одного положительного отзыва о нём.

Более того, анализ тех же таблиц позволяет предположить, что гиперопекающий стиль воспитания способствует «застреваннию» взрослых людей в детском возрасте, что вне зависимости от пола приводит их к пессимистическому видению себя и своей болезни, которое, однако, может быть преодолено. Пессимистическое видение является следствием выученной беспомощности [32, с. 93], которую героини, как правило, преодолевают в одиночку. Человек, растущий в поддерживающем или нейтральном стиле воспитания (вне зависимости от пола), имеет больше шансов отказаться от восприятия ДЦП как тормозящего фактора, даже если раньше видение заболевания было пессимистическим, или иметь оптимистическое восприятие изначально. В отличие от преодоления пессимистического видения после гиперопеки, в данном случае переход от пессимистического видения к оптимистическому происходит благодаря поддержке близких.

Анализируя занятость респондентов, легко подтвердить тот факт, что у всех из них сохранён интеллект. Это видно из их умения давать более или менее адекватные, но не всегда развёрнутые ответы на вопросы. Более того, 25 % участников на момент дачи интервью обучались: 11 % – ученики средней школы, 3 % – младшей школы, 3 % – старшей школы, 3 % успешно окончили школу и 5 % – студенты высшего учебного заведения. 61 % с учётом 3 безработных и 2 не назвавших занятость (в общей сложности 14 %) имеют работу, причем 50 % занимают должности, связанные с интеллектуальным трудом: предприниматель, преподаватель, переводчик и т. д., 45 % задействованы в творческой деятельности, такой как видеоблогинг, писательское и актёрское мастерство, модельный бизнес и т. д., лишь 5 % имели дело с физическими нагрузками, работая фитнес-тренерами.

ОБСУЖДЕНИЕ

Остановимся подробнее на том, какие респонденты имеют оптимистическое видение себя и своего заболевания, а какие – пессимистическое. Положительно настроенными считаются участники, стремящиеся к развитию, имеющие высокие коммуникативные навыки: «(Нужно) знакомиться, пробовать новое, пользоваться возможностями, пробуй, смотри, меньше думай больше действуй, не зависай в обдумывании, делай выводы, будь активной»¹⁰, способные достигать поставленных целей, несмотря на ДЦП: «Али получил образование и стал человеком, который трудится и кому-то помогает»¹¹ и преодолевать страхи «...никто не знал, как на меня повлияет эта беременность, я могла вообще слечь... нужно отважиться»¹².

Негативно настроенные люди менее социализированы и более зависимы от других, в речи используют конструкции с негативными установками. Например, «Ничего не изменится», «Выхода нет», «Не справлюсь». Они также отдают предпочтение обдумыванию, но никогда не переходят к действию: «Много думаю, мало делаю». Любят перекладывать ответственность: «ДЦП мешает», многократно задавать риторические вопросы: «И это поможет?» Охотно признаются в пассивной и детской позиции: «Да, я – большой ребёнок, в этом проблема», – и жалуются на неумение принимать решения: «Решения самостоятельно принимать не научился»¹³.

¹⁰ Девушка с ДЦП о борьбе со стереотипами и любимом спорте – бое с оружием // Вдох Вдох. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5TOzfsi4B-0> (дата обращения: 20.12.2022).

¹¹ Страдающий ДЦП чеченец сам стал врачом. Лица уммы // Alif TV. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fEtnpOn8JXw&list=PLImKY9ShmONBUTfiuWOmHnCfPVv1hFH1D&index=9> (дата обращения: 20.12.2022).

¹² Наша история. Как мы познакомились. Здоровье не преграда для любви // Сашка. Жизнь на полусогнутых. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MXQWJBGjPUw&t=27s> (дата обращения: 20.12.2023).

¹³ Лысенко И. Стеснительность. Избегание. Тяжесть жизни с ДЦП. Неуверенность в себе // Психолог Иван Лысенко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I1K9KWsRbVA> (дата обращения: 20.12.2022).

Что касается вариативности самостоятельности, встречаются полностью самостоятельные люди: «У Наси двое детей: Ульяна (9 лет) и Толя (2 года), со всеми домашними делами и материнскими заботами (она) справляется без посторонней помощи»¹⁴, частично: «...не могу что-то делать стоя, потому что держусь»¹⁵ и абсолютно несамостоятельные: «Жить сложно, так как за тобой нужен уход круглосуточно, буквально во всём»¹⁶. «Особенности жизни» раскрывают адаптивность и изобретательность людей с ДЦП: «Я не умею пользоваться молниями и пуговицами, когда раздеваюсь, одежда выворачивается, если мы от этого откажемся, будет удобно всем»¹⁷, «Варю макароны в дуриллаге, пока я не придумал это, не мог варить себе макароны, так как боялся сливать кипяток»¹⁸ и иллюстрируют особые потребности: «Такси – это для меня не роскошь, а необходимость»¹⁹.

Тема детства не менее значима, так как она помогает зрителю понять, как прошлое повлияло на взрослую жизнь людей с ДЦП. Например, респонденты, описавшие негативные последствия гиперопеки, неоднократно обращались к родителям детей с инвалидностью, чтобы предупредить их о деструктивном влиянии такого подхода: «Гиперопека – это и неумение принимать решение, подтормаживаешь, боишься очень сильно»¹³, «(Теперь мне нужно учиться) быстрее решения принимать»¹⁴. Упоминались

¹⁴ Аброскина А. Знак Равенства. Анастасия Аброскина // Знак Равенства. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OMGaPhciw6s> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁵ Люди с ДЦП. Неудобные вопросы // MAPA. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dd29pyvctvc> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁶ Легко ли жить человеку с ДЦП? // Sunny Boy. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8EoneJofPwE> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁷ Аброскина А. Мать двоих детей. Модель. ДЦП. Это возможно? // ЖИТЬ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=izjb6tuCrV8&t=10s> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁸ Бакидов И. Как люди с инвалидностью приближают киберпанк // TEDx Talks. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IIT4pwMGJCo> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁹ Интервью с инвалидом: ДЦП, детство, суицидальные мысли, секс // Aaron Robson. URL: https://www.youtube.com/watch?v=L42P4nv_5uE (дата обращения: 22.12.2022).

и семьи, стремящиеся привить ребёнку максимальную самостоятельность путём тотального игнорирования его потребностей, что привело к охлаждению отношений в будущем: «Мои родители живут в маленьком провинциальном городке, а я в большом городе, мы встречаемся с ними на данный момент по видеосвязи, причём подача на общение идёт с моей стороны, но они сами никогда не звонят»¹³. Самым лучшим герои считают поддерживающий стиль воспитания, так как, по их словам, они смогли добиться успеха, потому что своевременно почувствовали, что близкие верят в их способность справляться с возникающими трудностями самостоятельно, но не отказываются помочь в случае необходимости. Это ощущение придавало участникам сил: «...ты готова быть, как все, отпустили вовремя во взрослую жизнь, и я им за это очень благодарна»²⁰. Нейтральный стиль воспитания позволяет ребёнку с ДЦП чувствовать себя таким, как все, и не выделяться, потому что родители не фокусируют внимание на его инвалидности: «...в семье ко мне относятся на равных»¹⁶.

Следующим аспектом исследования была проблематика видео. Она включает в себя два больших блока: социальные и психологические проблемы. Социальные проблемы затрагивают семейные отношения: неполные семьи (уход отца из семьи): «...папа ушёл, когда мне было 7 лет»²¹, давление на родителей и отсутствие психологической помощи для них: «Врачи поступили с ней некорректно, сказав, что ребёнка нужно срочно сдавать... Комплексная реабилитация должна включать в себя психологическую и медицинскую помощь как для ребёнка, так и для членов его семьи»²¹, жестокое обращение с детьми: «Били достаточно сильно, причём оба родителя»⁴⁸. Ещё один пласт социальных проблем обращает внимание на различные формы стигматизации ДЦП: «...ты особенный, ты другой, на тебя постоянно об-

рацают внимание, если и не тыкают пальцем, ты всё равно бросаешься в глаза»²². Другая подгруппа связана с низкой осведомлённостью общественности о заболевании: «...про ДЦП не слышала вообще»²³, некачественной реабилитацией: «Лежал каждое лето в санатории, но там нет реабилитации, только ванны и грязи, процедуры и массаж»²⁴ и недостаточной поддержкой государства «Он получает только пенсию по второй рабочей группе и больше никаких льгот»²⁵.

Разнообразие социальных проблем оказывает негативное влияние на желание и возможность респондентов интегрироваться в социум. Причиной этому служат не только физические ограничения, но и различные психологические проблемы (см. файл «Психологические проблемы людей с ДЦП.docx»), среди которых дереализация, деперсонализация [33], шизоидное расстройство личности [34], которое характеризуется навязчивыми идеями о негативном результате, предпринятого действия, инфантилизм [35], невроз [36, с. 187] и др. Все эти симптомы одновременно присутствуют у одного из участников как следствие гиперопеки, в которой он находится по сей день: «Гиперопека творит не очень хорошие чудеса»¹⁴. Кроме того, в выпусках упоминаются различные комплексы: жертвы²⁶, неполноценности [37], недолюбленности [38]: «Каждая девочка, которую недолюбили в детстве, очень хочет любви, есть иллюзия большой любви и жела-

²² Пять распространённых заблуждений о ДЦП // Physrehab Media. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jZAuOjkvpal&t=8s> (дата обращения: 23.12.2022).

²³ Как вырастить ребёнка с ДЦП и научить его любить жизнь. История семьи Скрибченко // Телеканал «Краснодар» LIVE. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eiLTtbEyrGQ> (дата обращения: 23.12.2022).

²⁴ Забияка Е. Что бесит человека с ДЦП // LUKI. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IRC8iLRKgxQ&t=14s> (дата обращения: 23.12.2022).

²⁵ Как живут люди с диагнозом ДЦП? Не будьте равнодушными... // Журнал бригадира. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jrt4y0DHLrM> (дата обращения: 23.12.2022).

²⁶ Комплекс жертвы, вопрос ответ. Почему вы бедны, больны и глупы? Я жертва? Как изменить жизнь // Maya Maiskaya. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I2yC2-ukPY8> (дата обращения: 23.12.2022).

²⁰ Люди с ДЦП отвечают на вопросы. Про это. Секреты // Секреты. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dyf_KtZPa6I (дата обращения: 23.12.2022).

²¹ ДЦП не приговор. «Давайте говорить» // Khabar TANYM. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Yj1oT-PsGLw> (дата обращения: 23.12.2022).

ние компенсировать недостаток любви в детстве любовью мужчины»¹⁸.

Нельзя недооценивать и роль занятости в жизни людей с ДЦП. Многие из них жалуются, что социальные выплаты по инвалидности недостаточны для комфортной жизни: «(Пенсия) в районе 17 тысяч, но этого не хватает на нужные вещи», «...среднее пособие по инвалидности в Казахстане составляет 70 тысяч тенге, то есть 11 500 тыс. рублей»²¹, поэтому приходится искать подработку для обеспечения финансовой стабильности. Несмотря на это, перспектива получения дополнительного дохода не является единственной мотивацией к трудовой деятельности. Среди прочих причин респонденты выделяют возможность самореализоваться: например, поделиться своей историей (быть услышанными) и «рассказать, что есть современный мечевой бой»¹⁰, проработать имеющиеся психологические травмы: «модельный опыт для меня являлся своеобразной психотерапией, если есть комплексы по внешности, стоит пойти к профессиональному фотографу»¹⁷, реализовать потребность быть нужным окружающим: «...через такое творчество помогать людям»²⁷. Предпочтение интеллектуальных и творческих профессий объясняется не только физическими ограничениями и малоподвижным образом жизни, но и разносторонностью участников: «...у Насти медицинское и художественное образование, она не только модель и мама, но и восьмикратная чемпионка Москвы по паралимпийской выездке»¹⁴ и постоянным стремлением изучать новое: «Школу окончила хорошо и поступила в Московский инженерно-физический институт на специальность «финансово-экономическая безопас-

ность»... На исследованиях не было динамики... Хотела на контент, но работаю сейчас на пиаре»¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведя исследование репрезентации ДЦП в русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, в выбранном СМК преобладают мотивирующие сюжеты о ДЦП, что препятствует получению достаточной информации о менее социализированных людях с данным диагнозом и минимизирует шансы пользователя ознакомиться с историями тех, кто имеет сопутствующие диагнозу интеллектуальные нарушения. Во-вторых, очевидно, что социально-психологические проблемы заболевания демонстрируются аудитории как факт с целью ознакомления, однако предложения по их решению не выдвигаются. В-третьих, фрагментарность репрезентации выражается в том, что видеоконтент не направлен на повышение партиципации таких людей, обозначенной как необходимое условие полноценной жизни в международных документах [Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов²⁸, WHO²⁹, ICD³⁰, 39].

²⁸ Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия. Дополнение № 49 (A/48/49). С. 292-306. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml (дата обращения: 23.12.2022)

²⁹ World Health Organization, The Fifty-fourth World Health Assembly, 2001. International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF). URL: http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/WHA54/ea54r21.pdf?ua=1 (accessed: 22.12.2022).

³⁰ World Health Organization, International Code Diseases. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/246208/9789241549165-V2-eng.pdf?sequence=2&isAllowed=y&ua=1> (accessed: 22.12.2022).

²⁷ Журналист. 118 выпуск LIFE // Sputnik Life. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XJX7LJ4hZuw&t=31s> (дата обращения: 23.12.2022).

Список источников

1. Чернявская Е.А. Становление российского YouTube и его место в системе ценностей молодёжи // Мир науки и искусства: сб. ст. по материалам Регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, учащихся и молодых учёных. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2022. С. 221-228. <https://elibrary.ru/otduuf>

2. Грунт Е.В. Видеохостинг YouTube как средство формирования общественного мнения российской молодежи // Koinon. 2022. Т. 3. № 1. 2022. С. 45-57. <https://doi.org/10.15826/koinon.2022.03.1.004>, <https://elibrary.ru/egdszr>
3. Дадаева Т.М., Сновальникова У.А. Отражение социальных проблем в новых медиа (на примере видеоблога YouTube-канала TrashSmash) // Огапёв-Online. 2019. № 9 (130). С. 7. <https://elibrary.ru/byzmrz>
4. Леммиш В.В., Тупицына Н.С. К вопросу о контент-анализе видеоматериалов YouTube-канала для изучения ресурсов семьи ребёнка с ограниченными возможностями здоровья // Развитие человека в современном мире. 2021. № 2. С. 98-107. <https://elibrary.ru/zarrsk>
5. Нихаева Я.М. Специфика распространения и структура взаимодействия видеоконтента о подростковой жёсткости на видеохостинге YouTube // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7 (51). С. 35-39. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.7.5>, <https://elibrary.ru/xufdzj>
6. Симанина С.М. Формирование коммуникативной культуры детей с ограниченными возможностями здоровья средствами видеоблогинга // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы Междунар. электрон. науч.-практ. конф. Казань: Казанский гос. ун-т культуры и искусств, 2020. С. 587-592. <https://elibrary.ru/ugvcgf>
7. Фомина П.А., Смирнова М.Н. Блогинг как новое пространство для профессиональной самореализации инвалидов и лиц с ОВЗ // Профессиональная ориентация людей с ограниченными возможностями здоровья: опыт работы организаций, результаты, перспективы: материалы Межрег. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.Г. Степанов. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2022. С. 106-113. <https://elibrary.ru/bqstwa>
8. Вербилович О.Е. «Запрещённый приём»: инвалидность и публичный скандал в традиционных и интернет-медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 253-266. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.13>, <https://elibrary.ru/yqucqq>
9. Коржук С.В. (Не) доступная городская среда: реакции пользователей YouTube на условия передвижения людей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6 (166). С. 584-609. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1956>, <https://elibrary.ru/haqeny>
10. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В., Божок Н.С., Григорьева С.А., Корогодова Н.П., Чернецкая А.А. и др. Социальный урбанизм: темпоральный контекст доступности (на примере российских городов). М.: Вариант, 2020. 378 с. <https://elibrary.ru/touogt>
11. Богданович Г.Н. Особенности социализации людей с диагнозом «детский церебральный паралич» // Учитель Алтая. 2020. № 3 (4). С. 77-88. <https://elibrary.ru/kbsfyq>
12. Василенко И.В. Ребёнок-инвалид в семье: динамика отношений и зоны напряжений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 3. С. 83-95. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-83-95>, <https://elibrary.ru/pytkcm>
13. Абросимова Л.С., Богданова М.А. Нетипичная телесность: трансформации в восприятии тела инвалида // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. Т. 4. № 1. С. 95-104. <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2019-1-95-104>, <https://elibrary.ru/gthohi>
14. Бабанова Е.М. Особенности профессионально-ориентированной социализации обучающихся с инвалидностью // Наука России: Цели и задачи: сб. науч. тр. по материалам 15 Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во НИЦ «Л-Журнал», 2019. С. 80-83. <https://doi.org/10.18411/sr-10-06-2019-49>, <https://elibrary.ru/aldoxv>
15. Кочеткова Т.Н., Кириченко А.А. Аспекты проблемы социализации людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов: сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. СПб.: Центр науч.-информ. технологий Астерион, 2022. С. 53-57. <https://elibrary.ru/sweubg>
16. Курникова М.В. Здоровье ребёнка как фактор влияния на социальное самочувствие членов семьи // Социальные контексты здоровья. Н. Новгород: ООО «Науч.-исслед. социол. центр», 2020. С. 187-206. <https://elibrary.ru/lnhfjr>
17. Мельник Ю.В. Инклюзивное образование в контексте социализации детей с инвалидностью // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 1. С. 83-90. <https://elibrary.ru/nxswbh>
18. Андреева Ю.В. Дидактика оптимизма // Образовательные технологии и общество. 2018. Т. 21. № 2. С. 357-365. <https://elibrary.ru/ywzowz>

19. Шумкова А.А. Оптимизм в структуре пятифакторной модели черт личности // В.С. Мерлин и современная психология: наука, образование, практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2015. С. 39-41. <https://elibrary.ru/uuzyzp>
20. Богомолова Е.А. Гиперопека: причины возникновения и последствия для ребёнка // Педагогический форум: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Изд-во МЦНС Наука и Просвещение, 2020. С. 21-23. <https://elibrary.ru/wjqqqoe>
21. Волкова М.А., Петрова С.С. Проблема гиперопеки в семье // Вопросы педагогики. 2020. С. 79-82. <https://elibrary.ru/othooi>
22. Щербакова Е.Г., Семёнова Н.С. Формирование личности ребёнка в семье // Векторы психологии: психолого-педагогическая безопасность личности в современной образовательной среде: сб. материалов 3 Междунар. заочной науч.-практ. конф. / гл. ред. Т.Г. Шатюк. Гомель: Гомел. гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2021. С. 174-176. <https://elibrary.ru/npogai>
23. Даутова Е.В., Байков И.Е. Взаимосвязь особенностей семейного воспитания и интернет-аддикции у подростков // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2020. № 1. С. 33-39. <https://elibrary.ru/jtnxoh>
24. Смолярчук И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявления тревожности // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2018. Т. 17. № 4 (38). С. 69-72. <https://elibrary.ru/jocqtm>
25. Стеглик Е.В. Эмоциональное отвержение ребёнка родителями как фактор, влияющий на психическое здоровье детей в младшем школьном возрасте // Modern Science. 2021. № 11-3. С. 362-367. <https://elibrary.ru/smncyt>
26. Джелилова С.И. Педагогическая и психологическая поддержка со стороны педагога-психолога, родителей и учителей при формировании характера подростков // Психолого-педагогические проблемы современного образования: пути и способы их решения: сб. материалов 3 Междунар. науч.-практ. конф. М.: ООО "Парнас", 2020. С. 338-342. <https://elibrary.ru/fvjxnx>
27. Корнеева Т.П., Тарасенко Е.П. Психологическая поддержка родителей детей с ОВЗ // Форум. 2018. № 1 (13). С. 9-15. <https://elibrary.ru/qoxtit>
28. Урусова А.М. Проблема поддержки родителями подростков в семье // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-1. С. 478-481. <https://elibrary.ru/noabno>
29. Колобаева О.А., Дормидонтов Р.А. Влияние стиля семейного воспитания на эмоциональную сферу младших школьников // Вопросы педагогики. 2022. № 11-1. С. 56-60. <https://elibrary.ru/ohzryb>
30. Рынзина А.Г. Влияние стилей семейного воспитания на толерантность личности в юношеском возрасте // Заметки учёного. 2019. № 2 (36). С. 120-125. <https://elibrary.ru/ydx dax>
31. Хлестов Е.В. Психологические условия формирования жизнестойкости подростков в процессе семейного воспитания // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5. № 4. С. 93-105. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-4-93-105>, <https://elibrary.ru/ekngrp>
32. Митина Л.М., Митин Г.В. Психологический анализ проблемы маргинализма, прокрастинации, выученной беспомощности как барьеров личностно-профессионального развития человека // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 3. С. 90-100. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250308>, <https://elibrary.ru/eccmub>
33. Simeon D., Abugel J. Feeling unreal: Depersonalization disorder and the loss of the self. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 233 p. URL: <https://silo.pub/qdownload/feeling-unreal-depersonalization-disorder-and-the-loss-of-the-self.html>
34. Bleuler E. Dementia praecox, oder Gruppe der Schizophrenien. Leipzig, Wien: Deuticke, 1911. 421 S. URL: <https://archive.org/details/b21296157/page/n11/mode/2up>
35. Личко А.Е. Физические особенности. Акселерация и инфантилизм // Подростковая психиатрия. М.: Медицина, 1985. 416 с. URL: https://www.studmed.ru/lichko-ae-podrostkovaya-psihiatriya_d1ead1096cc.html
36. Thompson, Suzanne C. Illusions of Control: How We Overestimate Our Personal Influence. Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8. Issue 6. P. 187-190. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00044>
37. Новицкая А.Л., Курьло О.В. Причины возникновения комплекса неполноценности // Молодёжный аграрный форум-2018: Т. 3: материалы Междунар. студ. науч. конф. Белгород: Белгород. гос. аграрный ун-т им. В.Я. Горина, 2018. 72 с. <https://elibrary.ru/ywikvl>
38. Dos Santos A.N. International classification of functioning, disability and health in children with cerebral palsy // Disability and rehabilitation. 2012. Vol. 34. Issue. 12. P. 1053-1058. <https://doi.org/10.3109/09638288.2011.631678>

39. Erikson E. Childhood and Society. N. Y.: Norton Publ., 1963. 445 p. Available at: https://archive.org/details/childhoodsociety1963erik_q3n8

References

1. Chernyavskaya E.A. Formation of the Russian YouTube and its place in the system of youth values. *Sbornik statei po materialam Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii studentov, aspirantov, uchashchikhsya i molodykh uchenykh «Mir nauki i iskusstva»* [Proceedings Based on the Materials of the Regional Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, Students and Young Scientists "World of Science and Art"]. Perm, Perm State University, 2022, pp. 221-228. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otduuf>
2. Grunt E.V. YouTube video hosting as a means of forming public opinion of Russian youth. *Koinon*, 2022, vol. 3, no. 1, pp. 45-57. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/koinon.2022.03.1.004>, <https://elibrary.ru/egdszr>
3. Dadaeva T.M., Snoval'nikova U.A. Reflection of social problems in new media: a study of videoblog TrashSmash on YouTube. *Ogarev-Online*, 2019, no. 9 (130), p. 7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/byzmrn>
4. Lemish V.V., Tupitsyna N.S. To the question of the content analysis of YouTube video materials for the study of the resources of children's families with disabilities. *Razvitie cheloveka v sovremennom mire = Human Development in the Modern World*, 2021, no. 2, pp. 98-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zarrsk>
5. Nikhaeva Ya.M. The specific nature of distributing teenage bullying videos and the structure of their interaction on YouTube. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, no. 7 (51), pp. 35-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2018.7.5>, <https://elibrary.ru/xufdzj>
6. Simanina S.M. Formation of a communicative culture of children with disabilities using video blogging. *Materialy Mezhdunarodnoi ehlektronnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv»* [Materials of the International Electronic Scientific and Practical Conference "Socio-cultural Activity: Vectors of Research and Practical Perspectives"]. Kazan: Kazan State Institute of Culture Publ., 2020, pp. 587-592. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ugvcgf>
7. Fomina P.A., Smirnova M.N. Bloging kak novoe prostranstvo dlya professional'noj samorealizatsii invalidov i lic s OVZ [Blogging as a new space for professional self-realization of people with disabilities and persons with disabilities]. In: Stepanov O.G. (executive ed.). *Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii «Professional'naya orientatsiya lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: opyt raboty organizatsii, rezul'taty, perspektivy»* [Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference "Professional Orientation of People with Disabilities: Experience of Organizations, Results, Prospects"]. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2022, pp. 106-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bqstwa>
8. Verbilovich O.E. "Forbidden trick": disability and public scandal in traditional and online media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 1 (143), pp. 253-266. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.13>, <https://elibrary.ru/yqucqo>
9. Korzhuk S.V. (In)accessible urban environment: the evidence from the Russian YouTube users reactions towards the mobility conditions for people with disabilities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 6 (166), pp. 584-609. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1956>, <https://elibrary.ru/haqeny>
10. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R., Zaitsev D.V., Bozhok N.S., Grigor'eva S.A., Korogodova N.P., Chernetskaya A.A. et al. *Sotsial'nyi urbanizm: temporal'nyi kontekst dostupnosti (na primere rossiiskikh gorodov)* [Social Urbanism: the Temporal Context of Accessibility (on the Example of Russian Cities)]. Moscow, Variant Publ., 2020, 378 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/touogt>
11. Bogdanovich G.N. Features of socialization of people diagnosed with cerebral palsy. *Uchitel' Altaya* [Altai Teacher], 2020, no. 3 (4), pp. 77-88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kbsfyq>
12. Vasilenko I.V. A disabled child in the family: dynamics of the relationship and areas of stress. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea*, 2019, vol. 11, no. 3, pp. 83-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-83-95>, <https://elibrary.ru/pytkcm>
13. Abrosimova L.S., Bogdanova M.A. Unique body: transformations in the perception of the body of the disabled. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy = Prac-*

- tices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 95-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2019-1-95-104>, <https://elibrary.ru/gthohi>
14. Babanova E.M. Osobennosti professional'no-orientirovannoi sotsializatsii obuchayushchikhsya s invalidnost'yu [Features of professionally oriented socialization of students with disabilities]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam 15 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Nauka Rossii: Tseli i zadachi»* [Proceedings of Scientific Papers Based on the Materials of the 15th International Scientific Conference "Russian Science: Goals and Objectives"]. Ekaterinburg, Research Center "L-Journal" Publ., 2019, pp. 80-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/sr-10-06-2019-49>, <https://elibrary.ru/aldoxx>
 15. Kochetkova T.N., Kirichenko A.A. Aspects of the socialization problem of people with limited possibilities of health and disability. *Sbornik materialov nacional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye tendentsii i tekhnologii razvitiya potentsiala regionov»* [Proceedings of Materials of the National Scientific and Practical Conference "Modern Trends and Technologies for Developing the Potential of Regions"]. Saint Petersburg, Scientific and Information Technologies Center Asterion Publ., 2022, pp. 53-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sweubg>
 16. Kurnikova M.V. A child's health as a factor of influencing the social well-being of family members. *Sotsial'nye konteksty zdorov'ya* [Social Contexts of Health]. Nizhny Novgorod, "Research Sociological Center" LLC Publ., 2020, pp. 187-206. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lnhfjr>
 17. Mel'nik Yu.V. Inklyuzivnoe obrazovanie v kontekste sotsializatsii detei s invalidnost'yu [Inclusive education in the context of socialization of children with disabilities]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Stavropol State University Bulletin], 2011, no. 1, pp. 83-90. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxswbb>
 18. Andreeva Yu.V. Didaktika optimizma [Didactics of Optimism]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo = Educational Technology & Society*, 2018, vol. 21, no. 2, pp. 357-365. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywzowz>
 19. Shumkova A.A. Optimizm v strukture pyatifaktornoi modeli chert lichnosti [Optimism in the structure of the five-factor model of personality traits]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «V.S. Merlin i sovremennaya psikhologiya: nauka, obrazovanie, praktika»* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "V.S. Merlin and modern psychology: science, education, practice"]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2015, pp. 39-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uuzyzp>
 20. Bogomolova E.A. Hyperopeca: reasons for the origin and consequences for the child. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pedagogicheskii forum»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Pedagogical Forum"]. Penza, ICNS Science and Education, 2020, pp. 21-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wjqqqe>
 21. Volkova M.A., Petrova S.S. Problema giperopeki v sem'e [The problem of hyperopeca in the family]. *Voprosy pedagogiki* [Issues of Pedagogy], 2020, pp. 79-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/othooi>
 22. Shcherbakova E.G., Semenova N.S. *Formirovanie lichnosti rebenka v sem'e* [Forming the child's personality in the family]. In: Shatyuk T.G. (ed.-in-chief). *Sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Vektory psikhologii: psikhologo-pedagogicheskaya bezopasnost' lichnosti v sovremennoi obrazovatel'noi srede»* [Proceedings of the 3rd International Correspondence Scientific and Practical Conference "Vectors of Psychology: Psychological and Pedagogical Security of a Personality in the Modern Educational Environment"]. Gomel, Francisk Skorina Gomel State University Publ., 2021, pp. 174-176. (In Russ.) <https://elibrary.ru/npogai>
 23. Dautova E.V., Baikov I.E. The relationship between the characteristics of family education and internet addiction in adolescents. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science*, 2020, no. 1, pp. 33-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jtnxoh>
 24. Smolyarchuk I.V. Influence of the broken child-parental relations on uneasiness manifestations. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus = Psychology-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2018, vol. 17, no. 4 (38), pp. 69-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jocqtm>
 25. Steglik E.V. Ehmotsional'noe otverzhenie rebenka roditelyami kak faktor, vliyayushchii na psikhicheskoe zdorov'e detei v mladshem shkol'nom vozraste [Emotional rejection of a child by parents as a factor influencing the mental health of children at primary school age]. *Modern Science*, 2021, no. 11-3, pp. 362-367. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smncyt>
 26. Dzhelilova S.I. Pedagogical and psychological support from the teacher-psychologist, parents and teachers in the formation of the character of adolescents. *Sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Psikhologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya: puti i spo-*

- soby ikh resheniya» [Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference “Psychological and Pedagogical Problems of Modern Education: Ways and Means of Their Solution”]. Moscow, “Par-nas” LLC, 2020, pp. 338-342. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fvjxnx>
27. Korneeva T.P., Tarasenko E.P. Psychological support for parents of children with disabilities. *Forum = Forum*, 2018, no. 1 (13), pp. 9-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qoxtit>
 28. Urusova A.M. The problem of the family influence on the individual. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2019, no. 63-1, pp. 478-481. (In Russ.) <https://elibrary.ru/noabno>
 29. Kolobaeva O.A., Dormidontov R.A. Vliyanie stilya semeinogo vospitaniya na ehmotional'nyu sferu mladshikh shkol'nikov [The influence of family education style on the emotional sphere of primary school students]. *Voprosy pedagogiki* [Issues of Pedagogy], 2022, no. 11-1, pp. 56-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ohzryb>
 30. Rynzina A.G. Vliyanie stilei semeinogo vospitaniya na tolerantnost' lichnosti v yunosheskom vozraste [The influence of family education styles on personality tolerance in adolescence]. *Zametki uchenogo* [Scientist's Notes], 2019, no. 2 (36), pp. 120-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ydxax>
 31. Khlestov E.V. Psychological conditions for the formation of resilience of adolescents in the process of family education. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: History, Prospects*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 93-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-4-93-105>, <https://elibrary.ru/ekngrp>
 32. Mitina L.M., Mitin G.V. Psychological analysis of the problem of marginalism, procrastination and learned helplessness as barriers to personal and professional development. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 90-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2020250308>, <https://elibrary.ru/eccmub>
 33. Simeon D., Abugel J. *Feeling Unreal: Depersonalization Disorder and the Loss of the Self*. New York, Oxford University Press, 2006, 233 p. Available at: <https://silo.pub/qdownload/feeling-unreal-depersonalization-disorder-and-the-loss-of-the-self.html>
 34. Bleuler E. *Dementia Praecox, oder Gruppe der Schizophrenien*. Leipzig, Wien, Deuticke, 1911, 421 p. Available at: <https://archive.org/details/b21296157/page/n11/mode/2up>
 35. Lichko A.E. Fizicheskie osobennosti. Akseleratsiya i infantilizm [Physical Features. Acceleration and Infantilism]. *Podrostkovaya psikhatriya* [Adolescent Psychiatry]. Moscow, Meditsina, 1985, 416 p. Available at: https://www.studmed.ru/lichko-ae-podrostkovaya-psihatriya_d1ead1096cc.html
 36. Thompson, Suzanne C. Illusions of control: how we overestimate our personal influence. *Current Directions in Psychological Science*, 1999, vol. 8, issue 6, pp. 187-190. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00044>
 37. Novitskaya A.L., Kurylo O.V. Prichiny vozniknoveniya kompleksa nepolnotsennosti [Causes of an inferiority complex]. *Materialy Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii «Molodezhnyi agrarnyi forum-2018»*. T. 3 [Proceedings of the International Student Scientific Conference “Youth Agricultural Forum-2018”: Vol. 3]. Belgorod, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin Publ., 2018, 72 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywikvl>
 38. Dos Santos A.N. International classification of functioning, disability and health in children with cerebral palsy. *Disability and rehabilitation*, 2012, vol. 34, issue 12, pp. 1053-1058. <https://doi.org/10.3109/09638288.2011.631678>
 39. Erikson E. *Childhood and Society*. New York, Norton Publ., 1963, 445 p. Available at: https://archive.org/details/childhoodsociety1963erik_q3n8

Информация об авторах

Аргылов Никита Антонович, кандидат политических наук, руководитель департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>, nik-argylov@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, подбор материала, обработка результатов исследования, написание части текста статьи.

Information about the authors

Nikita A. Argylov, PhD (Politics), Head of Media Department, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg Branch, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>, nik-argylov@yandex.ru

Contribution: study conception, material selection, research results processing, part of manuscript text drafting.

Полякова Александра Андреевна, цифровой ассистент, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0002-6189-3167>, aapolyakova_10@edu.hse.ru

Вклад в статью: идея, поиск материала, контент-анализ выборки видео, написание и оформление статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Поступила после рецензирования 15.03.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Aleksandra A. Polyakova, Digital Assistant of Humanities Faculty, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-6189-3167>, aapolyakova_10@edu.hse.ru

Contribution: idea, material search, content analysis of a video sample, manuscript drafting and design.

There is no conflict of interests.

Received January 20, 2023

Revised March 15, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-405-415>

Шифр научной специальности 5.9.9

Эмоциональная природа интонационного взаимодействия с аудиторией на радиовещании

Виктор Владимирович БАРАБАШ , Максим Вячеславович ДЕСЮК

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ barabash-vv@rudn.ru

Аннотация: Целью исследования является обоснование глубинной значимости архетипических интонационных возможностей в контексте воздействия на чувства массовой радиальной аудитории и формирования общего эмоционального состояния в процессе освоения транслируемой информации. Рассмотрена роль интонирования на фоне развития теории эмоционального интеллекта, теории креативных индустрий и компьютерно-сетевых технологий. Выявлена значимость музыкальной природы интонирования с точки зрения реализации функций информирования и воздействия в устноречевой радиовещательной медиакоммуникации. Научная новизна исследования заключается в новом подходе к осмыслению интонации как речевого средства воздействия на эмоционально ориентированное восприятие информации массовой аудиторией радиослушателей. Доказано значение интонирования устных информационных новостных текстов с точки зрения их эффективности в массмедийной радиовещательной коммуникации.

Ключевые слова: интонация, эмоция, радиовещание, массмедиа, информация, восприятие

Для цитирования: Барабаш В.В., Десюк М.В. Эмоциональная природа интонационного взаимодействия с аудиторией на радиовещании // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 405-415. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-405-415>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The emotional nature of intonational interaction with the audience on radio broadcasting

Victor V. BARABASH , Maksim V. DESYUK

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

 barabash-vv@rudn.ru

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the deep significance of archetypal intonation possibilities in the context of influencing the feelings of a mass radio audience and the formation of a general emotional state in the process of mastering the broadcast information. We consider the role of intonation against the background of the development of emotional intelligence theory, theory of creative industries and computer network technologies. We reveal the significance of the musical nature of intonation from the point of view of the implementation of the functions of informing and influencing in oral speech broadcasting media communication. The scientific novelty of the study lies in a new approach to understanding intonation as a speech-musical means of influencing the emotionally oriented perception of information by the mass audience of radio listeners. The importance of intonation of oral informational news texts is proved from the point of view of their effectiveness in mass media broadcasting communication.

Keywords: intonation, emotion, broadcasting, mass media, information, perception

For citation: Barabash, V.V., & Desyuk, M.V. The emotional nature of intonational interaction with the audience on radio broadcasting. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):405-415. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-405-415>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что интонация, будучи важнейшим инструментом смыслопорождения, имеет первоочередное значение для осмысления актуальных процессов медиакоммуникации. Интонация является архетипическим и самым древним невербальным средством коммуникации, с помощью которого первобытные люди могли выразить чувства и сообщить о чём-либо без слов. С тех давних пор интонирование стало важнейшим и действенным средством коммуникационного взаимодействия и воздействия. Интонация является предметом научного изучения в нескольких областях знаний, но более всего подробно – в музыковедении и языкознании. Более широко значение интонации признаётся во всех аспектах речевой деятельности в

связи с её ключевой ролью в коммуникативных процессах.

Для выявления сущностных архетипических основ интонации необходимо не только рассмотреть музыкально обусловленную эмоциональную выразительность интонирования, но и выявить его потенциал в качестве инструмента развития эмоционального интеллекта, а также оценить роль интонации в осуществлении современного радиовещания.

Исследование потребовало применения таких методов, как описательный анализ актуальной научной литературы, фоносемантический, фоностилистический анализ, а также компаративный анализ и метод лингвистического описания. Системно-сопоставительный подход обеспечивает междисциплинарный характер исследования.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Архетипические свойства интонации опираются на музыкальную природу интонирования устных текстов на радиовещании с точки зрения их эффективности в массовой коммуникации. Интонационное выражение эмоций является речемзыкальным средством воздействия на массовую аудиторию радиослушателей. Опыт выразительного речевого высказывания – это эмоционально-осмысленная воздействующая речь, служащая развитию общения и вербальной экспрессии. Интонации помогают донести смыслы и изменить восприятие транслируемой информации. Интонирование является важнейшим и действенным средством коммуникационного взаимодействия и воздействия. Природа интонирования в аспекте массовых коммуникаций раскрывается в особых поликодовых вибрациях информационного поля в радиоэфире, которые влияют на звуковой образ информации и расширяют функции интонации как невербального средства коммуникации в текстах информационного радиовещания.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных учёных в области языкознания, медиакоммуникаций и музыковедения (Е.А. Брызгунова, С.С. Хромов, С.В. Асламова, В.В. Барабаш, А.А. Шерель, В.В. Медушевский и др.).

Безусловно, в основе любой медиакоммуникации лежит задача информирования. Так, Е.А. Войтик определяет медиакоммуникации как «взаимодействие информационного характера между любыми субъектами социума, основанное на производстве, передаче и потреблении массовой информации» [1, с. 28]. Передача и потребление информации может происходить по-разному, в том числе аудиально, и основным каналом подобной коммуникации является радиовещание. Несмотря на стремительную визуализацию медиакоммуникации, у аудиоформата имеются известные особые преимущества, которые позволяют радио занять свою уни-

кальную нишу. С.В. Асламова подчёркивает, что традиционное радиовещание в России по-прежнему развивается, сохраняет свою популярность [2]. Развитие интернет-вещания также не убило радио, а наоборот, даже породило новые возможности: подкасты и такой особый формат социальных сетей – Clubhouse. Оформилось в самостоятельный большой и разнообразный по контенту сегмент и такое направление, как информационно-музыкальное радиовещание, в котором блоки музыкальных композиций чередуются с короткими подборками новостных информационных сообщений. Обилие музыкальных FM-радиостанций подтверждает разнообразие музыкальных форматов, с помощью которых можно выстроить наиболее точечное рекламное воздействие на аудиторию.

Музыка в радиовещании всегда служила важнейшим средством выразительности и существовала на радио в различных форматах, от прямых трансляций концертов и музыкальных спектаклей до музыкального оформления самых разных радиопередач. Сила воздействия музыки на массовую аудиторию кроется в её уникальной сущности как информационно-коммуникационного инструмента.

Специфику музыкального интонирования изучал известный музыковед Б.В. Асафьев. Его теория интонации позволила по-новому взглянуть на музыкальную эстетику: «В самом звучании слова отражается интонационный смысл смысла... Музыка не выдумывается, а плавится из реальности» [3, с. 174]. По своей интонационной природе музыка соответствует человеческой интонации, что и придаёт музыке особую воздействующую силу. Музыка близка и понятна каждому человеку потому, что её интонационная мелодика является схожей с интонациями речи человека.

Речь и музыку можно рассматривать как две формы мышления и коммуникации носителей информации, имеющих общую интонационную природу. «Речевая и музыкальная интонации являются носителями образно-смысловой информации: они способны... участвовать в формировании смысловой нагрузки и психоэмоционального состояния...»

[4]. Функции музыкальной интонации весьма близки к функциям, выполняемым речевой интонацией. И музыка, и речь обеспечивают коммуникацию, выполняя тем самым коммуникативную функцию. «Интонация – это нормативная единица коммуникации, которая... может являться оценкой коммуникативной эффективности, а также средством ее воплощения» [5]. Неслучайно К.Л. Пайк отмечает, что «реакция слушающего на оттенки значений, передаваемые интонацией, бесспорно сильнее, чем реакция на значения, передаваемые лексическими способами» [6]. Продолжая эту мысль, Дж.Д. О'Коннор и Г.Ф. Арнольд уточняют, что информация, передаваемая интонационно, помогает избежать большого количества неточностей и двусмысленностей [7]. И в музыке, и в речи интонация выделяет для слушающего наиболее важные, по мнению говорящего, компоненты музыкального или речевого высказывания. И музыкальная, и речевая интонации помогают правильно интерпретировать смыслы сообщения, реализуя эмоционально-модальную функцию.

Музыкальность – это «специфическое атрибутивное свойство человека» [8], которое обеспечивает передачу смыслов в речевых интонационных конструкциях. В то же время феномен интонирования можно рассматривать как «природную способность субъекта, шире – специализированный род звуковой деятельности, переводящий музыку из состояния потенциального в состояние реального бытия» [9].

В речи интонация выражает отношение говорящего к высказыванию, его эмоции, а также дополнительные оттенки значения, выделяет информационный центр высказывания, маркирует новую, наиболее важную информацию. «Интонация наиболее тесно, непосредственно соотносится с планом содержания, то есть манифестирует различные языковые значения» [10].

И музыка, и речь имеют определённую фразировку. Фразовая интонация расчленяет музыкальный или речевой поток на фрагменты, логически связанные по смыслу. Музыкальные или речевые отрезки могут быть оформлены различно, например нисходящим

или восходящим тоном, относительно быстрым или замедленным темпом, малой или большой интенсивностью. Подобная фразировка организует информацию в наиболее выигрышном для реализации коммуникативных задач.

Особую роль в музыкальных и речевых потоках играет паузирование, то есть расстановка и реализация различных по длительности пауз. Основная функция паузы – смысловое членение музыкального или словесного высказывания. Пауза, по мнению Р.К. Потоповой, «обладает высокой степенью устойчивости» [11, с. 65].

Одна из наиболее полных классификаций русских интонационных единиц принадлежит Е.А. Брызгуновой, основы которой изложены в работе «Практическая фонетика и интонация русского языка» [12; 13]. Семь типов интонационных конструкций, выделяемые Е.А. Брызгуновой, – сообщение (ИК-1), специальный вопрос (ИК-2), общий вопрос (ИК-3), неполный вопрос с противопоставлением (ИК-4), степень проявления признака и состояния (ИК-5, ИК-6, ИК-7) – присутствуют и в музыкальном языке, так же обладая смысловыми значениями. По мнению В.В. Медушевского, музыкальная интонация способна выражать не только эмоции, но и мысли, информацию. «Фактически музыка обладает мощным потенциалом побуждения мысли, средством воспитания. Музыка может пробудить энергию познания даже в самых инертных людях» [14, с. 119]. Можно сказать, что музыкальные интонации становятся системой воздействующих стимулов, формирующих эмоциональный контекст для соответствующего восприятия информации, которая содержится в речевых высказываниях, звучащих в комплексе с музыкальными. Обращаясь к эмоциональному опыту человека, интонация, обладающая музыкальностью, заставляет коммуникантов воспринимать информацию на фоне эмоциональных переживаний, что удваивает эффективность получаемых сведений и существенно упрочняет контекстуальную тональность их восприятия. «Музыка выявляет способность сознания осваивать информацию через сочетание чувств-

венного, интеллектуального и интонационно-физиологического уровней [15, с. 114].

«Интонация и тембр голоса всегда вызывают у зрителя определённую эмоциональную реакцию» [16]. Неслучайно В.П. Морозов вводит понятие «эмоциональный слух», означающее наличие эмоциональной отзывчивости, способность тонко чувствовать эмоциональные интонации [17]. Качества, необходимые для развития эмоционального интеллекта как необходимого условия эффективной работы в любой области. Понятие эмоционального интеллекта обстоятельно формулируют Дэниел Гоулман, Давид Карузо и Питер Сэловей. По их мнению, эмоции являются неотъемлемой частью мыслительного процесса, они помогают и получению информации, и формированию адекватной реактивности в процессе общения. Д. Карузо и П. Сэловей обращают внимание на то, что «несмотря на важность эмоций, им уделяется мало внимания в нашем обязательном образовании, и мы, к сожалению, ведём себя неадекватно, когда сталкиваемся с необходимостью понять или проявить эмоции» [18, с. 34]. Сформированный эмоциональный интеллект, подчёркивает Д. Гоулман, – означает наличие таких устойчивых навыков, как «самоосознание, распознавание, выражение и управление эмоциями, контроль побуждения и отсрочку удовольствия, избавление от стресса и тревожности» [19, с. 255]. Так, музыкальная радиожурналистика может стать эффективным инструментом формирования эмоционального интеллекта у радиоаудитории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Радиовещание является активным участником современных массовых информационных и коммуникационных процессов. Современное развитие радиовещания, как и других СМИ, движется в контексте расширения способов и средств обеспечения коммуникативности. Деятельность радиоканалов в целом, несомненно, коррелирует с ключевыми особенностями массовой коммуникации в целом. Социальная значимость радиойной информации определяется высокой мотивированностью, регулярностью, возможностью

выбора коммуникативных средств для обеспечения вариативности, нормативностью, многоканальностью и массовостью анонимной и рассредоточенной аудитории, которая требует продуманной и подготовленной ценностной ориентации. Радиовещание, несмотря на снижение его популярности, занимает свою особую нишу, выполняет специфические функции и остаётся популярным у большей части массовой аудитории. Стремление услышать живой голос, его звучание усугубляется процессами роботизации окружающей жизни, в которой натуральное вновь становится важнейшей человеческой ценностью. В то же время наряду с другими СМИ радиовещание становится более коммуникативным, мобильным и востребованным.

Радиовещание удобно для слушателя и своей «компактностью», вседоступностью, поскольку человек может получать информацию, не отрываясь от своих дел, находясь в любом месте, и это также доступно на любых современных гаджетах. Радио ориентировано на слуховое восприятие информации, поэтому слушатель может сам воссоздавать образы и дорисовывать картинку в своём воображении. Получение вербализованной информации, во-первых, даёт возможность получателю проявить свои творческие способности при её восприятии. Творческое осмысление информационных потоков благоприятно сказывается на самооценке слушателя. Во-вторых, аудиальный формат возлагает на журналиста дополнительную ответственность за правильную подачу информации. Человек не всегда может позволить себе купить журнал или газету, а для прослушивания радио не нужны специальные затраты – передача информации может происходить благодаря инновационным технологиям, интегрированным в гаджеты, радиоприемники и другие мобильные средства. Распространённость радиовещания по всему миру является важным фактором популяризации СМИ.

За последние десятилетия благодаря новейшим разработкам и достижениям в сфере коммуникационных технологий в нашем мире происходят важные сущностные изменения. Радиовещание также подвергается воздействию цифровых технологий, радиокана-

лы открывают в Интернете свои сайты, сетевые версии, аккаунты в социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах. Новое, цифровое, радиовещание также получило свою прописку в Интернете и стало активно развиваться. В рамках специфики новых медиа радиовещание ещё не находит полного применения всех новых возможностей, хотя последние тенденции показывают сохраняющуюся потребность в конвергентном сочетании цифровых предложений и традиционного формата радиоэфира. Но именно радиовещательная специфика не позволяет ему широко воспользоваться новыми технологическими возможностями, помимо некоторых общепринятых технологий, обеспечивающих интерактивность и возможность цифрового текстового архива. Главная ценность радиовещания – тёплый, живой человеческий голос – сохраняет аутентичность. Радиовещание по-прежнему рассчитано на широкую аудиторию, основным целевым сегментом которой является та довольно внушительная её часть, психофизика которой определяет первоочерёдность качественного восприятия информации на слух.

Актуальность изучения смыслового интонирования сегодня очевидна. При аудировании понимание информации, заложенной в тексте, усложняется её восприятием на слух. При этом интонация приобретает первостепенное значение. Проблема заключается в том, что сегодня теряется понимание того, что заложено в основе интонации, какова её природа, поэтому часто интонирование оказывается неадекватным и серьёзно затрудняет восприятие информации. Необходимо найти истоки и основания наиболее верного и эффективного интонирования, от которого зависит коммерческий успех устно реализуемых текстов в массовой коммуникации, в журналистике.

Значение интонирования крайне важно во всех разновидностях аудиальной журналистики. Интонация несёт в себе много невербальной информации, не только дополняя, но и обогащая вербализованные смыслы. Учитывая музыкальную природу интонирования, следует признать, что аудитория, воспринимая музыкально организованную ин-

тонацию, имеет больше оснований для более эффективного восприятия важной информации. Отправители информации с помощью музыкального интонирования имеют возможность дополнительного воздействия, что повышает бизнес-ценность данного способа массовой коммуникации и делает его инструментом креативных индустрий. Информация, выраженная с помощью музыкально организованной интонации, может реализовать все функции более эффективно за счёт её музыкализации.

Музыкальное радиовещание как специфическая ниша, в которой воспроизведение музыкальных композиций чередуется с рекламно-информационными блоками, имеет особый потенциал с точки зрения теории креативных индустрий в связи с активным участием в формировании эмоционального интеллекта массовой аудитории. Так, воспитание эмоций и эмоционального интеллекта оказывается существенным условием для восприятия аудиторией рекламно-коммерческого продукта в аудиоформате. И главным участником в этих процессах становится интонация, опирающаяся на музыкальное основание. В совокупности со звучащей музыкой весь контент музыкального радиовещания обладает целым рядом преимуществ в качестве инструмента воздействия на массовую аудиторию. Одновременно данный контент является коммерчески значимой продукцией, производимой в рамках функционирования музыкального радиовещания как креативной индустрии.

В теории массовой коммуникации устноречевая массовая коммуникация аудиального формата оказалась в тени мультимедийных аудиовизуальных коммуникаций. Но живой звук человеческого голоса становится сегодня уникальным и априори, по его архетипическим характеристикам, высокоэффективным инструментом влияния, коммерчески успешным способом производства информационного продукта в медиаиндустрии. Следовательно, возникает потребность в восполнении теоретического пробела относительно музыкализации интонирования и смыслопорождающего взаимодействия музыкально интонированных устных информационных но-

востных текстов и музыкальных блоков в музыкально-информационном радиовещании.

В современной науке достаточно подробно представлены как музыковедческие исследования информационной насыщенности музыкального текста в теоретическом аспекте, так и лингвистические работы о мелодике интонирования, имеющие широкий выход в прагматику. В то же время именно на пересечении двух этих направлений возникает новое понимание взаимосвязей между музыкой и медиакommunikациями, которое может внести существенные уточнения в исследования массмедиа в целом и в медиалингвистику в частности.

Понимание ценности и специфики музыкального радиовещания распространяется и на его другое достоинство – особую значимость в качестве креативной индустрии. Главный принцип данного вида деятельности состоит в том, что производственная активность опирается на творчество, результатом которого становится продукт интеллектуальной деятельности, имеющий коммерческую ценность как товар. Экономическая ценность такого товара основывается на подходе к его культурной ценности как потребительскому качеству. В этом смысле информационно-музыкальное радиовещание становится эффективным инструментом коммерчески выгодного производства и распространения комплексного музыкально-информационного продукта.

Классификация интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой получила широкое распространение. На её основе в русском языке выделяют **семь типов интонационных конструкций (ИК)**. Их различие определяется уровнем и направлением движения тона в сильных компонентах высказывания, значимых для выражения смысла.

Интонация завершенности **характерна для ИК-1, при которой тон снижается постепенно и не вызывает эмоциональной реакции у аудитории, поэтому употребляется при сообщении нейтральной информации**: «Сегодня в Москве сохранится тёплая весенняя погода».

В ИК-2 интонация характеризуется тем же тоном, но звучит медленнее и громче. Она

употребляется при вопросе, побуждении, обращении, приветствиях, восклицаниях. Эмоциональный тон таких высказываний более насыщен и направлен на убеждение, утверждение какого-либо смыслового компонента с целью обратить внимание аудитории именно на этот компонент. Особенно часто с такой интонацией звучат риторические вопросы как популярный стилистический приём журналистской речи: «*Кому завтра повезёт?*»

Интонационная конструкция ИК-3 характерна для общего вопроса или первой части сложного повествовательного предложения. Тон резко повышается, а затем происходит его понижение ниже среднего уровня. **ИК-3 служит для выражения** ожидания, незавершённости, а также для выражения высокой степени проявления признака: «*Она такая красивая!*»

Уточнение получаемой интонации выражается с помощью ИК-4, при которой постцентровая часть произносится выше уровня центра и предцентровой части. ИК-4 употребляется при вопросе, который связан с предшествующей информацией, отражает незавершёность высказывания: «*Как сообщали в гидрометцентре...*»

Следующие интонационные конструкции – ИК-5, ИК-6, ИК-7 – связаны с сильными эмоциями, как позитивными, так и негативными, которые фиксируются на письме восклицательным знаком. В отличие от других, интонационная конструкция ИК-5 имеет 2 центра, которые равно характеризуются усилением словесного ударения. ИК-5 употребляется преимущественно при повествовании и частично при волеизъявлении и вопросе, но обязательно служит средством высокой степени проявления признака, а также усиления оценки: «*Вот это рекорд!*»

ИК-6 отличает от ИК-4 более высокий уровень тона. Такая интонация употребляется преимущественно в повествовании и частично в вопросе, но прежде всего – используется в торжественно-приподнятой речи: «*Наш космический корабль вышел на орбиту Марса!*»

Наконец, в **ИК-7** реализуется восходящее движение тона, которое заканчивается

резким перерывом звучания гласного и хорошо прослушивается в отрицании «*He-a!*»

В современной радиовещательной массовой коммуникации преобладает разговорная речевая стихия, имитация прямого, непринужденного обращения с радиослушателями. Особенно важное место занимает требование соблюдать интонационную точность и эмоционально-экспрессивную уместность. В культурной русскоязычной речевой практике принято эмоционально окрашивать сообщения. При помощи интонации в тексте подчёркиваются слова и словосочетания, несущие выделительную смысловую нагрузку, например, слова *«много, очень, большой, значительный, скорее, выше, дешевле, дороже и т. п.»*.

Естественное восприятие звучащего сообщения связано с особенностями голоса (динамика высоты, силы, темпа, ритма), обуславливающими восприятие эмоций и встречное эмоциональное реагирование. Существенно возрастает значение чувственного восприятия на основе принципа единовременной двухкомпонентной речевой коммуникации, опирающейся на природу звуковой речевой коммуникации, в которой информация предлагается и постигается как лингвистически (рационально), так и экстралингвистически (эмоционально). И полнота, а главное эффективность информационного взаимодействия невозможны при однокомпонентности. Именно эмоциональная окраска голоса не только делает передаваемую информацию эстетически приятной, психологически совместимой с восприятием человека, но и сообщает ей необходимую модальность степени важности сообщения, грозящей опасности, одобрения или порицания и т. д.

ВЫВОДЫ

Опыт выразительного речевого высказывания – это эмоционально-осмысленная воздействующая речь, служащая развитию общения и вербальной экспрессии. Интонации помогают донести смыслы и изменить восприятие транслируемой информации; соответственно, именно от интонаций зависит

результат разговора или выступления. Сущностные архетипические качества интонации опираются на музыкальную природу интонирования и, играя ключевую роль в аспекте развития устноречевой радиовещательной медиакommunikации, имеют особую значимость для развития эмоционального интеллекта и креативных индустрий.

Интонирование устных текстов на музыкально-информационном радиовещании с точки зрения их эффективности в массмедийной радиовещательной коммуникации является речемusicalным средством воздействия на массовую аудиторию радиослушателей. Эмоциональная природа интонирования в аспекте массовых коммуникаций раскрывается в особом устройстве информационного поля в радиоэфире, в котором интонация влияет и на рациональный, и на эмоциональный образ информации, что расширяет функции интонации как музыкализованного языка в текстах информационного радиовещания.

Имплицитная музыкальность радиальных медиакommunikаций (истoki и предпосылки эффективности) требует детального изучения речемusicalного интонирования текстов аудиальной медиакommunikации с точки зрения синтагматического членения, паузирования и темпоритма, так как не может быть надёжно валидизирована в рамках сугубо лингвистического взгляда. Междисциплинарный подход к осмыслению музыкального интонирования устноречевых медиатекстов на радиовещании и их специфической аттрактивности развивает теорию массовой медиакommunikации и дискурсивного анализа вербальных и поликодовых средств.

Содержание информации в совокупности с эмоциональной и оценочной характеристиками создаётся вербальными и невербальными средствами, к которым относится и интонация. Коммуникативная эмоциональная компетентность как способность к восприятию и пониманию языка эмоций определяет сегодня потенциал двусторонней коммуникации радиожурналиста, реализующего задачу формирования у аудитории радио при получении информации соответствующих эмоций, влияющих на чувственную

сферу. Эмоциональный фон, связанный с воспитанием чувств, становится необходимым условием полноценного обмена информацией в современной массовой коммуника-

ции. Соответственно, звучащий, интонационно оформленный текст имеет большой потенциал для подобного двустороннего, двухкомпонентного осмысления событий.

Список источников

1. Войтик Е.А. К вопросу определения медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. № 1. С. 26-31. <https://elibrary.ru/pydpar>
2. Асланова С.В. Типологические особенности и проблемы функционирования корпоративного радиовещания в современном мультимедийном пространстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 411-413. <https://elibrary.ru/ttvjjr>
3. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 206 с. URL: [https://hor.by/downloads/books/Asafiev-Mus_forma\(SEC\).pdf](https://hor.by/downloads/books/Asafiev-Mus_forma(SEC).pdf)
4. Ярмухаметова Р.С. Семантическая природа речевой и музыкальной интонации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. № 1 (58). С. 91-97. <https://elibrary.ru/lvwvwr>
5. Жаркова Т.И. Интонация как звуковой рисунок в общении представителей иноязычных лингвосоциумов // Инновационное развитие профессионального образования. 2016. № 1 (09). С. 27-32. <https://elibrary.ru/ucpslh>
6. Pike K.L. General characteristics of intonation // Intonation: Selected Readings / ed. D. Bolinger. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 58-83. URL: <https://archive.org/details/intonationselect0000boli/page/n3/mode/2up>
7. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of Colloquial English. L.: Longman, 1961. 290 p. URL: <https://pdfslide.net/documents/oconnor-intonation-of-colloquial-english.html?page=4>
8. Гаджиева З.Ш., Малухова Ф.В., Торопова А.В. Музыкальность: сущностное качество природы человека или отчуждённый феномен? // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2015. № 1 (9). С. 42-55. <https://elibrary.ru/uablnj>
9. Ментюков А.П. От интонации к интонарной деятельности // Вестник музыкальной науки. 2019. № 2 (24). С. 53-62. <https://elibrary.ru/zrufbe>
10. Хромов С.С. Полифункциональный анализ русской интонации в языке и речи в начале XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. С. 164-168. <https://elibrary.ru/piwuop>
11. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. М.: Триада, 1997. 67 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001773834>
12. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Рус. яз., 1978. 278 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007660807>
13. Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: МГУ, 1963. 306 с. URL: <https://djvu.online/file/xsJ8QI9PO5189>
14. Медушевский В.В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М.: Музыка, 1976. 253 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007023164>
15. Журавлёва И.А. Социально-универсальный аспект интонации речи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 109-118. <https://elibrary.ru/sdfoat>
16. Рогожина С.М. Интонационные конструкции как средство создания образа персонажа и оказания воздействия на зрителя в британском кино // Преподаватель XXI век. 2017. № 3-2. С. 374-387. <https://elibrary.ru/zshwbb>
17. Морозов В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 397 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008865801>
18. Карузо Д., Сэловей П. Эмоциональный интеллект руководителя. Как развивать и применять. СПб.: Питер, 2016. 319 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008549236>
19. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с. URL: <https://detsad80.odinedu.ru/assets/img/detsad80/Педагоги/Психолог/Д.Гоулмэн%20Эмоциональный%20интеллект.pdf>

References

1. Voitik E.A. Definition of media communication as a conception. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie = Open and Distance Education*, 2013, no. 1, pp. 26-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pydpar>
2. Aslanova S.V. Typological features and functionality problems of corporate broadcasting under multimedia space conditions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2014, no. 2 (2), pp. 411-413. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ttvjjr>
3. Asaf'ev B.V. *Muzykal'naya forma kak protsess* [Musical Form as a Process]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971, 206 p. (In Russ.) Available at: [https://hor.by/downloads/books/Asafiev-Mus_forma\(SEC\).pdf](https://hor.by/downloads/books/Asafiev-Mus_forma(SEC).pdf)
4. Yarmukhametova R.S. Semantic nature of speech and musical intonation. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki = The Proceedings Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanities, Biomedical Sciences*, 2018, no. 1 (58), pp. 91-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lvwvwr>
5. Zharkova T.I. The intonation as a sound drawing in communication of foreign lingo-socium representatives. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya = Innovative Development of Vocational Education*, 2016, no. 1 (09), pp. 27-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ucpslh>
6. Pike K.L. General characteristics of intonation. *Intonation: Selected Readings*. Harmondsworth, Penguin Books Publ., 1972, pp. 58-83. Available at: <https://archive.org/details/intonationselect0000boli/page/n3/mode/2up>
7. O'Connor J.D., Arnold G.F. *Intonation of Colloquial English*. London, Longman Publ., 1961, 290 p. Available at: <https://pdfslide.net/documents/oconnor-intonation-of-colloquial-english.html?page=4>
8. Gadzhieva Z.Sh., Malukhova F.V., Toropova A.V. Musicality: the essential quality of humanity or estranged phenomenon? *Vestnik kafedry YuNESKO Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Bulletin of the UNESCO Chair "Musical Arts and Education"*, 2015, no. 1 (9), pp. 42-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uablnj>
9. Mentyukov A.P. From intonation to internal activities in music. *Vestnik muzykal'noi nauki = Journal of Musical Science*, 2019, no. 2 (24), pp. 53-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zrufbe>
10. Khromov S.S. The multifunctional analysis of the Russian intonation in language and speech in the beginning of the 21st century. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 4, pp. 164-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/piwuop>
11. Potapova R.K. *Konnotativnaya paralingvistika* [Connotative Paralinguistics]. Moscow, Triada Publ., 1997, 67 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001773834>
12. Bryzgunova E.A. *Zvuki i intonatsiya russkoi rechi* [Sounds and Intonation of Russian Speech]. Moscow, Russiam Language Publ., 1978, 278 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007660807>
13. Bryzgunova E.A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical Phonetics and Intonation of the Russian Language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1963, 306 p. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/xsJ8QI9PO5189>
14. Medushevskii V.V. *O zakonomernostyakh i sredstvakh khudozhestvennogo vozdeistviya muzyki* [On the Regularities and Means of Artistic Influence of Music]. Moscow, Muzyka Publ., 1976, 253 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007023164>
15. Zhuravleva I.A. Sotsial'no-universal'nyi aspekt intonatsii rechi // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 4, pp. 109-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdfoat>
16. Rogozhina S.M. Intonation patterns as means of creating the image of character and impact on the audience in the British cinema. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century], 2017, no. 3-2, pp. 374-387. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zshwbb>
17. Morozov V.P. *Yazyk emotsii i emotsional'nyi slukh* [Emotional Language and Emotional Hearing]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, 397 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008865801>
18. Karuzo D., Selovei P. *Emotsional'nyi intellekt rukovoditelya. Kak razvivat' i primenyat'* [The Emotionally Intelligent Manager. How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leader]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016, 319 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008549236>
19. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt* [Emotional intellect]. Moscow, AST: AST MOSCOW Publ., Vladimir, VKT Publ., 2009, 478 p. (In Russ.) Available at: <https://detsad80.odinedu.ru/assets/img/detsad80/Педагоги/Психолог/Д.Гоулмэн%20Эмоциональный%20интеллект.pdf>

Информация об авторах

Барабаш Виктор Владимирович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8909-2145>, barabash-vv@rudn.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ материала, обзор источников, написание и оформление части текста статьи, редактирование.

Десюк Максим Вячеславович, магистр журналистики, соискатель филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0007-0038-009X>, mdesuk@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, сбор и анализ материала, обзор источников, написание и оформление части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 02.02.2023

Одобрена после рецензирования 10.04.2023

Принята к публикации 20.04.2023

Information about the authors

Victor V. Barabash, Dr. habil. (Philology), Professor, Dean of Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8909-2145>, barabash-vv@rudn.ru

Contribution: main study conception, material acquisition and analysis, sources review, part manuscript text drafting and design, editing.

Maksim V. Desyuk, Master's Degree in Journalism, Applicant of Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0038-009X>, mdesuk@mail.ru

Contribution: study idea, material acquisition and analysis, sources review, part manuscript text drafting and design.

There is no conflict of interests.

Received February 02, 2023

Revised April 10, 2023

Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-416-426>

Шифр научной специальности 5.9.9

Стилистика заголовков в рекламных текстах приёмных кампаний сквозь призму эмоционального интеллекта (аккаунты китайских университетов на медиаплатформе Weibo)

Юй СУН^{1,2} , Наталья Ивановна ЧЕСНОКОВА²

¹ Ланьчжоуский университет

730000, Китайская Народная Республика, Ганьсу, Ланьчжоу, просп. Тяньшуйнаньлу, 222

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 chesnokova-ni@rudn.ru

Аннотация. Проанализированы стилистические особенности заголовков в текстах рекламного характера, размещаемых в официальных аккаунтах китайских университетов на интернет-платформе Weibo, в контексте представлений об эмоциональном интеллекте. Основным методом исследования является контент-анализ кейсов, собранных из аккаунтов десяти лучших китайских университетов, выбранных по итогам рейтинга влияния вузов в Weibo, объявленным «Weiboкампус» в феврале 2023 г., в результате отбора по ключевому слову «Приём» рекламных заголовков текстов приёмной тематики с июня 2022 г. до января 2023 г., и анализа языковых стилистических средств этих заголовков. На основе обобщения характеристик стилевых средств, используемых в заголовках вузовских рекламных текстов на новых медиаплатформах, выявлены их значимость и эффективный потенциал с точки зрения формирования эмоциональной привлекательности в сетевом медиaprостранстве. Результаты показывают, что сетевая коммуникация определяет значимость эмоционального модуса, реализуемого с помощью стилистических приёмов, которые используются в заголовках вузовских рекламных текстов. Сделан вывод, что разговорная манера, интернет-сленг, языковая игра, компоненты невербальной коммуникации, а также применение определённых синтаксических структур делают стиль заголовков непринуждённым и остроумным, а это в свою очередь способствует эмоциональному сближению с аудиторией, повышает качество коммуникации и в конечном итоге приводит к более качественному усвоению информации.

Ключевые слова: рекламный текст, заголовок, язык и стиль, эмоциональный интеллект, Weibo

Благодарности: Статья профинансирована Национальным фондом социальных наук Китая. Номер проекта: 21CXW025.

Для цитирования: Сун Юй, Чеснокова Н.И. Стилистика заголовков в рекламных текстах приёмных кампаний сквозь призму эмоционального интеллекта (аккаунты китайских университетов на медиаплатформе Weibo) // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 416-426. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-416-426>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Stylistics of headlines in advertising texts of admission campaigns through the prism of emotional intelligence (accounts of Chinese universities on the Weibo media-platform)

Yu SONG^{1,2} , Natalia I. CHESNOKOVA²

¹ Lanzhou University

222 Tianshuinanlu Ave, Lanzhou, 730000, Gansu, People's Republic of China

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

 chesnokova-ni@rudn.ru

Abstract. Stylistic features of headings in advertising texts posted in the official accounts of Chinese universities on the Weibo Internet platform are analyzed in the context of ideas about emotional intelligence. The main research method is a content analysis of cases collected from the accounts of the top ten Chinese universities, selected according to the results of the Weibo University Influence Ranking announced by “WeiboCampus” in February 2023, as a result of selecting advertising titles of admission texts for the keyword “Admission” from June 2022 to January 2023, and analysis of the linguistic stylistic means of these headings. Based on the generalization of the characteristics of style means used in the headlines of university advertising texts on new media platforms, their significance and effective potential in terms of the formation of emotional attractiveness in the network media space are revealed. The results show that network communication determines the significance of the emotional mode realized with the help of stylistic devices that are used in the headlines of university advertising texts. It is concluded that the colloquial manner, Internet slang, language play, components of non-verbal communication, as well as the use of certain syntactic structures make the style of headings casual and witty, and this, in turn, contributes to emotional rapprochement with the audience, improves the quality of communication and ultimately leads to a better understanding of information.

Keywords: advertising text, title, language and style, emotional intelligence, Weibo

Acknowledgments: This work was funded by the National Social Science Foundation of China. Project number: 21CXW025.

For citation: Song, Yu, & Chesnokova, N.I. Stylistics of headlines in advertising texts of admission campaigns through the prism of emotional intelligence (accounts of Chinese universities on the Weibo media-platform). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):416-426. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-416-426>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Реклама приёмной кампании является частью PR-продвижения вузов. Главной задачей рекламных текстов становится воздействие на потребителя с определённой целью. В сфере образования рекламные и PR-тексты создаются с целью привлечь абитуриентов и убедить их в преимуществах определённого вуза.

Заголовок выполняет ведущую роль в любом оформленном тексте. В рекламных текстах заголовок становится особенно важным компонентом, который обычно концентрирует главные смыслы предлагаемой информации, стремится отразить сущность рекламного контента в наименьшем количестве слов, чтобы снабдить аудиторию необходимыми знаниями и достичь эффективных результатов коммуникации. Это самый опе-

ративный инструмент для привлечения аудитории и установления связи с рекламным контентом.

Наиболее популярным ресурсом интернет-коммуникации становятся сегодня медиаплатформы, где общение происходит посредством аккаунтов. На цифровой медиаплатформе Weibo заголовки с оригинальными стилистическими характеристиками могут наиболее продуктивно передавать ключевой контент и завоёвывать внимание читателей.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Проблема исследования заключается в том, что рекламные тексты, создаваемые в рамках приёмных кампаний в аккаунтах китайских университетов на медиаплатформе Weibo, могут быть эффективными, если будут формировать необходимую эмоциональную реакцию у потребителя.

Исследовательский вопрос состоит в том, что, являясь основным инструментом формирования эмоциональной реакции, рекламный текст использует определённые стилистические инструменты для воздействия на эмоциональный интеллект аудитории.

Материалом исследования являются кейсы, собранные из аккаунтов десяти лучших китайских университетов, выбранных по итогам рейтинга влияния вузов в Weibo, объявленным «Weiboкампус» в феврале 2023 г., в результате отбора по ключевому слову «Приём» рекламных заголовков текстов приёмной тематики с июня 2022 г. до января 2023 г. Задачи и гипотеза исследования определили необходимость использования таких методов, как описание, обобщение, интерпретация и классификация материала, метод лексико-семантического и коммуникативного анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Исследования заголовков новостей на новых медиаплатформах в китайской академической науке проводятся в основном в области массовых коммуникаций. Учёные Кан Цин и Чжан Ли анализируют классификацию, стили и функции заголовков онлайн-новостей в

контексте развития теории массовой коммуникации и указывают на то, что заголовки онлайн-новостей должны быть связаны с реальными, интерактивными, внешними ссылками, мультимедиа, обеспечены простым поиском и другими характеристиками [1; 2]. Также проводится научный анализ заголовков с точки зрения риторики и лингвистики. Например, Чэнь Рудун [3] и Ван Сицзе [4] анализируют риторические качества заголовков новостей на основе изучения стиля синтаксических структур, метафор, цитат и заимствований, анализируют характеристики и значение определённых риторических приёмов.

Аналогичные исследования содержатся в работах Ян Сюэцин «Исследование риторических приёмов заголовков газетных новостей» [5]; Гун Шицзе «Исследование языковых изменений заголовков новостей «Жэньминь Жибао» [6]; Ян Сюэцин «Исследование языка заголовков новостей «Ухань Ивнинг Ньюс» [7] и Чжан Кэ «Исследование языковых характеристик Weibo» [8].

Кроме того, многие китайские учёные провели некоторые исследования заголовков новостей в российских СМИ. Например, в научной работе Чжан Жуйцзюань «Языковые особенности заголовков и средства их выражения в газете «Известия» учёный проанализировал средства выражения и языковые особенности и стиль заголовков в газете «Известия», подчеркнув, что иностранные слова, сленг, конструкции экспрессивного синтаксиса делают газетные заголовки более яркими, броскими и привлекательными и также отражают развитие и изменение русского языка [9]. В работе У Цин «Преобразование фразеологизмов в заголовках на русской газетной полосе» учёный проанализировала такие русскоязычные российские новостные сайты, как Lenta.ru, iz.ru, gazeta.ru и т. д. Отмечается, что применение фразеологизмов придаёт тексту юмористический характер, актуализирует каламбурные смыслы, усиливает привлекательность текста в представлении целевой аудитории [10].

Западные учёные начали изучение заголовков новостей относительно рано. Например, Fowler Roger [11] и Sanda Marcoci [12] анализируют различия между структурой

языка заголовка и обычного языка. Кроме того, в статье «Эффективные заголовки газетных статей в цифровой среде» Jeffrey Kuiken, Anne S. с соавт. [13] выявили языковые особенности заголовков новостей в цифровой среде на лексическом и грамматическом уровнях. В целом западный исследовательский подход к заголовкам новостей является более объёмным, включая в себя не только изучение языковых особенностей, риторических характеристик, но и влияние цифровой эпохи.

Эмоциональная реакция становится важным стимулом в формировании предпочтений и выборе вуза посредством восприятия информации в рекламном тексте. Успешное достижение рекламных целей требует сегодня не только грамотного изложения информации, но и формирования эмпатии посредством эмоционального освоения текстов. В последнее время этот вопрос обсуждается в рамках дискуссии о понятии эмоционального интеллекта, которое подробно рассматривается в трудах Даниеля Гоулмана, Давида Карузо, Питера Сэловея и других учёных. Даниель Гоулман считает, что «эмоции являются неотъемлемой частью мыслительного процесса, помогают и получению информации, и формированию ожидаемой реакции в процессе получения рекламных сведений» [14, с. 48]. Он предполагает, что к эмоциональным способностям относятся, с одной стороны, осознание и распознавание эмоций, с другой стороны, регуляция эмоций и управление ими [15]. Давид Карузо и Сэлоуей Питер обращают внимание на то, что эмоциям как двигателю коммуникации уделяется мало внимания [16, с. 36]. Другие учёные считают, что развитие эмоционального интеллекта определяет эффективность переработки информации [17]. При этом эмоциональные способности могут быть направлены на свои или на чужие эмоции. Направленность на чужие эмоции, безусловно, становится сегодня важным требованием к воздействующим текстам в массовой коммуникации [18].

К.Д. Ушинский, подчёркивая социальный смысл эмоций, говорил о том, что общество, которое больше заботится об образовании ума, совершает ошибку, ибо человек бо-

лее человек в том, как и что он чувствует, чем думает (цит. по: [19]). А.Б. Холмогорова и Н.Г. Гаранян предлагают рассматривать эмоцию как результат конструктивных процессов, которые изменяют перцептивные переживания во внутренний опыт, при этом модифицируя их [20]. Д.В. Ушаков выявляет способность наблюдать за собственными эмоциями и эмоциями других людей, различать их и использовать полученную информацию для управления мышлением и действиями [21].

Для воздействия на массовую аудиторию важным является представление Д.В. Люси-на об эмоциональном интеллекте как о способности отслеживать собственные и чужие эмоции и чувства, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий [22, с. 30]. Ещё более существенен вывод Д. Гоулмана, который считает, что решения принимаются на основе отражения эмоций и их осмысления как дифференцированной оценки событий, имеющих личностный смысл [23]. Наконец, резюмирующим итогом служит идея Д. Майера с соавт. о том, что эмоциональный интеллект означает способность отслеживать чувства других и использовать полученные знания для прогнозирования их поведения [24].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многие учёные изучают заголовки новостей с точки зрения коммуникационной лингвистики, отмечая, что, – будь то традиционные СМИ или новые медиа, – заголовки новостей не только отражают высокую степень обобщения новостного контента, но и играют ведущую роль в формировании интереса читателей к сообщаемой информации. Тем самым на первый план выходит функция воздействия и внушения, что с учётом цифровой специфики новых медиаплатформ требует непрерывного развития в использовании языковых средств.

Не менее важным в работе с массовой аудиторией становится понимание различных сторон эмоционального интеллекта, понимание которых даёт ключ к управлению эмоциями потребителей рекламных текстов. Во-первых, это распознавание эмоций, то

есть способность увидеть, почувствовать, обозначить эмоции в своих физических состояниях, в своих мыслях, а также, опираясь на средства языка, поведение, звуки, невербальные проявления, идентифицировать эмоции у других. Во-вторых, это понимание эмоций, а именно способность не только осмысливать эмоции, понимать сочетания эмоций, улавливать и распознавать переходы между эмоциональными состояниями. Наконец, это управление эмоциями, которое в рамках рекламной коммуникации определяется, прежде всего, как способность вызывать эмоции, в зависимости от их полезности или вредности в данной конкретной ситуации, способность управлять эмоциями массовой аудитории, усиливая её позитивные эмоции и смягчая отрицательные, но так, чтобы не исказить ту суть, тот информационный посыл, которые эмоции предназначены передать.

Построение и конструирование официальных аккаунтов китайских университетов в Weibo становится все более совершенным, а рекламы их приёмных компаний в аккаунтах Weibo становятся всё более разнообразными, включая в себя собственно вербальный текст, картинки, видео, прямые трансляции, ссылки и т. д. Десять лучших аккаунтов китайских университетов в рейтинге влияния вузов Weibo, объявленных «Weibo кампус» в феврале 2023 г., включают в себя: Университет Цинхуа, Пекинский университет, Уханьский университет, Чжэнчжоуский университет, Чжэцзянский университет, Сямыньский университет, Шанхайский университет Цзяотон, Сычуаньский университет, Университет Фудань и Университет электронных наук и технологий.

Высокая интерактивность цифровых медиаплатформ существенно воздействует на стилистику заголовков в университетских приёмных рекламах, опубликованных на Weibo: языковое разнообразие становится более свободным и живым. На официальных сайтах популярных китайских университетов рекламы приёмных кампаний формируются по строгому формату. На их страницах прежде всего публикуются такие важные сведения, как специальности, требования при по-

ступлении, контактная информация и т. д. На Weibo рекламные тексты написаны интерактивным и разговорным языком, включая заголовков, там создаётся свободная речевая атмосфера. Для поддержки этой атмосферы в заголовках можно использовать предложения с менее строгим синтаксисом и англоязычными заимствованиями. Например:

«[艾特] (@) абитуриентов из Фуцзяни, сколько баллов требуется для поступления в Сямыньский университет? Взгляните быстро!» (Сямыньский университет, 07.2022). Китайские иероглифы [艾特] используются здесь для обозначения [艾特] на английском языке, потому что произношение этих двух слов схоже, как [эт].

«Нужно поделиться! Топ-10 ключевых моментов набора в бакалавриат Сямыньского университета в 2022 году! Будущий XMUer, приходи и посмотри!» (Сямыньский университет, 06.2022). Сямыньский университет по-английски называется «Xiamenuniversity». Добавление [-er] в конце английского слова обычно относится к кому-то, точно так же, как [-тель] в русском языке. Студенты Сямыньского университета используют слово «Xiamenuniversityer» для обозначения самих себя, а «XMUer» – это сокращение от «Xiamenuniversityer». Этот вариант смешения китайского и английского не соответствует строгому классическому литературному типу речи, но он более популярен в Интернете и в китайской молодёжной среде. Интернет-коммуникаторы на Weibo от Сямыньского университета применяют этот стилистический приём в заголовке рекламы приёмной кампании на Weibo, что помогает сократить психологическую дистанцию между вузом и абитуриентами.

«На что похожа ваша молодость?» (Университет Цинхуа, 01.2023). Короткие вопросительные предложения типичны для ежедневных разговоров, привлекая внимание аудитории и заигывая темы.

«Я общаюсь с @Приёмная комиссия Уханьского университета в аудиоформате онлайн, приходите и смотрите» (Уханьский университет, 06.2022). Авторы используют ссылку «@Приёмная комиссия Уханьского

университета» в заголовке, чтобы расширить эффект распространения.

«Платформа облачного сервиса для приёма студентов Чжэцзянского университета в 2022 году запущена. *Вот так сюрприз!*» (Чжэцзянский университет, 06.2022); «Как выбрать специальность в Сямыньском университете? *Этот преподаватель ответит!*» (Сямыньский университет, 06.2022) и другие подобные заголовки используют языковые средства разговорного стиля для оперативного создания непринуждённой коммуникативной атмосферы.

Популярными стилистическими приёмами являются использование глаголов повелительного наклонения или выражение времени. Информация на Weibo очень интерактивна и быстро сменяется. На Weibo вызвать реакцию взаимодействия, привлечь внимание и инициировать тему для обсуждения, в рекламных заголовках приёмной тематики используется сегментация. Например, «*Пошли!* Второй раз объявлена контактная информация по приёмной консультации Чжэцзянского университета» (Чжэцзянский университет, 06.2022); «*Поехали!* Маршруты 30 приёмных рекламных групп Университета Фудань полностью опубликованы, *приходите и свяжитесь с нами!*» (Университет Фудань, 06.2022). Особое внимание уделяется указанию на время: «*В этом году!* Колледж марксизма Университета Цинхуа принимает студентов бакалавриата» (Университет Цинхуа, 06.2022); «*Обратный отсчёт – 20 дней!*» (Университет Цинхуа, 12.2022); «*19:00. Приёмная комиссия Чжэцзянского университета, открытый класс академиков 2022 года встретит вас!*» (Чжэцзянский университет, 06.2022); «*21 февраля* опубликованы результаты тестов, Сычуаньский университет ждёт вас!» (Сычуаньский университет, 02.2023). Кроме того, как в последнем примере часто используется олицетворение университета.

В последние годы большинство вузов активно используют интернет-сленг в рекламных заголовках приёмной тематики на Weibo. Например, «сеиньгэн» (谐音梗) – омонимный стилистический приём использования слов или фраз с похожим звучанием для замены оригинальных слов или фраз для вы-

ражения дополнительного значения и создания остроумной коммуникативной атмосферы. Например, Университет Цинхуа, Пекинский университет, Чжэнчжоуский университет, Сямыньский университет и т. д. Немало вузов используют «сеиньгэн» в заголовках рекламных текстов приёмной кампании в Weibo. Например: «*郑在等你*» (Чжэнчжоуский университет, 08.2022). Произношение этого заголовка по-китайски – [Чжэн цзайдэн ни], что представляет собой короткое китайское предложение, означающее [Я жду тебя]. Чжэнчжоуский университет находится в городе Чжэнчжоу, а город Чжэнчжоу для краткости называют «Чжэн», Чжэнчжоуский университет называет себя в рекламе «Чжэн». Такая игра слов означает, что Чжэнчжоуский университет ждёт прихода абитуриентов.

Ещё один пример: «*我在厦一站等你*» (Сямыньский университет, 07.2022). Звучание этого заголовка по-китайски – [во цзайся и чжандэн ни], что является коротким китайским предложением, означающим [Я жду тебя на следующей станции]. Сямыньский университет находится в городе Сямынь, а город Сямынь сокращённо называется «Ся». В рекламе Сямыньский университет использует своё сокращённое сленговое название «Ся» для обозначения самого себя. Этот заголовок означает, что Сямыньский университет приветствует стремление абитуриентов выбрать его для поступления.

«Сеиньгэн» довольно популярны в Интернете и среди китайских подростков. Такие остроумные и интересные заголовки могут заинтересовать аудиторию, повысить интерес аудитории к чтению информации, сократить дистанцию между вузами и абитуриентами и повысить желание аудитории взаимодействовать с вузом.

Для молодой аудитории эмоджи – это уникальный и популярный способ быстрого выражения эмоций. Эмоджи – это визуальный эмоциональный символ, широко используемый в беспроводной связи в Японии в различных текстовых сообщениях мобильных телефонов и социальных сетях (<https://baike.baidu.com/item/emoji/8154456>), что значительно обогащает эмоциональность

онлайн-общения и нравится молодым пользователям. В рекламных заголовках приёмной тематики эмоджи улучшают визуальный эффект заголовка. Например: «Приходите! Второй раз объявлена контактная информация по приёмной консультации Чжэцзянского университета» (Чжэцзянский университет, 06.2022):

【来了！浙大各地招生咨询联系方式第二波公布

«Важная информация для вступительных экзаменов в магистратуру 2023 года. Пожалуйста, проверьте!» (Уханьский университет, 12.2022):

武汉大学

22-12-20 来自 Xiaomi 12S Ultra

【2023年考研重要信息，请查收📧】离2023年

«Не знаешь, как выбрать вуз? Давай мы научим тебя, как правильно прочитать информацию о приёме!» (Университет электронных наук и технологий, 06.2022):

#2022我在电子科大等你# #高考志愿#

高考志愿填报无头绪?

让我电学姐教你第一步怎样看懂招生章程吧! 📧

Такие стилистические приёмы рекламных заголовков приёмной тематики на Weibo отражают влияние развивающейся онлайн-культуры на продвижение вузов на медиаплатформах. Язык заголовков изменился, став ближе к жизни аудитории, легче воспринимаемым и с большей вероятностью вызывающим интерес.

В ходе исследования обнаруживается, что многие вузы используют синтаксически короткие предложения в большом количестве рекламных заголовков приёмной тематики на Weibo. В современном китайском языке короткие предложения состоят из нескольких слов, имеют простую структуру и ясный смысл. В цифровую эпоху аудитория охотнее тратит меньше времени на получение максимального объёма информации в Интернете. Именно эта особенность онлайн-коммуникации и психологические потребности аудитории приводят к тому, что короткие предложения широко используются в заголовках. Таким образом, в рекламных текстах более охотно используют «вычитание» в синтакси-

ческой структуре рекламных заголовков приёмной тематики на Weibo (меньше слов, более простые структуры предложения), но предпочитают «сложение» в семантике (выражение дополнительных смыслов).

Например: «Узнайте свою специальность в одном предложении» (почти во всех вузовских аккаунтах есть такой заголовок); «Обязательно посмотрите! Иду!» (Чжэцзянский университет, 06.2022); «Познакомим вас с Сямыньским университетом захватывающе!» (Сямыньский университет, 06.2022) и т. д. Эти заголовки стремятся выразить очень богатую и полезную информацию в наименьшем количестве слов, что помогает сразу уловить интерес аудитории поверхностного короткого чтения.

Распространённый стилистический приём – применение коротких предложений с клишированными синтаксическими структурами. Этот способ на платформе Weibo называется «жанр Weibo» и относится к популярным характеристикам этой медиаплатформы. Использование «жанра Weibo» в заголовках заключается в том, чтобы вложить смысл, который нужно выразить, в относительно простые короткие предложения, и фиксированная структура таких коротких предложений может создать определённый тематический контекст. Например, почти все вузы публикуют рекламные тексты приёмной тематики на платформе Weibo с заголовком следующего образца: «Сколько баллов нужно, чтобы поступить в (такой-то) университет», «Десять причин выбрать (такой-то) университет/специальность», «Я жду вас в (таком-то) университете» и т. д. Многие китайские университеты используют этот тип заголовков в виде короткой синтаксической структуры для выпуска серии рекламных текстов приёмных кампаний. В каждом новом выпуске используется заголовок с фиксированным типом предложения, чтобы ознакомить аудиторию с различным содержанием о специальностях, преподавателях и т. д. Такая фиксированная структура не только чётко отражает информацию о вузах, но и обеспечивает преимущество в поисковых системах перед сообщениями других университетов со схожей информацией в сетевых медиаресур-

сах, что очень подходит для использования на новых медиаплатформах, таких как Weibo.

В риторическом аспекте популярно использование выразительного знака препинания «восклицательный знак». Он широко используется в заголовках рекламных текстов приёмной кампании в аккаунтах вузов на медиаплатформе Weibo. Заголовки новостей на платформе Weibo не ограничены набором текста и другими требованиями как серьёзные пресс-релизы. Увеличение количества восклицательных заголовков и восклицательных знаков в их конце усиливает степень выражения эмоций, привлекает внимание. Например: «Важно! Рекламный фильм о приёме в 2022 году «Обучение в Сямыньском университете» здесь!!» (Сямыньский университет, 06.2022); «Университет пришёл! Объявление о приёме в бакалавриат Шанхайского университета Цзяотун в 2022 году!» (Шанхайский университет Цзяотун, 06.2022) и другие подобные заголовки реклам приёмных кампаний используют восклицание, чтобы усилить экспрессию новостного контента.

Также часто используют риторический вопрос. Например: «Результаты вступительных экзаменов опубликованы. Как выбрать университет? Информация о поступлении в Фудань открыта» (Университет Фудань, 07.2022); «Результаты вступительных экзаменов скоро будут опубликованы. Сколько баллов дают поступить в Сычуаньский университет?» (Сычуаньский университет, 06.2022). Такие заголовки предоставляют ключевую информацию и привлекают к ней внимание, инициируют взаимное эмоциональное обсуждение с аудиторией.

Такие стилистические приёмы в заголовках реклам приёмных кампаний университетов на Weibo также помогают не только лучше и быстрее сообщить и распространить ключевую информацию о поступлении, но и увеличить объём чтения и максимально повысить убедительность.

ВЫВОДЫ

Заголовки – это высокая степень обобщения новостного контента. В эпоху быстро-

го чтения люди ещё чаще, чем раньше, используют заголовки для определения ценности информации для чтения. При создании заголовков необходимо учитывать влияние диверсификации информации в эпоху новых медиа. В дополнение к ценности художественной красоты и уникальности заголовка также необходимо обращать внимание на подчинённость заголовка содержанию информации: заголовок не может быть отделён от основной части новостного контента. Заголовки рекламных текстов приёмной кампании в университетах Китая, размещаемые на медиаплатформе Weibo, нуждаются в более ярком, отличительном языковом стиле, чтобы привлечь внимание аудитории и достичь цели передачи информации. В зависимости от потребностей аудитории, в дополнение к использованию традиционных языковых средств (как на официальных сайтах вузов), заголовки рекламных текстов приёмной кампании должны учитывать привлекательность разговорного стиля, чтобы усилить взаимодействие с аудиторией, использовать интернет-сленг для углубления мультикультурного характера вузов. Особые синтаксические структуры и риторические приёмы помогают сделать коммуникативные характеристики заголовков более отчётливыми, сократить психологическую дистанцию между вузами и аудиторией. Удачное использование языка и риторики для формирования уникальных стилистических характеристик привлечёт внимание аудитории к чтению приёмной рекламы вузов, а также может способствовать вторичному распространению информации аудиторией.

Исследованные стилистические приёмы, использующиеся в заголовках рекламных текстов приёмных кампаний китайских университетов на медиаплатформе Weibo, способствуют формированию положительных эмоций, воздействующих на позитивное восприятие информации массовой аудиторией. В процессе освоения этих рекламных текстов аудитория получает возможность развивать свою способность отслеживать свои и чужие эмоции в процессе переработки этой информации, выявлять связь эмоций друг с другом и использовать эмоционально заряженную

информацию в качестве основы для мышления и принятия решений.

Тем самым данные стилистические средства демонстрируют использование эмоций для повышения эффективности мышления и интеллектуальной деятельности, использования эмоций с целью направления внимания на важные события. Подобная способность вызывать позитивные эмоции позволяет усилить потенциал эффективности и использовать стилистические приёмы в качестве инстру-

мента формирования эмоциональной благосклонности массовой аудитории, разговорная манера, интернет-сленг, языковая игра, компоненты невербальной коммуникации, а также применение определённых синтаксических структур делают стиль заголовков непринуждённым и остроумным, а это в свою очередь способствует эмоциональному сближению с аудиторией, повышает качество коммуникации и в конечном итоге приводит к более качественному усвоению информации.

Список источников

1. Кан Ц. О заголовках онлайн-новостей: [магистерская диссертация]. Шаньдун, 2005 [康庆: 论网络新闻的标题. 山东, 2005]
2. Чжан Л. Сравнительный анализ заголовков онлайн-новостей и газетных новостей – на примере Жэньминь Жибао онлайн и Жэньминь Жибао: [магистерская диссертация]. Шаньдун, 2015 [张丽: 网络新闻标题与报纸新闻标题的比较研究 — 以人民网和人民日报为例. 山东, 2015]
3. Чэнь Р. Курс риторики. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2014 [陈汝东: 修辞学教程. 北京大学出版社, 2014]
4. Ван С. Китайская риторика. Коммерческая пресса, 2013 [王希杰: 汉语修辞学. 商务印书馆, 2013]
5. Ян С. Исследование риторических приёмов заголовков газетных новостей // Китайская пресса. 2019. № 01. С. 71-72. [杨雪晴: 报纸新闻标题的修辞手法研究. 中国报业, 2019 年第 1 期, 第 71-72 页]
6. Гун Ш. Исследование языковых изменений заголовков новостей «Жэньминь жибао»: [магистерская диссертация]. Цзянси, 2018 [龚世婕: “人民日报” 新闻标题语言变化研究. 江西, 2018]
7. Ян С. Исследование языка заголовков новостей «Ухань Ивнинг Ньюс»: [магистерская диссертация]. Шанхай, 2018 [杨小静: “武汉晚报” 新闻标题语言研究. 上海, 2018]
8. Чжан К. Исследование языковых характеристик Weibo: [магистерская диссертация]. Шэньси, 2012 [张可: 微博语言特征研究. 陕西, 2012]
9. Чжан Ж. Языковые особенности заголовков и средства их выражения в газете «Известия»: [магистерская диссертация]. Шаньдун, 2011 [张瑞娟: 谈俄罗斯消息报标题的语言特点及表达手段. 山东, 2011]
10. У Цин Преобразование фразеологизмов в заголовках на русской газетной полосе: [магистерская диссертация]. Нанкин, 2019 [吴青: 俄语报刊标题中的成语活用研究. 南京, 2019]
11. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the press. London; New York: Routledge, 1991. 254 p. URL: <https://archive.org/details/languageinnewsdi0000fowl/page/n1/mode/2up>
12. Sanda M. Some Typical Linguistic Features of English Newspaper Headlines // Linguistic and Philosophical Investigations. 2014. № 13. P. 708-714. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Some-Typical-Linguistic-Features-of-English-Marcoci/59965eff0bf3c1ee0b3e3de69b2f1d192f5acc69>
13. Jeffrey K., Anne S., Martijn S., Maarten M. Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment // Digital Journalism. 2017. Vol. 5. № 10. P. 1300-1314. <http://dx.doi.org/10.1080/21670811.2017.1279978>
14. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект: Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 536 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006590695>
15. Goleman D. An EI-based theory of performance // Cherniss C., Goleman D. (eds.). The emotionally intelligent workplace. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. P. 27-43. URL: https://eiconsortium.org/reprints/ei_theory_performance.html
16. Карузо Д., Сэловей П. Эмоциональный интеллект руководителя. Как развивать и применять. СПб.: Питер, 2016. 319 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008549236>

17. Matthews G., Zeidner M. Emotional intelligence, adaptation to stressful encounters, and health outcomes // Bar-On R., Parker J.D.A. (eds.). Handbook of emotional intelligence. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 459-489. URL: <https://library.villanova.edu/Find/Record/534896/TOC>
18. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // Bar-On R., Parker J.D.A. (eds.). Handbook of emotional intelligence. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363-388. URL: https://openlibrary.org/books/OL16986794M/The_handbook_of_emotional_intelligence
19. Спассибенко С.Г. Эмоциональное и рациональное в социальной структуре человека // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 2. С. 109-125. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=256458>
20. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61-74. <https://elibrary.ru/qzcfvp>
21. Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 11-30. <https://elibrary.ru/sgbsbz>
22. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 29-36. <https://elibrary.ru/uvgygb>
23. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с. URL: https://sdo.mgpu.ru/pluginfile.php?file=%2F498074%2Fmod_folder%2Fcontent%2F0%2FДэниел-Гоулман-Эмоциональный-интеллект.pdf&forcedownload=1
24. Mayer J.D., DiPaolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence // Journal of Personality Assessment. 1990. Vol. 54. № 3-4. P. 772-781. <https://doi.org/10.1080/00223891.1990.9674037>

References

1. Kan C. *On the title of online news [Master's dissertation]*. Shandong, 2005. (In Chinese).
2. Zhang L *A comparative study of Online news headlines and newspaper news headlines – take People's Daily and People's Daily as an example [Master's dissertation]*. Shandong, 2015. (In Chinese).
3. Chen R. *Rhetoric Tutorial*. Beijing, Beijing University Press, 2014. (In Chinese).
4. Van S. *Chinese Rhetoric*. The Commercial Press, 2013. (In Chinese).
5. Jan S. *Research on the rhetorical techniques of newspaper news headlines*. China Press, 2019, no. 1, pp. 71-72. (In Chinese).
6. Gong Sh. *Research on language: Changes in the headline of the "People's Daily" news [Master's dissertation]*. Jiangxi, 2018. (In Chinese).
7. Jan S. *"Wuhan Evening News" News Title Language Research [Master's dissertation]*. Shanghai, 2018. (In Chinese).
8. Zhang K. *Research on the language: Characteristics of Weibo [Master's dissertation]*. Shaanxi, 2012. (In Chinese).
9. Zhang J. *Talking about the language characteristics and expression methods of the title of the Russian press [Master's dissertation]*. Shandong, 2011. (In Chinese).
10. Wu Qing. *Research on the use of Idioms in Russian newspaper headlines [Master's dissertation]*. Nanjing, 2019. (In Chinese).
11. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London, New York, Routledge Publ., 1991, 254 p. Available at: <https://archive.org/details/languageinnewsdi0000fowl/page/n1/mode/2up>
12. Sanda M. Some typical linguistic features of English newspaper headlines. *Linguistic and Philosophical Investigations*, 2014, no. 13, pp. 708-714. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Some-Typical-Linguistic-Features-of-English-Marcoci/59965eff0bf3c1ee0b3e3de69b2f1d192f5acc69>
13. Jeffrey K., Anne S., Martijn S., Maarten M. Effective headlines of newspaper articles in a digital environment. *Digital Journalism*, 2017, vol. 5, no. 10, pp. 1300-1314. <http://dx.doi.org/10.1080/21670811.2017.1279978>
14. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt: Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ [Emotional Intelligence: Why it Can Mean More than IQ]*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013, 536 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006590695>
15. Goleman D. An EI-based theory of performance. *The emotionally intelligent workplace*. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 2001, pp. 27-43. Available at: https://eiconsortium.org/reprints/ei_theory_performance.html

16. Karuzo D., Selovei P. *Emotsional'nyi intellekt rukovoditelya. Kak razvivat' i primenyat'* [Emotional Intelligence of the Leader. How to Develop and Apply]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016, 319 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008549236>
17. Matthews G., Zeidner M. Emotional intelligence, adaptation to stressful encounters, and health outcomes. In: Bar-On R., Parker J.D.A. (eds.). *Handbook of emotional intelligence*. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 2000, pp. 459-489. Available at: <https://library.villanova.edu/Find/Record/534896/TOC>
18. Bar-On R. Emotional and social intelligence: insights from the emotional quotient inventory. In: Bar-On R., Parker J.D.A. (eds.). *Handbook of emotional intelligence*. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 2000, pp. 363-388. Available at: https://openlibrary.org/books/OL16986794M/The_handbook_of_emotional_intelligence
19. Spasibenko S.G. Emotsional'noe i ratsional'noe v sotsial'noi strukture cheloveka [Emotional and rational in the social structure of human]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2002, no. 2, pp. 109-125. (In Russ.) Available at: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=256458>
20. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Kul'tura, emotsii i psikhicheskoe zdorov'e [Culture, emotions and mental health]. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*, 1999, no. 2, pp. 61-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzcfvp>
21. Ushakov D.V. Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: nadezhdy, somneniya, perspektivy [Social and emotional intelligence: hopes, doubts, prospects]. In: Lyusina D.V., Ushakov D.V. *Sbornik statei «Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: Ot protsessov k izmereniyam»* [Proceedings "Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurement"]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2009, pp. 11-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sghbsbz>
22. Lyusin D.V. Sovremennye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte [Modern concepts of emotional intelligence]. In: Lyusina D.V., Ushakov D.V. *Sbornik statei «Sotsial'nyi intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya»* [Proceedings "Social Intelligence: Theory, Measurement, Researches"]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2004, pp. 29-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvgygb>
23. Goulman D. *Emotsional'nyi intellekt* [Emotional Intellect]. Moscow, ACT Publ., ACT MOSCOW Publ., Vladimir, VKT Publ., 2009, 478 p. (In Russ.) Available at: https://sdo.mgpu.ru/pluginfile.php?file=%2F498074%2Fmod_folder%2Fcontent%2F0%2FDэниел-Гоулман-Эмоциональный-интеллект.pdf&forcedownload=1
24. Mayer J.D., DiPaolo M., Salovey P. Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence. *Journal of Personality Assessment*, 1990, vol. 54, no. 3-4, pp. 772-781. <https://doi.org/10.1080/00223891.1990.9674037>

Информация об авторах

Сун Юй, научный сотрудник исследовательского центра «Один пояс, один путь», Ланьчжоуский университет, Ганьсу, Ланьчжоу, Китайская Народная Республика; аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8215-7217>, 135845291@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ аккаунтов китайских университетов, сбор и анализ материала, обзор источников, написание и оформление текста статьи.

Чеснокова Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, проректор по организации приёма, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9229-383X>, chesnokova-ni@rudn.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ материала, обзор источников, написание и оформление текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 05.03.2023
Одобрена после рецензирования 17.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the authors

Song Yu, Research Scholar of Research Center "One Belt, One Way", Lanzhou University, Lanzhou, Gansu, People's Republic of China; Post-Graduate Student of Mass Communication Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8215-7217>, 135845291@mail.ru

Contribution: main study conception, Chinese universities accounts analysis, material collecting and analysis, manuscript text drafting and design.

Natalia I. Chesnokova, PhD (Philology), Vice-Rector for the Organization of Reception, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9229-383X>, chesnokova-ni@rudn.ru

Contribution: main study conception, material collecting and analysis, manuscript text drafting and design.

There is no conflict of interests.

Received March 05, 2023
Revised April 17, 2023
Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-427-434>

Шифр научной специальности 5.9.9

Событийные коммуникации в условиях медиатизации: актуальные проблемы и сферы применения

Андрей Васильевич ПРОХОРОВ , Евгения Петровна СЕМИШОВА ,
Тамара Геннадиевна ПЯДЫШЕВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ proh_and@rambler.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблематике и потенциалу применения событийного продвижения брендов в условиях конкурентных рынков. Идея продвижения брендов, товаров и услуг средствами специальных событий не нова. Данное направление неоднократно рассматривалось с разных позиций в русле различных философий маркетинга (атмосферного маркетинга, маркетинга впечатлений, эмоционального маркетинга, маркетинга вовлечения и др.). Рынок событийного маркетинга демонстрировал падение в 2020–2021 гг. на фоне пандемии коронавируса, которая, в свою очередь, задала тренд на развитие цифровых специальных событий, а позднее – гибридных. На повестке дня теоретиков и практиков стоят следующие проблематики: а) определение критериев оценки эффективности специальных событий; б) оценка перспективности цифровых и гибридных специальных событий; в) применение событийного маркетинга в контексте продвижения брендов организаций социально-культурной сферы, территориальных брендов; г) повышение вовлеченности аудитории специальных событий, в том числе средствами геймифицированных решений.

Ключевые слова: событийный маркетинг, специальное событие, бренд, территориальный брендинг, медиатизация

Для цитирования: Прохоров А.В., Семишова Е.П., Пядышева Т.Г. Событийные коммуникации в условиях медиатизации: актуальные проблемы и сферы применения // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 427-434. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-427-434>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Event communications in the conditions of mediatization: actual problems and applications

Andrey V. PROKHOROV , Evgenia P. SEMISHOVA ,

Tamara G. PYADYSHEVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 proh_and@rambler.ru

Abstract. The study is devoted to topical issues and the potential of using event-based brand promotion in competitive markets. The idea of promoting brands, products and services through special events is not new. This direction has been repeatedly considered from different positions in line with various marketing philosophies (atmospheric marketing, impression marketing, emotional marketing, engagement marketing, etc.). The event marketing market showed a decline in 2020–2021. against the background of the coronavirus pandemic, which, in turn, set the trend for the development of digital special events, and later hybrid ones. The following issues are on the agenda of theorists and practitioners: a) defining criteria for evaluating the effectiveness of special events; b) assessing the prospects of digital and hybrid special events; c) the use of event marketing in the context of promoting brands of organizations in the socio-cultural sphere, territorial brands; d) increasing the involvement of the audience of special events, including by means of gamified solutions.

Keywords: event marketing, special event, brand, territorial branding, mediatization

For citation: Prokhorov, A.V., Semishova, E.P., & Pyadysheva, T.G. Event communications in the conditions of mediatization: actual problems and applications. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):427-434. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-427-434>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия специалисты обращают внимание на необходимость поиска новых каналов и инструментов коммуникации с целевыми аудиториями на фоне заметного снижения чувствительности к традиционным инструментам продвижения [1; 2]. Специалисты всё чаще отмечают, что потребители стали менее чувствительными к массовым товарам и услугам со схожими характеристиками, накопилась определённая «усталость» [2; 3]. В качестве выхода из данной ситуации может рассматриваться выпуск нового продукта, ориентированного на более узкую аудиторию [2]. Производство товаров, ориентированных на запросы отдельных потребителей, является достаточно трудоёмким

и затратным процессом, поэтому считается целесообразным производство массовых товаров, при разработке которых принимались бы во внимание запросы отдельных потребителей. В условиях экономики впечатлений «люди стремятся покупать вещи психологически им близкие», что усложняет работу производителей [2, с. 75].

В современном маркетинге получают развитие концепции, ориентированные на формирование устойчивой эмоциональной связи между брендом и потребителем (концепции маркетинга впечатлений, маркетинга вовлечения, эмоционального маркетинга, атмосферного маркетинга и др.) [4–9]. Действительно, как отмечает Д. Консоли, бренды демонстрируют заинтересованность в построении «эмоционального канала доверия и

взаимовыгодного сотрудничества» (“emotional channel of trust and mutual collaboration”). Эмоции рассматриваются в качестве универсального языка, на котором «все говорят и все понимают» [5]. В условиях общего тренда на медиатизацию общественных отношений реализация мероприятий событийного маркетинга (специальных событий) не представляется в полной мере возможной без поддержки со стороны медиа на всех этапах реализации специального события.

В 2020–2021 гг. рынок специальных событий демонстрировал падение на фоне ограничительных мер, вызванных пандемией коронавируса. Данные ограничения позволили иначе взглянуть на событийную коммуникацию, которая в пандемийный период получила развитие в цифровой среде, позднее популярность получили гибридные события, самым наглядным примером которых могут считаться научно-практические конференции, объединяющие офлайн и онлайн-участников.

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В качестве канала обеспечения коммуникации с аудиторией в целях построения эмоциональной связи с брендом нередко прибегают к событийному маркетингу, рассматриваемому в качестве актуального дополнения к традиционным маркетинг-микс коммуникациям [10; 11]. Единицей событийного маркетинга следует считать специальное событие, которое может быть охарактеризовано как необычное, уникальное. Подобное событие призвано познакомить аудиторию с брендом, продуктом, позволить наладить коммуникацию с потребителем, оживить «мир бренда» (“specifically self-staged brand world”) [10].

С развитием событийного маркетинга западные специалисты акцентируют внимание на необходимости «управления событиями», под которым понимают разработку и координацию события [12]. Это, в свою очередь, подчёркивает место событийного маркетинга в системе продвижения бренда,

сложность направления самого направления маркетинга.

Ведущей задачей событийного маркетинга следует считать оказание эмоционального воздействия на аудиторию. Важным эффектом событийного маркетинга является «перенос имиджа» события (“image transfer”) на сам бренд или продукт, под которым следует понимать не само действие бренда, а реакцию аудитории на событие [10, p. 45].

В специальной литературе обсуждаются различные эффекты реализации специального события. Например, потребитель может являться участником специального события, но в случае отсутствия органической связи между событием и брендом эффект может быть отрицательным. Г. Нуфер среди эффектов событийного маркетинга выделяет «отсутствие эффекта» (ни положительного, ни отрицательного) или даже «отрицательный эффект» [10, p. 47]. Поэтому не следует воспринимать событийный маркетинг как непременно выигрышный инструмент для бренда. По мнению Г. Нуфера, специальное событие может не вызывать необходимых эмоций у участника и/или потребителя, на месте реализации события участник (потребитель) не получает необходимой информации о бренде или компании-инициаторе. Либо может возникать ситуация, когда потребитель получает определённые эмоции в совокупности с информацией, но между событием и брендом отсутствует близость или потребитель не принимает (искусственно) построенный связи между событием и брендом [10].

Важным представляется процесс управления событийным маркетингом, который представляет собой «перекрёстный комплекс потоков процессов управления с функциями управления и маркетинга» [12, p. 5410]. Процесс управления событийным маркетингом начинается с исследования, продолжается планированием мероприятия, организацией и реализацией, развёртыванием контрольных операций, чтобы в конце мероприятия провести оценку и повторить цикл путём проведения нового исследования.

Тщательной разработки требуют критерии возможных эффектов и методики оценки

эффективности событийного маркетинга. А.В. Вотякова и Ю.Н. Поляков с опорой на западные исследования приводят следующие критерии успешного события: вовлечённость, взаимодействие, погружение, интенсивность, индивидуальность, инновации, целостность (подробнее см.: [13]). Успешное специальное событие может быть усилено средствами других инструментов продвижения, в первую очередь традиционными и новыми медиа.

Благодаря сложившемуся опыту событийного маркетинга сформировались требования к реализации специальным событиям: ориентированность на клиентов и деловых партнёров; интерактивность; гибкость и адаптивность сценария специального события к потребностям и особенностям целевой аудитории; наличие призов, форм поощрения; прозрачность игровых форм, используемых в специальном событии.

В целях повышения вовлечённости представителей целевой аудитории в реализуемые специальные события специалистами предлагается использование геймификации, которая продемонстрировала свою состоятельность в сферах образования, психологии, маркетинга. Геймификация применима на различных стадиях реализации специального события: на этапе анонса, стадии приветствия и знакомства участников события. Кроме того, элементы геймификации могут быть встроены в отдельные этапы самого события. Геймификацию также рекомендуют использовать при аккумуляции обратной связи, в том числе отзывов участников по результатам реализации специального события. При использовании элементов геймификации в событийном маркетинге важно следовать ряду правил.

Обобщив многочисленные примеры применения геймификации при реализации специальных событий, В.В. Ромашкин выделил ряд правил:

- геймификация должна нести понятную, достижимую актуальную для игрока цель;
- правила геймификации должны быть понятны игроку;
- геймификация должна иметь простые для выполнения задания;

- игровая механика должна полно и точно отражать прогресс игрока;
- в геймификации игрок должен получить материальную награду;
- нельзя процесс геймификации полностью превращать в игру и предлагать только виртуальные достижения за участие;
- игра должна быть ограничена по механике взаимодействия в рамках правил [14, с. 200].

На различных этапах реализации специального события важное значение приобретает его информационное сопровождение в традиционных и новых медиа. Освещение специального события в медиа на этапе его подготовки позволяет рассказать о привлекательности планируемого события, раскрывая преимущества, которые будут иметь участники.

СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОБЫТИЙНОГО МАРКЕТИНГА

Специалисты нередко рассматривают событийный маркетинг в контексте маркетинга территорий, актуальность которого вызвана процессами глобализации и усилением конкуренции между территориями [15; 16]. Маркетинг территорий может охватывать как территории внутри страны, так и конкуренцию между странами. К основным направлениям территориального соперничества относят конкуренцию за инвестиции, туристические потоки, трудовые ресурсы и т. д.

В 2023 г. проблема территориального брендинга (геобрендинга) стала магистральной темой IX Международной научно-практической конференции «Брендинг как коммуникационная технология XXI века» (г. Санкт-Петербург) [17]. В статье, открывающей сборник материалов конференции, А.Д. Кривоносов и Т.Ю. Лебедева предлагают классификацию аттракторов геобрендинга по различным критериям. В категоризации аттракторов геобрендинга «по виду» ими рассматриваются ивент и проект [18]. Действительно, отечественный опыт последних лет подчёркивает событийную составляющую территориального брендинга.

При реализации событийного маркетинга применительно к территории важно пони-

мать параметры целевой аудитории (резиденты территории, инвесторы, туристы, представители бизнеса), характеристики, отражающие территорию и территориальный продукт. Предлагаемые специальные события должны коррелировать с ценностями территориального бренда – уже сложившегося или желаемого. Последнее десятилетие характеризуется появлением событий, призванных стать триггерами привлекательности для отдельных территорий. К таким событиям можно отнести, например, Международный фестиваль академической музыки «Кантата», который проходит на исторических площадках Калининградской области. До своего переезда в г. Воронеж визитной карточкой Тамбовской области выступал рок-фестиваль «Чернозём», популярностью пользуется Межрегиональный фестиваль хоровой музыки «Песни над Цной», набирает популярность фестиваль «Модерн», предполагающий иммерсивность участников в атмосферу русского модерна.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ В ПРОДВИЖЕНИИ БРЕНДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Специальные события активно применяются в продвижении брендов образовательных учреждений, в частности брендов университетов [19–22]. Востребованным форматом специального события является «Ночь в университете», получившая развитие в отдельных вузах по аналогии с популярными проектами «Ночь в музее» и «Библионочь». Данный формат представляется привлекательным с точки зрения как высшего учебного заведения, так и потенциальной аудитории события в силу его неформального характера, возможности продемонстрировать и увидеть университет с другого, непривычного ракурса. Формат «Ночь в университете» продемонстрировал свою жизнеспособность в ряде российских вузов (Высшая

школа экономики, Балтийский федеральный университет, Пермский государственный научно-исследовательский университет, Российский университет дружбы народов, Северный (Арктический) федеральный университет, Саратовский государственный университет, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина). В рамках «Ночи...», как правило, свои двери открывают вузовские музеи, проводятся экскурсии, рассказывающие о легендах учебных корпусов, предлагаются мастер-классы и тренинги, отражающие как профессиональные интересы преподавателей и учёных вуза, так и их хобби. По аудиторному составу формат «Ночи...» ориентирован на самый широкий круг посетителей, в том числе внешнюю аудиторию [9], тем самым университеты демонстрируют свою открытость, акцентируют внимание на роли учебного заведения в региональном сообществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Событийный маркетинг возвращает свои позиции в арсенале маркетинговых коммуникаций бренда после периода 2020–2021 гг., связанного с ограничениями по реализации офлайн-событий. Ограничительные меры в свою очередь открыли перед брендами дополнительные возможности: сформировался тренд на специальные события в онлайн-среде, гибридные специальные события. На фоне очевидного значения событийных коммуникаций в системе продвижения бренда перед специалистами актуально решение проблем, связанных с: а) определением критериев оценки эффективности специальных событий; б) оценкой и прогнозом перспектив цифровых и гибридных специальных событий; в) применением событийного маркетинга в контексте продвижения брендов организаций социально-культурной сферы, территориальных брендов; г) повышением вовлечённости аудитории специальных событий.

Список источников

1. Martensen A., Grønholdt L., Jensen M.J. Application of a Model for the Effectiveness of Event Marketing // Journal of Advertising Research. 2007. Vol. 47. Issue 3. P. 283-301. <https://doi.org/10.2501/S0021849907070316>
2. Карпова С.В. Развитие инновационных направлений маркетинга // Управленческие науки. 2013. № 2. С. 71-76. <https://elibrary.ru/qccupj>
3. Прохоров А.В. Продвижение образовательных услуг в русле философии маркетинга впечатлений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 180. С. 17-23. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-180-17-23>, <https://elibrary.ru/wtjkio>
4. Пайн Дж.Б., Гилмор Дж.Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Изд-во «Вильямс», 2005. 304 с. URL: https://www.studmed.ru/payn-dzhozef-b-gilmor-dzheymys-h-ekonomika-vpechatleniy-rabota-eto-teatr-a-kazhdyy-biznes-scena_5206df37066.html
5. Consoli D. A New concept of marketing: the emotional marketing // BRAND. Broad Research in Accounting, Negotiation, and Distribution. 2010. Vol. 1. Issue 1. P. 1-8. URL: <https://www.edusoft.ro/brain/index.php/brand/article/view/76/170>
6. Schmitt B. Experiential marketing // Journal of Marketing Management. 1999. Vol. 15. P. 53-67. URL: <https://jungkirbalik.files.wordpress.com/2008/06/experiential-marketing.pdf>
7. Schmitt B. Experience marketing: concepts, frameworks and consumer insights // Foundations and Trends in Marketing. 2011. Vol. 5. № 2. P. 55-112. <https://doi.org/10.1561/1700000027>
8. Kotler Ph. Atmospherics as a marketing tool // Journal of Retailing. 1973. № 49. P. 48-64. URL: https://www.researchgate.net/publication/239435728_Atmospherics_as_a_Marketing_Tool
9. Прохоров А.В., Пядышева Т.Г. Современные направления маркетинга в сфере образовательных услуг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 195. С. 39-49. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-39-49>, <https://elibrary.ru/gtjbggh>
10. Nufer G. Event Marketing and Attitude Changes // Journal of International Business Research and Marketing. 2016. Vol. 1. Issue 3. P. 44-49. URL: https://www.researchgate.net/publication/335464754_Event_Marketing_and_Attitude_Changes
11. Nufer G. Creating an image transfer through event marketing: principles, requirements and consequences // European Journal of Business and Social Sciences. 2015. Vol. 3. № 12. P. 01-18. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35286979.pdf>
12. Daniel M., Bogdanb G., Danielc Z. The use of event marketing management strategies // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 46. P. 5409-5413. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.448>
13. Вотякова А.В., Поляков Ю.Н. Подходы к определению эффективности событийного маркетинга // Менеджмент: теория и практика. 2020. № 1-3. С. 176-180. <https://elibrary.ru/iogbzt>
14. Ромашкин В.В. Элементы геймификации в событийном маркетинге // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 195-201. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201>, <https://elibrary.ru/oasjei>
15. Гатиятуллина Д.А. Событийный маркетинг как инструмент территориального маркетинга: теоретическое понимание и особенности практики // Управление устойчивым развитием. 2019. № 1 (20). С. 40-47. <https://elibrary.ru/zamxdn>
16. Ковалёва Н.Е., Загоруйко М.В., Забродина Г.Д., Бесшапошникова В.И. Концепция формирования территориального бренда на примере саратовского региона // Дизайн и технологии. 2020. № 80 (122). С. 122-129. <https://elibrary.ru/akujvp>
17. Брендинг как коммуникационная технология XXI века: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 311 с. <https://elibrary.ru/kkcmkv>
18. Кривоносов А.Д., Лебедева Т.Ю. Модели и аттракторы современного геобрендинга // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. С. 8-12. <https://elibrary.ru/gaofvo>
19. Прохоров А.В. Специальное событие как инструмент продвижения образовательных услуг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (132). С. 49-53. <https://elibrary.ru/vmfand>
20. Прохоров А.В. Специфика событийного продвижения бренда университета // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2015. № 1 (9). С. 39-47. <https://elibrary.ru/uuzbmv>
21. Прохоров А.В., Семишова Е.П. Современные технологии продвижения образовательных услуг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 10 (138). С. 47-51. <https://elibrary.ru/syjaxcd>

22. Ченурова И.Ф., Позднякова А.В., Гладышева А.В., Прохоров А.В. Событийный маркетинг как инструмент формирования имиджа вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 3. С. 136-146. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-3-136-146>, <https://elibrary.ru/nbufzn>

References

1. Martensen A., Grønholdt L., Jensen M.J. Application of a model for the effectiveness of event marketing. *Journal of Advertising Research*, 2007, vol. 47, issue 3, pp. 283-301. <https://doi.org/10.2501/S0021849907070316>
2. Karpova S.V. Development of innovative directions marketing. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*, 2013, no. 2, pp. 71-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qccupj>
3. Prokhorov A.V. Educational services promotion in line with the experiential marketing philosophy. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2019, vol. 24, no. 180, pp. 17-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-180-17-23>, <https://elibrary.ru/wtjtkio>
4. Pain Dzh.B., Gilmor Dzh.Kh. *Ehkonomika vpechatlenii. Rabota – eto teatr, a kazhdyi biznes – scena* [The Experience Economy: Work is Theater and Every Business a Stage]. Moscow, Williams Publ., 2005, 304 p. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/payn-dzhozef-b-gilmor-dzheymys-h-ekonomika-vpechatleniy-rabota-eto-teatr-a-kazhdyi-biznes-scena_5206df37066.html
5. Consoli D. A New concept of marketing: the emotional marketing. *BRAND. Broad Research in Accounting, Negotiation, and Distribution*, 2010, vol. 1, issue 1, pp. 1-8. Available at: <https://www.edusoft.ro/brain/index.php/brand/article/view/76/170>
6. Schmitt B. Experiential marketing. *Journal of Marketing Management*, 1999, vol. 15, pp. 53-67. Available at: <https://jungkirbalik.files.wordpress.com/2008/06/experiential-marketing.pdf>
7. Schmitt B. Experience marketing: concepts, frameworks and consumer insights. *Foundations and Trends in Marketing*, 2011, vol. 5, no. 2, pp. 55-112. <https://doi.org/10.1561/17000000027>
8. Kotler Ph. Atmospherics as a marketing tool. *Journal of Retailing*, 1973, no. 49, pp. 48-64. Available at: https://www.researchgate.net/publication/239435728_Atmospherics_as_a_Marketing_Tool
9. Prokhorov A.V., Pyadysheva T.G. Modern directions of marketing in the field of educational services. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2021, vol. 26, no. 195, pp. 39-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-39-49>, <https://elibrary.ru/gtjbggh>
10. Nufer G. Event Marketing and Attitude Changes. *Journal of International Business Research and Marketing*, 2016, vol. 1, issue 3, pp. 44-49. <https://doi.org/10.18775/jibrm.1849-8558.2015.12.3005>
11. Nufer G. Creating an image transfer through event marketing: principles, requirements and consequences. *European Journal of Business and Social Sciences*, 2015, vol. 3, no. 12, pp. 1-18. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/35286979.pdf>
12. Daniel M., Bogdanb G., Danielc Z. The use of event marketing management strategies. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 5409-5413. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.448>
13. Votyakova A.V., Polyakov Yu.N. Efficiency approaches event marketing. *Menedzhment: teoriya i praktika* [Management: Theory and Practice], 2020, no. 1-3, pp. 176-180. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iogbzt>
14. Romashkin V.V. Gamification elements in event marketing. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 1 (33), pp. 195-201. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201>, <https://elibrary.ru/oasjei>
15. Gatiyatullina D.A. Event marketing as an implementation of place marketing: theoretical understanding and features of practice. *Upravlenie ustoichivym razvitiem = Managing Sustainable Development*, 2019, no. 1 (20), pp. 40-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zamxdn>
16. Kovaleva N.E., Zagoruiko M.V., Zabrodina G.D., Besshaposhnikova V.I. The concept of forming territorial brand on the Saratov region example. *Dizain i tekhnologii* [Design and Technologies], 2020, no. 80 (122), pp. 122-129. (In Russ.) <https://elibrary.ru/akujvp>
17. Krivonosov A.D. (ed.). *Materialy 9 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Brening kak kommunikatsionnaya tekhnologiya XXI veka»* [Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference “Branding as a Communication Technology of the 21st Century”]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics Publ., 2022, 311 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kkemkv>
18. Krivonosov A.D., Lebedeva T.Yu. Models and attractors of modern geobrending. *Materialy 9 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Brening kak kommunikatsionnaya tekhnologiya*

- XI veka*» [Materials of the 9th International Scientific and Practical Conference “Branding as a Communication Technology of the 21st Century”]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics Publ., 2022, pp. 8-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gaofvo>
19. Prokhorov A.V. Special event as instrument of education services introduction promotion. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2014, no. 4 (132), pp. 49-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmfand>
20. Prokhorov A.V. Spetsifika sobytiinogo prodvizheniya brenda universiteta [The specifics of the event promotion of the university brand]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii reklamy* [Almanac of Theoretical and Applied Research in Advertising], 2015, no. 1 (9), pp. 39-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uuzbmv>
21. Prokhorov A.V., Semishova E.P. Modern technologies of educational services promotion. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2014, no. 10 (138), pp. 47-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/syjaxcd>
22. Chepurova I.F., Pozdnyakova A.V., Gladysheva A.V., Prokhorov A.V. Event marketing as a tool for shaping the image of the university. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 136-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-3-136-146>, <https://elibrary.ru/nbufzn>

Информация об авторах

Прохоров Андрей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1263-695X>, proh_and@rambler.ru

Вклад в статью: концепция исследования, обработка и редактирование материала, написание части текста статьи.

Семишова Евгения Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0006-1213-3515>, esemishova@gmail.com

Вклад в статью: подбор первичного материала, написание части текста статьи.

Пядышева Тамара Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1275-6740>, ms.TamaraEKC@gmail.com

Вклад в статью: обработка материала, обобщение опыта исследователей, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 16.01.2023
Поступила после рецензирования 20.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the authors

Andrey V. Prokhorov, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1263-695X>, proh_and@rambler.ru

Contribution: study conception, processing and editing material, part of manuscript text drafting.

Evgenia P. Semishova, PhD (Philosophy), Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0006-1213-3515>, esemishova@gmail.com

Contribution: selection of primary material, part of manuscript text drafting.

Tamara G. Pyadysheva, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1275-6740>, ms.TamaraEKC@gmail.com

Contribution: material processing, summarizing the experience of researchers, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received January 16, 2023
Revised March 20, 2023
Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 097

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-435-443>

Шифр научной специальности 5.10.1

Экслибрис в книжном пространстве личных библиотек Центрального Черноземья конца XVIII – начала XX века

Руслан Магометович ЖИТИН , Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 a-topil@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы владельческие знаки (экслибрисы) в книгах дворянских библиотек Центрально-Чернозёмного региона в конце XVIII – начале XX века. Прослежена связь отечественных экслибрисов с историей библиофильства как части книжной культуры России, проанализирована методика создания экслибрисов. Цель исследования заключается во всестороннем рассмотрении отдельных изданий, находившихся во владельческих библиотеках Центрально-Чернозёмного региона в конце XVIII – начале XX века как исторического и культурного источника. На основании анализа ряда изданий удалось раскрыть отражение личности их владельцев, точнее изучить их литературные вкусы и специфику отношения к литературе. Отмечено, что распространение образования и повышение доступности печатного слова в начале XVIII века стимулировали процессы распространения книжной продукции, а увеличение жанрового разнообразия и тиража выпускаемых произведений обусловили рост библиотечных собраний. Проанализирована динамика применения экслибриса, установлено, что к концу XVIII века влияние классической геральдической композиции в пространстве отечественного экслибриса начало уменьшаться. Охарактеризовано влияние распространения книгопечатания к середине XIX века на упрощение дизайна экслибриса и частичную замену его к концу столетия применением штемпелей.

Ключевые слова: экслибрис, усадебные библиотеки, Российская империя, культура чтения, дворянство

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. Экслибрис в книжном пространстве личных библиотек Центрального Черноземья конца XVIII – начала XX века // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 435-443. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-435-443>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Ex-libris in the book space of the personal libraries of the Central Chernozem region of the late XVIII – early XX century

Ruslan M. ZHITIN , Aleksey G. TOPILSKY

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 a-topil@yandex.ru

Abstract. Ownership signs (ex-libris) in the books of the noble libraries of the Central Black Earth region at the end of the 18th – beginning of the 20th century are analyzed. The connection of domestic bookplates with the history of bibliophilism as a part of the book culture of Russia is traced, the method of creating bookplates is analyzed. The purpose of the study is to comprehensively review individual publications that were in the owner's libraries of the Central Black Earth region at the end of the 18th – beginning of the 20th century as a historical and cultural source. Based on the analysis of a number of publications, it was possible to reveal the reflection of the personality of their owners, to more accurately study their literary tastes and the specifics of their attitude to literature. It is noted that the spread of education and the increase in the availability of the printed word at the beginning of the 18th century stimulated the processes of distribution of book products, and the increase in genre diversity and circulation of published works led to the growth of library collections. The dynamics of the use of ex-libris is analyzed, it is established that by the end of the 18th century the influence of the classical heraldic composition in the space of the domestic ex-libris began to decrease. The influence of the spread of printing by the middle of the 19th century on the simplification of the design of the ex-libris and its partial replacement by the end of the century with the use of stamps is characterized.

Keywords: ex-libris, manor libraries, Russian Empire, reading culture, nobility

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-01964).

For citation: Zhitin, R.M., & Topilsky, A.G. Ex-libris in the book space of the personal libraries of the Central Chernozem region of the late XVIII – early XX century. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):435-443. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-435-443>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В современной исторической науке растёт интерес к книжной культуре отдельных регионов страны, особенность читательской активности отдельных сословий и групп до Революции [1, с. 116]. Учёными признаётся необходимость комплексной характеристики библиофильства как фактора трансляции общественно значимой информации, важность книжных знаний в формировании и

рецепции идей. В этой связи особую актуальность приобретает исследование отдельных изданий как исторического и культурного источника. Рассмотрение этого направления обещает дать богатый материал о развитии читательских практик прошлого, особенностей интеллектуализации дореволюционного общества.

Чрезвычайно перспективным направлением изучения книжной культуры продолжает оставаться рассмотрение экслибрисов.

Книжные знаки делают предельно наглядным сам процесс владения книги, маркируют собрания, позволяют идентифицировать их хозяина [2]. При этом экслибрисы несут важное источниковедческое значение, выступая связующим звеном и средством поиска изданий, рассеянных по разным фондам и коллекциям [3, с. 249]. С помощью изучения знаков можно проследить судьбу отдельных книг, рассмотреть особенности их бытования, составить представление о специфике читательских интересов отдельных библиофилов [4, с. 188]. В этом смысле exlibris можно рассматривать как свидетельство существования собраний, выражение характера пользования букинистическим наследием.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало применения экслибрисов в России. История отечественных экслибрисов неразрывно связана с историей библиофильства как части книжной культуры России. Возникнув гораздо позднее, чем в странах Западной Европы, российский книжный знак приобрёл национальную специфику, быстро преодолел свои гербовые формы, превратившись в элемент украшения книги. Исторически первым российским экслибрисом принято считать книжный знак игумена Досифея, обнаруженный в книгах Соловецкого монастыря [5, с. 12-26]. Нарисованный знак представлял собой стилизованную букву «С», внутри которой владделец вязью вписал своё звание и имя в родительном падеже.

Однако расцвет истории российского экслибриса был невозможен без прогресса в книгопечатании и массового создания личных библиотек. Эпоха Петра I стала катализатором этих процессов. Распространение образования и повышение доступности печатного слова в начале XVIII века стимулировали процессы распространения книжной продукции, а увеличение жанрового разнообразия и тиража выпускаемых произведений обусловили рост библиотечных собраний. Многие представители высших кругов дворянства перевозят свои книги в родовые имения, положив начало трансферта изданий по всей стране. Таким образом были образо-

ваны библиотеки А.В. Олешева в Ермолове, К.Н. Батюшкова в с. Даниловское¹.

Исторически первыми владельцами экслибрисов в России стали видные государственные деятели первой половины XVIII века. Интересен книжный знак князя Д.М. Голицына – дипломата, генерал-поручик, действительный тайный советник. Дореволюционный библиофил, библиограф, историк искусства В.А. Верещагин считал его первым русским экслибрисом². Знак был на рубеже XVII–XVIII веков в шрифтовой манере с обозначением библиотеки владельца: «Ex Bibliotheca Arcangelina» («Из библиотеки Архангельского») (рис. 1).

Экслибрис Д.М. Голицына помечал более 6000 томов архангельской коллекции, включающей книги на русском, голландском, испанском, английском, шведском и латинском языках. Уникальность этой библиотеки определялась зарубежным характером произведений. После того как Анна Иоанновна заключила Д.М. Голицына в Шлиссельбургскую крепость, его собрание было отнято у библиофила и разделено на две части. Первая была передана в хранилища только что созданной Академии наук, а вторая была отправлена в Синод для рассылки по училищам. Однако, судя по отчётам Канцелярии, часть изъятого так и не дошла до адресата. В отчёте движения изданий сообщалось, что из Москвы было привезено «российских и немецких» книг общим счётом 2393, из которых в марте 1740 г. передано в Кабинет е. и. в. 63 книги «российских» и отдано в Петропавловский собор «российских и немецких» 2197 книг, «да по разбору от

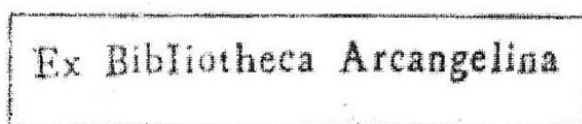

Рис. 1. Книжный знак князя Д.М. Голицына
Fig. 1. Bookmark of Knyaz D.M. Golitsyn

¹ Мир дворянской усадьбы. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/index.htm (дата обращения: 15.04.2022).

² Верещагин В.А. Русский книжный знак. СПб.: Печатня Р. Голике, 1902. С. 14.

иностранный коллегии оставлено на разных диалектах» 155 книг, и «онные ... все имеются ныне в Канцелярии конфискации налицо» [6].

Выбранный Д.М. Голицыным шрифтовой дизайн экслибриса не прижился в России. Гораздо больший интерес у русской читающей публики вызывал геральдический экслибрис. Этот тип книжного знака можно встретить на 1432 томах из собрания Я.В. Брюса (герб с единорогом, львом и надписью “Fuimus” («Были»)) и 4200 изданий из библиотеки Р. Арескина (герб с девизом “Je pense plus” («Я больше думаю»)). После смерти владельцев обе коллекции были переданы в библиотеку Академии наук. Преимущественно это была иностранная литература гуманитарного направления.

Вторая половина XVIII века – время расцвета геральдического экслибриса. Книжные знаки в этот период превращаются в произведения искусства, обретают пышный стиль и богатую композицию. Из-за недостаточного опыта российских гравёров, владельцы XVIII века заказывали работы мастерам Англии и Германии. Знаки выполнялись в технике резцовой гравюры со знанием геральдического дела.

Эксилибрисы в Центральном Черноземье. К концу XVIII века относится появле-

ние крупных частных библиотек в Центральном Черноземье. Именно в это время начинает формироваться книжная коллекция генерал-адъютанта, шефа кавалергардского полка, общественного деятеля времён Екатерины II А.Д. Ланского. На книгах его библиотеки был нанесён геральдический экслибрис с двумя ланями в качестве щитодержателей. Это же животное также изображалось на поле и над венцом щита. Дополняют композицию герба стрела, пущенная вверх, рыбы и каменная крепость с башней (рис. 2).

На сегодняшний день выявлено 18 экземпляров книг с экслибрисом Ланских на иностранных языках. Доподлинно неизвестно, кому из представителей семьи принадлежали эти издания. Наиболее вероятным хозяином коллекции считается П.П. Ланской, второй супруг Н.Н. Гончаровой, владелец имения в с. Арапово Тамбовского уезда. Судя по тому, что экслибрис Ланских далеко не редкость для коллекционеров, араповская библиотека была очень обширной. Наталия Николаевна и дети поэта бывали в этом поместье и пользовались его собранием [7, с. 130]. Однако читательских помет Н.Н. Гончаровой обнаружить пока не удалось.

К редким геральдическим знакам принадлежит гербовый экслибрис графа Д.П. Бу-

Рис. 2. Эксилибрис А.Д. Ланского (слева) и экслибрис Д. П. Бутурлина (справа)

Fig. 2. A.D. Lansky's ex-libris (left) and D. P. Buturlin's ex-libris (right)

турлина. После смерти своей матери М.Р. Воронцовой Д.П. Бутурлин жил у своего дяди А.Р. Воронцова. В его поместье (имение Воронцовка Тамбовской губернии) находилась обширная библиотека, коллекция фамильных портретов и документы родового архива. В 2019 г. в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им А.С. Пушкина был обнаружен первый том А. Ферранда «Дух истории или морально-политические письма»³. Это редкое французское издание начала XIX века. На авантитуле была размещена франкоязычная надпись «Анна Воронцова, графиня Бутурлина» и экслибрис графа Д.П. Бутурлина на авантитуле. Книжный знак владельца венчал собой щит, разделённый на пять частей. В центре располагался малый щиток с одноглавым орлом, держащий в лапах меч и державу. На полях щита изображена половина орла с распростёртым крылом, княжеская шапка, рука с поднятым мечом (рис. 2).

К концу XVIII века влияние классической геральдической композиции в пространстве отечественного экслибриса начало уменьшаться. Книжный знак значительно упрощается, его дизайн лишается излишней торжественности и пышности.

Интересен экслибрис павловской библиотеки семьи Волконских. В пространство этого книжного знака была перенесена только княжеская шапка, символизирующая благородное достоинство рода. Большую часть рисунка занимает шрифтовая стилизация слова «Павловка» – имения, в котором располагалась библиотека (рис. 3). Этот достаточно оригинальный экслибрис был обнаружен в Сибири на томике англоязычный стихов У. Шекспира (издан в 1786 г.). Сюда его привезла Мария Волконская, жена декабриста Сергея Григорьевича Волконского, поехавшая за ним в далёкую ссылку. Проследить историю издания помог информативный экслибрис рода, так как удалось установить, что поместье Павловка находилось в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии⁴.

Имел свой гербовый экслибрис и поэт, автор журналов «Современник», «Отечественные записки», член содружества «Козьма Прутков» В.М. Жемчужников. Дизайн данного знака подготовили российский гравёр при Экспедиции заготовления государственных бумаг, ученик Энзейгардта Ф.А. Меркин⁵. В основе созданной композиции вставлены основные элементы герба Жемчужниковых. Щитовой комплекс разделён на три части, в первой из которых помещена рука в серебряных латах, держащая меч, во второй находятся три ядра, в третьей нарисована лисица с ветвью в зубах. Щит увенчан дворянскими шлемом, короной и рукой, поднимающей саблю. Внизу на ленте начертан девиз «Правдой, любовью и честью» [8, с. 54].

Этот книжный знак был обнаружен при разборе собраний, доставленных в Губернское книгохранилище после национализации имений Тамбовской губернии. Книжный знак был наклеен на форзаце 3-го издания А. Токвиля «Старый порядок и революция» (Париж, 1857)⁶. Предположительно, монография была

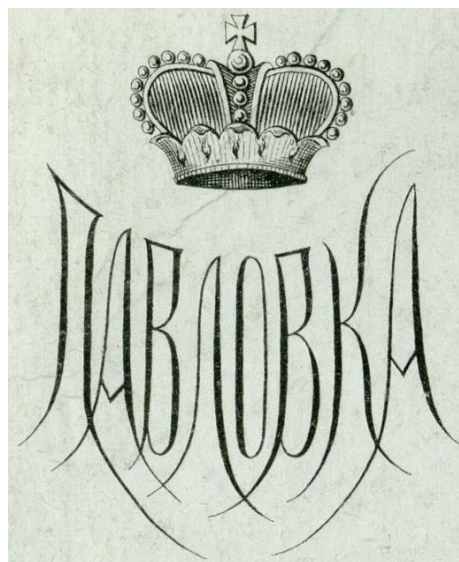

Рис. 3. Экслибрис князей Волконских
Fig. 3. Knyaz Volkonsky's ex-libris

³ Ferrand A. L'esprit de l'histoire; ou Lettres politiques et morales d'un pere a son fils. P., 1805. 474 p.

⁴ Дунаева Е.Н. Спутник декабристов // В мире книг. 1964. № 10. С. 43.

⁵ Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки / сост. В.В. Кожухова; ред. М.Д. Афанасьев. М.: ГПИБ, 2001. С. 38.

⁶ Tocqueville Alexis. L'ancien regime et la revolution. Troisieme edition. P., 1857. 479 p.

доставлена из Ильинского имения (Кирсановский уезд) племянницы В.М. Жемчужникова О.А. Баратынской.

Отличительной чертой дизайна экслибриса первой половины XIX века является присутствие девизов в их графическом оформлении. К этому типу книжных знаков относится экслибрис знаменитого русского государственного и военного деятеля Н.С. Всеволожского [8]. Он собрал большую библиотеку, в состав которой входили редкие издания на русском и французском языках. После смерти Н.С. Всеволожского его коллекция достаётся сначала сыну Владимиру Николаевичу, а затем внучке Софье Владимировне. Именно она в 1870-х гг. унаследовала имение Беклемишевку в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, куда перевезла книги своего деда. На экслибрисе Н.С. Всеволожских был изображён смоленский герб с архангелом в качестве щитодержателя и девиз “Non sibi sed Patriae et Gloriam” (Не себе, но Отечеству и славе). Ниже размещалась шрифтовая надпись о награждении Н.С. Всеволожского орденом св. Георгия. Сегодня из тамбовской части библиотеки известного рода известно только пять книг. Это два тома “Les beaux-arts en Angleterre”⁷, напечатанных в Париже в 1807 г., два русскоязычных издания «Искусство Англии» (Париж, 1807)⁸ и “Abrege de la vie des peintres”, выпущенной в 1867 г. в Париже⁹.

К началу второй половины XIX века в искусстве гербового экслибриса наметился спад. Повышение доступности книг и демократизация социального состава владельцев изменили подход к дизайну знака. По словам Э. Гетманского, «он перестал быть заповедно-аристократической зоной», уступив позиции шрифтовому exlibris [5, с. 226].

Свой шрифтовой экслибрис имел тамбовский библиофил, историк, владелец конных заводов А.П. Кугушев. В принадлежавшем ему имении была собрана богатая би-

блиотека на русском и иностранных языках по европейской истории, географии, археологии. Здесь же были представлены произведения русской классики (В.В. Капниста, К.Н. Батюшкова, Г.Р. Державина и др.), печатавшиеся в многотомнике «Полное собрание сочинений русских авторов» [2, с. 220]. Большая часть издания имела полукожаный переплёт. Отдельные тома помещались в тканевую обложку, стилизованную под японно-китайский рисунок. На корешках книг располагался суперэкслибрис «А. К.», иногда дополняемый надписью «Кн. А. Кугушев» на титульном листе или обороте обложки.

Следует отметить суперэкслибрисы тамбовского путешественника А.В. Вышеславцева (1831–1888). Значительную часть библиотеки он приобрёл во время зарубежных поездок – как по Европе, так и когда ему удалось обогнуть земной шар. Следует отметить тщательность отбора им литературы. На продажу книг Алексей Владимирович обращал внимание даже в таких регионах мира, как Капская колония (Южная Африка): при посещении Кейптауна он отдельно отметил наличие книжной лавки и детской библиотеки¹⁰. Тиснение выполнялось золотом на коже вишнёвого цвета, иногда сафьяна или марокена. Книги маркировались монограммой с инициалами Вышеславцева «А. В.», а также её латинским вариантом («AW»). Наследники А.В. Вышеславцева передали в качестве дара его личную библиотеку в Нарышкинскую читальню [9].

Резкое расширение книгопечатания в конце XIX – начале XX века вкупе с ростом общественного интереса к чтению делали целесообразным оптимизацию процесса изготовления книжных знаков. Вырисовка их вручную ценилась выше, однако отсутствие местных мастеров вынуждало книговладельцев заказывать знаки в типографиях. При этом высокая стоимость работ определяла приверженность новации наиболее состоятельных библиофилов (Куракины, Ланские и др.). Например, в собрании коллекции В.А. Папинова начала XX века на листе большого формата

⁷ Les beaux-arts en Angleterre. P., 1807. Tome premier. 304 p.; Tome second. 334 p.

⁸ Искусство Англии. Париж, 1807. Т. 1. 304 с.; Т. 2. 334 с.

⁹ Abrege de la vie des peintres, par Dargenville, avec la notice de leurs ouvrages, orne de figures. Tome second. P., 1745. 720 p.

¹⁰ Вышеславцев А.В. С мыса Доброй Надежды. URL: http://az.lib.ru/w/wysheslawcew_a_w/text_1858_11_rv_oldorfo.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

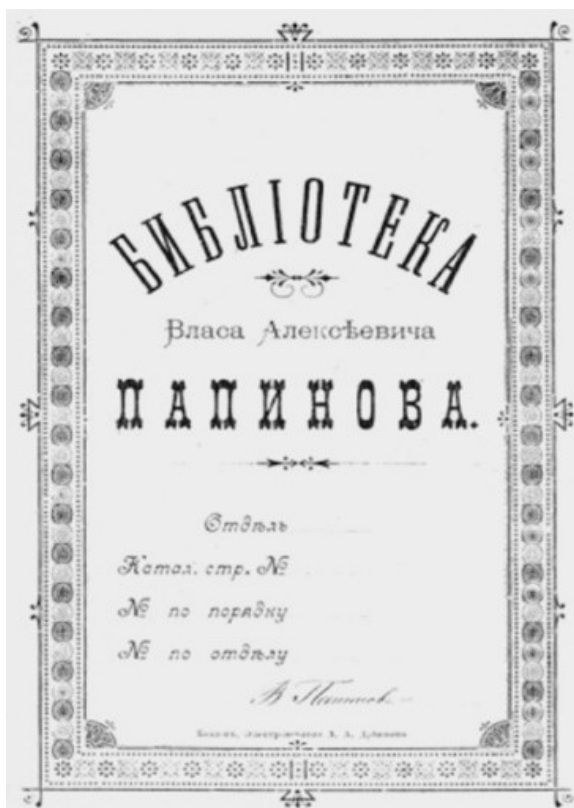

Рис. 4. Ярлык В.А. Папинова
Fig. 4. V.A. Papinov's Tag

было напечатано «Козлов. Электротечания А.А. Дубинина» (рис. 4). Такое сообщение вклеивалось перед титульной страницей, фактически её дублируя. Конечно, изготовление такого знака было очень трудоёмким и дорогим процессом, но идея его создания, вероятно, возникла как стремление аккуратной маркировки.

Даже богатые книговладельцы нередко ставили простые штампы с названием библиотеки, именем (или инициалами) владельца (рис. 5). Их, по замечанию историка книги В.А. Верецагина, ставили «...и несмывающейся краской, и сургучом, и даже копотью

Рис. 5. Штемпель С.А. Петрово-Соловово
Fig. 5. S.A. Petrovo-Solovovo's stamp

от свечи (!) везде, где только можно – начиная от заглавных листов, кончая полями находящихся в книге гравюр. Варварская избрательность русских собирателей в этом отношении прямо поразительна. Так, например, все книги библиотеки купца С., недавно продававшиеся у одного из наших букинистов, были заклеены его штампом на каждой десятой странице, а между ними были знаменитые басни Крылова 1815 года, сочинения Озерова 1828 года с гравюрами на китайской бумаге и многие другие редкие и дорогие издания!»¹¹.

ВЫВОДЫ

Проанализированные книжные знаки обладают значительным информационным потенциалом. Изучение эксlibрисов позволяет выявить особенности бытования коллекций, открывает возможности для реконструкции собраний отдельных букинистов. Важно и то, что маркировка изданий, являясь отражением личности их владельцев, позволяет точнее изучить литературные вкусы и специфику отношения к литературе.

¹¹ Верецагин В.А. Русский книжный знак. СПб: Печатня Р. Голике, 1902. С. 44-45.

Список источников

1. Ермолаева М.А. Книжная культура России в контексте развития культуры и просвещения XVIII века // Научная периодика: проблемы и решения. 2016. Т. 6. № 3. С. 116-124. <https://doi.org/10.18334/nppir.6.3.37132>, <https://www.elibrary.ru/zbggzl>

2. Богомолов С.И. Российский книжный знак, 1700–1918. М.: Минувшее, 2010. 957 с. <https://www.elibrary.ru/pyxavb>
3. Ордынская Е.Н. Жанровые и художественно-технические особенности искусства эскибриса как явления многовековой культуры // Вестник МГУП. 2015. № 2. С. 249-256. <https://www.elibrary.ru/uhvtdt>
4. Гессен В.Ю. К истории Всесоюзного объединения «Международная книга»: реализация реквизируемой литературы (1922–1935) // Клио. 2016. № 8 (116). С. 186-194. <https://www.elibrary.ru/withxp>
5. Гетманский Э.Д. Российский книжный знак. 1917–1991: в 3 т. Тула: Инфра, 2004. Т. 1: 1917–1969. 381 с. <https://www.elibrary.ru/qvbtmf>
6. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. Москва; Санкт-Петербург, 1979. С. 238-253. <https://www.elibrary.ru/xhxhsb>
7. Житин Р.М., Топильский А.Г. Личные библиотеки и специфика читательских интересов тамбовских дворян первой половины XIX в. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: материалы 6 Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Липецкой области. Липецк, 2019. С. 129-135. <https://www.elibrary.ru/xfzky>
8. Троицкий С.Н. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. М.: Старая Басманная, 2008. 255 с. <https://www.elibrary.ru/qpldnt>
9. Патрина Л.Н., Сабетова М.В. Личная библиотека как отражение истории жизни и творчества А.В. Вышеславцева // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 549-557. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-549-557>, <https://www.elibrary.ru/buqsszz>

References

1. Ermolaeva M.A. Book culture of Russia in the context of the development of culture and enlightenment of the 18th century. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya = Scientific Periodicals: Problems and Solutions*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 116-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/nppir.6.3.37132>, <https://www.elibrary.ru/zboggz>
2. Bogomolov S. I. *Rossiiskii knizhnyi znak* [Russian book sign, 1700–1918]. Moscow, Minuvshee Publ., 2010, 957 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/pyxavb>
3. Ordynskaya E.N. Genre and artistic and technical features of the art of the bookplate, as centuries-old culture. *Vestnik MGUP* [Bulletin of Fedorov Moscow State University of Printing Arts], 2015, no. 2, pp. 249-256. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/uhvtdt>
4. Gessen V.Yu. To the history of the All-Union Association “International Book”: implementation of requisitioned literature (1922–1935). *Klio = Klio*. 2016, no. 8 (116), pp. 186-194. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/withxp>
5. Hetmansky E. D. *Rossiiskii knizhnyi znak. 1917–1991: v 3 t.* [Russian book sign. 1917–1991: in 3 vols.]. Tula, Infra Publ., 2004, vol. 1, 381 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/qvbtmf>
6. Gradova B.A., Kloss B.M., Koretskii V.I. K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D.M. Golitsyna [To the history of the Arkhangelsk library of D.M. Golitsyn]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god* [Archeographic yearbook for 1978]. Moscow, St. Petersburg, 1979, pp. 238-253. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/xhxhsb>
7. Zhitin R.M., Topilsky A.G. Lichnye biblioteki i spetsifika chitatel'skikh interesov tambovskikh dvoryan pervoi poloviny 19 v. [Personal libraries and the specificity of reading interests of the Tambov nobles of the first half of the 19th century]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, posvyashchennoi 65-letiyu Lipeckoi oblasti "Rossiiskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidatelei"* [Materials of the 6th International Scientific Conference Dedicated to the 65th Anniversary of the Lipetsk Region “Russian statehood in the faces and fates of its creators”]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Publ., 2019, pp. 129-135. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/xfzky>
8. Troynitsky S.N. *Gerbovník Anisima Titovicha Knyazeva 1785 goda* [Armorial of Anisim Titovich Knyazev in 1785]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2008, 255 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/qpldnt>
9. Patrina L.N., Sabetova M.V. Personal library as a reflection of the life and work history of A.V. Vysheslavtsev. *Neofilologiya = Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 549-557. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-549-557>, <https://www.elibrary.ru/buqssz>

Информация об авторах

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, istorik08@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, обзор литературы, обработка результатов исследования, написание части текста статьи.

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными документами и материалами, обработка и редактирование материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 18.08.2022
Одобрена после рецензирования 17.11.2022
Принята к публикации 02.12.2022

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, PhD (History), Research Scholar of Fractal Modeling of Social and Political Processes Center, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, istorik08@mail.ru

Contribution: study conception, literature review, processing of study results, part of manuscript text drafting.

Aleksey G. Topilsky, PhD (History), Senior Lecturer of General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, a-topil@yandex.ru

Contribution: work with archival documents and materials, processing and editing material, part of manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received August 18, 2022
Revised November 17, 2022
Accepted December 02, 2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 130.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-444-451>

Шифр научной специальности 5.10.1

Исследования звуковой культуры в 60–70-х гг. XX века: историко-культурологический анализ

Георгий Алексеевич ОРЛОВ-ДАВЫДОВСКИЙ

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

129226, Российская федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1

 geo-orlov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены культурологические, социальные и исторические особенности зарождения и развития исследований звуковой и аудиальной культуры в 60–70 гг. XX века через обзор концепций, анализ искусства, звуковых и аудиальных технологий, которые повлияли на появление и становление современных звуковых исследований. Сделан акцент на тезаурусе области, дисциплинарных разграничениях, восприятии и интерпретации звука. Представлены семиотические и пространственные концепции рассуждения о звуке как знаке со своим означающим и означаемым в некой (не)слышимой среде. Проанализирован вклад основоположника звуковых исследований и акустической экологии исследователя Р.М. Шейфера в педагогические, философские и социокультурные области знаний. Р.М. Шейфер разработал научный концепт под названием «звуковой ландшафт», повлиявший на развитие большинства исследований звуковой культуры после 1970-х гг. Представленные в работе концепции интердисциплинальны и объединяют в себе множество направлений, где основой становится рассуждение о роли звука и слушания в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: звуковые исследования, культура, звуковой ландшафт, звук, шум

Для цитирования: Орлов-Давыдовский Г.А. Исследования звуковой культуры в 60–70-х гг. XX века: историко-культурологический анализ // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 444-451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-444-451>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Studies of sound culture in the 60s–70s of the 20th century: historical and cultural analysis

Georgy A. ORLOV-DAVYDOVSKY

Moscow City University

4-1 2 Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow, 129226, Russian Federation

✉ geo-orlov@yandex.ru

Abstract: We consider cultural, social and historical features of the origin and development of studies of sound and auditory culture in the 60s–70s. 20th century through a review of concepts, analysis of art, sound and auditory technologies that influenced the emergence and development of modern sound research. Emphasis is placed on the thesaurus of the area, disciplinary distinctions, perception and interpretation of sound. Semiotic and spatial concepts of reasoning about sound as a sign with its signifier and signified in a certain (in)audible environment are presented. We analyze the contribution of the founder of sound research and acoustic ecology researcher R.M. Schafer in pedagogical, philosophical and socio-cultural areas of knowledge. R.M. Schafer developed a scientific concept called “soundscape”, which influenced the development of most studies of sound culture after the 1970s. The concepts presented in the work are interdisciplinary and combine many directions, where the basis is the discussion about the role of sound and listening in the socio-cultural space.

Keywords: sound research, culture, soundscape, sound, noise

For citation: Orlov-Davydovsky, G.A. Studies of sound culture in the 60s–70s of the 20th century: historical and cultural analysis. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):444-451. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-444-451>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В данном исследовании рассмотрен период зарождения звуковых исследований в 60–70-х гг. XX века. Для характеристики рассматриваемой нами проблематики стоит упомянуть работы, где обозначаются важные критические сюжеты. В этих работах можно проследить аспекты истории звуковых исследований, понятия «звуковой ландшафт» и т. д. К данным работам относится статья Н. Брауна «Акустический поворот? Последние тенденции и будущие перспективы звуковых исследований», где автор проводит обзор развития звуковых исследований, основных теоретических и методологических подходов и направлений [1]. Ещё одной важной статьёй, относящейся к теме, является работа М. Хилмса «Существует ли область,

называемая исследованиями звуковой культуры? И важно ли это?», где автор задаёт ряд важных философских вопросов по отношению к звуковым исследованиям, которые находятся в стадии дисциплинарной неопределённости [2]. В свою очередь, работа Б. Кейна «Саунд-стадиз в обход аудиальной культуры» становится важной теоретической рамкой данного исследования, так как автор проводит чёткую дефиницию между проблематикой sound studies и auditory culture (звуковые исследования, в отличие от аудиальной культуры, изучают музыку не как музыку, а как звук) [3].

Хронологическая рамка работы определена ключевым фактором того, что в 1960–1970-е гг. канадский исследователь Р.М. Шейфер концептуализирует понятие «звуковой ландшафт». Одновременно начинается ак-

тивная деятельность нескольких проектов по акустической экологии, которые позже входят в данное междисциплинарное поле.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовались метод дискурс-анализа, метод теоретического анализа, историко-культурный метод сравнительного анализа, метод смыслообразующего синтеза и обобщения полученных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История звука всегда была частью истории культуры. Появление звукозаписи, а точнее, фонографа¹ в 1877 г., стало большим шагом в сторону того, чтобы звук стал материальным и воспроизводимым объектом. Другим примером подобного культурного «взрыва» можно назвать трансформацию кино, когда появление звука не просто изменило всю индустрию в экономическом, социальном и культурном плане, но и породило новые слушательские и авторские практики. Подобные «революции» происходили ещё несколько раз, например, с появлением портативных носителей звука, когда использование наушников первоначально не было популярно, а позже стало утилитарной, повседневной и повсеместной практикой, которая меняет слушателей, музыкальную индустрию и общество. В XX веке появилось множество новых технологических отраслей и культурных взаимодействий со своими сообществами и социальными практиками.

Безусловно, огромное влияние звук оказал на искусство, и в первую очередь это, естественно, музыка. Однако музыканты интересовались звуком не только как музыкой, они экспериментировали с включением в «музыку» изначально «немузыкальных» звуков, шумов или молчания. Так, например, итальянский футурист, композитор и художник Луиджи Руссоло в манифесте 1913 г. «Искусство шумов» прослеживает историю музыки и выводит её к шуму как к звуковой

палитре современности [4]. Шум у Руссоло является неотъемлемой частью жизни, шум – это символ революции и прогресса современной эпохи.

Авангардный композитор Джон Кейдж отмечал, что шум за окном в Нью-Йорке и есть музыка, и ей не нужно ничего нам сообщать или рассказывать, она просто есть². Известно, что Кейдж был членом движения Fluxus и занимался тем, что вводил новые некомпозиторские практики, исполнял немзыкальные звуки и экспериментировал с форматом живого выступления, делая основой произведения оппозицию между шумом и тишиной. Все эти категории отражены в его самой известной перформативной работе «4.33» [5] и книге «Тишина» [6].

Не только Джон Кейдж, но и многие другие звуковые художники и авангардные музыканты XX века также активно работали в сфере осмысления и практики звука параллельно с возникновением отдельного исследовательского направления. Так, например, в музыкальной индустрии конца XX века зарождается целый жанр полевых записей звука, в котором композиторы и любители записывают самые различные звуковые фрагменты, превращая их в музыкальные альбомы [7]. В свою очередь, полевая запись становится инструментом исторического документирования и культурным явлением.

До появления звуковых исследований существовало много исторически сложившихся областей изучения звука: музыковедение, философия и история музыки, физическая акустика и другие, но, как пишет Т. Пинч, их сплав в единые исследования происходит в 2010-х гг. [8].

Прежде чем исследовать историю основных подходов звуковых исследований, стоит отметить, какие области им предшествуют. Можно выделить несколько ключевых дисциплин, которые повлияли на появление звуковых исследований: история, философия и эстетика музыки, социология музыки, инструментоведение и этномузыкология, акустика, музыкальная психология, а позже психо-

¹ Фонограф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1907. Т. 71. С. 249.

² Cage J. About silence. 1991. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pcHnL7aS64Y&ab_channel=jdavidm (accessed: 8.10.2022).

акустика. В звуковые исследования могут включаться: социология музыки с изучением вкусов, стилей, географии и сообществ; этнография, изучающая ритуалы и анализирующая роль звука, слуха и музыки в обществах [9]; городские исследования, анализирующие уровни шумового загрязнения; культурная география [10], медиаисследования [11], сбор и анализ больших данных со звуковых карт; нейроисследования и психоакустика³; отоларингологические исследования и Deaf Studies про влияние слуха и звука на здоровье глухонемых людей [12] и т. д.

В академической среде звуковые исследования появляются на почве направления культуральных исследований [13]. Известные теоретики культуры Стюарт Холл, Ричард Хогарт и Реймонд Уильямс сначала пишут ряд важных работ, а в 1964 г. создают «Бирмингемский центр современных культурных исследований», обозначая новый подход к изучению культуры и общества [14]. Происходит пересборка исследовательской саморефлексии и метапозиции с признанием собственной политической ангажированности, рассматриваемой как рамка и инструмент исследования. Другим важным отличием подхода культуральных исследований от предшественников и современных им исследований была склонность к изменению или даже отрицанию «классических» границ между дисциплинами [15].

Представители культурологических исследований понимали дисциплинарные границы иначе, чем их предшественники. В целом, принцип работы и основа таких исследований происходит посредством интердисциплинарного сдвига. В конкретном случае внутри звуковых исследований часто происходит взаимодействие гуманитарных и технических дисциплин. На данный момент такие исследования, как и звуковые, стали преподаваться почти во всём мире.

Звуковые исследования как научная дисциплина берут своё начало в 1960-е гг., когда канадский композитор и эколог Рэймонд Мюррей Шейфер публикует учебное пособие

«Чистка Ушей. Примечания к экспериментальному курсу»⁴. Автор в формате заметок призывает слушать звуки города как музыку, Шейфер в этой работе «учит» замечать звуки, к которым раньше не прислушивались. По Шейферу предполагается анализировать не только с помощью аудиального материала на физических носителях, но и с уклоном в рефлексивное полевое исследование, где автор предлагает выполнять задания на вслушивание в звуки города. Позднее этот метод исследований был использован во множестве других работ, а также полевых группах и целых проектах по осмыслению индивидуального и коллективного слушательского опыта.

Ключевым и самым актуальным понятием в звуковых исследованиях становится понятие «звукового ландшафта» или же «саундскейпа», которое вводит и популяризирует Шейфер в своей одноимённой книге⁵. Понятие в его самом широком значении обозначает любое слышимое пространство. Шейфер становится самой значимой и противоречивой фигурой в звуковых исследованиях. После его основных работ и закрепления понятия «звуковой ландшафт» данный термин многократно дорабатывают и усложняют (а также злоупотребляют им).

Понятие саундскейпа глубоко укоренилось в звуковых исследованиях, став отдельной областью “soundscape studies”⁶. В первые годы структурного теоретико-методологического изучения данная область была посвящена исследованию звука и окружающей среды.

Ближайшим коллегой Р.М. Шейфера был Барри Траукс, работавший в поле семиотической звуковой интерпретации. Работы Траукса в большинстве своём направлены на изучение звуковой коммуникации [16]. Траукс доказывает, что помимо слышимости существует акустическая коммуникация, и звуковое явление может изменять индивида

⁴ Schafer R.M. Ear cleaning: Notes for an experimental music course. Don Mills: BMI Canada, 1967. 56 p.

⁵ Schafer R.M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. N. Y.: Knopf, 1977. 322 p.

⁶ Soundscape. The Journal of Acoustic Ecology School of Communication. Burnaby: Simon Fraser University, 2000.

³ Deutsch D. Ear and Brain: How We Make Sense of Sounds. N. Y.: Springer Verlag, 2007. 415 p.

или сообщество. Реализация себя как части акустического общества начинается со взаимодействия, то есть с коммуникации человека со звуковыми феноменами, где звук становится проявлением социальности.

Помимо академических работ, первые исследователи звука создавали проекты по изучению и изменению звуковой среды природного и городского ландшафта. С этим напрямую связано направление акустической экологии, изучающей воздействия окружающей звуковой среды на субъекты в пространстве. Звуковая среда в этой области препарируется с целью её трансформации посредством акустического (звукового) дизайна. Канадский композитор и эколог Шейфер начал заниматься этим в университете Саймона Фрейзера совместно с Барри Трауксом в “World Soundscape Project”. Именно командой “World Soundscape Project”⁷ в 1973 г. был выпущен альбом «Звуковой ландшафт Ванкувера», который стал одним из первых звуковых исследований в рамках практической работы, а позже были изданы заметки самого Шейфера. Примерно в то же самое время активно публиковались и основные работы Шейфера и Траукса. Практическая часть данных исследований была посвящена изучению звукового ландшафта, его локализации и эволюции. Данные альбомы записывались несколько десятилетий подряд в одних и тех же местах, таким образом исследователи пытались проследить изменение звуковой среды и акустики пространства. Несомненно и то, что в своей последующей интерпретации исследователи прибегали к определённой спекуляции. Уже к 1980-м гг. деятельность WSP почти прекращается, основные последователи проекта расходятся во взглядах, однако это не мешает последователям Шейфера сформировать «Всемирный форум акустической экологии»⁸.

⁷ World Soundscape Project. The Music of the Environment Series. Vancouver. ARC Publications, 1973.

⁸ “The World Forum for Acoustic Ecology, founded in 1993, is an international association of affiliated organisations and individuals, who share a common concern with the state of the world soundscape as an ecologically balanced entity”. Project WFAE.

Известно, что западноевропейская научная мысль окуляроцентрична, визуальный код в культуре является фундаментом для цельного восприятия мира. Как пишет в своей книге исследователь звука Джонатан Стерн, для многих исследователей в гуманитарных науках зрительное восприятие является определяющим [17]. Однако познавательные операции выстраиваются не только с помощью визуального кодирования, о чём заявляли исследователи в самых разных направлениях, включая известного теоретика медиа Маршалла Маклюэна, который писал про важность звукового окружения в главе «Радио. Племенной барабан» книги «Понимание медиа» [18].

Примером исследования мультимодальности человеческого восприятия является работа городского урбаниста и звукового исследователя Майкла Саутворса [19]. В 1969 г. Саутворс решил провести городской эксперимент по исследованию сенсуальности, где также вводил понятие «звуковой ландшафт», но не концептуализировал его. В проекте участвовало три группы людей, которые шли по заданному городскому маршруту: одна группа – с закрытыми глазами, вторая – с закрытыми ушами и третья – и так, и так. После исследования были проведены опросы и составлены отчёты. Майкл Саутворс проанализировал и изучил разносторонность структуры восприятия городского жителя. Данная работа отражает исследовательские поиски нового языка для описания комплексности чувственного восприятия.

Отдельным направлением, теснейшим образом связанным со звуковым ландшафтом в звуковых исследованиях, стала проблематизация «шума». Дихотомии «звучания/тишины» и «музыки/шума», определение которых уже давно нормировано в пространстве современного западного общества, становятся важной частью понятийного аппарата ранних звуковых исследований.

Внимание к шуму и социальному характеру звука важно для возникновения многих новых идей в звуковых исследованиях. Например, возникающий шум города во времена индустриализации выявил множество но-

вых социальных и культурных явлений, о чём подробно рассказывают Р.М. Шейфер и А. Косых [20]. Изначально шумом в обществе становится всё нежелательное. Шум – явление современного общества, от которого никуда не деться, шум – эффект производительности. Теодор Адорно наделяет шум социальными коннотациями, указывая на его связь с экономическими классами, со способом потребления, эстетикой [21].

Понимание одного звука как музыки, а другого звука – как шума явно говорит нам о том, что звук анализируется посредством интерсубъективного восприятия, где существуют определённые рамочные границы суждений, следующие из коллективных договорённостей в обществе. Субъекты коллективно договариваются, что есть желательные и нежелательные звуки, то есть задаются определённые нормативные рамки, устанавливаются правила и законодательные акты.

Существует несколько слоёв культурных коннотаций звуков, поэтому восприятие одних звуков как шума, а других как благоприятных зависит от доминирующих культурных символов и значений. Данная мысль прекрасно отображена в работе Сьюзан Сонтаг “The Aesthetics of Silence”⁹ про эстетическую сторону публичной тишины, которая была опубликована в 1967 г.. В этом исследовании Сонтаг описывает этос тишины, знак молчания и право на голос, что переносится на коммуникацию в целом [22]. Данная

⁹ *Sontag S. The Aesthetics of Silence // Aspen. 1967. № 5-6 (3).*

область изучения часто переходит в социально-политическую сферу.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги по анализу исследований аудиальной культуры, можно сказать, что исследования вбирают множество дисциплин, где содержанием является не всегда звук и далеко не музыка и искусство, а скорее сплав различных доминирующих в научном поле идей и намерений и вне его. До своей институционализации данное направление исследовало различные звуковые практики в зависимости от определённого дискурса и институции, в которой находился сам исследователь. Звуковые исследования выстраивали диалог между рассуждениями о звуке в разных дисциплинах, шли в сторону интердисциплинарного подхода.

Помимо этого, мы проследили, что подходы к аудиальной культуре в большей степени взаимодействуют с пространственными и временными категориями в рамках семиотической системы, где звук предполагается изучать как знак, набрасывая на аудиальную структуру определённую сетку из теоретического и методологического инструментария различных научных направлений, которая может реализовываться на практике.

Также мы конкретизировали появление и историю ключевого для звуковых исследований понятия «звуковой ландшафт» и сделали вывод, что данное понятие стало универсальным инструментом для определения звукового окружения.

Список источников

1. *Braun H.J. An Acoustic Turn? Recent Developments and Future Perspectives of Sound Studies // Avant. 2017. Vol. 8. № 1. P. 75-91. <https://doi.org/10.26913/80102017.0101.0005>*
2. *Hilmes M. Is There a Field Called Sound Culture Studies? And Does It Matter? // American Quarterly. 2005. Vol. 57. № 1. P. 249-259. <https://doi.org/10.1353/aq.2005.0006>*
3. *Кейн Б. Саунд-стадиз в обход аудиальной культуры // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 4 (9). С. 20-38. <https://doi.org/10.17323/usp24201720-38>, <https://elibrary.ru/mbhroz>*
4. *Russolo L. The Art of Noises. N. Y.: Pendragon Press, 1916. 87 p. URL: <https://www.webcitation.org/5uY3woYNG> (дата обращения: 4.11.2022).*
5. *Pritchett J. The Music of John Cage. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 223 p. <https://doi.org/10.7916/D8SF2TZW>*
6. *Кейдж Д. Тишина. Лекции и статьи. Вологда: БМК, 2012. 384 с. URL: https://monoskop.org/images/3/39/Keydzh_Dzhon_Tishina_lektsii_i_statii_2012.pdf*

7. Dunaway D. Field Recording Oral History // The Oral History Review. 1987. Vol. 15. Issue 1. P. 21-42. <https://doi.org/10.1093/ohr/15.1.21>
8. Pinch T. From Technology Studies To Sound Studies: How Materiality Matters // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Vol. 56. Issue 3. P. 123-137. <https://doi.org/10.5840/eps201956354>
9. Forsey G. Ethnography as Participant Listening // Ethnography. 2010. Vol. 11. Issue 4. P. 558-578. <https://doi.org/10.1177/1466138110372587>
10. Doughy K., Duffy M., Harada T. Practices of emotional and affective geographies of sound Emotion // Space and Society. 2016. № 20. P. 39-41. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2016.06.007>
11. Jensen K.B. Sounding the Media: An Interdisciplinary Review and Research Agenda for Digital Sound Studies // Nordicom Review. 2006. № 27 (2). P. 7-33. URL: https://www.nordicom.gu.se/sites/default/files/kapitel-pdf/242_bruhn_jensen.pdf
12. Friedner M., Helmreich S. Sound studies meets deaf studies // The Senses and Society. 2012. Vol. 7. Issue 1. P. 72-86. <https://doi.org/10.2752/174589312X13173255802120>
13. Gay P., Hall S., Jones L. Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman. L.: Sage Publications Ltd, 1997. 208 p. URL: https://www.academia.edu/21381380/Doing_Cultural_Studies_The_Story_of_the_Sony_Walkman
14. Shulman N. Conditions of their Own Making: An Intellectual History of the Centre for Contemporary Cultural Studies at the University of Birmingham // Canadian Journal of Communication. 1993. Vol. 18. Issue 1. P. 1-16. <https://doi.org/10.22230/cjc.1993v18n1a717>
15. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14-79. <https://elibrary.ru/rvrfnv>
16. Truax B. Acoustic Communication. Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1984. 244 p. URL: https://monoskop.org/images/1/13/Truax_Barry_Acoustic_Communication.pdf
17. Sterne J. Sonic Imaginations // The Sound Studies Reader. N. Y.: Routledge. 2012. P. 1-18. <https://doi.org/10.4324/9780203723647-5>
18. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 464 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
19. Southworth M. The sonic environment of cities // Environment and behavior. 1969. Vol. 1. Issue 1. P. 49-70. <https://doi.org/10.1177/001391656900100104>
20. Шейфер Р.М., Косых А. Индустриальная революция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 4 (102). С. 202-223. <https://elibrary.ru/vjqgij>
21. Adorno T.W. Beethoven: The Philosophy of Music: Fragments and Texts. Stanford: Stanford University Press, 1998. 305 p. URL: <https://zlibrary.to/pdfs/beethoven-the-philosophy-of-music-fragments-and-texts-1>

References

1. Braun H.J. An acoustic turn? Recent developments and future perspectives of sound studies. *Avant*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 75-91. <https://doi.org/10.26913/80102017.0101.0005>
2. Hilmes M. Is there a field called sound culture studies? And does it matter? *American Quarterly*, 2005, vol. 57, no. 1, pp. 249-259. <https://doi.org/10.1353/aq.2005.0006>
3. Kein B. Sound studies without auditory culture: a critique of the ontological turn. *Gorodskie issledovaniya i praktiki = Urban Studies and Practices*, 2017, vol. 2, no. 4 (9), pp. 20-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/usp24201720-38>, <https://elibrary.ru/mbhroz>
4. Russolo L. *The Art of Noises*. New York, Pendragon Press, 1916, 87 p. Available at: <https://www.webcitation.org/5uY3woYNG> (accessed 4.11.2022).
5. Pritchett J. *The Music of John Cage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 223 p. <https://doi.org/10.7916/D8SF2TZW>
6. Keidzh D. *Tishina. Lektsii i stat'i* [Silence. Lectures and Articles]. Vologda, BMK Publ., 2012, 384 p. (In Russ.) Available at: https://monoskop.org/images/3/39/Keydzh_Dzhon_Tishina_lektsii_i_stati_2012.pdf
7. Dunaway D. Field recording oral history. *The Oral History Review*, 1987, vol. 15, issue 1, pp. 21-42. <https://doi.org/10.1093/ohr/15.1.21>
8. Pinch T. From technology studies to sound studies: how materiality matters. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, issue 3, pp. 123-137. <https://doi.org/10.5840/eps201956354>
9. Forsey G. Ethnography as participant listening. *Ethnography*, 2010. vol. 11, issue 4, pp. 558-578. <https://doi.org/10.1177/1466138110372587>

10. Doughty K., Duffy M., Harada T. *Practices of emotional and affective geographies of sound*. *Emotion, Space and Society*, 2016, no. 20, pp. 39-41. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2016.06.007>
11. Jensen K.B. Sounding the media: an interdisciplinary review and research agenda for digital sound studies. *Nordicom Review*, 2006, no. 27 (2), pp. 7-33. Available at: https://www.nordicom.gu.se/sites/default/files/kapitel-pdf/242_bruhn_jensen.pdf
12. Friedner M., Helmreich S. Sound studies meets deaf studies. *The Senses and Society*, 2012, vol. 7, issue 1, pp. 72-86. <https://doi.org/10.2752/174589312X13173255802120>
13. Gay P., Hall S., Jones L. *Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman*. London, Sage Publications Ltd, 1997, 208 p. Available at: https://www.academia.edu/21381380/Doing_Cultural_Studies_The_Story_of_the_Sony_Walkman
14. Shulman N. Conditions of their own making: an intellectual history of the Centre for Contemporary Cultural Studies at the University of Birmingham. *Canadian Journal of Communication*, 1993, vol. 18, issue 1, pp. 1-16. <https://doi.org/10.22230/cjc.1993v18n1a717>
15. Kurennoi V. Cultural studies: research and political program. *Logos = Logos*, 2012, no. 1 (85), pp. 14-79. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvrfnv>
16. Truax B. *Acoustic Communication*. Norwood, Ablex Publishing Corporation, 1984, 244 p. Available at: https://monoskop.org/images/1/13/Truax_Barry_Acoustic_Communication.pdf
17. Sterne J. Sonic imaginations. *The Sound Studies Reader*. New York, Routledge, 2012, pp. 1-18. <https://doi.org/10.4324/9780203723647-5>
18. Maklyuehn G.M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Kuchkovovo pole Publ., 2003, 464 p. (In Russ.) Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
19. Southworth M. The sonic environment of cities. *Environment and Behavior*, 1969, vol. 1, issue 1, pp. 49-70. <https://doi.org/10.1177/001391656900100104>
20. Sheifer R.M., Kosykh A. *Industrial'naya revolyutsiya* [Industrial Revolution]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Ration. Debate about Politics and Culture], 2015, no. 4 (102), pp. 202-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjgqjj>
21. Adorno T.W. *Beethoven: The Philosophy of Music: Fragments and Texts*. Stanford, Stanford University Press, 1998, 305 p. Available at: <https://zlibrary.to/pdfs/beethoven-the-philosophy-of-music-fragments-and-texts-1>

Информация об авторе

Орлов-Давыдовский Георгий Алексеевич, аспирант, кафедра философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-6098-9768>, geo-orlov@yandex.ru

Вклад в статью: разработка общей концепции статьи, изучение звуковых исследований, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 18.11.2022
Одобрена после рецензирования 02.02.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Georgy A. Orlov-Davydovsky, Post-Graduate Student, Philosophy and Social Sciences Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6098-9768>, geo-orlov@yandex.ru

Contribution: main study conception development, sound research study, processing and editing material, manuscript text drafting.

Received November 18, 2022
Revised February 02, 2023
Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 008 + 82-84

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-452-458>

Шифр научной специальности 5.10.1

Паремиологические единицы в общеязыковой национальной картине мира

Феруза Салохиддиновна ХАИТОВА

Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15
 feruza8134783@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению семантики паремий в произведениях известного киргизского писателя Чингиза Айтматова. Обосновано, что пословица – это особое высказывание, с помощью которого формируются стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций в языке, поскольку паремии выражают базовые ментальные установки этноязыкового сознания. В структуру паремиологических единиц включаются различные типы лексических единиц, либо выступающих в своём прямом значении, либо теряющих своё лексическое значение и употребляемых в переносном смысле, но в том и другом случае участвующих в формировании паремиологической картины мира как фрагменте общеязыковой национальной картины мира. Установлено, что национальная специфичность семантики паремий отражается в присутствии в их структуре номинаций культурных реалий, установок духовно-моральных ценностей и этических нормативных стереотипов. Доказано, что природа паремий с вторичной языковой функцией формирует паремиологический фонд языка, который является ценным объектом для лингвокультурологического исследования по двум причинам: во-первых, паремия как языковой знак способна к реализации функций и языка, и культуры; во-вторых, паремии являются неотъемлемой частью общеязыковой национальной картины мира.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, пословицы, общеязыковая национальная картина мира

Для цитирования: Хаитова Ф.С. Паремиологические единицы в общеязыковой национальной картине мира // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 452-458. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-452-458>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Paremiological units in the general language national picture of the world

Feruza S. KHAITOVA

Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
✉ feruza8134783@gmail.com

Abstract: The study is devoted to understanding the semantics of proverbs in the works of the famous Kyrgyz writer Chingiz Aitmatov. It is substantiated that a proverb is a special statement with the help of which stereotyped assessments and recommendations are formed regarding typical life situations in the language, since proverbs express the basic mental attitudes of ethno-linguistic consciousness. The structure of paremiological units includes various types of lexical units that act either in their direct meaning, or lose their lexical meaning and are used in a figurative sense, but in either case they participate in the formation of a paremiological picture of the world as a fragment of the general language national picture of the world. It has been established that the national specificity of the semantics of proverbs is reflected in the presence in their structure of nominations of cultural realities, attitudes of spiritual and moral values and ethical normative stereotypes. It is proved that the nature of paremias with a secondary linguistic function forms the paremiological fund of the language, which is a valuable object for linguistic and cultural research for two reasons: firstly, paremia as a linguistic sign is capable of realizing the functions of both language and culture; secondly, proverbs are an integral part of the general language national picture of the world.

Keywords: Chingiz Aitmatov, proverbs, general language national picture of the world

For citation: Khaitova, F.S. Paremiological units in the general language national picture of the world. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(2):452-458. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-452-458>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется потребностью в осмыслении паремий как языковых фактов народной энциклопедии жизни, что соответствует уровню современного развития антропоцентрической парадигмы лингвистики, направленной на преодоление трудностей в межкультурной коммуникации и межличностном общении.

Известный киргизский писатель Чингиз Айтматов, отлично знавший не только родной киргизский язык, но и русский, значительное место в своём творчестве отводил пословицам. Уже сама семантика пословицы предполагает непосредственное её участие в

«диалоге культур», особенно в наши дни, и характеризуется явлениями интернационализации разнообразных сторон жизни – духовного бытия целых народов и отдельных людей под влиянием научно-технического и информационного прогресса.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в настоящее время проблемы взаимоотношения языка и культуры сводятся к двум основным аспектам:

1) язык выражает самобытную среду существования культуры, в связи с чем возникает проблема возрождения национальной культуры и её сохранения, язык пословиц нацелен на то, чтобы выражать именно культурную принадлежность, а не индифферентность;

2) каждый язык представляет для тех, кто им владеет, само существование определённой культуры, её живое развитие, преемственность, традицию. В силу этого язык символизирует национальную сущность этноса, репрезентирует её.

Целью данного исследования является рассмотрение и анализ паремииологических единиц определённых тематических групп в лексико-семантическом аспекте в системе русского языка. Объектом исследования являются паремииологические единицы в романах Ч. Айтматова «И дольше века длится день» и «Плаха».

Решение проблемы проникнуть в скрытую семантику, присущую пословице в любом национальном языке как целостной символической и образной системе, является на сегодня одной из важных проблем в плане переосмысления истории стран, в том числе и в особенности исторических путей русской и других национальных культур.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Последние годы возрастает актуальность рассмотрения проблематики соотношения языка и культуры, развития идей межкультурной коммуникации [1]. На первое место выдвигаются процессы возрождения национальной культуры в новых социально-исторических условиях, складывающихся в постсоветских государствах.

Особенности межкультурной коммуникации проявляются в том, что культура и язык имеют много общего, а именно: 1) у культуры и языка один субъект – носитель языка или социум; 2) культуре и языку присущ историзм; 3) культуре и языку свойственна определённая нормативность.

Пословицы как произведения малого жанра коллективного народного творчества в наиболее яркой, образной и в то же время лаконичной форме запечатлели традиционные способы мировидения и мировосприятия человека. Для семантики паремий свойственно наличие характеризующего значения, закрепившего коллективный народный взгляд на явления, факты, события, явления, оценки, взаимоотношения людей. Е.М. Верещагин и

В.Г. Костомаров подчёркивали, что «мировидение народа и его миропонимание определяются в языке в системе характерных для него образов... Культурно значимый смысл самого образа открывается при буквальном прочтении пословиц» [2, с. 78].

Семантика паремий вытекает из семантики слов с вполне определённым лексическим значением, частотной является семантика имён существительных и прилагательных, глаголов и глагольных форм, участвующих в создании переносного значения всей пословицы и свидетельствующих о том, что любой паремииологической единице присуща собственная тема [3] и концептуальность [4; 5]. Паремии любого народа, и в этом их особая значимость, отражают его отношение к собственному бытию и окружающей действительности [6–9] в разных тематических группах.

Однако при распределении паремий на тематические группы возникают трудности, которые проявляются в том, что, как правило, учитываются опорные слова, то есть ключевые слова, из которых состоит пословичное изречение. Например, узбекскую пословицу «Яхши боғу бўстон, ёмон қора қозон» – «Хороший поступок – это сад, а плохой – чёрный казан» можно отнести в разные тематические группы:

- в группу, объединяющую тематическую группу «Посуда», по опорному слову «казан»;
- в группу «Поведение человека» по опорному слову «поступок»;
- в группу «Цвет» по опорному слову «чёрный»;
- в группу «Флора» по опорному слову «сад»;
- в группу «Оценка» по опорному слову «плохой».

При такой лексической классификации одинаковые по смыслу пословицы, но разные по лексическому составу могут попасть в разные группы, а пословицы с близкими словами, но разные по смыслу могут пропасть в одну группу.

Не претендуя на однозначность распределения паремий в произведениях Ч. Айтматова «И дольше века длится день» и «Плаха»

по тематическим группам, рассмотрим пословичные единицы тематических групп: человек, жизнь, природа.

Человек. Поведение человека: терпение. «Всякому терпению приходит конец»¹. Здесь имеется в виду терпение Укубалы, которая дождалась мужа с войны. В контексте описания поведения Укубалы понятие «терпение» отражает способ поведения, включающий признаки «выдержка», «спокойное ожидание, не предполагающее действий». Данное пословичное выражение несёт дидактический характер – терпение вознаграждает человека. И за это вознаграждение Укубала «выполняла тяжёлую работу и за мужа, который вернулся с войны контуженный. Женщина была готова отработать всему свету самым тяжким трудом за то, что муж находился рядом, не покалеченный войной настолько, чтобы это было страшно и безысходно».

Ч. Айтматов подчёркивает мысль о том, что терпение результативно, оно служит залогом счастья замужней женщины, поскольку одной из базовых характеристик человека является его умение проявлять терпение.

Характеристика человека: трудолюбие. Пословицы – это особые языковые единицы, в широком понимании им присущ объёмный смысловой диапазон, например, пословица может «опираться» на фразеологизм с компонентом «земля». Ср.:

«Он один из тех, на которых, как говорится, земля держится»², – так говорят о достойном человеке. Буранный Едигей (главный герой романа Едигей Жангельдин) – это достойный труженик по роду своего занятия, «человек труда, богат его духовный мир», простой железнодорожный рабочий, который честно трудится на одном из заброшенных железнодорожных полустанков в Средней Азии.

Характеристика человека: стремление к достижению чего-либо. «Путь к истине – повседневный путь к совершенству»³.

Главный герой романа «Плаха» Авдий Калистратов борется со злом в одиночку, идёт на плаху во имя возрождения в человеке совести, во имя истины и умирает на сухом саксауле. Авдий убеждён в том, что «если в человеке пробудить совесть, потребность ощущать радость труда, то сами по себе исчезнут хищничество, жестокость».

«Смысл жизни – в счастье, а успех – начало счастья»⁴.

Состояние человека часто зависит от основанной на успехе «кажущейся магической комбинации счастья и смысла», которая может привести человека к лучшей жизни. Вербализация успеха как «начала счастья» находит объективацию в словах, оценивающих как «движение вперёд» – успех в учёбе, успех в спорте, успехи и достижения в жизни человека, в чём и заключается смысл жизни.

Люди должны стремиться к обретению смысла происходящего в жизни и стремиться вперёд, к движению вверх, поскольку успех – это движение вперёд и выше, а это и есть начало счастья.

«Не родишься – свет не увидишь, а родишься – маеты не оберёшься»⁵. Это высказывание Ч. Айтматова перекликается с русскими пословицами: «Не познав горя, не познаешь и радости» (не разочаровавшись невозможно осознать полноту радости); «Не отведав горького, не узнаешь и сладкого», «Не узнав горя, не узнаешь и радости», смысл которых сводится к тому, что всё познаётся в сравнении.

Просторечное слово «маета», синонимичное слову «суета», восходит к глаголу «маяться» в значении «тяжёлый труд». Словосочетание «маеты не оберёшься» являет собой метафору жизни и её смысл – образное, художественное представление обо всей жизни человека, в которой, с одной стороны, если родишься, то свет увидишь, будет свет, много хорошего, с другой стороны – в жизни много страданий и мучений («Без тебя мне не жизнь, одна маета»). Ср. синонимический ряд к слову «маета»: *мука, мучение, страдание, терзание, пытка, мука мученическая;*

¹ Айтматов Ч. И дольше века длится день. Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2018. С. 70.

² Там же. С. 5.

³ Айтматов Ч. Плаха. СПб., 2019. С. 252.

⁴ Айтматов Ч. И дольше века длится день. С. 217.

⁵ Там же. С. 299.

работа, морока, мутота, изнуряющий труд, длительная работа.

Жизнь. «За умершим вслед не умрёшь, надо примириться с судьбой!»⁶.

«Стало быть старость на плечах сидит»⁷, «Дело шло к старости»⁸. Речь идёт о возрасте пожилого человека. Образ Укубалы, которая состарилась, ссутилась, «в последнее время появились морщины, седые волосы, разметающиеся по лицу из-под опавшего платка», что свидетельствует о том, что нужно достойно и смиренно принимать свой возраст.

Глагол «примириться» в данном контексте синонимичен слову смириться. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкование слова «смирение» определяется через глагол «примириться («примириться с кем-чем-н., покориться кому-чему»).

«От самого порога и до самого края света»⁹, то есть от начала и до конца, много свободного места: Сын Казангапа считает, что вокруг много просторной земли, и «какая разница, где хоронить».

«Отец-то твой, да только вот ты сам не свой»¹⁰. «Сам не свой», – так говорят о человеке, который «не способен контролировать себя», «потерял самообладание», ему «всё важно на свете, кроме смерти» (о герое романа «И дольше века длится день» Сабитжане).

«Что же это – и смерть не смерть, и горе не горе!»¹¹, то есть одна смерть, одно горе пережить намного легче, нежели когда их много.

«А там поживём – увидим»¹², то есть со временем всё разъяснится.

«Кто много страдал, тот много познал»¹³, то есть кто испытал трудности в жизни, тот уже многое познал и приобрёл опыт.

«Сколько земли, сколько простора и света, а человеку всё равно чего-то недостаёт, и прежде всего – свободы»¹⁴, то есть людям все-

гда чего-то не хватает в жизни (денег, богатства, свободы, времени и т. д.).

«Верно говорят, от судьбы не уйдёшь»¹⁵. Судьба – это нечто неизбежное, то есть то, что нельзя изменить (ср. синонимы: рок, участь, доля, жребий, предопределение и др.).

«Люди ищут судьбу, а судьба – людей»¹⁶. Судьба – это нечто неизвестное, что ожидается впереди (ср. синонимы: грядущее, будущность), человеку не дано знать, что его ждёт.

«И без людей человек не может жить и с людьми тяжело»¹⁷.

«Оседлать верблюда по-настоящему – это большая работа, всё равно что дом построить»¹⁸, то есть это большой труд, трудная работа.

Природа. «Ветка обломалась – не беда, главное, чтобы ствол чинары остался цел»¹⁹. В контексте романа имеется в виду случай, когда Укубала потеряла сыночка, который заболел краснухой и умер.

«И ни конца, ни края...»²⁰, то есть безгранично, беспредельно, о чём-то далеко простирающемся.

«Всему судья – время»²¹. Здесь говорится о волчихе Акбаре, которая со временем смогла постоять за себя.

Пословицы, в силу способности закреплять в своей семантике всё, что было и есть в народной жизни (хорошее и плохое, доброе и злое), сохраняют «следы» далёких эпох и на страницах произведений Чингиза Айтматова.

ВЫВОДЫ

Анализ пословиц в произведениях Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» и «Плаха» показал, что семантический подход при анализе пословиц, направленный на анализ их смысловой структуры и нацеленный на выявление семантики словесных форм, являющих собой предложение, равное пословичному тексту, является ведущим.

⁶ Айтматов Ч. И дольше века длится день. С. 37.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Айтматов Ч. Плаха. С. 78.

¹⁴ Там же. С. 162.

¹⁵ Айтматов Ч. Плаха. С. 347.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 158.

¹⁸ Айтматов Ч. И дольше века длится день. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 67.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Айтматов Ч. Плаха. С. 12.

Вплетая в художественный текст пословицы, Чингиз Айтматов выделяет специфические общенациональные черты: любовь к морали, эмоциональность, неагентивность в мировосприятии человека (отсутствие субъектности), ощущение неподвластности собственной судьбе, а отсюда и покорность и смирение человека.

В произведениях Ч. Айтматова преобладают паремии, характеризующие жизненную ситуацию и поведение человека в той или иной ситуации – отражение позитивных или негативных качеств человека. Так, герой романа «И дольше века длится день» Сабиджан характеризуется как человек-эгоист, для которого важнее быстрее вернуться в город, чем похоронить отца («Много свободного места, и какая разница, где хоронить»). Образ героини Укубалы характеризуется как сильная, мудрая и терпеливая в житейских трудностях женщина, помогающая мужу, который вернулся с войны контуженным («Ветка обломалась – не беда, главное, чтобы ствол чинары остался цел»).

В почерке киргизского писателя выделяются три основные тематические группы пословиц («Человек», «Жизнь», «Природа»).

Поскольку в семантике пословиц может быть заложена любая мысль о жизни человека, информация житейского и дидактического характера, обозначение типичных жизненных ситуаций, то статус пословиц как выразителей «народной мудрости» и их общенациональный характер отражают особую ценность.

Можно по праву считать, что среди фольклорных жанров пословица является самым популярным и востребованным. Нет ни одного народа, у которого не было бы пословиц. И поскольку есть общечеловеческие категории (такие как честь, достоинство, мораль, долг, честность, ответственность и т. п.) и пословицы у всех народов имеют семантически адекватные, эквивалентные формы, то паремиологические единицы играют роль особого маркера, облаченного в художественную форму для выражения дидактического законченного суждения, вывода.

Список источников

1. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 341 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004138049>
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1037 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01002588772>
3. Селиверстова Е.И., Шуян С. Особенности представления события в русских пословицах со структурой простого предложения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 2. С. 47-54. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-47-54>, <https://elibrary.ru/xuedkx>
4. Серёгина М.А. Когнитивная структура паремий как способ организации, хранения и репрезентации знаний народа в языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 5 (153). С. 133-138. <https://elibrary.ru/kylozp>
5. Иванова Е.В. Пословица как когнитивный знак особого типа // Когнитивные исследования языка. 2017. № 31. С. 92-98. <https://elibrary.ru/zvrkbz>
6. Евдокимова Л.В. Специфика отражения менталитета русского народа в малых жанрах русского фольклора (пословица и поговорка) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 2 (22). С. 40-45. <https://elibrary.ru/vjzsyu>
7. Леднева А.В. Паремиологическая картина мира в русском и немецком языках (Тематический блок «Человек»): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 153 с. URL: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_lednevoy_a.v..pdf
8. Потапова Н.А. Русские пословицы тематической группы «Полезные ископаемые» (на материале словарей В.И. Даля, М.А. Рыбниковой и В.И. Зиминой) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 31-36. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-2.pdf>
9. Шайхуллин Т.А., Заринова А.М. История изучения русского паремиологического фонда // Современный мусульманский мир. 2018. № 2. Ст. 7. <https://elibrary.ru/rtmlpz>

References

1. Ter-Minasova S.G. *Voina i mir yazykov i kul'tur* [War and Peace of Languages and Cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008, 341 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01004138049>
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1037 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01002588772>
3. Seliverstova E.I., Shuyan S. Characteristics of representation of events in Russian proverbs with the structure of a simple sentence. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 47-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-2-47-54>, <https://elibrary.ru/xuedkx>
4. Seregina M.A. The cognitive structure of proverbs and proverbial phrases as the way of the people knowledge organization, keeping and representation in the language. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 2009, no. 5 (153), pp. 133-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kylozp>
5. Ivanova E.V. Proverb as a cognitive sign of a special type. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2017, no. 31, pp. 92-98. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvrkbz>
6. Evdokimova L.V. The specificity of Russian people mentality representations in minor genres of Russian folk. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Sayan-Altai Scientific Review*, 2018, no. 2 (22), pp. 40-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjzsyu>
7. Ledneva A.V. *Paremiologicheskaya kartina mira v russkom i nemetskom yazykakh (Tematicheskii blok «Chelovek»): dis. ... kand. filol. nauk* [Paremiological Picture of the World in Russian and German Languages (Thematic Block "Human"): Dr. habil. (Philology) diss.]. Ufa, 2015, 153 p. (In Russ.) Available at: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissoverts_files/disrab/dissertaciya_lednevoy_a.v..pdf
8. Potapova N.A. Russian proverbs from the "Minerals" thematic group (on the material of the dictionaries by V.I. Dal, M.A. Rybnikova and V.I. Zimin). *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*, 2016, no. 2, pp. 31-36. (In Russ.) Available at: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-2.pdf>
9. Shaikhullin T.A., Zaripova A.M. The history of Russian paroemiological fund study. *Sovremennyi musul'manskii mir = Modern Muslim World*, 2018, no. 2, art. 7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rtmlpz>

Информация об авторе

Хаитова Феруза Салохиддиновна, докторант, кафедра узбекского языка и литературы, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0009-0003-0328-4002>, feruza8134783@gmail.com

Вклад в статью: идея статьи, сбор паремииологического материала, анализ языковых фактов, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 11.01.2023
Одобрена после рецензирования 20.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Feruza S. Khaitova, Doctoral Student, Uzbek Language and Literature Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0009-0003-0328-4002>, feruza8134783@gmail.com

Contribution: manuscript idea, acquisition of paremiological material, analysis of linguistic facts, manuscript text drafting, editing.

Received January 11, 2023
Revised March 20, 2023
Accepted March 23, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 008+316.7

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

Шифр научной специальности 5.10.1

Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры

Шахноза Ашуровна ИШНИЯЗОВА Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15 isniazovasahnoza@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена повесть народного писателя Узбекистана Мурода Тагая «Сумерки, когда заржал конь» в аспекте оппозиции языковых признаков «конкретность – креативность». Установлено, что при осмыслении художественного произведения следует обращать внимание на мирообраз писателя, отражение его «национального духа», что художественная (писательская) языковая личность является особым типом языковой личности со специфической смысловой структурой национального сознания. Данный факт позволяет утверждать, что художественную картину мира как авторское преломление коллективного отражения мира в этнокультурном сознании, в частности узбекского языкового сообщества, отражает реализация маркированного оппозиита «креативность». В рамках признака «образная картина мира объективируется национальной номинативной лексикой, в то время как художественная картина мира писателя представлена ментальной образностью – единицами вторичной номинации, к числу которых относятся сравнения, метафоры, метонимия, эпитеты и другие элементы художественного сознания. Доказано, что особую значимость в художественном тексте приобретают именно те языковые знаки, в основе которых лежат ментальные этнические обобщения действительности – национальные образы и стереотипы, образующие своеобразную сферу существования узбекской ментальности и национальной культуры.

Ключевые слова: узбекская ментальность, художественный текст, оппозиция языковых признаков, обыденные и креативные знания, образное мышление

Для цитирования: Ишниязова Ш.А. Узбекская ментальность в художественном произведении как источник национальной культуры // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 459-465. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Uzbek mentality in fictional work as a national culture source

Shaxnoza A. ISHNIYAZOVA

Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
✉ isniyazovasahnoza@gmail.com

Abstract. The story of the people's writer of Uzbekistan Murod Tagai "Twilight when the horse neighed" is considered in the aspect of the opposition of linguistic features "concreteness – creativity". We establish that when comprehending a fictional work, attention should be paid to the world image of the writer, a reflection of his "national spirit", that the artistic (writer's) linguistic personality is a special type of linguistic personality with a specific semantic structure of national consciousness. This fact allows us to assert that the artistic picture of the world as the author's reflection of the collective reflection of the world in the ethno-cultural consciousness, in particular the Uzbek language community, reflects the implementation of the labeled opposition "creativity". Within the framework of the attribute "creative nature of knowledge", the aesthetic purpose of the language is reflected. It is substantiated that the linguistic picture of the world is objectified by the national nominative vocabulary, while the artistic picture of the world of the writer is represented by mental imagery – units of secondary nomination, which include comparisons, metaphors, metonymy, epithets and other elements of artistic consciousness. It is proved that those linguistic signs, which are based on mental ethnic generalizations of reality – national images and stereotypes, which form a kind of sphere of existence of the Uzbek mentality and national culture, acquire special significance in a fictional text.

Keywords: Uzbek mentality, fictional text, opposition of linguistic features, ordinary and creative knowledge, creative thinking

For citation: Ishniyazova, Sh.A. Uzbek mentality in fictional work as a national culture source. *Neofilologiya = Neophilology*. 2023;9(2):459-465. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-459-465>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Границы моего языка означают границы моего мира.
Л. Витгенштейн

ВВЕДЕНИЕ

Взаимосвязь языка и национального сознания рассматривалась в работах многих известных лингвистов XIX и XX веков (труды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Р. Якобсона и др.). На рубеже XX–XXI столетий в рамках Московской психолингвистической школы стали разрабатываться исследования национально-культурной специфики языкового сознания. Важную роль в понимании

закономерностей языкового сознания сыграло становление культурологической теории (работы В.В. Воробьёва, В.М. Шаклеина, А.С. Мамонтова, Е.М. Верещагина, Ю.Е. Прохорова и др.), развитие теории языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым [1] и воплощённой в работах В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Масловой, С.А. Сухих и др. Термин «языковая личность» (*Sprachliche Personlichkeit*) впервые «обнаруживается в трудах И. Вайсгерберга, затем в исследованиях русских учёных В.В. Виноградова (личность автора и личность персонажа), А.А. Леонтьева (говорящая личность)» [2, с. 442].

Развитие когнитивной лингвистики в трудах Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джа-

кендоффа, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева и других учёных способствовало введению в научный обиход таких новых понятий, как «концептуализация» и «категоризация», «концептосфера», «семантическое пространство языка», «картина мира», с помощью которых учёные описывали проблематику образа языка, культуры, сознания в их взаимосвязи.

В настоящее время такие термины, как «менталитет» или «ментальность», «национальный менталитет», «языковое сознание», «языковая картина мира», «образ мира», «национальные образы (картины) мира», «культурный генетический код» и т. п., сменили архаичное понятие «дух народа».

В гуманитарных науках укоренилось мнение о том, что этническое сознание содержит представление о специфике культуры любого социума, отражающейся в каждом языке в виде так называемого «образа мира» [3, с. 52], «картины мира», или мирообраза.

Рассматривая сознание в языковом и этническом ипостасях, представляющих собой часть национального общественного сознания, современные учёные обращают внимание на неперемнную языковую антропоцентричность, которая связана с конкретным сознанием конкретного индивида, его познанием окружающей действительности и построение языковой системы в индивидуальном сознании [4–6]. Речь идёт о том, что в триединствах субстанций *человек – окружающая действительность – язык*, *«язык – культура – человеческая личность»*, *человек – язык – текст* главенствующей сущностью является человек.

Однако проблема состоит в том, что необходимо отличать существование внешнего мира от языка, равно как и отделять от языка сознание. И всё же действительность состоит из конкретных, объективных фактов, явлений, свойств, качеств и отношений, которые номинируются с помощью языка и являются его структурными единицами. В результате этого язык становится способом осознанного категоризованного мира. Ещё А. Вежбицка подчёркивала, что язык «отражает нашу концептуализацию мира» [7, р. 50]. Следовательно, язык отражает не саму окружающую действительность, а концептуализацию, происходя-

щую в сознании человека в процессе осмысления этой окружающей действительности.

Взаимодействие обыденной реальности и художественного (писательского) сознания, именуемого как «художественный язык», оказывается в центре внимания к рассмотрению феномена сознания и языковой личности, и национальной языковой личности, которую следует соотносить с культурой национальной, что и определяет актуальность данного исследования.

Осмыслить содержательные характеристики языковых составляющих структуры языковой национальной художественной личности применительно к оппозиции её языковых признаков «реальность – вымысел», или «конкретность – креативность», в отражении узбекской ментальности на материале художественного произведения как источника национальной узбекской культуры является целью данного исследования.

Объектом исследования является повесть «Сумерки, когда заржал конь» «Ночь, в которой заржал конь» («От кишнаган тунда»/«От кишнаган ошком», 1985) узбекского писателя Мурада Тагая (это литературный псевдоним Тагаймурада Менгнарова, уроженца селения Хужасоат Денауского района Сурхандарьи).

В качестве основных методов исследования послужили метод глубинной семантики слова в структуре предложения художественного текста и оппозиционный метод.

В результате проведённого исследования доказано, что необходимо различать реальную языковую личность и художественную языковую личность – художника слова (писателя). Языковая личность народного писателя Узбекистана Мурода Тагая проявляет себя в использовании языковых знаков, соотносённых с реальными знаниями о родном крае. Как «креативная» национальная языковая личность Мурод Тагай проявляет себя в использовании языковых знаков, соотносённых с национальными образными языковыми единицами, художественно отражающими действительность. Данный факт позволяет утверждать, что отражённое языковое конструирование окружающего мира в национальном художественном произведении есть ин-

терпретируемая национальная художественная картина мира.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Художественный текст всегда являет собой отражённую реальность в достоверных национальных параметрах, а писательская языковая личность является особым типом языковой личности со специфической смысловой структурой национального сознания.

В повести писателя Узбекистана Тогай Мурада «Сумерки, когда заржал конь» отражается авторское преломление коллективного отражения мира в этнокультурном сознании узбекского языкового сообщества. Писателя, наряду с вопросами современности, особенно волновал вопрос о непреходящих ценностях человека. Такими нравственными чертами, как честность, обязанность, долг, доброжелательность, наделён герой повести – скромный и трудолюбивый пастух Зиёдулла по прозвищу Плешивый.

Интенция Мурада Тогай отразить национальный колорит узбекской культуры находит отражение в оригинальной эквиполентной оппозиции языковых признаков «конкретность – креативность».

Данная оппозиция демонстрирует принципиально разные способы познания действительности, то есть в её основе лежит различие в способах познавательной деятельности и освоения окружающей действительности. Под понятием «конкретность» понимаются основные обыденные (житейские) знания как способ естественного освоения действительности, под понятием «креативность» – художественные знания как отражение художественного, креативного мышления, как способ эстетического освоения действительности, творческого воображения.

Языковые признаки «конкретность – креативность» как два способа в воззрении на действительность в художественном тексте непременно взаимодействуют.

Оппозит «конкретность» аккумулирует реальные лингвистические и экстралингвистические знания и реализует интеллектуально-понятийную деятельность человека. С позиции обыденные восприятия действи-

тельности в повести используются реальные названия географической местности, лица, реалии быта, названия национальных узбекских игр, что в целом отражает национальную картину мира.

Мурад Тогай вписывает в структуру повести своего героя в пространство Сурхандарьи, горные кишлаки у предгорий «красной земли» Байсуна¹, откуда он сам родом. Границы Сурхандарьинской области указаны с чёткими топографическими объектами: Байсун, Денау, Иргали, Обокли, Оккапчигай, Каратау, Юрчи. Писатель подчёркивает специфику именно этого региона и его значимость.

«Вода в арыке мутная. Вся в красной глине» – Сурхандарья – Красная река (с. 35). «Если берёшь коня, бери из Обокли. Если берёшь жену, бери из Иргали!»; «Сыновья, рождённые иргалинскими матерями, подобны самому Алпамышу. Недаром Алпамыш жил в этих краях!»

Повествование ведётся от лица сурхандарьинского чабана Зиёдуллы-плешивого – мастера национальной узбекской конной игры (улака) с необычным обращением к читателю – «биродирлар», которое начинает повесть: «Братья, беда, беда!» В тексте обращение «братья» повторяется неоднократно.

«Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...»; «Братья, вам лучше не спрашивать, а мне не говорить»; «Ах, братья, весь мир – это одно, а то, что называется объятиями – совсем другое. А/х-ха!»; «Братья, девушка эта постоянно стоит перед моими глазами. И днём, и ночью», «Братья, во сне Момосулув была утренней звездой Венерой, наяву была Луной, в объятиях моих стала Солнцем!»; «Братья, сколько карабанеров, сколько чубарых коней ушли со ржанием, оглядываясь назад».

Частотность употребления данного обращения соотносит повесть с народным сказанием, сказом. М.Р. Бобохонов подчёркивает: «В повести, как в народном сказании, порок наказан и добро побеждает», «тандем

¹ Тогай Мурад. Избранные произведения. Повести. Сумерки, когда заржал конь. Ташкент: Шарк, 2008. Ссылки на данное произведение в тексте статьи приводятся в круглых скобках.

«человек – конь» есть счастливый прецедент для восточного повествования» [8, с. 35].

Заметим, что в узбекском языке есть слова, которые на другой язык практически не переводимы, например, слово «хайле» в значении «неконкретность пространственных ориентиров и параметров». К числу подобных слов относится и обращение Зиёдулла «биродирлар....» к своим односельчанам. В переводе на русский язык это нечто среднее между русскими словами «братья» и «братцы», каждое из которых не передаёт семантически эквивалентное значение узбекского слова «биродирлар», то есть лексическое понятие этого слова присутствует только в узбекском языке.

Из сказанного следует, что национальный текст повести насыщен той неуловимой оттеночностью эмоций, слов, понятий и смыслов, которые трудно или невозможно передать в переводе на русский язык.

Оппозит «креативность». Л. Витгенштейн считал, что значение слова заключено не во внутреннем процессе понимания слова, а в его употреблении [9, с. 266]. Оппозит «креативность» отражает художественную образность слова при его употреблении писателем, который проявляет креативные знания.

Креативность отражает эстетический, эмоциональный способ познания реальной действительности, который представлен художественными образами, что находит отражение в языковом плане на уровне в использовании средств выразительности, тропов и фигур, особого сочетания слов друг с другом. Креативность трансформирует конкретные знания, отражая «мышление в образах» и реализует чувственно-образную деятельность писателя, поэтому интересны эмоциональные образы и их ментальная близость к общему культурному национальному колориту.

Так, герой повести Зиёдулла, летя в самолёте, воспринимает облака как «горы хлопка», а оценивая урожай кишмиша (изюма), говорит, что он «жёлтый как самый солнечный день лета» (с. 34). При описании восторженного отношения к байсунским скаковым лошадям Зиёдулла использует яркое сравнение: «Кобылицы с таким крупом, что можно ставить юрту».

Многие слова языка имеют право считаться «вещью культурно-исторической» (по терминологии В.В. Виноградова), являясь одновременно своеобразными «призмами», через которые постигается человеком реальная его действительность., например, *тандыр, лепёшка, кишмиш, мираб*. Ср.:

«...его лицо напоминало раздумывающую лепёшку, только что вынутую из тандыра». Тандыр – это восточная керамическая печь для приготовления пищи у народов Средней Азии.

«Разбрасывал всю дорогу кизяк» (40). Кизяк – сухой прессованный навоз для топлива, строительный материал в степных районах на юге и востоке Средней Азии.

«Точно как мираб сложил руки на живот» (с. 37). Мираб – лицо, которое следит за оросительной системой и распределяет воду между селениями в маловодных районах Средней Азии.

«Он как отбелённая бязь. Бязь – достаточно распространённая крепкая хлопчатобумажная ткань, не с гладкой, а слегка с крапчатой поверхностью. Это сравнение употреблено дважды за его ощутимую визуальность. Подёрнутая первым морозцем степь воспринимается так: «белая, как отбелённая бязь, равнина».

Как пастух и участник улака Зиёдулла по-особому воспринимает пространство, это «взгляд с коня», с дастанного коня Тарлана. «Я летел больше того времени, за которое можно 4 раза плов сделать» (с. 38). Плов – блюдо из мяса, риса, лука, красной или жёлтой моркови и специй. Попутно заметим, что ингредиенты самаркандского блюда не перемешивают; как правило, плов готовится на кунжутном масле.

Мурад Тогай фиксирует взгляд с позиций наездников, поэтому используется образ зрителя-птицы, в который писатель вкладывает устойчивый национальный образ, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Сравнения многофункциональны. Так, предложение «Наездники поникли, подобно парнишкам, у которых не вернулись с войны их молочные братья» (с. 15), во-первых, передаёт горе – потерю близкого человека; во-

вторых, отражает историческое время – послевоенные годы XX века; в-третьих, характеризует Зиёдуллу, готового на всё ради спасения коня Тарлана.

На улаке зрители приобретают зооморфный образ: «На границе степи росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расположились, точно птицы, на ветвях тутовника» (с. 6). Тутовник в Узбекистане – это особое «священное» дерево, которое не принято ни вырубать, ни спиливать. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров подчёркивали, что «мировидение народа и его миропонимание опредмечиваются в языке в системе характерных для него образов... культурно значимый смысл самого образа открывается при буквальном прочтении текста [10, с. 78].

Таким образом, образ (чабан из Сурхандарьи) и образность, оформленная в слове (дастанный конь Тарлан, «Конь был низенький, чуть повыше осла»), являются ключевыми понятиями языка Тагая Мурода, формирующими самобытность картины национального мира. Эти образные понятия становятся ключом для понимания узбекской ментальности, отражённой на страницах его повести.

ВЫВОДЫ

Языковое сознание писателя Узбекистана Тогая Мурада отображает специфику

взаимодействия с миром конкретного этноса без отрыва от этнической, национальной культуры.

Особую значимость в тексте повести «Сумерки, когда заржал конь» приобретают именно те языковые знаки, в основе которых лежат ментальные этнические обобщения действительности, образующие своеобразную сферу существования узбекской культуры, отражённой в оппозиции «конкретность» – «креативность». Маркированным оппозитом является «креативность». Различительный признак «образное отражение жизни Зиёдуллы-плешивого в его сложных отношениях с действительностью» теряет свою релевантность, если не происходит приращения креативного знания.

На сегодняшний день народы сохраняют и развивают свою национальную духовную культуру и этнокультурную идентичность с учётом происходящих в мире изменений. В качестве наглядного примера выступают особенности модернизационных процессов в Республике Узбекистан, совмещающей в себе технологическое развитие с сохранением национальных традиций и локальной специфики.

Повесть М. Тагая – это всего лишь маленький фрагмент огромной мозаики, которая составляет языковое богатство, жанровое разнообразие и многоголосие современной узбекской литературы.

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010. 264 с. URL: https://www.phantastike.com/ru/yazykovaya_lichnost/pdf/
2. Саяхмет С.С., Туманова А.Б. Тезаурус как составляющая категории «языковая личность» // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 439-447. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447>, <https://elibrary.ru/fboime>
3. Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Рафаэль Г.Т. Феномен сознания в аспекте теории и практики обучения иностранному языку как средству межкультурной коммуникации // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах / под общ. ред. В.М. Шаклеина. М.: РУДН, 2019. С. 51-75. <https://elibrary.ru/pvdsnx>
4. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>
5. Щербак А.С., Атавуллаева С.Ж. Педагогическая грамматика русского языка в ономастическом и когнитивном аспектах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 1. С. 39-47. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-39-47>, <https://elibrary.ru/qexlag>
6. Щербак А.С. Ментальные уровни в семантике топонима: Учкудук // Неофилология. 2022. Т. 8. № 4. С. 697-704. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704>, <https://elibrary.ru/emxeqh>
7. Wierzbicka A. The Case for Surface Case (Linguistica Extranea). Ann Arbor: Karoma, 1980. 182 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV157735/

8. Бобохонов М.Р. Психологические доминанты повести Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20 (235). Вып. 56. С. 35-37. <https://elibrary.ru/owxyrt>
9. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с. URL: <https://djvu.online/file/xminZyTFc16Fh>
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с. URL: https://studylib.ru/doc/6254301/vereshhagin-yazyk-i-kul_tura

References

1. Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, 2010, 264 p. (In. Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/ru/yazykovaya_lichnost/pdf/
2. Sayakhmet S.S., Tumanova A.B. Thesaurus as a constituent of the category "language personality". *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 439-447. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-439-447>, <https://elibrary.ru/fboime>
3. Mamontov A.S., Boguslavskaya V.V., Rafael' G.T. Phenomenon of consciousness in the aspect of theory and practice of teaching a foreign language as a means of intercultural communication. *Izucheniye i prepodavaniye russkogo yazyka v raznykh lingvokul'turnykh sredakh* [Studying and Teaching the Russian Language in Different Linguistic and Cultural Environments]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 51-75. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/pvdsnx>
4. Shcherbak A.S. Onomastic consciousness as a cognitive-language system. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2020, no. 3 (42), pp. 301-304. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/ffvvyv>
5. Shcherbak A.S., Atavullaeva S.Zh. Pedagogical grammar of the Russian language in onomastic and cognitive aspects. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2023, vol. 28, no. 1, pp. 39-47. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-39-47>, <https://elibrary.ru/qexlag>
6. Shcherbak A.S. Mental levels in the semantics of the toponym: Uchquduq. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 697-704. (In. Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704>, <https://elibrary.ru/emxeqh>
7. Wierzbicka A. *The Case for Surface Case (Linguistica extranea)*. Ann Arbor, Karoma Publ., 1980, 182 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV157735/
8. Bobokhonov M.R. Psikhologicheskie dominanty povesti Tagaya Murada «Sumerki, kogda zarzhal kon'» [Psychological dominants of the story "Twilight when the horse neighed" by Tagai Murad]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 20 (235), issue 56, pp. 35-37. (In. Russ.) <https://elibrary.ru/owxyrt>
9. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Investigations]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pt 1, 612 p. (In. Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/xminZyTFc16Fh>
10. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1040 p. (In. Russ.) Available at: https://studylib.ru/doc/6254301/vereshhagin-yazyk-i-kul_tura

Информация об авторе

Ишниязова Шахноза Ашуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, <https://orcid.org/0009-0009-5013-1301>, isniyazovasahnoza@gmail.com

Вклад в статью: разработка идеи статьи, сбор и анализ фактического материала, написание статьи, корректировка текста.

Поступила в редакцию 23.01.2023
Одобрена после рецензирования 14.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the author

Shaxnoza A. Ishniyazova, PhD (Philology), Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, <https://orcid.org/0009-0009-5013-1301>, isniyazovasahnoza@gmail.com

Contribution: study idea development, factual material acquisition and analysis, text correction.

Received January 23, 2023
Revised April 14, 2023
Accepted April 20, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-4, 82-8

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-466-472>

Шифр научной специальности 5.9.6

Эпоха – новый факультет (из истории факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова)

Светлана Григорьевна ТЕР-МИНАСОВА

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

19991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51

 sgtermin@mail.ru

Аннотация. В жанре научного эссе предложены воспоминания из истории факультета иностранных языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (впоследствии факультет иностранных языков и регионоведения (ФИЯР)) и инноваций в сфере преподавания иностранных языков. Описан коренной переворот в области изучения и преподавания иностранных языков, или иноязычного образования в постсоветской России, потребовавший разработки совершенно новой программы преподавания иностранных языков, отвечающей новым общественным требованиям и задачам, и особого внимания к языковой подготовке не-филологов. Представлена информация о предмете «Мир изучаемого языка», который был первым шагом к введению и развитию учебной дисциплины «Межкультурная коммуникация», до сих пор занимающей своё место в учебном плане факультета, уникальных учебных курсах: «Англия и англичане», «Италия и итальянцы», «Россия и русские». Изложены сведения о появлении новой специальности в России «Лингвистика и межкультурная коммуникация» и первом учебнике «Язык и межкультурная коммуникация», неоднократно переиздававшемся и изданном на грузинском и казахском языках. Обосновано, что появление специализации «Регионоведение России» позволило снова Московскому государственному университету имени М.В. Ломоносова выполнять роль флагмана Российского образования.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, иноязычное образование, факультет иностранных языков, история

Для цитирования: Тер-Минасова С.Г. Эпоха – новый факультет (из истории факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова) // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 466-472. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-466-472>

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, г. Москва, Россия; Лауреат Ломоносовской премии МГУ; лауреат премии 50-летия Фулбрайта, США; почётный президент-основатель Национальной ассоциации преподавателей английского языка России (НАПАЯЗ/ NATE/TESOL); Президент-основатель Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ); почётный профессор Бирмингемского университета, Великобритания; Почётный доктор словесности Университета Штата Нью-Йорк, США; почётный профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, Армения; приглашённый профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия; приглашённый профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия; почётный профессор Гуандунского университета иностранных языков и международных отношений, Китай; член академического совета экспертов Международного Академического Форума IAFOR, Япония; почётный член Грузинской академии образования, Грузия; почётный доктор Ереванского государственного университета, Армения. <https://orcid.org/0000-0002-4274-6674>, sgtermin@mail.ru

Epoch – a new faculty (from the history of Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University)

Svetlana G. TER-MINASOVA

Lomonosov Moscow State University
51 bldg, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉ sgtermin@mail.ru

Abstract. In the genre of a scientific essay, memoirs from the history of Faculty of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University (later the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies) and innovations in the field of teaching foreign languages. We describe a fundamental revolution in the field of learning and teaching foreign languages, or foreign language education in post-Soviet Russia, which required the development of a completely new program for teaching foreign languages, meeting new social requirements and tasks and paying special attention to the language training of non-philologists. Information is provided on the subject “The World of the Language Being Learned”, which was the first step towards the introduction and development of the academic discipline “Intercultural Communication”, which still occupies its place in the curriculum of the faculty, unique training courses: “England and English”, “Italy and Italians”, “Russia and the Russians”. Information about the emergence of a new specialty in Russia “Linguistics and Intercultural Communication” and the first textbook “Language and Intercultural Communication”, which was repeatedly retaken and published in Georgian and Kazakh, are presented. It is substantiated that the emergence of the specialization “Area Studies of Russia” allowed Lomonosov Moscow State University to play the role of the flagship of Russian education again.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, foreign language education, Faculty of Foreign Languages, History

For citation: Ter-Minasova, S.G. Epoch – a new faculty (from the history of Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):466-472. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-466-472>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Времена менялись, был уже конец 1980-х гг., трещал и разваливался Советский Союз, казавшийся нам, в нём родившимся и выросшим, незыблемым, надвигалась новая эра – всеобщего, массового, открытого международного общения, неконтролируемого никакими «органами». И на пути как этой роскоши свободного общения, так и величайших технических открытий, обеспечивших немыслимые, невообразимые возможности удивительно лёгкого, мгновенного общения людей в любых точках планеты, где есть всего лишь одна глобальная деревня, встала

одна «мелкая» помеха, «человеческий» (гуманитарный в транслитерации с латыни) фактор, а именно – язык, главное средство общения людей.

Приближались бурные годы Перестройки. Я входила всё глубже в мир «нефилологов», составляющих абсолютное большинство человечества, и поняла некоторые причины повального неуспеха обучения их иностранным языкам.

Зародившийся у меня план я изложила сначала мужу, филологу-русисту и такой же жертве системы изучения иностранных язы-

ков, как и «нефилологи». Он сразу понял и поддержал меня. И я пошла с новой идеей в ректорат.

Это был 1988 год. Ректором был доктор физико-математических наук, академик АН СССР Анатолий Алексеевич Логунов. У него было два проректора: первый был доктор физико-математических наук, профессор Виктор Антонович Садовничий, а второй – доктор философских наук, профессор Владимир Иванович Добренков, впоследствии – декан основанного им социологического факультета. Я пошла к Садовничему, потому что моё предложение касалось «нефилологов». Он, тоже жертва общей системы, сразу всё понял, оценил масштабы бедствия, с одной стороны, и надвигающуюся острую необходимость в знании иностранных языков для реализации новых возможностей международной коммуникации, с другой, и, как принято у негуманитариев, стал рисовать схему, план, чертёж идеи факультета, которую я принесла ему в виде текста.

Идея была простая и очень актуальная. Надо в корне менять систему преподавания иностранных языков в нашей стране. И начать её нужно в Московском университете как флагмане российского образования. Виктор Антонович Садовничий сразу поддержал моё предложение и помог его реализовать.

Предложение было тоже простое. Собрать все кафедры иностранных языков всех факультетов, кроме филологического, в один факультет, задачей которого станет разработка и внедрение новых принципов преподавания иностранного языка как орудия производства для специалистов в разных областях знания, как средства общения/коммуникации между профессионалами.

Время было выбрано одновременно и неправильно, и идеально. Неправильно – потому что рушилась казавшаяся вечной и несокрушимой, система, продержавшаяся 70 лет (срок поколения, родившегося и состарившегося при ней). Начинался новый – переходный – период гибели одной страны и рождения – в крови и муках – другой. Хуже времени для создания нового факультета нельзя было придумать.

А сфера образования – важнейшая область любой системы: она творит будущее.

Но с точки зрения профессиональной, время было выбрано абсолютно правильно. Новая эпоха свободного международного общения убрала политические барьеры, но остались ещё два: один – экономический, а второй – и самый труднопреодолимый! – языковой. Настало время для коренного пересмотра методов обучения иностранным языкам, для реального, взаимовыгодного общения во всех областях жизни людей.

Английский стал языком международного общения по вполне понятным объективным причинам, поскольку за ним стоят, начиная с XVI века, три империи всемирного масштаба: с XVI века Британская, с XX века США (с небольшим перерывом тридцатилетнего противостояния с Советским Союзом) и с XXI века – Интернет. И во всех трёх – международное общение/коммуникация на английском языке.

Острый спрос немедленно породил гигантское хаотическое предложение. В области изучения и преподавания языков бушевали, может быть, даже большие страсти, войны, поиски новых методов работы и жизни, шарлатанство и инновации, чем в других сферах общественной жизни.

Так мы и наша специальность, преподавание иностранных языков, внезапно оказались в центре общественного внимания. Для нас, профессионалов именно в этой области, переворот был сильнее, чем в других сферах прежней жизни. В Советском Союзе, в условиях международной изоляции, изучение иностранных языков, особенно великих европейских стран с великой и литературой, и культурой, и историей было подозрительно в глазах властных структур, потому что это были языки «капстран», тех самых врагов, от которых СССР как главный оплот социализма и отгородил наше государство Железным Занавесом. Учить английский язык было подозрительным и опасным делом. Могли быть только две главные причины его изучения: либо для эмиграции, либо для шпионажа.

Железный Занавес «работал» для всех, просто английский язык был особенно непопулярным в глазах силовых структур. Изуче-

ние и преподавание иностранного языка происходило в условиях полной и абсолютной – «железной»! – изоляции от страны и народа, пользующегося этим языком как средством общения. Это было своего рода «искусство ради искусства», изучение ради изучения, а не для реального общения.

Естественно, в этих исключительных условиях обучение языку в изоляции от среды, где он реально служит средством общения, тоже приняло ненормальные формы.

Главной формой обучения было чтение. Филологи читали классическую литературу. Это считалось правильным, потому что филологи должны хорошо знать литературу, особенно классическую.

Современный, тем более разговорный, английский язык нам был недоступен даже в его учебной форме английского языка как иностранного. Мы учились по нашим учебникам, написанным нашими авторами. Ненормальность изучения иностранных языков, вызванная ненормальностью условий социальной жизни и обстановки, обусловила односторонность иноязычного образования и тот перекос, который до сих пор до конца не преодолен и исправлен.

Итак, благодаря тому, что В.А. Садовничий сразу понял и поддержал наше предложение, «процесс пошёл».

Однако всё было непросто, поскольку время было сложное и страшное – Перестройка образа жизни, правительства, системы правления, идеологии, менталитета, системы ценностей и т. п.

В этих условиях открыть новый факультет было неимоверно трудно, но помогли обстоятельства – «За»:

1) идея была правильная и очень актуальная;

2) ректорат её поддержал;

3) в новых условиях жизни, предоставившей возможности международного общения, внешние факультеты тоже остро нуждались в более эффективных методах преподавания иностранных языков и хотели нововведений в этой области;

4) перспектива филологов избавиться от ОПИЯза (отделение по преподаванию иностранных языков).

Как только приказ был подписан, начались разнообразные «против».

Просто идеальная схема сработала не-идеально, а только частично. Не все «квадратики» схемы Садовничего вошли в новый факультет.

Главное «против» был, разумеется, опять «человеческий фактор».

Становление факультета сейчас страшно вспомнить. Страна – и университет как её часть – стремительно менялись в какую-то новую, странную сторону.

В новой ситуации, когда уже не «один за всех», а «каждый сам за себя», добрые старые факультеты стали смотреть на нового члена семьи как на «лишний рот». Очень быстро пришло понимание, что для того, чтобы научиться преподавать иностранные языки по-новому, для удовлетворения новых потребностей, нужно не только переучивать старые кадры, но и параллельно начинать готовить новые.

Сначала идея была простая и скромная: мы обслуживаем факультеты, которые согласились, чтобы их обслуживали, о собственных студентах речь не шла. Однако очень скоро стало ясно, что пора готовить преподавательские кадры по-новому, что нужно, критически изучив методы обучения языка в условиях полной изоляции от мира изучаемого языка и его народа, отобрать лучшие, убрать устаревшие и искать новые.

И мы стали «пробивать» набор студентов на наш факультет. При поддержке Виктора Антоновича Садовничего ректорат выделил 30 бюджетных мест, это было счастливое начало новой жизни факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. Оно дало нам новый статус – уже полноправного! – факультета Первого вуза страны. Тогда же началась эпоха платных студентов, и мы очень быстро смогли сделать полноценный набор. Мы, самые «старшие» среди «молодых» факультетов.

Маленькая статистическая справка. В 1988 г. наш новый факультет был 19-ым. Тридцать четыре года спустя, в 2021 г. в МГУ уже 43 факультета и 2 школы-интерната.

После краткого мига радости наступил долгий период борьбы за выживание. Меня-

лась жизнь. Менялся состав и преподавателей, и студентов. Огромная волна эмиграции накрыла страну и все её структуры, и нашу тоже. Университет же был, действительно, огромным, устойчивым кораблём, который трепали штормы, но мы – «люди МГУ», как любит говорить наш ректор, сознавали великую миссию всех учебных заведений – воспитывать будущее народа и страны, и медленно, мучительно, неровно, но шли вперёд.

Нам было труднее всех. Спрос на наше направление рос каждый день, языки были остро нужны в открывшемся новом мире, студентов мы набрали много и быстро, конкурс был высокий с самого начала. Но – учить их было негде. Нужно было искать место и зарабатывать деньги.

В поисках места для студентов я обходила самые невообразимые закоулки, и в некоторых из них мы занимались. Часто это были не аудитории для занятий, но это нас не отпугивало. Мы учили наших первых студентов в двух маленьких grimёрных комнатах над сценой в Конференц-зале первого Гуманитарного корпуса.

Иностранцам, пожелавшим изучать русский как иностранный, мы отвели Музей землеведения! Доски сначала тоже не было, но я говорила учащимся: «Зато у вас самый лучший вид Москвы!»

Конференция во Флоренции в 1988 г., международная, научная, посвящённая проблемам преподавания английского языка в европейских университетах, сыграла очень важную роль в нашей факультетской будущей научной и педагогической деятельности. После неё меня пригласили на следующую конференцию, которая проходила в апреле 1989 г. в Греции в Салониках. Именно там, на бизнес-завтраке было предложено создать в СССР отделение Международной Ассоциации Прикладной лингвистики, основанной в 1964 г. во Франции и поэтому имеющей французскую аббревиатуру AILA: Association Internationale de Linguistique Appliquée.

Так, наш факультет прямо с рождения получил возможность участвовать в развитии теории и практики преподавания иностран-

ных языков на очень серьёзном международном уровне.

В 1989 г. мы зарегистрировали Московское отделение AILA в Моссовете. Алла Назаренко героически там сражалась в очереди и оформила документы для регистрации Московской ассоциации лингвистов-практиков. Стала очевидной необходимость реорганизации. Тем временем система регистрации общественных организаций непрерывно менялась в сторону формализации. Мы зарегистрировали новое название – Национальное общество прикладной лингвистики – НОПриЛ (за термин «Ассоциация» требовали большие деньги), а в корреспонденциях с зарубежными членами Международной ассоциации прикладной лингвистики добавляли «Россия». Сейчас в состав НОПриЛ входят представители большинства регионов России.

В конце концов, мы переехали в пятиэтажку бывшего общежития на Ломоносовском проспекте, где нам отвели четвёртый и пятый этажи, потому что нижние всё ещё остались общежитием. И всё равно это было счастье, это был Наш Дом!

Конечно, сейчас, новому поколению студентов, родившихся и выросших в Новой России, трудно представить наше ликование по поводу двух верхних этажей пятиэтажного общежития. Это были наши первые собственные площади, где расположились деканат, кафедры, административные и хозяйственные службы, а также аудитории для занятий. Со студентами, живущими в общежитии, у нас не было никаких конфликтов, мы «уживались» вполне культурно, но родители и деловые/научные посетители удивлялись.

Когда мы через несколько лет, в конце 2000 г., получили всё здание и сделали большой ремонт – это была уже другая, настоящая университетская жизнь!

В 2018 г. мы переехали в новое здание, и там началась опять Новая Жизнь.

А время шло, мы росли и делали всё правильно, как показала жизнь. Задач было много, и все актуальные, но одной из главных было поднять научный уровень преподавателей иностранных языков, распространить на них требования научного роста,

предъявляемые ко всем преподавателям высшей школы.

Первым делом были открыты аспирантура в 1990 г., а затем диссертационный Совет для защит кандидатских и докторских диссертаций и факультетский «Вестник МГУ» в 1991 г.

В 1991 г. был сделан первый набор в аспирантуру по тем специальностям, которые имел наш Диссертационный совет: Германские языки (10.02.04), Романские языки (10.02.05) и – ново, революционно, неслышанно! – Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). 13.00.02.

В 1992 г. был сделан первый набор студентов непосредственно на факультет иностранных языков для подготовки новых кадров, способных преподавать иностранные языки как средство международного общения в связи с изменившимися условиями жизни в результате открывшейся возможности массового международного общения.

Нужно было разработать совершенно новую программу преподавания иностранных языков, соответствующую новым общественным требованиям и задачам, с особым вниманием к языковой подготовке нефилологов. В том же 1992 г. в учебный план факультета был введен новый предмет «Мир изучаемого языка».

Сначала мы старались, чтобы преподавали этот предмет носители языка и культуры. Но довольно скоро мы осознали, что наш учитель, знакомый с миром изучаемого языка, не только может преподавать этот предмет, но и должен, потому что знает различия между родным и иностранным языком и культурой и может предупредить изучающих язык о возможных конфликтах, которые не видят иностранные преподаватели, носители изучаемого языка и культуры.

Сразу после введения этого курса мы стали готовить к нему учебные материалы. Так появились наши уникальные учебные курсы: «Англия и англичане» (2005 г.), «Италия и итальянцы» (2008 г.), «Россия и русские» (2010 г.). В их состав входили: книга об этой самой национальной культуре как образе жизни, фильмы на английском и русском языках, иллюстрирующие содержание книги, и

учебник для обучения английскому языку и культуре по материалам книги и фильмов.

Дисциплина «Мир изучаемого языка», которая до сих пор занимает своё место в учебном плане факультета, была первым шагом к введению и развитию «Межкультурной коммуникации» как учебной дисциплины.

В 1996 г., по инициативе нашего факультета, Министерство образования ввело новую учебную специальность в России: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Мы написали первые стандарты, программы. Мой учебник «Язык и межкультурная коммуникация» был первым учебником по новой специальности с грифом Министерства образования. Он много раз переиздавался (и переиздаётся) и даже был издан на грузинском (2017 г.) и казахском (2018 г.) языках.

Успехи в области изучения и преподавания межкультурной коммуникации логически привели к набору в аспирантуру по специальности Культурология 24.00.00 в том же году. И также был открыт Диссертационный совет по специальности Теория и история культуры.

Эти инновации в сфере преподавания иностранных языков привели нас к введению на факультете направления подготовки по специальности Регионоведение.

В 2001 г. было открыто отделение Регионоведения, выпускники которого получали две квалификации: специалиста по регионам изучаемых языков и переводчика с двумя иностранными языками.

Наборы сразу пошли успешно, высокий конкурс, много платных студентов. В 2004 г. факультет иностранных языков переименовали в факультет иностранных языков и регионоведения (ФИЯР).

Следующая наша инновационная идея – в рамках специальности регионоведение открыть специализацию Регионоведение России.

МГУ снова выполнил роль флагмана Российского образования. Эта инновация в системе преподавания иностранных языков (так же как и межкультурная коммуникация) была впоследствии подхвачена профессиональным сообществом и вслед за нами открыта во многих институтах и университетах иностранных языков, в том числе и в Мос-

ковском государственном лингвистическом университете.

Почему изучение иностранных языков должно включать, помимо Мира изучаемого языка, ещё и родной мир изучающих?

1. Нашим партнёрам по международному общению мы будем интересны и важны не знанием их мира (изучаемого языка), а знанием нашего собственного мира, о котором они ничего не знают или знают меньше, или – чаще всего! – имеют неверное, неполное о нём представление.

2. Это наш долг по отношению к стране и народу, которые нас вырастили, дали образование и возможность общаться на международном уровне.

3. Наши школьники и студенты, изучающие иностранные языки, чаще знают всё о Стрэтфорде и Лувре и гораздо меньше или ничего – о Суздале и Эрмитаже.

4. Мы должны рассказать миру о России на языках мира. Пока что иностранцы видят Россию глазами своих дипломатов, журналистов, туристов и т. п. У нас, конечно, много писали и пишут о России, но в основном на русском языке. А нужно одновременно писать и говорить о России и её культуре – им, чужим, из иных стран – на их же языках.

5. В глобализующемся мире всё более усиливается роль глобального языка, которую уверенно выполняет английский язык по вполне – увы! – объективным, выше упомянутым историческим причинам: за ним стоят три супервласти, три англоязычные империи: Британская, США и Интернет. Столь интенсивное продвижение английского языка угрожает национальной идентичности, национальным языкам и культурам не-англоязычных стран, озабоченных сейчас этой проблемой (см. п. 3).

Изучение родного (в нашей стране – русского, русскоязычного) мира как обязательного компонента преподавания иностран-

ных языков вообще, а английского как глобального в особенности, приобретает в наше время исключительно важное значение – и по этой причине тоже. Ведь язык – это не просто слова, суффиксы, приставки, фонетика, грамматика, это, в первую очередь, видение мира – мировоззрение, это традиции, это отношения между людьми, образ жизни, уклад, менталитет, это наше всё!

Казалось, всё шло хорошо, но сражение за Россию, вернее, за возможность её изучать в собственной стране было ещё впереди.

Итак, в 2004 г. мы открыли специализацию «Регионоведение России» в рамках специальности Регионоведение, разработали программу и учебные планы, параллельно писали и издавали учебные материалы.

В этом вопросе особенно отличилась профессор Анна Валентиновна Павловская, заведующая кафедрой регионоведения, автор многочисленных монографий о России и русском мире.

Регионоведением вообще и России в частности заинтересовались другие вузы, но вдруг пришёл новый классификатор специальностей, в котором вместо специальности Регионоведение стояло Зарубежное регионоведение. Это означало, что в российской системе образования можно изучать любые регионы земного шара, кроме одного – России.

Так регионоведение России было закрыто, мы могли доучить уже принятых студентов, но не могли принимать новых. После этого больше года пришлось «пробивать» Россию в Министерстве, обходя кабинеты и выполняя разные, иногда неожиданные задания.

В июне 2011 г. открыли Регионоведение России как отдельную (от Зарубежного) специальность, и теперь мы снова делаем набор студентов на «Регионоведение России». А в конце 2017 г. это направление развернулось везде, входит в моду, под него дают большие гранты. Но именно мы стали Флагманом.

